Афонский отечник

Архимандрит
Иоанникий (Коцонис)

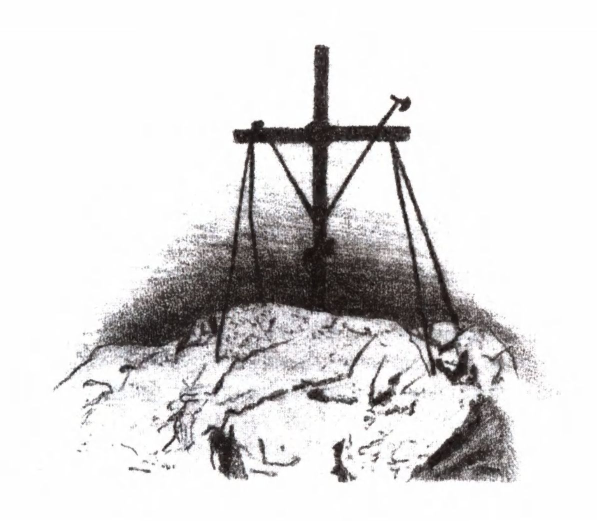

Архимандрит
Иоанникий (Коцонис)

Афонский отечник

Саратов · 2014

УДК 27
ББК 86.372
И75

*По благословению
Митрополита Саратовского и Вольского
ЛОНГИНА*

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской
Православной Церкви
ИС 14-404-0335

*Перевод с греческого языка выполнен
игуменом Леонтием (Козловым) с издания:*
Αρχιμανδρίτου Ιωαννικίου Κοτσώνη.
Αθωνικόν γεροντικόν.
Εκδόσεις Ι. Ησυχαστηρίου Αγ. Γρηγορίου Παλαμά
Κουφάλια Θεσσαλονίκης. 2004.

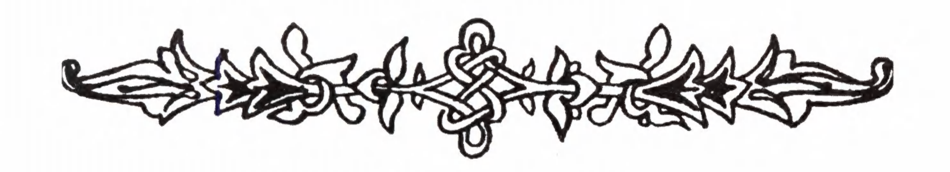
Иоанникий (Коцонис), архимандрит.
И75 Афонский отечник / Пер. с греч. игумена Леонтия (Козлова). — Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2014. — 512 с.: фотоил.
ISBN 978-5-98599-156-7

«Афонский отечник» — это повествование в духе древних патериков о жизни и подвигах современных афонитов — жителей Святой Горы. Их слова исполнены глубины и Божественной мудрости, их аскеза дышит любовью к Богу, их жизнь есть неослабное горение духа...

На вопрос современного человека: «Можем ли мы исполнить Христовы заповеди в наше время?» — автор книги, монах-святогорец, дает однозначный ответ: «Приидите и видите!».

**УДК 27
ББК 86.372**

ISBN 978-5-98599-156-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Постом, бдением, молитвой, то есть упражнением в евангельских добродетелях, стяжали наши святые отцы небесные дарования. И мы, по словам Апостола, призваны, *взирая на кончину их жизни, подражать вере их*[1].

Вся жизнь святых есть подвиг веры, доверия Богу, и всякая их духовная аскеза — это тоже плод веры.

С доверчивостью и самоотвержением святые посвятили свою жизнь Христу. Они очистили себя от всякого эгоистичного желания и оправдания и всей душой приняли святую волю Божию, Божественные оправдания[2].

Положили труды, пролили пот и слезы, претерпели искушения и обиды, умерли для мира и возродились для Бога... Они сподобились Божественных и сверхъестественных дарований, стали причастниками вечной Божественной жизни действием благодати Христовой.

С первых дней существования Церкви боголюбцы, желавшие следовать стопами святых, имели нужду в живых свидетельствах о жизни и деяниях апостолов, мучеников, преподобных, чтобы подражать их подвигу во Христе. Поэтому блаженные отцы оставили нам в качестве священного залога жития святых, которые суть Евангелие, примененное к жизни. Чтобы

---

[1] Ср.: Евр. **13**, 7. (Здесь и далее примечания редактора следуют без подписи, примечания архимандрита Иоанникия отмечены указанием *Авт.*, а переводчика — *Пер.*)

[2] Здесь слово «оправдания» употреблено в значении «заповеди, предписания Божии» (ср.: *Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим* (Пс. **118**, 12)).

чтением их мы могли возгревать свою ревность, утешаться в скорбях, мужаться в искушениях, учиться деятельной философии и восходить к созерцательной[1].

И автор «Афонского отечника», уважаемый архимандрит Иоанникий, приступил к его составлению и изданию, движимый тем же духом. Просто, лаконично и вдохновенно открывает он нашему взору жизнь этих мучеников духовной аскезы, наших преподобных афонских отцов. Чтобы мы, *имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнули с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением проходили предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса* (ср.: Евр. **12**, 1–2).

Эта книга является еще одним ярким свидетельством того, что и в наше время благословением Госпожи Богородицы, Которая всегда ходатайствует за Свой удел и непрестанно печется о нем, существует на Святой Горе традиция духовного подвига и святости.

Надеемся и смиренно молимся о том, чтобы «Афонский отечник» послужил возгреванию в благочестивых его читателях Божественной любви и стремления к Богу.

Игумен афонского монастыря Григориат
архимандрит Георгий

[1] По словам святителя Григория Богослова, «все любомудрие (φιλοσοφία) разделяется на две части — на созерцание и деятельность». Под деятельной философией подразумевается преуспеяние в нравственной жизни, проявляемое делами, которое есть «восхождение к созерцанию». Это две взаимообусловленные и нераздельные стороны религиозно-нравственного идеала, цель которого — воспитать любовь к Богу и ближнему.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Всем известно лаконичное, но прозревающее в будущее изречение Ф.М. Достоевского: «Красота спасет мир». Великий русский писатель, несомненно, имел в виду красоту нашего Триипостасного Бога, которую Он щедро изливает на Свое высочайшее творение — человека.

Красота в полноте раскрывается во внутреннем мире человека, она заключается в его Божественном происхождении и Божественном предназначении. Это красота очищения, просвещения и обожения по благодати. Это красота новой твари во Христе[1], то, о чем сказано: *преображаемся в тот же образ от славы в славу* (2 Кор. **3**, 18).

Можно сказать, что это преображение человеческой личности во Христе Иисусе, эта новая крестовоскресная жизнь в добродетели и Божественной благодати и есть тот сладчайший свет, та поразительная, приводящая в изумление духовная красота, сокрытая в деятельном евангельском добротолюбии и честном монашестве.

Православие есть вера красоты и добротолюбия, вера Божественной любви и всецелого устремления к Богу. Причем то самое, что характеризует целое, характеризует и часть его — православное монашество. Православные монахи, и конечно святогорцы, совершают некое богочеловеческое и добротолюбивое

---

[1] См.: 2 Кор. **5**, 17.

шествие. Путем ежедневного бескровного мученичества восходя от страстного к бесстрастному, они жаждут и вожделевают древней красоты рая. Воссоздание этой красоты достигается постом и молитвой, слезами и покаянием.

Однажды паломник спросил одного подвижника:

— Что вы делаете здесь, на Святой Горе?

— Каемся,— ответил тот лаконично.

Моменты этой борьбы, этого возвращения к «древней доброте» и запечатлены в сей книге, которая, к моей великой радости, переведена ныне на русский язык.

Мы, греки, каким-то нерушимым духовным родством связаны с нашими русскими братьями во Христе. Это родство в Духе Святом. Русская Церковь является дочерней Церковью Великой Христовой Церкви Константинополя, а русское монашество — истинным чадом святогорского православного монашества.

Из многолетних испытаний в горниле коммунистического безбожия и гонений православный русский народ вышел очищенным, его полуразрушенные монастыри вновь возрождаются. Мы молитвенно желаем, чтобы святая жизнь, священное безмолвие, подвиг и молитва явили новых святых и благодатных старцев XXI века. Ведь, по словам святого старца и исповедника Иустина Поповича, «святость — это исполнение Евангелия» в каждых конкретных обстоятельствах, на всякое время и во веки веков.

Архимандрит Иоанникий (Коцонис)

ВВЕДЕНИЕ

Изучая великую монашескую культуру Святой Горы, подвиги мужественных воинов Церкви, которые стали стражами и передовыми охранителями нашей истинной веры, мы обнаруживаем их внутреннее родство с древними подвижниками Египта, Палестины и Сирии, находим у них такую же жажду, такое же стремление ко спасению, освящению, совершенной жизни и подвигам.

Подвиг воздержания в пище, который несут афонские монахи, также равночестен подвигу древних подвижников Востока, если принять во внимание более суровые климатические условия Афона, который находится севернее и имеет холодную зиму, а также окружен морем. Страны Востока, напротив, имеют теплый и сухой климат, что способствует более длительному воздержанию в пище. Говорят, что однажды на Святую Гору пришли подвизаться аскеты из египетской Фиваиды, но, не выдержав сурового климата, оставили свои хижины (катунаки), отчего это место и стало называться Катунаками[1].

---

[1] Скит в ущелье на юго-западном побережье Афона, где селились отшельники; принадлежит Великой Лавре. (Скит — организованная община, состоящая из калив и келлий (см. прим. на с. 17), которые находятся в полном подчинении у монастыря, на чьей канонической территории располагаются.)

Дух восточного православного монашества, этот евангельский, апостольский, исихастский, аскетический дух, которым дышит Святое Евангелие, из Египта, Палестины и Сирии был принесен в Константинополь, Вифинию и на Святую Гору. Православное монашеское предание аскетично, как аскетично Святое Евангелие. Ведь евангельское слово и подвиг взаимосвязаны, на что указывает аскетическая жизнь Господа и святых апостолов. В то же время православное монашеское предание проникнуто духом исихазма, любомудрия и добротолюбия. Оно стремится обрести Царство Божие, которое внутри нас есть[1], вернуть «древнюю добро́ту»[2], оно ведет нас к очищению, просвещению и обожению. Наконец, монашеское предание евхаристично, молитвенно, эсхатологично. Святая Гора ежедневно переживает присутствие Божие на Божественной литургии, в святых таинствах. В умной молитве оно переживает его как нетварную энергию, на Божественной литургии — онтологически, в самом Его Существе.

Появлению настоящей книги способствовало желание моего многоуважаемого приснопамятного духовника и старца[3], который неоднократно говорил: «Собери материал, иди к такому-то пустыннику, общежительному монаху, исихасту, келлиоту, послушнику, игумену и делай записи, чтобы составить Афонский отечник». В то же время источником

[1] См.: Лк. **17**, 21.

[2] См.: Последование панихиды, тропари по Непорочнах, гл. 5.

[3] Старцем архимандрита Иоанникия был архимандрит Херувим (Карамбелас) (1920–1979), известный в России как бытописатель афонского подвижничества. Из-за тяжелой болезни вынужден был покинуть Святую Гору и поселиться в Афинах; основал монастырь Параклит в Оропосе близ Афин, где занимал должность игумена до самой своей смерти.

сведений послужили и его собственные воспоминания и опыт. Хотя мой старец был святогорцем и постриженником скита Святой Анны, однако по не зависевшим от него обстоятельствам он должен был жить вне Святой Горы. Но, несмотря на это, умом и сердцем он постоянно пребывал на Афоне и рассказывал нам о его тайнах, его истории, его величии в византийские времена. Он рассказывал, а мы записывали (вместе с моим возлюбленным и единодушным собратом и сослужителем архимандритом Даниилом Гувалисом), и таким образом появилась серия «Современные старцы Горы Афон»[1] и книга «Из удела Божией Матери. Ностальгические воспоминания»[2].

Архимандрит Херувим (Карамбелас), ктитор монастыря Параклит

Достойны упоминания и другие уважаемые приснопамятные отцы, с которыми мы беседовали и которые нам помогли своими рассказами: игумен монастыря Дионисиат Гавриил («дедушка»), игумен монастыря Григориат Виссарион, прежний игумен монастыря Святого Павла Андрей, старец

[1] Эта серия была переведена на английский язык, а с английского на русский и вышла как одна книга (*Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002).

[2] Переведена на русский язык (*Херувим (Карамбелас), архим.* Из удела Божией Матери. Ностальгические воспоминания. Киев, 1998).

Геронтий из братства Данилеев, старец Михаил Кавсокаливит, старец Феодосий из Святого Павла, папа-Афанасий[1] Иверит, старец Лазарь Дионисиат, старец Дамаскин из скита Святого Василия, старец Феофилакт Кавсокаливит, старец Христодул Катунакиот, старец Модест из монастыря Костамонит; старец Дионисий Карцоней, старец Иоаким, старцы Варфоломей и Хрисанф из скита Святой Анны; старец Павел Лавриот, врач; папа-Ефрем Катунакский, отец Паисий из Панагуды, старец Герасим Гимнограф, отец Порфирий Кавсокаливит, папа-Анфим из Святой Анны.

Также многоценные сведения нам предоставили ныне здравствующие честные отцы: игумен монастыря Филофей Ефрем, старец Иосиф Ватопедский, отец Феоклит Дионисиат, братья Данилеи, Фомады, Герасимеи, Карцонеи[2], папа-Евдоким из монастыря Ватопед, папа-Симеон из Симонопетра, старец Ахиллий из Святой Анны, папа-Максим Иверит, старец Мелетий, старец Макарий из Нового Скита, папа-Макарий из Святой Анны и др.

Поскольку в этой столь трудоемкой работе требовалось изложить подлинные и правдивые сведения, мы старались сверять устные сообщения живых рассказчиков с письменными свидетельствами, а также сравнивали одни письменные свидетельства с другими. Там, где приходится излагать непроверенные устные или письменные свидетельства, мы делаем пометку «говорят», «согласно преданию» и т. п.

---

[1] Так на Святой Горе обращаются к иеромонахам.

[2] Небольшие афонские братства некоторых келлий называются по имени их основателей: Данилеи по имени старца Даниила Катунакского, Фомады — по имени старца Фомы из Малой Анны, Карцонеи — по имени Пантелеимона Карцонеоса и т. д.— *Пер.*

Рассказ о событиях жизни и высказывания старцев передаются нами без всяких прибавлений, с максимальной верностью, краткостью и точностью. Нашим желанием было подражать аскетическому стилю древних патериков и лавсаиков, который является отличительной чертой всей нашей православной культуры, как письменности, так и искусства. Ибо действительно: изучаешь ли ты какое-нибудь аскетическое слово («Один старец сказал...») или стоишь перед византийской иконой, ты ощущаешь ту же глубину, имеешь то же чувство, посредством которого передается дух и жизнь, благодать и внутренняя сила, без всякой мирской пестроты и многоликости, без красивых декораций и искусственного вымысла. Слово старцев, как и византийская икона, безыскусно, непосредственно, прямо, глубоко, сдержанно, правдиво. Это сама истина.

При подготовке материала для составления «Афонского отечника» мы принимали во внимание все вышедшие на настоящий момент книги и периодические издания, повествующие об аскетических подвигах святогорцев. Эти издания дополнили наши собственные записи и устные рассказы афонских отцов и братий.

Мы сочли необходимым также воспроизвести отрывки из житий некоторых древних святых, просиявших на Святой Горе, чтобы подчеркнуть преемственность монашеского предания Афона, который является аскетической твердыней Православия.

Святую Гору называют часто Садом Пресвятой Богородицы. В садах всегда есть множество самых разных цветов, и у каждого — свой цвет, свой наряд и аромат. Нечто подобное

мы видим и здесь. Великое множество и многообразие благодатных дарований и один Дух, одна и та же Благодать как Источник этих дарований. О плевелах здесь ни слова. Они всегда есть, как и человеческие немощи, но кто в саду, пренебрегши цветами, обращает внимание на сорняки? Даже пчелы предпочитают садиться на цветы.

Мы надеемся, что этот труд благодатию Божией и по молитвам ныне здравствующих и усопших преподобных святогорских отцов послужит неким сдерживающим фактором перед лицом появившейся опасности обмирщения, подмены и разрушения православного монашеского предания.

Существует опасность «сглаживания» монашеского пути, который по своей природе и назначению узок и тесен[1], искажения красоты монашеского жития удобствами, отсутствием труда и лишений, опасность того, что с умножением материальных благ исчезнет образцовое, величественное, традиционное монашество.

Истинные монахи открыли философию лишения себя материальных благ. Мир страдает манией их умножения. Материю прибавлять к материи — вот принцип современных людей. Поэтому несчастье прибавляется к несчастью. Желая умножить материальные блага, слепой человек загоняет себя в усеянное шипами колесо забот, волнений и отчаяния.

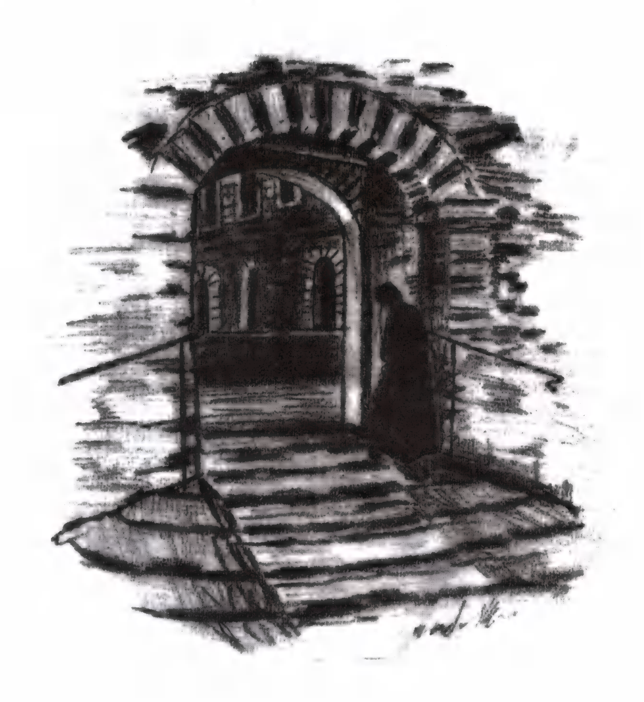
Полагаем, что этот «Афонский отечник» мог бы принести пользу не только монахам, но и христианам в миру, не только тем, кто живет в наше время, но и тем, кто будет жить в XXI веке[2]. «Афонский отечник» может стать мощ-

[1] См.: Мф. **7**, 14.

[2] Первое издание книги состоялось в 1991 году.— *Пер.*

ным стальным звеном в цепи нашего предания, предания того мира, лучи которого способны просветить даже нашу темную эпоху. Этот мир, существующий на протяжении более чем тысячи лет, сконцентрирован здесь на пятистах страницах.

Нам, ничтожным и недостойным, выпал жребий столь серьезного предприятия, превосходящего наши немощные человеческие силы. Возможно, в будущем кто-то, обладающий дарованиями Святаго Духа, опытностью, силой слова и добродетелью, представит более полный труд, лишенный недостатков нашего издания, во славу Божию и для душевной пользы верных. Мы желаем этого от всей души.

СЛОВО О ХРИСТОПОДРАЖАТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ

Преподобный Геронтий, первый насельник скита Святой Анны[1], водительством Госпожи Богородицы пришел в меру все превосходящей любви Ее Сына, Господа нашего Иисуса Христа. Божественное желание привело его в состояние пренебрежения собой и своей волей, бесстрастия и беспопечительности. При этом он имел только одну заботу — о Боге и о своей душе, а также о том, как ему стать образцом и примером для своих учеников.

* * *

В монастыре Филофей[2] подвизался равноапостольный священномученик Косма Этолийский[3], который, будучи движим великой любовью, по Божественному откровению и с благословения старцев и Патриархии подъял на себя крест апостольской проповеди. Совершив бесчис-

---

[1] Скит Святой Праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы,— самый древний и крупный на полуострове. Он принадлежит Великой Лавре и расположен на побережье к западу от Горы Афон.

[2] Монастырь Филофей расположен на плато с северо-восточной стороны полуострова. Был основан преподобным Филофеем в конце X века.

[3] Святой равноапостольный Косма Этолийский (1714—1779) избрал жизнь в миру, дабы поддержать и укрепить в вере греческий народ, находившийся под мусульманским владычеством. Память 4/17 августа.

Икона Пресвятой Богородицы «Сладкое Лобзание», монастырь Филофей

ленное множество чудес и восставив наш в нравственном и национальном отношении павший народ, он получил от Господа мученический венец.

* * *

«Мы страдаем потому, что не любим. Кто не любит, тот не имеет мира, даже если его поместят в раю», — сказал один старец.

* * *

Больничный брат монастыря Симонопетр старец Иларион, когда имел какого-нибудь больного, не спал. Он

самоотверженно ухаживал за ним и всю ночь молился по четкам. Расхаживая взад и вперед, он повторял: «Господи Иисусе Христе, помилуй раба твоего», «Святые бессребреники, молите Бога о нас». Этот брат специально ходил ловить рыбу для своих больных, чтобы они укрепились и выздоровели.

* * *

На служение немощным и престарелым предал себя приснопамятный Симеон-исихаст из Святой Анны, живший в ксирокаливе[1] Сретения Господня. Для этого он очень много работал, изготавливая деревянные кухонные принадлежности, и продавал их в Карее[2], куда всегда ходил пешком. Почил он в 1933 году в возрасте шестидесяти девяти лет.

* * *

Однажды отцы Нового Скита[3] чистили костницу, и с ними был один старец по имени Даниил, который подвизался в башне Нового Скита и безропотно служил всем. Работая на своем месте, он сказал, обращаясь к почившим отцам:

— Вы подвизались на земле и за это были увенчаны и водворились в наше небесное отечество. Молитесь же и за нас, святые отцы.

И тогда в костнице раздался голос:

— Если имеете любовь!!! Без любви никто не спасается!

[1] Букв. «сухая хижина», то есть монашеское жилище без источника, находившегося обычно по расположению выше скита.— *Пер.*

[2] Карея — административный центр Афона. Здесь находится здание Кинота, Протат, а также подворья всех афонских монастырей. В Карее располагается полиция, пожарная служба, аптека, почтовое отделение, магазины и различные мастерские.

[3] Новый Скит, посвященный Рождеству Богородицы, был основан в 1757 году. Принадлежит монастырю Святого Павла.

* * *

Один старый монах сказал: «Мы называемся христианами, но никто не хранит заповеди о любви к ближнему».

* * *

Были герои, мужественные и душой и телом, которые ради любви, этой вершины добродетелей, не считались ни с трудом, ни со своим здоровьем, чтобы послужить больным братиям. Таким героем любви был и иеромонах Пантелеимон из скита Святой Анны, принесший себя в жертву на алтарь служения ближнему. Он ухаживал за туберкулезными больными и кормил людей во время страшного голода в период немецкой оккупации. Наконец отец Пантелеимон сам заразился туберкулезом и почил в 1948 году, ни на что не жалуясь, но, напротив, непрестанно славословя имя Божие.

* * *

Не только в боях за Отечество, но и в сражениях за любовь и человеколюбие отличился приснопамятный монах Игнатий Хиосский из Святой Анны. В свое время он прославился в войнах на Балканах. Придя в скит, он построил на побережье каливу[1] в честь Рождества Господня и оказывал гостеприимство всем, кто нуждался в крове, особенно потерпевшим кораблекрушение. С риском для жизни сей брат укрывал многих англичан и новозеландцев. Он ловил рыбу и всю ее отдавал страдальцам и гонимым. В 1947 году отец Игнатий упал с обрыва и разбился. Когда его нашли, рука его касалась лба, а на устах был крест.

[1] Калива — жилище по величине меньше келлии, со встроенным храмом и без земельного участка. (Келлия — просторное монашеское жилище с храмом, предоставляемое монастырем за небольшую плату группе монахов, в отличие от кельи — отдельной комнаты монаха.)

* * *

Был еще один милосердный рыбак — отец Софроний из Святой Анны, подвизавшийся ниже Вулевтириона[1], в ксирокаливе с названием «Ловьярика». Когда он впервые отправился в Лавру[2], чтобы постричься в монахи, то вернулся ни с чем. Демоны напали тогда на него с ироническими воплями, издеваясь над ним: «Спиросом пошел, Спиросом и вернулся!» (это было его мирское имя). Но он не отчаялся, снова пошел в Лавру и наконец был пострижен в монахи. Жил отец Софроний крайне нестяжательно, но имел великую любовь. Рыбу, которую ему удавалось поймать, он раздавал бедным отцам. Почил в возрасте девяноста лет.

* * *

Обладавший даром непрестанной молитвы отец Исаак Дионисиат[3], молясь, забывал о сне. Он молился по ночам о здравии и спасении рабочих его монастыря, молился часто со слезами, с болью, от всего своего любящего сердца.

Какое-то время отец Исаак жил на подворье монастыря, на верхнем этаже, и рабочие слышали, как он громко и с плачем молился:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй рабочих. Даруй им хлеб их. Помилуй тех, которые столько

---

[1] Древний монастырь, находившийся неподалеку от Святой Анны. Был разорен морскими пиратами, после чего отцы поднялись выше и основали ныне существующий скит Святой Анны. — *Авт.*

[2] Лавра Преподобного Афанасия Афонского — главенствующий и самый крупный монастырь на Святой Горе, находится на юго-востоке полуострова недалеко от моря. Лавре подчинена вся южная оконечность Святой Горы: скиты Святой Анны, Кавсокаливия, Карули и др. — *Авт.*

[3] Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 265–302.

трудятся, чтобы они выдали замуж своих дочерей, дали образование своим детям!

* * *

Старец сказал:

— Мы иногда говорим, что имеем любовь. Но какого рода эта любовь? Я говорю сейчас о духовной любви, а не о мирской. Как может прийти человек в такое состояние, чтобы всех людей считать своими братьями? А если человек окажется язычником, иеговистом?.. Да, но по плоти он брат. Не по духу, конечно, как мы, православные, но по плоти. Мы должны плакать и о нем. И опять же, если какой-нибудь православный стал бы иеговистом или папистом, не должен ли я плакать о нем? Теперь столько миллионов таких людей, а разве я сколько-нибудь плакал?.. Значит, я очень далек от настоящей любви.

* * *

Был один подвижник, которого знали почти все пещеры Афонского полуострова. Лицо его было светлым и радостным. В одной из его пещер вода сочилась по капле, и ему приходилось наполнять одну чашку воды в течение двадцати четырех часов — таким он обладал терпением. Этот подвижник молил Бога уйти из сей привременной жизни в светлый день Воздвижения Честнаго Креста, потому что отцы говорят, что в этот день не бывает мытарств и от души не требуют отчета. Он был крайне нестяжателен, не имел ничего. Но что было характерным для его благословенного облика, так это христоподражательная любовь. Едва он слышал о каком-нибудь больном или немощном брате, тотчас бежал к нему «радованною ногою», чтобы послужить,

позаботиться, чтобы упокоить его старость. Он ухаживал за пятнадцатью старцами и больными подвижниками! Человек Божий, он стал истинным подражателем Владыки Христа, умывая ноги ближним[1].

* * *

Вторым Павлом Препростым[2] показал себя монах Гедеон Лавриот. Когда он видел какой-нибудь самолет, то начинал молиться.

— Что ты там делаешь, отец Гедеон?

— Вот, тяну четки, чтобы не падали самолеты. Чтобы люди долетели до места целыми и невредимыми.

* * *

Милосердный старец Харалампий из Нового Скита был прикован к постели тяжелой болезнью.

Его посетил отец К.

— Как ты, отец? — спросил его старец.

— Хорошо, геронда, твоими молитвами.

— У тебя есть пища?

— Есть немного сухарей.

Тогда старец встал и после нескольких отчаянных попыток, напрягая, сколько было сил, свои немощные ноги, дотянулся до полки и взял оттуда батон хлеба.

— Возьми это, брат и отец, и молись обо мне.

«Этот его поступок так меня тогда укрепил,— рассказывал отец К.,— что остался в моей памяти на всю жизнь.

---

[1] См.: Ин. **13**, 14.

[2] Святой Павел Препростый подвизался в IV веке в пустыне у преподобного Антония Великого и был прозван так за свое великое простосердечие и незлобие. Память преподобного празднуется 7/20 марта и 4/17 октября.

Он был при смерти, но забота о брате не позволяла ему оставаться в покое...»

* * *

Старец говорил: «Будем оплакивать и прежние полуразвалившиеся келлии Скита[1], потому что тогда была любовь. А сейчас столько денег, а любви нет... Дай и какому-нибудь нищему, чтобы иметь тебе маленький домик на небе».

* * *

Старец Аввакум был учеником любви.

С великой жертвенностью и самоотвержением он принял в свою келлию одного юношу с запущенной формой туберкулеза легких. Согласившись с радостью взять все попечение о нем на себя, отец Аввакум в течение многих месяцев подобно нежной матери заботливо ухаживал за ним. Сам постился, но своего подопечного кормил мясом и другой укрепляющей пищей. Старец крепко сражался с болезнью юноши. Смерть приняла страдальца из его нежных объятий после глубокого покаяния и исповеди. Незадолго до смерти юноши старец постриг его в монахи с именем Фанурий.

Один раз какие-то паломники нашли старца плачущим наедине в своей келье. Когда они спросили его, что случилось, то узнали, что незадолго до их прихода другие посетители рассказали ему о страдающих в миру слепых детях, и старец не мог сдержать слез. Какая истинная любовь, деятельная, бескорыстная!

---

[1] Скит Святой Анны, как наиболее известный, афониты называют иногда просто Скитом.— *Пер.*

* * *

Справедливо говорили о старце Аввакуме:

— Несомненно, что этот человек притягивал к себе людей, как целебный источник.

* * *

Старец N. отдавал все, что имел и что не имел. У приснопамятного был жизненный принцип: *доброхотно дающего любит Бог* (2 Кор. **9**, 7).

* * *

Милосердная братия из пяти монахов жила в одной из калив скита Святой Анны. Когда отцы приходили к ним на всенощное бдение, братия наполняли их торбы (заплечные мешки) апельсинами и лимонами из своего сада.

* * *

А другие отцы собирали плоды в своем саду и клали их прямо на главную тропу Скита. Всякий желающий, монах или мирянин, паломник или рабочий, мог свободно приобщиться милостыни отцов и взять в нужном количестве то, что ему требовалось. На длинных переходах и в часовенках даже сегодня можно встретить немного хлеба и оливок, оставленных для незнакомого утомленного путника. Это знаки братолюбивого афонского гостеприимства в Саду Пресвятой Богородицы, где монахи в пришельце видят Самого Христа, согласно Его слову: *ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня* (Мф. **25**, 35). *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. **25**, 40).

* * *

В окрестностях монастыря Ватопед в скиту Колицу[1] подвизался преподобный Агапий[2], достойный делатель сугубой любви. Он попал в плен к туркам и, после того как двенадцать лет прослужил у турецкого господина, чудесным образом был освобожден Пресвятой Богородицей из темницы и возвратился на Афон к своему старцу. Однако старец укорил преподобного Агапия за то, что тот тайком ушел от своего господина. Преподобный сотворил послушание, возвратился назад и своей святостью подвиг турка и двух его сыновей прийти на Святую Гору, где они приняли от него Святое Крещение и были пострижены в монахи.

* * *

Как призыв к пробуждению звучат в моих ушах и в моем «тяжко слышащем» и нечувственном сердце сладкогласные, исполненные любви и жажды богообщения слова мудрого учителя наших дней иеромонаха Афанасия Иверского:

— Небесным наслаждением и вкушением неотмирного бытия бывает минута, когда человек помышляет о таинстве воплощенного Домостроительства, Божественном замысле о спасении человечества через Пресвятую Деву. Мария и Иисус, Иисус и Мария, эти два радостнейших и сладчайших имени — вот рай.

* * *

— Господь низвел меня от созерцания к деянию, — говорил один послушник-аскет, служивший своему больному

[1] Скит Колицу состоит из нескольких келлий, подчиняющихся монастырю Ватопед. — *Пер.*

[2] Агапий в переводе с греческого значит «любящий».

старцу, который страдал от беспамятства и простатита с частым мочеиспусканием. Каждую ночь он бодрствовал.

* * *

Другой подвижник сказал:

— Братской должна быть наша любовь как к родным, так и к чужим.

* * *

На страшных Карулях[1] жил один русский подвижник, отец Зосима. Это был человек совершенной любви. Он помогал больным, бежал туда, где нуждались в его поддержке. Во время войны он плел корзины и на полученные деньги кормил других подвижников.

* * *

Папа-Гавриил из Нового Скита, украшенный многими добродетелями, говорил:

— Даже если кто ежедневно причащается Пречистых Таин, даже если отдаст на милостыню все свое имение, даже если высохнет от поста и поклонов так, что останется от него кожа да кости, не сподобится милости и щедрот Божиих, если не приобретет любви. Потому и великий апостол язычников[2], провозглашая похвалу любви, писал: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий*... (1 Кор. **13**, 1–3).

---

[1] Карули — самая суровая пустынь, расположенная на южном склоне Святой Горы.

[2] Апостолом и учителем язычников называл себя великий Павел (Рим. **11**, 13; 2 Тим. **1**, 11).

* * *

Прошло сто пятьдесят лет после смерти святого Геронтия, основателя скита Святой Анны, когда в одной из калив северной его части подвизался один духовный богатырь, старец Дамаскин. Он был одним из величайших столпов скита в XVI веке. Сухари и вода служили ему обычной пищей. Старец молился с редкой теплотой любви и сострадания за весь мир. Он таял как свеча, сгорая от любви.

В своей молитве старец говорил:

— Сделай, Боже мой, чтобы все язычники, все неверные, безбожники, еретики и иноверцы обратились, познали истину и уверовали в Тебя. Чтобы было *одно стадо и один Пастырь* (Ин. **10**, 16). Чтобы они славили Тебя, единого истинного в Троице Бога, Отца, Сына и Святаго Духа. Слава Тебе, Боже мой. Да не погибнет никто, Боже мой.

Часто он приходил в состояние духовного восторга и созерцал великие тайны, исполняясь Божественной радости и славословия.

* * *

Когда мой приснопамятный старец возжелал написать книгу «Воспоминания из Сада Пресвятой Богородицы», он был уже болен и сам писать не мог. Поэтому в свободные часы, для меня незабываемые, он рассказывал, а я, убогий, укрепляемый его молитвами, писал книгу.

Итак, вот что рассказал мой старец о своем брате по постригу отце Стефане — последнем монахе из их братства, с которым мы были знакомы и переписывались и который часто принимал нас в своей каливе.

«В нашей каливе не было вьючного животного для перевозок. Но у нас был благословенный "подъяремный любви", которого звали отец Стефан. С торбой огромных размеров на спине он поднимался в гору с набережной, громко произнося "молитву"[1]. Отцы скита сразу узнавали, что идет отец Стефан, по слышному издалека, всем знакомому голосу: "Господи Иисусе Христе... помилуй мя". Когда он беседовал с кем-нибудь, то часто в разговор с простотой вставлял "молитву", не обращая внимания на то, что его собеседник оказывался иногда в затруднительном положении.

По характеру отец Стефан был суров и в обращении безыскусен (как истинный спартанец), прямодушен и притом неулыбчив. "Страшный монах",— можно было подумать при первом знакомстве. Однако душа у него была невероятно чуткая, исполненная любви и нежности (особенно к бедным). На Святой Горе характеры выравниваются, упрощаются, люди сбрасывают с себя личины, мирскую обходительность и лицемерную почтительность. Они освящаются в купели искренней, нелицемерной любви, которую устанешь искать в миру.

Никогда не забуду любви и самоотверженности отца Стефана. Он всегда желал носить самую неприглядную одежду, выполнять самые тяжелые работы, есть самую плохую пищу. Он брал остатки с прошлого дня, клал их в небольшую миску, наливал туда же воды и спокойно ел. Отец геро-Паисий[2] часто над ним подтрунивал:

---

[1] «Молитвой» святогорцы коротко называют Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». У греков она состоит не из семи слов, как у нас, а из пяти.

[2] Уважительное обращение к пожилому монаху.— *Пер.*

— Э, геро-Стефане, помнишь прекрасные блюда Америки, которыми мы наслаждались, как цари? А теперь вот ты ешь эту баланду.

Отец Стефан великодушно, почти безразлично кивал головой, опустошая свою аскетическую миску с таким удовольствием, как будто вкушал богатый обед! Его калива была для него небесной скинией, которая своим удобством и благополучием превосходила все небоскребы Америки, а пища его была для него самой вкусной в мире...»

Когда отец Стефан заболел циррозом печени, мы посетили его аскетическую каливу. Спал он на каком-то столе! Мы предложили отвезти его в Фессалоники на лечение. Он категорически отказался. «Если захочет Пресвятая Богородица исцелить меня, то и хорошо. Пусть будет, как Она хочет и как знает. Я не выйду за пределы Святой Горы»,— сказал нам приснопамятный отец, столь суровый к себе самому и столь милосердный к бедной братии. Его огромная сума (торба) свидетельствует о подвигах его сострадательной души, о том, как он пешком отправлялся в пустынные и каменистые места и доставлял пищу и лекарства беспомощным аскетам, а часто перевозил их и на осле по ночам, чтобы не обнаруживалась его добродетель.

* * *

Мой старец рассказывал мне:

— В скиту Святой Анны был один старчик по имени Петр. Ему было девяносто пять лет. Сидя на своем балкончике, он штопал носки то одному, то другому из братии.

Причем старался делать это незаметно, помня евангельское: *пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. **6**, 3).

* * *

Один беспомощный старчик-аскет говорил своему соседу:

— Иди, брате мой, посмотри, какая любовь у отцов. Когда я открываю дверь, вижу, что снаружи мне оставили то, в чем я имею нужду,— хлеб, фрукты, сыр, рыбу. Слава Тебе, Боже. Обо всем заботится Пресвятая наша Богородица.

* * *

«Молиться за людей — кровь проливать»,— говорил преподобный Силуан Афонский. Еще он говорил: «Брат наш есть наша жизнь».

* * *

Неподдельной, неудержимой, святогорской, евангельской любовью обладал старец Аввакум из Лавры, служивший там больничным братом.

Дни и ночи, месяцы и годы, в любое время года склонялся он над своим корытом. Не только безропотно, но и с радостью обмывал он лежачих больных, среди которых были и братья монастыря, и оставленные всеми миряне. От корыта он бежал на кухню готовить пищу, кормил больных, а затем менял им белье, чтобы они всегда были чистыми.

* * *

Я сподобился узнать редкого человека — старца Модеста из монастыря Костамонит[1]. Он был неутомимым учеником

[1] Небольшой монастырь Костамонит расположен в одном из самых живописных мест полуострова, близ южного побережья.

Божественной любви. Почти все его беседы были о любви, этом стержне духовной жизни. Часто он говорил:

— Если мы не почувствуем, что все люди для нас братья и что и мы являемся их братьями, Дух Святый никогда не поселится в нашем сердце. Господь любит всех равной любовью — и самого грешного, и самого святого. Потому и наша душа должна обнимать всех. Любовь снисходительна, уступчива, терпелива.... *Бог есть любовь* (1 Ин. **4**, 8).

* * *

Старец сказал:

— Тот, кто любит Бога, любит не только своих собратьев-людей, но и все творение — деревья, растения, цветы. Любит все равной любовью.

* * *

Братия и отцы Нового Скита рассказывают, что с того времени, как старец Неофит стал монахом, и до своего мирного упокоения (то есть в течение 65 лет) он ни разу не покидал Сада Пресвятой Богородицы и не выходил в мир. При этом полном отречении и удалении от мира приснопамятный всем оказывал любовь. Он взваливал на себя тяжелые грузы и вещи паломников и относил их с пристани наверх, в кириакон[1].

* * *

Один старец рассказал мне следующее. Старые монахи не ели досыта хлеба, не пили вдоволь воды, не давали себе

[1] Главный храм скита, куда братия собирается на воскресные и праздничные службы. Здесь же находится трапезная, комнаты для дикея (см. прим. на с. 43) и гостиница — архондарик. Расположен он обычно довольно высоко, так что для нетренированного посетителя само восхождение от причала к архондарику может показаться немалым подвигом. — *Пер.*

насыщаться ни сном, ни покоем. Поэтому они имели ненасытную любовь и стремление к Богу.

* * *

Старец И. из Нового Скита был искусным медбратом. Он имел такую любовь к отцам, что не гнушался их страшных язв. Он отсасывал своими устами гной из застарелых ран отца Серафима Аврамея, чтобы облегчить его страдания.

* * *

Монах Андрей и иеромонах Аврамий из братства Аврамеев Нового Скита на протяжении нескольких лет служат лежачему, наполовину парализованному своему старцу иеромонаху Серафиму. Я своими глазами видел их любовь и самоотвержение, смотрел и удивлялся. Каждый день они его кормят с ложечки, поят, моют, как малого ребенка, расчесывают, переносят его на руках и возят в коляске, ласково гладят по голове... А он, поскольку не может говорить и выразить словами свою благодарность, иногда улыбается, а иногда плачет от радости.

Кроме этого, они оказывают гостеприимство паломникам, в которых никогда не бывает недостатка в этой издревле гостеприимной келлии, заботятся о приготовлении пищи, исполняют свои духовные обязанности. Это два столпа каливы, каждый со своим характером и особыми дарованиями: отец Андрей — неутомимый, общительный, приветливый, любочестный, настоящий мораит[1], и папа-Аврамий, жемчужина скита,— кроткий, тихий и мягкий по характеру, любящий молчание и церковные службы.

[1] Житель Мореи, или Пелопоннеса.— *Пер.*

* * *

Ученик благороднейшего папа-Кирилла из Кареи иеромонах Павел служил чинно и с большим благолепием. Однако при этом он никого не обличал, но старался деликатно исправлять.

* * *

Старец Косма из Кареи был мирным и незаметным монахом. Когда заболел его старец, он ходил пешком в Иериссос[1], чтобы принести ему молока. Дорога туда и обратно заняла у него четыре дня.

* * *

Папа-Софроний, игумен монастыря Кутлумуш[2], не съедал всю положенную ему пищу, оставляя часть, чтобы давать милостыню.

* * *

Старец Хрисогон Кутлумушский почти всю свою жизнь посвятил служению больным и престарелым монахам. Когда он почил, его лицо походило на лицо младенца в колыбели.

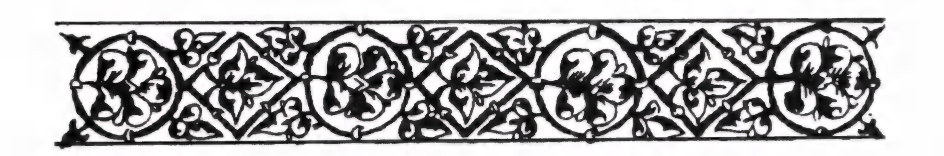
* * *

Лицо старца Аглаия Костамонита сияло от радости, когда он слышал акафист Пресвятой Богородице. Каждый день он молился за рабочих и их семьи.

[1] Греческий город недалеко от границы Святой Горы, от Кареи отстоит по прямой более чем на 30 километров.— *Пер.*

[2] Румынский монастырь Кутлумуш находится в десяти минутах ходьбы от Кареи.

СЛОВО О ЦЕЛОМУДРИИ И ЧИСТОТЕ ПОМЫШЛЕНИЙ И СЕРДЦА

Один пожилой аскет рассказывал нам следующее.

— Выходящий в мир должен быть очень внимателен во время своих бесед, и прежде всего при разговорах с монахинями, для которых лучше всего подходят пожилые и опытные учителя, чтобы они сохраняли свои чувства чистыми.

В скиту Малой Анны был духовник по имени папа-Неофит, подвизавшийся в каливе Святых Архангелов, где священный Агапий написал свою книгу «Грешных спасение»[1]. Как-то этот духовник отлучился со Святой Горы и приехал в один женский монастырь на острове Тинос[2], где он исполнял обязанности священника. Насельницы этого монастыря проводили жизнь самую непорочную. Но была там одна слепая монахиня, которая однажды исповедала папа-Неофиту, что враг диавол вложил в ее ум по отноше-

[1] Монах Агапий (Ландос) — один из величайших просветителей XVII века. Был практически единственным православным писателем своего времени, издававшим на собственные средства книги для простого народа. «Грешных спасение» — один из первых трудов Агапия, вышедший в 1641 году. Содержит указание пути ко спасению на основании слов Священного Писания и творений святых отцов. Эта книга, изложенная простым языком, стала любимым чтением греков и переиздается до сих пор.

[2] Остров в южной части Эгейского моря.

нию к нему нечистые помыслы. Он, как только услышал об этом, так убоялся, что сразу возвратился сюда, в скит Малой Анны.

Папа-Неофит был очень расстроен, потому что не мог понять, как враг душ человеческих сумел посеять такие помыслы у слепой. Однажды он собрал живших с ним по соседству духовников: папа-Киприана, папа-Стефана и папа-Косму. Позвал и опытнейшего духовника папа-Игнатия, но тот был болен и вместо себя прислал своего ученика, молодого папа-Игнатия, который был родом из Смирны и желал стать монахом еще в юном возрасте.

Духовники начали рассуждать об этом деле: как могла слепая монахиня подвергнуться нападению нечистых помыслов? Однако пожилые священники не смогли разрешить этот вопрос. Затем пришел черед высказать свое мнение и молодому папа-Игнатию.

Вот слова папа-Игнатия, которые удивили всех, так что о нем сказали: «Да святятся уста его»[1]: «Голос твой, папа-Неофит, когда ты беседовал со слепой монахиней, стал причиной возникновения в ней этих помыслов, которым она противостала и которые исповедала, поскольку была добродетельной».

* * *

Старец сказал:

— Монах, будь внимателен, не давай руки своей никакой женщине, и даже своей матери, чтобы прийти в меру отцов наших.

---

[1] Να ἁγιάση τό στόμα του — так говорят греки, когда одобряют что-либо справедливо сказанное.— *Пер.*

— Смотри, когда выходишь в мир, не шути, не смейся так, чтобы видны были зубы. И если ты это сохранишь, то чистота твоей жизни научит тебя предметам более высоким...

* * *

В 1955 году с одним братом из монастыря Дионисиат произошел удивительный случай — ему явился святой Предтеча и Креститель Господень Иоанн. Об этом нам поведал приснопамятный старец Лазарь, почти всегда пребывавший в состоянии умиления и благодарения Богу. Он рассказывал нам в третьем лице, но, судя по всему, говорил о самом себе.

Этот брат, посланный от монастыря в Фессалоники, остановился в гостинице, где с ним помимо его воли произошло большое искушение. Одна красивая девица из знакомой ему семьи подошла к нему и спрашивала его об отцах, о Святой Горе и т. п., так что беседа затянулась. Наконец обнаружились намерения девицы, когда она предложила брату угостить его в своем номере, держа его за руку и говоря: «На одну минуту пойдем, и потом ты вернешься...».

Падение было бы уже совершившимся фактом, если бы не было у брата в этот опасный момент молитвы и доверия Честному Предтече. Он горячо просил святого о помощи и избавлении от сетей, в которые впал. И действительно, вдруг какая-то ослепительная молния, подобно тысяче электрических ламп, сверкнула в ее комнате. В этом свете явился Честной Предтеча, взял брата за грудь и в мгновение ока, так что тот даже не заметил, перенес в его комнату на другом конце этажа!

* * *

Старец сказал:

— Добропорядочный человек смотрит на всех женщин, как на своих сестер. Даже когда он видит женщину легкого поведения, то должен помышлять: «Будь она моей сестрой, она бы сделала меня посмешищем...». И так он не станет совершать с ней греха.

* * *

Богопросвещенный папа-Иоаким[1] из Святой Анны, брат по постригу нашего старца, говорил:

— Кто желает соблюсти себя в целомудрии, должен быть очень внимательным и строго наблюдать за собой, чтобы руками своими не касаться своего тела и чтобы даже одна рука не касалась другой. И в собраниях должен стараться быть целомудренным в словах, в действиях, во взорах, избегая бесед с имеющими благообразные лица и делая все, что способствует хранению девства и чистоты жизни.

* * *

Неумолимой была брань с плотью у современного нам подвижника — старца Иосифа Исихаста[2]. В течение восьми

---

[1] Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 19–55.

[2] Старец Иосиф Исихаст (Пещерник) (1898–1959) — один из самых известных афонских подвижников нашего времени, воспитавший целую плеяду духоносных старцев и игуменов. Из его братства вышли старец Иосиф Ватопедский, архимандрит Харалампий Дионисиат, архимандрит Ефрем Филофейский. Преданным учеником его был и иеросхимонах Ефрем Катунакский, известный делатель молитвы и послушания. Авторству старца Иосифа принадлежит также замечательнейший аскетический труд «Выражение монашеского опыта» (см.: *Старец Иосиф.* Выражение монашеского опыта. ТСЛ, 2006). Подробнее о жизни старца см.: *Иосиф, монах.* Старец Иосиф Исихаст. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000.

Старец Иосиф Исихаст, бесстрашный борец с демонами

лет диавол вел кровопролитную брань против того, кто с детства пребывал в целомудрии и был чист от всякого плотского сладострастия. «Когда я доходил,— говорит старец,— до полной безысходности от изнеможения, то благодать придавала мне сил, и все начиналось сначала. Но с течением времени брань становилась все более жестокой, почти непрерывной. Поскольку она не отступала, то и я, сопротивляясь, не отступал от умерщвления плоти, в особенности от бдения и нанесения себе побоев[1]. Я плакал, стенал, молил Владычицу нашу Богородицу... Брань ненадолго ослабевала, чтобы я мог передохнуть, и вновь делалась напряженной. Тем временем тело мое начало изнемогать, я потерял силы. Я находил покой только в молитве, которая оставалась для меня единственным утешением».

Старец Иосиф пустил в ход все практические методы, чтобы победить в этой борьбе: бдение, суровость к себе, голод, жажду, побои, слезы. Он отказался от ложа и спал сидя на большом деревянном сиденье, наподобие кресла, с под-

[1] Он избивал свое тело «профилактическим древом», как учат многие опытные подвижники, «клин клином вышибающие».— *Авт.*

локотниками. И все это продолжалось столько, сколько продолжалась брань.

* * *

Я удивился, когда узнал от ученика старца Аввакума, что приснопамятный старец имел такую чистоту ума и сердца, что ни разу в своей жизни не имел лукавого или постыдного помысла! Подвизаясь на Святой Горе в течение пятидесяти лет, он ни разу со дня своего прибытия не покидал ее.

* * *

Я знал одного монаха-подвижника, который не хотел слышать женского голоса даже по телефону.

* * *

Старец сказал:

— Однажды меня посетил один богослов и просил рассказать ему о нетварном свете. Я спросил его: «Очистился ли ты от страстей, растлевающих душу? Если нет, то зачем ты хочешь слышать о нетварном свете?».

О НЕИЗВЕСТНЫХ СВЯТЫХ И ПУСТЫННИКАХ

В кириаконе скита Кавсокаливия есть настенное изображение неизвестного святого с надписью: «Преподобный и помилованный Евфросин Иверский». В своей правой руке он держит развернутый свиток со словами: «В простоте сердца живя и среди суеты, помилован от Господа». На нем монашеские одежды, а сам он коленопреклоненно молится.

Составитель жития преподобного Акакия Кавсокаливита папа-Иона, говоря в конце своей книги о современных ему преподобномучениках, «которые как многоценные жемчужины отошли ко Господу», упоминает и о нем: «В числе их был и треблаженный Евфросин, которого обычно называют Помилованным. Как солнце просиявший в святой Иверской обители, он вел себя чрезвычайно просто, видел и прикровенно обнаруживал тайное состояние души каждого, а при открытии могилы его святых мощей в ней не оказалось».

* * *

Один подвижник, старец Герман, который подвизался рядом с румынским старцем Герасимом в Хаири (в районе Лавры), рассказывал, как однажды ночью отец Герасим

видел во сне трех величественных пустынников, которые сказали ему:

— Смотри, мы втроем живем здесь. Не беспокой нас и другим передай, чтобы нас не беспокоили.

Старец Герасим открыл о своем видении известному духовнику папа-Неофиту Караманлису, подвизавшемуся на Кармилии (одна из вершин к западу от Керасьи[1] и выше скита Святого Василия). Папа-Неофит, движимый сильным желанием, с великой ревностью и старанием исследовал все пещеры и заброшенные келлии той местности, но нигде не нашел святых останков тех пустынников. Через некоторое время эти три пустынника сами явили себя старцу. Вот как это было.

Идя однажды от своего аскетирия[2] в Хаири к келлии Святого Нила, чтобы приобщиться Пречистых Таин, он ощутил благоухание. В том месте проходящие отцы всегда чувствовали благоухание, в том числе и мы, убогие и недостойные. Но тогда благоговейный подвижник ощутил благоухание с особой силой. Итак, он решил выяснить, откуда оно происходит, и попросил святых открыть ему это. В том месте находилась невысокая приступка из камней[3]. Разобрав камни, из которых она была сложена без скрепляющего раствора, старец увидел вход в какую-то пещеру, откуда

[1] Керасья — самый высокогорный скит на Святой Горе, расположенный у подножия Афонского пика.

[2] Аскетирии — «места подвижничества», расположены в пустынных и труднодоступных местностях (Карули, Катунаки, Керасья), где обычно подвизаются отшельники.

[3] Так называемая пезули — выложенная из камней стенка для выравнивания уровня земли на склонах. Со стороны подъема она засыпается землей, где можно сажать культурные растения и деревья. — *Пер.*

исходило благоухание. Он попытался войти в пещеру, но внезапно услышал голос:

— Не беспокой нас! Нас трое. Мы жили здесь. Мы не хотим, чтобы нас тревожили.

Благой сей и добродетельный старец снова завалил вход в пещеру и ушел, прославляя Бога и тех неведомых святых, эти сокрытые лилии афонской пустыни. Местонахождение этой пещеры он открыл только своему ученику Илариону.

* * *

В каливу, расположенную под кириаконом скита Кавсокаливия, много лет назад пришел болгарин по имени Иаков и предал себя в послушание строгому греческому старцу. Он, имея большую ревность к аскетическим подвигам, приходил по ночам в притвор храма и молился перед иконой Святой Троицы.

Однажды ночью в полнолуние, молясь, по обыкновению, в храме, Иаков услышал чьи-то шаги. Вовремя спрятавшись, он увидел, как в притвор храма вошел некий обнаженный старец, борода и волосы которого были белы как снег. Старец перекрестил дверь, и та сама отворилась. Он вошел в храм и поклонился святым иконам. Выйдя, снова перекрестил дверь, которая Божественным действием сама затворилась, и стал подниматься по дороге, ведущей в скит Керасья.

Изумленный послушник, будучи не в силах бороться с любопытством, бесшумно, шаг за шагом следовал за неизвестным пустынником. Они дошли до Креста[1], повернули

[1] Крест — место, где сходятся все ведущие к вершине Афона тропы. Далее от него к вершине идет единая тропа.

направо и стали подниматься по тропе к вершине Афона. Когда пустынник достиг Панагии[1], послушник, ускорив шаг, явился перед ним, положил земной поклон и умолял старца со слезами взять его к себе в ученики.

— Ты не можешь, чадо мое, жить здесь,— сказал ему неизвестный пустынник.

Иаков настаивал, орошая землю слезами.

— Возвратись назад к своему старцу, оказывай ему послушание и спасешься,— был ему ответ.— Кто не имеет Божественной благодати, тот не может выдержать пребывания на этом месте. И знай, что скоро Господь заберет тебя из этой жизни.

Иаков спустился, рассказал своему старцу о том, что с ним произошло, затем пошел к духовнику, приготовился к смерти и через три недели почил о Господе. Говорили, что через три года во время поднятия останков[2] его кости источали благоухание.

* * *

С того времени, как это случилось, прошло около пятидесяти лет.

Один благочестивый паломник с Крита отправился на Святую Гору и решил навестить там своего двоюродного брата отца Евфимия, который подвизался в каливе южной

[1] Келлия с храмом в честь Пресвятой Богородицы, находящаяся в семистах метрах ниже вершины, где поднимающиеся на вершину обычно останавливаются на ночлег.— *Пер.*

[2] По афонскому обычаю, останки каждого погребенного монаха через три года откапывают и переносят в общую усыпальницу (костницу). По цвету и состоянию костей судят о загробной участи умершего: если они желтоватые, это свидетельствует о святости подвижника. Если останки не до конца разложившиеся, их зарывают опять, и братия усугубляет свои молитвы о почившем.

части скита Малой Анны. С пристани Святой Анны он пошел по неизвестным тропам, посреди диких скал и пропастей, пока не пришел в место, называемое Пина[1]. Там тропа заканчивалась. Паломник вынужден был подняться выше и наконец, после немалых приключений, добрался до исихастирия[2] Святых Архангелов, где критянин Агапий Ландос написал свою книгу «Грешных спасение». Оттуда он спустился в каливу своего родственника.

Когда ему было оказано братское гостеприимство, он, переведя дыхание и отдохнув после стольких блужданий, спросил отца Евфимия:

— Скажи мне, брат, когда вы предадите погребению того умершего, которого я видел в одной пещере, там, среди скал? Я тоже хочу посмотреть, как погребают умерших на Святой Горе.

Когда отец Евфимий услышал о каком-то почившем и о пещере, они вместе с паломником и со своим старцем Киприаном, золотых дел мастером, начали исследовать шаг за шагом все окрестности, но нигде ничего не нашли. Только лишь почувствовали, когда заходило солнце, исходящий от тех скал приятный запах ладана, который отец Киприан ощущал несколько раз и ранее.

Между тем паломник продолжал утверждать:

— Вот, рядом с этим деревом была пещера. Я вошел внутрь и увидел лежащего на носилках для покойников почтенного старца. Сначала я не понял, что он мертв. Затем,

[1] Πεἰνα с греческого языка переводится как «алчба», «голод».— *Пер.*

[2] Исихастирии («места безмолвия») — отшельнические пещеры, расположенные в уединенных местах, в основном в юго-западной части полуострова.

приблизившись, я увидел, что в головах у него стоит крест, икона Пресвятой Богородицы и горящая лампада. Сотворив крестное знамение, я трижды поклонился и ощутил благоухание ладана. Уходя, я был уверен, что вы не успели в тот день предать его погребению.

* * *

В 1977—78 годах дикеем[1] скита Святой Анны был монах Кирилл. В сентябре месяце он оказал гостеприимство одному православному паломнику из Ливана, который оказался в Греции в качестве беженца во время войны у себя на родине.

Горячим желанием этого благочестивого паломника было подняться на вершину Афона. Итак, рано утром, получив указания дикея, он отправился в это утомительное горное восхождение и вечером того же дня вернулся в кириакон скита. На следующий день после Божественной литургии он поведал, используя свои немногие познания в греческом языке, о следующем удивительном происшествии.

Недалеко от вершины, в месте, называемом Вавила, откуда начинается крутой спуск, он остановился, чтобы немного отдохнуть, а затем продолжить восхождение. В поисках подходящего места он внезапно увидел перед собой домик, из которого вышли два почтенных пустынника. Заметив его, они с радостью пригласили его в дом, угостили свежими, только что сорванными смоквами и холодной водой. Вкус и сладость, которые он почувствовал, были столь приятными, что невозможно описать. Тотчас вся его усталость прошла.

[1] В скитах Святой Горы старцы, то есть руководители братств, по очереди назначаются на должность дикея скита (на год), в обязанности которого входит прием паломников и решение административных вопросов.— *Пер.*

В этой каливе он заметил и других почтенных монахов, каждый из которых опирался на деревянный, с загнутым верхом жезл[1] и молился по четкам. На его расспросы они ответили, что пребывают здесь уже многие годы и не имеют иного занятия, кроме молитвы за весь мир.

Это и многое другое вызвало у ливанского паломника большой интерес и восхищение. Он говорил, например, что все пустынники были одного возраста.

Услышав об этом, дикей и другие отцы скита удивились и все вместе вознесли славу, хвалу и величание Богу, «дивному во святых Своих».

* * *

В районе между Лаврой и Кавсокаливией много лет назад жил один старчик по имени Панарет. Однажды ему пришла на ум мысль разбить перед своей каливой небольшой садик ради телесного подвига, а также для некоторого утешения от его плодов среди суровой пустыни.

После многодневных трудов и подвигов по перепахиванию каменистой почвы он почувствовал, что его кирка ударилась о какую-то плиту. С великим трудом поднимает старец эту плиту, и что же? Перед ним гробница с мощами, облаченными в нетронутые тлением священнические одежды, как будто погребение состоялось накануне. От мощей исходило дивное, непередаваемое благоухание.

Подвизаясь на этом месте уже добрых полвека, отец Панарет не слышал, чтобы здесь жил когда-то великий пустынник, каким, без сомнения, был лежащий в гробнице святой.

---

[1] Так называемый жезл для ленивых, на который опираются подвижники, молящиеся по ночам в положении стоя. — *Авт.*

После первого ошеломляющего впечатления он начал молиться со слезами: «Святый Божий, открой мне, кто ты, сколько лет ты жил здесь, в этой пустыне? Благодарю тебя, что сподобил меня, недостойного, явления твоей святости».

Старец пробыл в молитве всю ночь и собирался сообщить о своей великой находке в Лавре. Однако, заснув под утро, он видит во сне этого неведомого святого, который говорит ему со строгостью:

— Что ты, авва, задумал предпринять?

— Святый Божий, я имел помысл сообщить в Лавру, чтобы пришли и взяли тебя, потому что здесь ты забыт и пребываешь в пренебрежении,— ответил тот с трепетом.

— Не с ними мы подвизались! И как ты хочешь распоряжаться моими мощами и перемещать их? Здесь я подвизался в течение пятидесяти лет и более. Прошу тебя, положи меня на прежнее место, закрой гроб плитой и, пока живешь, никому ничего не рассказывай.

Проснувшись, старец Панарет закрыл гроб плитой и продолжал свою уединенную жизнь, всегда молясь безымянному святому. Состарившись, он перешел жить в Кавсокаливию. Незадолго до смерти старец рассказал отцам об этом событии, не открывая места захоронения и других подробностей.

* * *

В девственных лесах Святой Горы в высоком духовном состоянии жили — и не знаем, живут ли ныне,— семь или, по другим сведениям, двенадцать пустынников, совершенно обнаженные, питающиеся, подобно птицам небесным, травой, кореньями, каштанами, кедровыми шишками.

Говорят, что они ходили причащаться Пречистых Таин в пещеру Святого Петра к известному духовнику папа-Даниилу.

Ученейший монах Лавры Спиридон Кабанаос об этих земных ангелах и небесных человеках писал:

«Что же можем мы сказать о тех, которые живут в районе Криа Нера[1], о жительстве которых знает только всевидящее око Божие!».

* * *

Великий пустынник Дамаскин из Святой Анны, копая в своей ксирокаливе, которая расположена выше келлии Святой Троицы, нашел нетронутые святые мощи трех подвижников, от которых исходило неизреченное благоухание. Намереваясь около первого часа (по византийскому времени[2]) оповестить общину скита и сообщить в Великую Лавру об этой исключительной находке, он, стоя на молитве, видит перед собой трех небесных мужей, которые со строгим видом говорят ему:

— Если бы нам нужна была, геро-Дамаскине, людская слава, мы бы не пришли, чтобы поселиться среди этих скал, где мы были лишены даже воды ради любви Христовой и Царствия Небесного. Поэтому возьми наши останки и перенеси их в другое место, где они пребудут до времени общего Воскресения.

Это и исполнил со страхом и радостью благоговейный пустынник, перенеся их в ему одному известное место.

---

[1] Κρύα Νερά — «Холодные Воды».— *Пер.*

[2] То есть около семи утра.— *Пер.*

О БДЕНИИ

Когда преподобного Акакия[1], подвизавшегося в пустынном скиту Кавсокаливия, вопросили о сне и бдении, он ответил:

— Получаса сна достаточно для истинного монаха!

Сам он с невероятным мужеством на протяжении всей ночи стоял на ногах или на коленях в молитве и пении, несмотря на то что страдал от сильной грыжи и достиг уже глубокой старости. Спал он очень мало, незадолго до рассвета, опираясь на свою руку или на какой-нибудь предмет, чтобы разум не помрачался от безмерного бдения. Сон он считал опасным и коварным врагом души. Святой говорил, что ничто другое не умножает в такой степени страсти — ни мягкая постель, ни одеяния, ни богатство, ни пища,— как многий сон. И ничто так не укрощает их, как бдение.

У него было самодельное ложе с редко набитыми торчащими деревянными штырями, без подстилки, чтобы он не мог упокоить свое тело, сколько хотел, и легко просыпался. Согласно жизнеописанию, преподобный Акакий спал один час, а по другим данным, четыре часа в сутки.

* * *

Но и святитель Григорий Палама подъял великую брань против своей плоти и сна. В течение трех месяцев он пребывал

---

[1] Акакий Новый Кавсокаливит скончался в 1730 году, его память празднуется 12/25 апреля.

в молитве без сна в своем аскетирии, который находился выше Великой Лавры. Впрочем, святой прекратил этот подвиг, чтобы мозг не потерпел вреда от постоянного лишения сна.

* * *

Новоявленный афонский святой Силуан Русский[1], святость которого была признана Великой Христовой Церковью[2] в 1987 году, родился в 1866 году и почил в 1938 году. Он подвизался в монастыре Святого великомученика Пантелеимона (или Русском монастыре), проводя жизнь в преподобии, чистоте, любви ко всем, непрестанной молитве и глубочайшем смирении. Почил он в мире и оставил о себе память преподобного мужа. А житие его описал почтенный архимандрит Софроний, настоятель Патриаршего Ставропигиального монастыря Честного Предтечи в Англии[3].

Этот святой, помимо прочих своих добродетелей, особо возделывал добродетель бдения, зная из опыта, сколь сильно она способствует очищению ума, окрылению молитвы и возгреванию радостотворного плача. На постель он не ложился, но почти всю ночь проводил в молитве стоя, иногда присаживаясь на скамейку. Спал сидя в течение 15—20 минут и снова вставал на молитву. Этот его сон урывками составлял в общей сложности два часа в сутки.

---

[1] В России он известен как Силуан Афонский.

[2] То есть Константинопольским Патриархатом.— *Пер.*

[3] Архимандрит Софроний (Сахаров) (1896—1993) — выдающийся подвижник XX века. Эмигрировал из России в 1921 году, учился в Европе, в 1925 году прибыл на Афон. Был келейником преподобного Силуана Афонского вплоть до его смерти. В 1947 году вынужден был покинуть Афон и поселиться в Англии, где и основал монастырь. Кроме жития преподобного Силуана, оставил после себя несколько богословско-аскетических трудов («Видеть Бога как Он есть», «О молитве» и др.), а также собрание писем.

* * *

Мы спросили старца Симеона, слепого монаха из Кавсокаливии:

— Чем можно очистить душу от нечистых помыслов, желаний и различных страстей?

Он ответил:

— Тем, чтобы не знать, что такое сон.

* * *

В скиту Иверского монастыря жил один очень благоговейный иеромонах, отец Герасим Гимнограф[1]. Перед тем как служить утром литургию, он всю ночь проводил в молитве и чтении.

Бог забрал его молодым. Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу (Прем. **4**, 11).

* * *

«От многого сна наш ум жиреет»,— говорил один подвижник-пустынник.

* * *

Хаджи-Георгий[2] отдыхал по ночам, стоя в стасидии. Собственная келья была ему почти незнакома. День он посвящал своим страждущим братиям, а ночь — молитве.

* * *

Однажды один молодой монах спросил отца N., которому было 86 лет:

— Старче, сколько часов должен спать монах?

---

[1] Не путать со знаменитым Герасимом Гимнографом (1905–1991), который подвизался в скиту Малой Анны и стяжал славу великого песнотворца.

[2] Старец Хаджи-Георгий (1809–1886) известен своим строжайшим постническим уставом и крайним нестяжанием. О нем Паисием Святогорцем написана отдельная книга: *Паисий, монах.* Старец Хаджи-Георгий. М., 1986.

— Послушай, брат. Святой Феодор Студит и преподобный Симеон Новый Богослов говорят, что четырех-пяти часов в день достаточно. Но авва Арсений в Патерике говорит, что для монаха довольно и одного часа, если он подвижник. Святой Акакий Кавсокаливит говорил, что и получаса. Мне кажется это немного сложным, но поскольку так говорит святой, мы должны попробовать...

— А вы сколько времени отводите себе для отдыха?

— Э, брат мой, какая необходимость спрашивать тебе об этом?

— Чтобы самому получить пользу. Скажите мне ради любви Христовой.

— Скажу тебе. Одного часа в сутки достаточно.

— И вам этого хватает?

— О, да еще как!

— Вы спите час подряд или с перерывами?

— С перерывами, конечно, с перерывами. Четверть часа сейчас, четверть часа чуть позже...

— А как вы проводите свое время?

— К сожалению, сейчас, когда у меня двусторонняя грыжа, я не могу уже стоять все время на ногах... Поэтому сажусь, чтобы читать Псалтирь или Евангелие, потом творю немного Иисусову молитву.

— Весь Псалтирь и все Евангелие?!

— Конечно же, и то и другое полностью.

— На всякий день?

— На всякий, на всякий. Только не могу уже читать стоя. Что поделать? Вот что значит старость!

* * *

В начале своего пребывания на Святой Горе старец Иосиф Исихаст, не найдя себе духовника, жил некоторое время рядом с пещерой Преподобного Афанасия Афонского, неподалеку от Великой Лавры. Он проводил там весьма суровую жизнь, и даже случилось ему однажды пробыть восемь дней на ногах без еды и без сна.

Старец говорил:

— Никакой подвиг не приносит стольких благословений, сколько лишение себя сна. Поистине бдение упраздняет тело.

Еще он говорил:

— Самое страшное проявление страсти многоспания — это когда благодать уходит от нас и душу охватывает нерадение и мрак, не оставляя нам и самого малого утешения. Однажды я претерпел серьезное испытание с этой стороны. Я изо всех сил старался не прерывать бдения, но силы мои почти закончились. Тогда я прекратил свой подвиг, чтобы помолиться Господу со слезами скорби: «Господи, они[1] хотят ослабить мое доброе стремление». Тотчас после этого во мне прозвучал сладчайший голос: «И ты не потерпишь этого ради любви Моей?».

Утомление мое сразу же рассеялось, как облако, скрывавшее солнце, и со слезами на глазах я скакал от радости, как ребенок.

— Да, Господи, ради Тебя! Помоги мне в моей немощи!

* * *

Один старец сказал:

— Сон должен быть рабом, а не господином.

[1] То есть злые духи, враги человеческого спасения.— *Авт.*

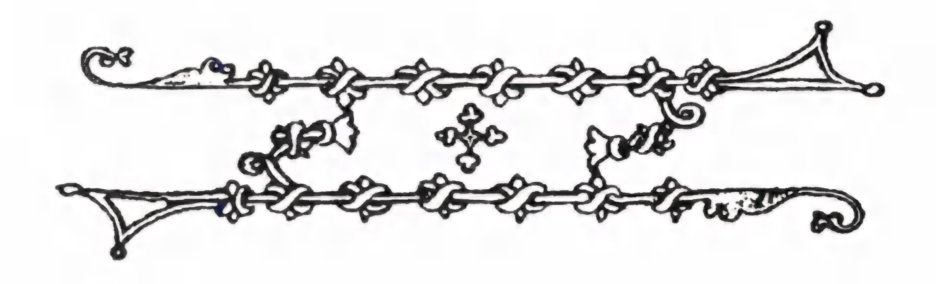
* * *

Из сказанного вытекает святогорское правило: «Духовная жизнь не может обойтись без бдения».

* * *

Старец Артемий Григориат, по свидетельству современников, никогда не сидел в стасидии во время богослужения, даже во время многочасовых бдений, вплоть до своей смерти. Это был настоящий столп, несгибаемый подвижник богослужения и молитвы.

О СОХРАНИВШИХ ЧИСТОТУ ВЕРЫ

Посланники латинствующего византийского императора Михаила Палеолога и патриарха Иоанна Векка пришли на Святую Гору, чтобы силой насаждать мнимое единство Православной Церкви с папством.

Этим попыткам, сопровождавшимся жестокостью, насилием и кровопролитиями, позорными спутниками истории папизма и унии, мирно и мужественно противостали святогорские монахи, пограничные стражи и ратники Православия.

Сторонники латинствующего патриарха Векка повесили в Протате[1] предстоятеля Кинота[2] и на мраморной плите, сохранившейся до наших дней, обезглавили прочих исповедников и новомучеников числом тринадцать, живших в разных келлиях Кареи. Их казнили за то, что они исповедали свою непреклонную верность Преданию и Православной Церкви и не признали папы, не желающего приносить покаяния.

[1] Протат — административное здание в Карее, в котором проходят заседания Священного Кинота. Храм Протата — древнейший из всех афонских храмов. Главной его святыней является чудотворная икона «Достойно есть».

[2] Священный Кинот — административный орган, состоящий из представителей двадцати афонских монастырей.— *Пер.*

Сии преподобные отцы были «прекрасными побегами, спелыми гроздьями, неутомимыми стражами и дозорными православной веры и священных преданий».

* * *

Равночисленные двенадцати апостолам преподобномученики Ватопедские вместе со своим игуменом, преподобномучеником Евфимием, приняли мучения за нашу святую веру во время дикого вторжения латинствующих, посланных императором Михаилом Палеологом и патриархом Иоанном Векком. Двенадцать монахов были повешены на Фурковуни[1], а Евфимий с цепью на шее был потоплен в море.

Вместе с ними достойны упоминания и преподобномученики Иверские, также потопленные в море латинствующими Михаилом Опресночником[2] и патриархом Иоанном.

Двадцать шесть преподобномучеников монастыря Зограф[3] дополнили святоизбранный лик мучеников за Православие: они были сожжены, как непорочная жертва, в башне монастыря.

* * *

Преподобный отец наш Никифор, который прежде был латинянином, приняв догматы Восточной Православной Церкви, пришел и подвизался в священном безмолвии в пустыни

[1] Фуркову́ни (φούρκα — «виселица», βουνό — «гора») — так стал называться холм в окрестностях монастыря, где были повешены мученики.— *Пер.*

[2] Опресночниками греки именовали всех латинян, поскольку они настаивали на употреблении неквасного хлеба во время Литургии.

[3] Зограф основан в X веке выходцами из Болгарии. 10 октября 1276 года здесь были сожжены латинянами двадцать шесть преподобномучеников, воспротивившихся унии с Римом. В память этого события в монастыре был установлен кенотаф (символическая гробница).

Святой Горы. Он написал мудрое сочинение о способе умной молитвы, входящее в состав Добротолюбия[1].

* * *

Защитник православного богословия святитель Григорий Палама участвовал в трех больших Соборах, подвизаясь против латинствующих Варлаама, Акиндина и Григоры[2], которые отрицали Божественные нетварные энергии.

* * *

Монахи — это воины Христовы, героические бойцы Церкви. Они всегда защищают истинную веру и сражаются даже до смерти против лжи ересей и заблуждений. Святогорские монахи, следуя многовековому преданию, и теперь готовы выдвинуть из своей среды мучеников за Православие. Календарь свидетельствует:

4 января: двенадцати преподобномучеников Ватопедских;

14 февраля: преподобномученика Дамиана;

22 марта: Евфимия из Иверского скита и преподобномученика Луки из Ставроникиты;

10 апреля: преподобномученика Хрисанфа из Ксенофонта;

16 апреля: преподобномученика Христофора Дионисиата;

19 апреля: преподобномученика Агафангела Есфигменита;

1 мая: Евфимия и Игнатия, преподобномучеников Иверского скита;

---

[1] Сочинение называется «Никифора уединенника слово о трезвении и хранении сердца многополезное» (Добротолюбие, т. 5). Память преподобного Никифора Афонского празднуется 4/17 мая.

[2] Варлаам — калабрийский монах, виновник богословского противостояния варлаамитов и паламитов. Его учение было осуждено Церковью как еретическое. В отличие от Варлаама, Акиндин и Григора не отрицали духовной практики исихазма, но ограничились неприятием паламитского учения о Божественных нетварных энергиях.

Святогорские подвижники

7 мая: преподобномученика Пахомия из монастыря Святого Павла;

22 мая: преподобномученика Павла Агиоаннита[1];

26 июня: преподобномученика Давида Агиоаннита;

3 июля: преподобномученика Герасима Кутлумушского;

6 июля: преподобномученика Кирилла Хиландарского;

10 июля: преподобномученика Никодима Агиоаннита;

11 июля: Никодима Ватопедского и Нектария Агиоаннита, преподобномучеников;

24 августа: священномученика Космы Этолийского;

14 сентября: преподобномученика Макария Дионисиата;

[1] То есть из скита Святой Анны.

20 сентября: преподобномученика Илариона Агиоаннита;

22 сентября: Космы Зографского и двадцати шести преподобномучеников Зографских;

6 октября: преподобномученика Макария Агиоаннита;

8 октября: преподобномученика Игнатия из Иверского скита;

29 октября: преподобномученика Тимофея Есфигменита;

2 ноября: преподобномученика Дионисия из Иверского скита;

13 ноября: преподобномученика Дамаскина Лавриота;

3 декабря: преподобномученика Космы Агиоаннита;

5 декабря: Нектария, Филофея; святого прота[1] Космы из Ватопеда и иже с ним преподобномучеников в Карее;

26 декабря: преподобномученика Константина Русского Лавриота;

30 декабря: преподобномученика Гедеона из Каракалла[2].

* * *

Строжайший подвижник, постник и философ во Христе, знакомый и с мирской мудростью, святой учитель Иерофей родился в 1686 году в Каламате[3]. Он мужественно сражался за святую православную веру с еретиком Молином. Для большего уединения подвизался на пустынном острове Юра напротив Святой Горы и отошел ко Господу

[1] Прот — сначала должность главы всех афонских монастырей и келлий (до 1585 года, когда она была упразднена турками), а затем, с 1783 года,— главы выборной Священной Епистасии из пяти представителей афонских монастырей. После упразднения этой должности в 1810 году правящим органом осталась Священная Епистасия из пяти равноправных членов, где председательствующий формально называется протом.— *Пер.*

[2] Память святых указана здесь по старому стилю.

[3] Город на Пелопоннесе.

в 1745 году. Его честные останки источают благодать и прославились различными чудесами.

* * *

Отец В. посетил одну деревню по делам своего монастыря. Только он прибыл, как его сразу окружили жители и стали неотступно просить его помочь им и отстоять истину перед одним евангелическим проповедником. Тот не давал им покоя, оскорбляя веру Церкви, отвергая почитание святых и Божией Матери и приводя при этом множество цитат из Библии. Будучи простым и почти неграмотным, бедный монах оказался в затруднительном положении. Немного подумав и вспомнив то, что часто читал в житиях святых, он вызвал своего противника на дискуссию:

— Вот что, давай зажжем на деревенской площади большой костер, и каждый из нас пусть пройдет через огонь. Бог Сам покажет, кто из нас говорит правду.

Рано утром с великим шумом народ собрал хворост и сложил его в огромную кучу на площади. Вскоре появился отец В., но без протестантского проповедника. Тот убежал с первым пароходом. Вся деревня с радостными криками приветствовала эту блестящую победу веры над обманом человеческих учений. Когда отец В. пришел в монастырь, его спросили:

— Так значит, ты был готов войти в огонь?

Он ответил в простоте:

— Что касается меня, то я нисколько не сомневался в правоте нашей веры и потому сказал себе: так или иначе, ты грешен и бесполезен на этой земле и не достоин ничего, кроме вечных мучений. Лучше тебе один раз сгореть здесь, на земле, чем там гореть вечно. Войдем, пожалуй!

Так своим глубоким смирением этот простой монах защитил свою веру, как это делали первые мученики и духоносные отцы.

* * *

Святогорские отцы часто говорят:

— Если мы будем молчать, когда наша вера подвергается опасности от множества ересей, то тогда зачем мы столько лет сидим в этих скалах? Истин веры не найдешь на мировом рынке, как прочие материальные блага.

* * *

На возражение, что ведь и в других религиях есть чудеса, один старец ответил:

— Есть одно отличие. И мулла может творить чудеса при помощи разных магических действий. Но он стремится к этому любым способом, в то время как мы, когда диавол являет нам «свет», поворачиваемся к нему спиной. Другие, опять же, завязывают себе нос, напрягают слух, трут глаза и потом видят галлюцинации. Мы же просим чуда у Бога и не сотрудничаем с диаволом, но воюем с ним день и ночь. Православная Церковь подражает смирению своего Владыки Христа. Один добродетельный и наделенный духовными дарованиями святогорец, живший многие годы в Америке, говорил, что многие еретики, видя такую последовательность нашей веры, дивятся, оставляют свои ереси и становятся православными.

* * *

«Они оставили голову и поклоняются скуфье», — говорил один мудрый подвижник умного делания Каллиник-исихаст[1],

[1] Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 131–176.

когда его попросили высказать свое мнение о ереси русских имяславцев[1].

* * *

Один старый монах о любви к чистоте веры сказал:

— Праведный гнев нужен, когда речь идет о защите нашей веры, а не самих себя. Мы должны гневаться, когда видим нападки на свою веру. Если осудят меня, моя обязанность принять это. Но если то же происходит в отношении Православия, нужно проявить ревность.

* * *

Сколько раз наши юные сердца утоляли жажду в кристально чистом источнике учения почтеннейшего иеромонаха, мудрого Афанасия Иверита. Он часто говорил:

— Протестантский холодный ветер через профессоров двух греческих университетов охладил наше сыновнее и теплое, как здешний климат, чувство к сладчайшей нашей Матери, Пресвятой Богородице. И таким образом он удалил Ее из наших молитв как первую посредницу и ходатаицу к Ее Сыну. Даже клирики в своих проповедях о молитве постоянно забывают, что Она есть «первая по Едином»[2]. В то же время вся наша церковная гимнография наполнена Ее радостотворным именем. Страшно, что Элладская Церковь пронизана этим рационалистическим, немецким, протестантским духом…

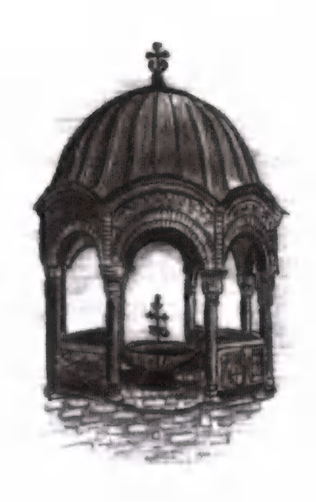
Меня спросили, что правильнее: «Пресвятая Богородице, спаси нас» или «Пресвятая Богородице, ходатайствуй

---

[1] Догматическое движение, возникшее в 1910—1912 годах в среде русского афонского монашества. Имяславцы (имябожники) утверждали, что имя Божие есть Сам Бог. Это учение было осуждено Православной Церковью как еретическое.

[2] Этим он хотел сказать, что после Бога первой ходатаицей, помощницей и спасительницей является наша Пресвятая Богородица, а потом уже все святые.— *Авт.*

о нас», как по-новому теперь говорят поклонники протестантизма? Я назвал их нечестивейшими и врагами Пресвятой Богородицы и сказал им: издревле было установлено «спаси»... Пришел ко мне лютеранский пастор из Осло, друг Православия и его исследователь. Мы говорили о многом. Он спросил меня о Пресвятой Богородице. Я сказал, что Божественное поклонение мы воздаем Богу, поклонение чести — всем святым, а рабское только и только Матери Божией, с чистыми сыновними к Ней чувствами, как к нашей, по благодати, сладчайшей Матери. О, как много вы теряете, не почитая Ее, бога после Бога, Ту, Которая занимает второе место после Святой Троицы и раздает дары Божии всем прочим разумным созданиям. «Три вещи не смог сотворить Бог совершеннее, несмотря на все Свое всемогущество: воплощение, Пресвятую Деву и блаженство праведных в будущей жизни» — так говорит блаженный Августин.

СЛОВО О НЕСТЯЖАНИИ И ДОБРОВОЛЬНОЙ НИЩЕТЕ

Под полуистлевшими, изорванными подрясниками аскетов, под лохмотьями и самой бедной одеждой скрывается богатство добродетели, обнаруживается пренебрежение материальными благами и победа духа над вещелюбивыми настроениями мира. В добровольном перенесении неудобств, самопонуждении и суровой жизни подвижников заключено сокровище смирения, здесь открывается философия жизни во Христе по Евангелию.

Именно такого облачения ищут истинные подвижники, они не желают носить новую одежду, отказываются брать деньги, отвергают удовольствия. В конечном счете они отвергаются самих себя, следуя непреходящим словам Вечного: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя...* (Лк. 9, 23).

Подвижники не придают значения внешнему виду, украшению одежды, обуви, лица, волос, тела. Все их внимание и усердие направлено на глубинную сущность человека, на внутренний мир, на украшение ума и сердца нетварной красотой, небесным светом, Божественным благолепием.

Такой духовной красотой обладал «нищий духом и телом» подвижник Петр из Симонопетра. Нам рассказывал о нем почтенный старец Герасим Гимнограф, а также отцы Данилеи, Фомады, приснопамятный старец Паисий, старец Иоаким и др.

Петр был человек простой и непритворный душою, величественный духом и малый ростом (за что его называли Петракис[1]). Он поднимался на гору Афон и собирал там горный чай, плел четки и продавал их, чтобы иметь средства для жизни. Как-то ему хотели дать больше денег, но он никоим образом не брал их.

Петракис обладал необыкновенным духовным благородством, любовью и простотой. Однажды он пришел, совершив многочасовой переход, в каливу монаха, который хотел сделаться его учеником, и сказал:

— Я пришел сказать тебе, чтобы ты не трудился прийти в пещеру Святого Петра, где я живу, потому что я скоро умру.

Когда тот монах спросил его, чем его угостить, Петр попросил немного кипяченой воды. Достав из-за пазухи мешочек с чаем, он бросил в воду одну веточку, положил туда из другого мешочка немного сахара (сколько может вместить кончик ложки) и выпил. Одного килограмма сахара ему хватало на весь год и еще оставалось на следующий!

Однажды он посетил старца Иоакима в Карее. Было уже темно, и старец сказал ему:

— Останься, переночуешь сегодня здесь.

— Пойду в Ксиропотам,— ответил Петракис.— Буду идти, сколько будет видно, потом заберусь на какой-нибудь каштан и останусь там до утра, пока не рассветет.

Так он и поступил. Но в тот вечер пошел проливной дождь, старец промок и сильно простудился. Вернувшись в свою каливу, он попрощался с жившими по соседству монахами и вскоре почил в мире.

---

[1] Уменьшительное от Петр.— *Пер.*

* * *

В Карее был один духовник, которого звали папа-Герман. Он жил в кавии[1], принимал там паломников и рабочих из мира, оказывая им всяческое гостеприимство, наставлял их, исповедовал, укреплял в вере и жизни во Христе. Папа-Герман отличался таким нестяжанием, что оказывал своим посетителям материальную помощь и не желал, чтобы после захода солнца в его келье оставался хотя бы один парбс (монета, одна сороковая доля турецкого гроша).

* * *

Один старый монах по имени Макарий был совершенным нестяжателем. Он имел косу, косил траву и продавал ее владельцам вьючного скота. Он не принимал «благословения», то есть подарки, и довольствовался малым. Его домик и двор сияли чистотой. Он говорил: «Здесь, на Святой Горе, нужно иметь два глаза. А в миру требуется четыре...».

* * *

На Катунаках жил старец Нифонт-праздколюбец, у которого было доброе обыкновение: когда праздновала какая-нибудь келлия, он шел и поздравлял ее обитателей, высказывая им добрые пожелания.

* * *

В одной хибарке жили два подвижника — Орест и его брат Константин, который почил затем в Криа Нера. Константин был воплощением нестяжательности. Зимой и летом он ходил босиком...

[1] Хижина, где монахи, чтобы бороться со сном и не падать, подвешивали себя на веревках — канатах (κάβος) — к потолку, отчего такие кельи назывались кавиями, а монахи — кавиотами. При кавии могла быть кухня, предназначавшаяся для рабочих и паломников.— *Пер.*

* * *

В исихастской келлии «Яннакопула» жили известные подвижники Софроний и Гавриил. В пещере Рождества Христова проводил равноангельное житие другой подвижник по имени Роман. Рукоделием[1] он не занимался. Всю свою жизнь он молился по четкам, а питался милостыней этих отцов.

* * *

В пещере Святого Петра Афонского[2] жил пустынник, нестяжательность которого была совершенно неописуема. Почти весь год он ходил босой. Совершенно беспопечительная жизнь! Там даже лицезрение человека является беспокойством.

Старец Исидор из пустынного жилища Преподобного Петра Афонского

У старца не было ни топора, ни резака для веток. Он был послушником папа-Даниила, исихаста и созерцателя. Если кто-нибудь приносил им немного ревифи[3], сухарей, бобов или рыбы, то это было их пропитание.

---

[1] Рукоделием называется труд монахов, например иконописание, резьба по дереву и т. п.

[2] Эта пещера из-за крайнего холода и сырости была настолько суровым жилищем, что последним поколениям монахов не дозволялось жить в ней. Была замурована Великой Лаврой, и точное ее местонахождение ныне неизвестно.

[3] Нут, бараний горох — мучнистые безвкусные плоды из семейства бобовых, похожие на орешки, размером чуть больше гороха. — *Пер.*

* * *

В Керасье также подвизались добродетельные отцы, например старец Косма-чесночник[1], имевший келью в лесу, румыны папа-Неофит и старец Нафанаил, а также Иоанн, наставник старца Даниила.

Все время этих отцов было посвящено непрестанной молитве и исполнению своих духовных обязанностей. Мощи их темно-желтого цвета, что является признаком добродетели и святости. Жизнь их была исполнена подвигов молитвы и самопонуждения.

* * *

Преподобный Дионисий Олимпийский (родившийся в конце XV века в селении Платина недалеко от Трикалы[2]) еще до основания им на горе Олимп дивного монастыря Святой Троицы подвизался на Афоне и всей душой полюбил безмолвное жительство. Он поселился в небольшой хижине в скиту обители Каракалл[3], живя на земле, как бесплотный ангел, в посте, бдении и молитве. Дневной его пищей было несколько лесных каштанов, да и те лишь в третьем часу дня.

Сей блаженный приобрел такое нестяжание, что никогда не запирал дверь. У него не было ничего, кроме рясы на нем, да и та была жалкая и никому не нужная. В скиту он жил три года, «молясь единому Богу и ничего из земных не приобретши», пока Божий Промысл не призвал его покинуть эти места[4].

---

[1] Вероятно, он выращивал чеснок.

[2] Город в Фессалии.

[3] Каракалл — монастырь, основанный в конце X века. По преданию, свое название он получил от имени первого ктитора, императора Антония Каракалла.

[4] Память преподобного Дионисия Олимпийского празднуется 24 января/6 февраля.

* * *

«Виждь смирение мое и труд мой, и грехи вся остави ми»[1],— говорил духовник папа-Иаков из келлии Рождества Христова на Вигле[2] (был и другой папа-Иаков). Жизнь его была суровой и подвижнической. Он по пять часов таскал на себе песок с побережья, чтобы построить себе церковку!

* * *

Как жил, чем питался, где находил немного масла для лампад своей каливы подвижник Дионисий, Христа ради юродивый, не знал никто, кроме Бога. Тем более что он никогда не принимал милостыни. Начал принимать он ее лишь незадолго до своей смерти. Пришел Дионисий на Святую Гору в 1842 году и почил в 1880-м.

Этот достойный подражания подвижник настолько возлюбил нестяжательность, беспопечительность и нищету, что едва не был изгнан Великой Лаврой, потому что совсем не заботился о своей келлии во имя Святых Апостолов в Керасье. Виноградник, плодоносные деревья, сад — все заросло травой. На другое поле были направлены старания и заботы этого человека — на поле молитвенного труда и умного делания.

* * *

Его звали Иаков, и он был родом из Химары (Северный Эпир). В войну 1912 года[3] служил отечеству. Со многими трудами построил храм в честь Трех Святителей.

[1] Молитва 7-я ко Святому Причащению.— *Пер.*

[2] Вигла — в древности так назывался наблюдательный пункт, а теперь это несколько подвижнических келлий, расположенных на отвесной скале над морем, недалеко от румынского скита Продром.

[3] Так называемая Македонская война, когда в борьбе с турками и болгарами греки сумели вернуть себе свои македонские земли.— *Пер.*

Иаков был чрезвычайно беден. Калива его состояла всего из одной комнаты. Ложем ему служил тюфяк с соломой, и еще один он имел для редкого гостя. Укрывался Иаков какой-то накидкой. Утром он сворачивал тюфяк и клал в углу комнаты. Питался обычно травой и малым количеством сухарей.

* * *

В пещере Преподобного Петра Афонского подвизался нищий по произволению, нестяжательный и босой старец Хризостом-пустынник, питавшийся каштанами, травой и сухарями. Но я знал и другого Хризостома, поистине Златоуста[1], удивлявшего своей сладчайшей беседой и христоподражательной кротостью, который жил в одной из калив скита Кавсокаливия. Он был сверстником моего старца (я познакомился с ними одновременно) и в этой каливе учился искусству резьбы по дереву, о чем старец сообщает в книге «Воспоминания из Сада Пресвятой Богородицы».

* * *

Что же можно сказать об аскете старце Георгии из лаврской кафисмы[2] Святого Константина? В изорванном подряснике, босой, он всегда стоял на молитве как одушевленная неугасимая свеча. Он имел одну большую скамью для сидения и сна! Таким был старец Георгий.

* * *

Двумя пустынными вранами, тихими и братски любящими друг друга были аскеты Антоний и Симеон из Афин. Один работал на строительстве, другой — в саду, принося воду для

[1] Греческое имя Хризостом переводится на русский язык как Златоуст. — *Пер.*

[2] Кафисмой называется небольшой уединенный домик в окрестностях монастыря.

полива издалека. Жили они очень бедно. Из их уст никогда нельзя было услышать ни одного плохого слова ни о ком. Их калива находилась в окрестностях монастыря Пантократор[1]. Она была маленькой и не имела ничего лишнего, как птичье гнездо.

Первым почил отец Симеон, и отец Антоний стал подвизаться в безмолвии одиночества. Его взяли в монастырь Кутлумуш в палату для престарелых, но там он не смог долго находиться[2] и вскоре сам вернулся в свою любимую каливу, еле волоча ноги и склоняясь до земли, но с радостью и веселием. Наконец, в возрасте ста лет он упокоился от трудов подвижничества и добровольной нищеты. Когда же не нашлось никого, кто бы поднял его честные останки, он являлся многим и просил об этом.

* * *

Один общежительный монах ходил шесть десятилетий в одной и той же рясе, в которой был пострижен!

* * *

Подвижником нестяжательной и скромной жизни, полной самоограничений и лишений, явил себя старец Каллиник-киприот, подвизавшийся со своим братом Григорием в скиту Святой Анны. Свои аскетические подвиги он продолжил на Кипре в монастыре Ставровуни[3]. Вот какое после своей смерти он оставил «наследство» (!): одну сгнившую

[1] Монастырь Пантократор расположен на северо-востоке полуострова, в 6—7 километрах от Кареи.

[2] Вероятно, старец ради подвига безмолвия, несмотря на свою немощь, стремился быть подальше от людей.

[3] Ставрову́ни — один из древнейших монастырей Кипра.

подстилку, полную клопов, один изъеденный жуками ящик с лохмотьями, годными разве что для печки, пару чиненых-перечиненых ботинок и два-три гроша, забытых в кошельке. Со слезами на глазах другой его брат по плоти, игумен Варнава, обратился к присутствующим: «Посмотрите, отцы, на богатство Каллиника, которое он собрал за столько лет как монах и игумен монастыря. Поистине монах есть тот, кто ничего не имеет в настоящей жизни, кроме одного Христа».

* * *

Епископ Иерофей Милитопольский, живший в скиту Святой Анны (калива Святого Елевферия), был совершенным нестяжателем. Помимо прочих своих добродетелей — воздержания, терпения, кротости, он отличался также состраданием к бедным подвижникам, которым раздавал свое жалованье. Почил он в возрасте восьмидесяти восьми лет.

* * *

В пустынном жилище старца Неофита нельзя было найти ничего, кроме мешка с сухарями. Только лишь в субботу и воскресенье он приходил к Данилеям (которые были и являются утешением пустынников) и ел за их трапезой. После этого он исчезал на всю неделю.

Говорят, что, когда старец почил в Лавре, лицо его просияло...

* * *

Старец монах А. из келлии Святого Харалампия в Карее был столь нестяжателен, что не носил другой рясы, кроме рясы своего старца.

* * *

Румынский старец Нектарий жил над скитом Святой Анны рядом с келлией Святого Пантелеимона, в каливе Святого Артемия. С тех пор как он стал монахом, он ни разу не покидал Святую Гору. Нищета и нестяжательность его не имели предела. Старец заготавливал жерди и прутья для фасоли[1] и продавал в каливах отцов. Последние годы своей жизни он занимался только молитвой, пребывая в полном безмолвии.

* * *

Старец Хрисанф из Святой Анны рассказывал, что, когда в их скиту почил добродетельный монах старец Харитон, в его келье нашли только сосуд для воды, и ничего более.

* * *

Со дня своего монашеского пострига и до смерти монах Аввакум ходил босым. Он надевал обувь только в день, когда праздновала Великая Лавра (5 июля, святого Афанасия Афонского).

Старец Аввакум Босой — подвижник, знавший все Священное Писание наизусть

* * *

Никогда не носил новой одежды приснопамятный отец Авксентий Григориат. Он имел штопаные фуфайки и одну-единственную пару обуви, которую носил только в пределах монастыря. Все остальное время он ходил босой по дорогам и

[1] Эти прутья служили растениям в качестве подпорок.— *Пер.*

тропам, скалам и бездорожью Святой Горы. Небольшая деревянная кровать, маленький столик, несколько бедных икон в изголовье и несколько необходимых сосудов на полке — вот что составляло внутреннее убранство его кельи.

* * *

Михаил Лавриот, инвалид, ничего не имел в своей келье, кроме одной рясы. Он был совершенно нестяжателен. Но когда почил, удостоился того, что мертвенное последование совершал архиерей. Его лицо, желтое, как янтарь, сияло.

* * *

Один нестяжательный старец сказал:

— Жил один старчик, который весьма упростил себе жизнь — у него не было своего хозяйства. Вот как человек освобождается, потому что все то, что мы называем сегодня удобствами, даже какая-нибудь губка, суть неудобства. Удобство — это когда упрощаешь свою жизнь, ограничиваясь лишь необходимым. Тогда человек становится свободным.

* * *

Бедной, не имеющей, как птичье гнездо, ничего лишнего, без источника воды и без храма, как и всякая калива, была калива приснопамятного иеромонаха Мефодия, исихаста из Керасьи.

Вместе со своим благословенным учеником, птенцом-послушником, он проводил совершенно беспопечительную жизнь, не имея никакого смятения или беспокойства, никакой заботы о земных удобствах и комфорте. Оба они были блаженными, нестяжательными небожителями, бедными и нищими ради любви ко Христу. Старец посылал своего по-

слушника в Лавру просить милостыню. Довольствовались они тем, что им подавали.

Папа-Мефодий был выпускником богословского факультета Афинского университета, но ради спасения бесценной души оставил всякую мирскую славу и свое высокое положение.

Обычно пища в этой святой каливе готовилась так: они кипятили воду, клали туда немного муки и соли, и получалась каша. Когда у них был виноград, братья клали его в глиняный сосуд и добавляли воды.

Однажды пришел с ними повидаться один брат. Они угостили его аскетическим кушаньем.

— Что это за свекольный суп, святой духовник? — спросил гость с любопытством.

— Пятая вода на киселе,— ответил отец Мефодий. То есть пять раз они добавляли в него воду.

В последние годы своей жизни он переселился в пещеру Святого Афанасия Афонского. Занимался гимнографией и в то же время был отличным сочинителем напевов и мелодий.

Герасим Смирнакис[1] в своей книге пишет о нем так: «Он проводит чрезвычайно суровое житие в постоянных занятиях».

В 1903 году отец Мефодий был избран секретарем Священного Кинота. Почил в 1920 году.

* * *

Бедный аскет Анатолий, который почил в мире в 1938 году, собирал на вершине Афона горный чай и дикие цветы бессмертника. Этим он зарабатывал себе на хлеб.

---

[1] Книга Герасима Смирнакиса «Святая Гора» была издана в 1903 году и является наиболее полным справочником по истории Афона.— *Пер.*

— Ты, наверное, подвергаешься опасности, лазая по скалам и пропастям? — спрашивали его.

— Нет, благословенные, я подвязываюсь веревкой. Этому я научился еще в миру, будучи моряком, — отвечал он.

Жил отец Анатолий рядом с кириаконом скита Кавсокаливия в каливе Честнаго Креста и был одним из самых бедных, нестяжательных и благоговейнейших монахов. У скитского мельника он брал самую первую муку. (Дело в том, что, когда изготавливают каменные жернова, чтобы молоть хлеб, первую помолку не берет никто, потому что в ней много песка.) В те дни недели, когда полагалась скоромная пища, подвижник ел немного оливкового масла, которое наливал в блюдечко для кофе. В масло он крошил не хлеб, а репчатый лук... Какая аскетическая ревность, какое самопонуждение и подвиг! Приготовленную пищу он ел только тогда, когда принимал у себя гостя.

Отец Анатолий очень любил икону Распятого Христа. Перед ней он непрестанно молился со слезами. А часто и сама икона плакала.... В то же время он имел великое благоговение к Пресвятой Богородице. Когда ночью во время отдыха отец Анатолий переворачивался на другой бок, то перед тем, как снова заснуть, в полную силу голоса пропевал «Достойно есть». Он немного знал византийское пение и имел низкий, громоподобный голос. Этот гимн он пел на второй глас, так же, как его в первый раз пропел Архангел. Часто он мог распевать его до десяти раз за ночь. Его ученика это поначалу беспокоило, но затем тот привык.

Когда отец Анатолий шел в Карею, чтобы сдать чай, он непременно должен был поклониться в келлии «Дос-

тойно есть»[1], где было явление Архангела, пропевшего этот богородичный гимн. Он делал поклон и затем благоговейно пел «Достойно есть» с величайшим умилением. Когда он пел, лампада перед иконой начинала раскачиваться! Отцы как-то сказали ему, что она пришла в движение по причине его громоподобного голоса. Тогда отец Анатолий вышел в притвор и запел снова. И опять лампада раскачивалась. Пропели и другие отцы, но лампада осталась неподвижной.

Вот какая удивительная и достойная была у него душа, простая и детская. В ней обитала благодать, в ней действовал Сам *великий в совете и дивный в делах*[2] Господь.

* * *

В скиту монастыря Ксенофонт жил один достойный упоминания послушник, старец Феофилакт. Он хранил в себе Бога, и Бог сохранял блаженного. Будучи сыном богатых родителей, Феофилакт оставил суету и радости этого мира и стал учеником простейшего старца Космы. Его мать передала ему пароходом через Дафни[3] 100 лир, но он не захотел брать. Феофилакт всегда почти всю ночь молился стоя. Обликом и внутренними качествами он был подобен Ангелу.

* * *

В том же скиту в хижине Святых Архангелов жил старец Евфимий. Посреди своего аскетического жилища он вешал мешочек с сухарями, которые были его обычной пищей.

---

[1] Эта келлия принадлежит монастырю Пантократор.

[2] Иер. **32**, 19.

[3] Дафни — главная пристань Святой Горы. Находится на расстоянии 8 километров от Кареи.

* * *

Один подвижник сказал:

— Пост, бдение, молитва — кто будет иметь в жизни эти три вещи, многого достигнет. Будь прост в своем житии. Видишь мою каливу, в которой нет ничего лишнего? Пусть и в твоем доме будет только самое необходимое. Множество вещей не помогает в духовной жизни.

* * *

Недавно (в 1986 году) сном праведника почил приснопамятный «дедушка» Нового Скита отец Феофилакт — простой, смиренный, незлобивый старец, исполненный терпения перед лицом всяческих испытаний. К концу своей жизни он ослеп, но никогда не жаловался на то, что очи его лишились света. Его отличали апостольская нестяжательность и отсутствие попечения о материальных благах. У него не было рукоделия, не было и заботы о приобретении денег. Он непрестанно молился и за все благодарил Бога. Старец был учеником приснопамятного Иоакима (Спецieриса)[1] (о котором он всегда рассказывал мне, убогому), а после него — старца Иосифа Пещерника.

Прежде своей слепоты он имел послушание разносить в скиту почту и зажигать четыре лампады в киотах кириакона, который посещал два раза в день при любой погоде.

[1] Ученый архимандрит, подвизался в Новом Скиту. Одно время занимал почетную должность Государственного проповедника Греции.— *Пер.*

СЛОВО
О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Старец сказал:

— Молитва есть доверие Богу. Когда полностью доверяешь Богу что-то, нет нужды даже молиться, потому что это «что-то» берет в Свои руки Сам Бог. Остается только терпеливо ожидать, когда плод созреет и упадет. Поэтому, родители, вверьте своих чад Богу. Потому что вы создали их плоть, а Бог — душу. Следовательно, Бог должен позаботиться о них.

* * *

Старец сказал:

— Ребенок нуждается во многом наставлении и во многой любви. Человек дает ребенку свою плоть. Бог вкладывает в него душу. Когда ребенок вырастет, родители уже не несут за него ответственности. Бог дает каждому человеку Ангела Хранителя, который помогает ему на протяжении всей его жизни. Итак, не должно ли нам вверять себя Богу? Своим детям помогайте до определенного момента, после же вверьте их Богу. Ангел Хранитель рядом с ними. Кто-нибудь скажет: Ангел удаляется, когда человек дает место искушению. Это так, но Ангел не теряет надежды. Он следует поодаль, и Бог, хотя и видит, что мы

совратились с истинного пути, через Своего Ангела старается вложить в нас добрый помысл. Не будем же удаляться от Бога, потому что это причиняет скорбь. Помыслим, что Ангел Хранитель усердно трудится на протяжении всей нашей жизни, стараясь внушить нам добрый помысл, и, когда кто согрешает, Ангел испытывает боль и скорбит, ибо ему приходится возвращаться к Богу с пустыми руками... О, даже и помыслить об этом больно! И по одной уже этой причине не следовало бы удаляться от Бога, то есть преступать Его заповеди. Бывает, Ангелы с небольшим трудом или даже совсем без труда передают душу человека Богу, а бывает — после большого труда, с мучениями, с болью возвращаются к Богу ни с чем! Это очень печально. Подумайте. Мы должны иметь хотя бы немного ревности. Ради того только стоит подвизаться, чтобы не ранить своего Ангела Хранителя. Многие люди видели своего Ангела. Стоит увидеть его, и не захочешь ничего другого! Маленькие дети, когда смеются, видят своих Ангелов Хранителей. Вы должны научить маленьких детей молиться, потому что их слышит Бог. Но чтобы молитва вошла в их сердце, она должна быть сердечной, а если она не такова, то не приносит пользы. Сколько можете, учите детей добру сейчас, пока они маленькие, чтобы и они поняли, в чем заключается самый главный смысл жизни.

* * *

Один опытный подвижник сообщил посетителям доброе наставление о воспитании детей:

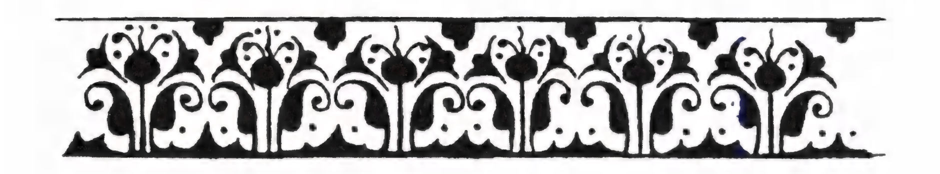
— Я очень сожалею о недосмотре своего отца, потому что на исповедь к духовнику я впервые попал только

в 18 лет. Достиг ребенок 6–7 лет — все, ведем его к духовнику...

Поэтому вы, когда вернетесь со Святой Горы домой, начинайте следить за своими детьми, просвещайте их в вере, ограждайте их, в первую очередь, конечно, молитвой. Молитесь о своих детях, как это делал праведный Иов. Молитесь так: «Пресвятая Богородице, покрой моих детей, сохрани их, помоги мне, Пресвятая Владычице». Сотворите крест, спойте и какой-нибудь тропарь Богородице о своих детях. И следите за ними: куда они идут ночью, с кем водят компанию, ибо *худые сообщества развращают добрые нравы*[1]. Твой ребенок может быть хорошим, но другой — развращен и может пагубно влиять на него.

[1] 1 Кор. **15**, 32.

СЛОВО ОБ ОТЧАЯНИИ

Одна монахиня, преследуемая духом отчаяния, говорила:

— Боюсь, что я не спасусь...

А мудрый старец отвечал ей:

— Кто же тогда спасется, если не спасутся монахи? Для чего сотворил Бог рай? Мы спасемся. Мы должны радоваться. Сознавая, что мы грешники, мы должны славословить Бога. Доверие Богу есть постоянная молитва. Ум должен перестать мыслить лукаво. Хульные помыслы — как самолеты, пролетающие мимо, возмущают наше спокойствие и уходят. Буду говорить, что я грешник, когда я хочу, а не тогда, когда этого хочет диавол[1].

* * *

Еще он сказал:

— Когда кто-нибудь станет свободным от смятения ветхого человека, рядом с ним обретают покой люди самого разного устроения.

* * *

Один подвижник говорил:

— Подвиг, ревность, чувство собственной нищеты, надежда (которая есть духовный кислород), утешение и вера

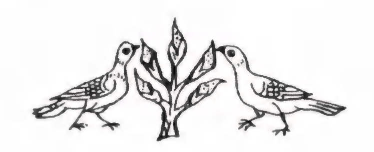
[1] Одна из уловок врага состоит в том, что он приводит на память человеку множество его грехов, чтобы человек перестал верить в возможность своего спасения и впал в отчаяние. Святые отцы советуют противиться такому диавольскому «внушению» и противопоставляют ему иную, спасительную печаль о своих грехах, плодом которой является не уныние, а смирение и сокрушение сердца.

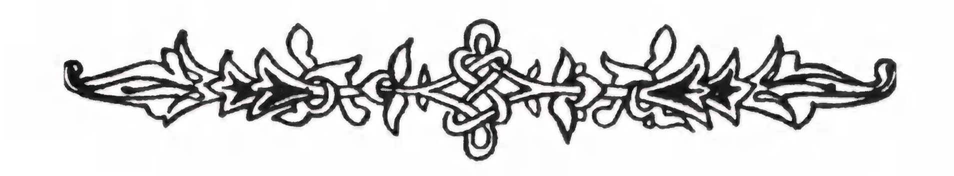
делают наше преуспеяние постоянным. Не жалкий вид, вынужденное послушание и молитва через силу, не слезы и печаль, которая от диавола. Плакать о своих грехах с верой в любовь Божию — это хорошо. Но плакать потому, что этого хочет диавол,— этого я не допускаю. Часто диавол сокрушает человека отчаянием и выходит победителем. Но так нельзя. Живите просто, как ребенок на руках у своего отца. Доверие Богу есть постоянная молитва, имеющая добрые плоды. Отчаяние от диавола. Не говорите: «Что сейчас со мной случилось, того не переменишь», но предайте себя доверчиво Богу и твердо уповайте на Него.

* * *

Старец сказал:

— Я не занимался специально многими вопросами — знаю немного из святоотеческой мудрости и стараюсь применить.... Но вот что я понял: для человека не существует яда. Яд делается сладким, когда воспринимаешь его духовно. Мы часто видим, как кто-нибудь совершает грех. Но он сокрушается, по-настоящему кается, исповедуется и получает Божественное утешение. Если же кто не получает утешения, то должен понять — что его искушает изнутри, какой помысл, и тогда следует пойти и исповедать его духовнику, после чего придет утешение... Кто участвует в горе страдающего брата и сострадает ему, тот молится, просит, и Бог помогает ему.

СЛОВО О ПРОСТОТЕ

На Карулях — в самой безводной пустыне Святой Горы — был один подвижник, который для утешения и для защиты от змей и мышей имел котенка.

Однажды одна хищная птица, пролетая в небе над его пустыней, наметила себе жертву и, устремившись вниз, схватила своими когтями котенка.

Подвижник, огорчившись и не зная, что делать, вошел в храм и, подойдя к иконе святого покровителя аскетирия, погасил лампаду, требуя таким образом его внимания. Он рассказал святому о скорбном событии, поскольку считал его своим другом и покровителем. «Почему, святче мой, ты не защитил его?» — говорил он, сетуя.

В то же мгновение подвижник услышал за дверью мяуканье котенка, освобожденного от пернатого хищника!

* * *

Нечто подобное мне рассказывал один старец об одном монахе-келлиоте. Этот монах, отлучаясь в Карею по какому-то делу, оставил дверь келлии открытой в надежде на покровительство святителя Николая, которому она была посвящена.

Вернувшись, он увидел, что его келлию опустошили грабители. Тогда монах вошел в храм и с дерзновенным, то есть дружественным и в то же время обличающим, видом сказал

святому Николаю: «Почему ты, святче, не защитил свою келлию от грабителей? С сегодняшнего дня, пока ты не покажешь учинивших это, я не буду зажигать тебе лампаду!».

Так он и поступил. И действительно, через несколько дней, во свидетельство веры и простоты старца-монаха, а также живого присутствия святителя Николая, грабители были обнаружены. Более того, они сами пришли и со смирением и сокрушением возвратили старцу все украденные из келлии вещи.

* * *

В Великой Лавре жил один очень простой монах по имени Ермолай. На него возложили послушание пасти стадо козлов[1]. Он ходил в разодранной одежде, с четками в руках. Человек был бесхитростный, без тени лукавства, непосредственная душа, в которой обитала Божественная благодать.

Говорят, что однажды он видел Пресвятую Богородицу, идущую по Лавре, но не узнал Ее и только спросил:

— Чего тебе надобно, женщина, в Лавре?

Один рабочий поступал с ним очень дурно, ругал его, выгонял на улицу зимой, и тот терпеливо переносил все с недосягаемым незлобием и кротостью.

О Ермолае мне много рассказывал подвижник старец Дамаскин из скита Святого Василия.

* * *

Мне рассказывал один очень простой, как малый ребенок, старец:

— Старые монахи были очень простыми людьми. Бесхитростные, нелукавые, незлобивые, настоящие овечки Божии.

---

[1] На Афон запрещается завозить животных женского пола.— *Пер.*

* * *

Старец сказал:

— Молитва не утомляет, она снимает усталость. Например, что ощущает ребенок, когда находится в материнских объятиях? Мы не можем этого понять. Тогда только почувствуешь присутствие Бога, когда будешь ощущать себя малым ребенком. Если кто-нибудь услышит со стороны, как молятся такие люди, то скажет, что они как малые дети. А если кто увидит совершаемые ими при этом движения, то скажет, что они спятили. Потому что они — как маленький ребенок, который бежит, хватает отца за полу и просит: «Не знаю как, но ты должен сделать то и то». Однако люди, о которых я вам говорю, становятся в некоторой степени непригодными для физической работы. Каким образом? Они не могут трудиться, тело их расслабляется, конечности перестают сгибаться. Когда любовь Божия изольется на человека в большом количестве, она обездвиживает его.

* * *

Старец сказал:

— Естественная простота из природного качества очень быстро делается святостью. Однажды один простой, но святой человек, испытывая нужду и желая позаботиться об одном недужном бедняке, пошел на берег моря, где стоял храм Вознесения. Простерши руки, он сказал: «Святая Ана́липси[1], дай мне какую-нибудь рыбку для больного».

И — о чудо! — в руке у него оказалась рыба, которую он и приготовил больному, благодаря Бога и… святую Ана́липси!

---

[1] Слово «вознесение» (Ἀνάληψη) по-гречески женского рода. Этот простой подвижник полагал, что храм освящен во имя какой-то святой жены.

Впрочем, человек простой и святой, но не имеющий рассуждения, может и прельщенного принять за святого. Святой же разумный и опытный имеет рассуждение и отличает святость от прелести. Ум — это харизма и дар Божий, как и телесная сила. Поэтому мы должны употреблять его так, как желает этого Бог, то есть к нашему спасению и освящению.

* * *

Карульский подвижник отец Филарет был приведен в Фессалоники на суд по делу кражи одним туристом какой-то древней книги. У монаха не было денег, чтобы заплатить несправедливо наложенный на него штраф.

— Отец, или плати, или тюрьма,— сказали ему судьи.

— Я выбираю тюрьму. У меня нет денег. С другой стороны, это будет для меня напоминанием о вечной тюрьме,— ответил он.

В конце концов кто-то из верующих заплатил штраф и откупил его от тюрьмы.

Вернувшись на Святую Гору, старец говорил отцам:

— Я был избавлен от земной тюрьмы, но избавлюсь ли от тюрьмы вечной?

И когда его спрашивали: «Как ты провел время в Фессалониках, старче Филарете, каким тебе показался мир?» (а он не выходил в мир более 50 лет), старец отвечал:

— Что мне сказать вам, отцы? Все люди торопятся, торопятся спасать свои души. Только я один ленив и нерадив...

* * *

Однажды очень бесхитростный и простой в обращении старец Артемий Григориат оказался в порту Пирея[1] по делам

[1] Портовый район Афин.— *Пер.*

своего монастыря. К нему подошла одна публичная женщина и пригласила к себе домой. Тот, будучи весьма простодушным, согласился.

— Слава Богу, — говорил он, — в таком столпотворении нашелся человек, оказавший мне гостеприимство.

Женщина привела его в какую-то комнату, накормила и оставила одного. Старец начал молиться по четкам. Через некоторое время женщина постучала в дверь. Но отец Артемий привык вместе со стуком слышать и «Молитвами...»[1], как говорят отцы на Святой Горе.

— Скажи «Молитвами...», — кричал он ей, когда она сильно и настойчиво стучала в дверь, — иначе не открою.

«Если не говорит “Молитвами...”, значит, точно бесовский дух», — заключил старец и продолжил свою молитву.

* * *

В течение двух лет я жил в исторической келлии Преподобного Нила Мироточивого. В этом уединеннейшем обиталище жил приснопамятный старец Мефодий, брат папа-Фотия из Симонопетра. Старец Мефодий внешне казался столь суровым и резким, что, как он сам мне говорил, прежние монахи дали ему прозвище «головорез». Он не был юродивым в прямом смысле этого слова, но все его поведение и внутренняя позиция, как и у большинства монахов, несли в себе элементы юродства. Мефодий был непосредственным, прямым, осуждающим

[1] «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» — так принято говорить у монахов, прежде чем войти в чью-то келью. Входят только тогда, когда изнутри отвечают: «Аминь».

самого себя, смиренным до полного самоуничижения, непритворным...

Он говорил:

— С детства я был суров и необуздан, однако своих старцев упокоил. Сумасшедший, взбалмошный, как меня называли, но не дал келлии погибнуть. За отцом и матерью не ходил, а за своими старцами Нилом, Мефодием, Харитоном и Антонием ходил и их упокоил. Неужто не спасет и меня Пресвятая Богородица? Кто любит Пресвятую Богородицу, остается здесь.

Старец Мефодий был совершенно неграмотным. Каждый раз на вечерне, когда читали канон Богородице, он хотел возглашать «Пресвятая Богородице, спаси нас». Он произносил эти слова во весь голос, с такой непосредственностью и умилением, что потрясалось все его существо.

Часто он говорил:

— За самую малость можно попасть в геенну. И за самую малость можно спастись. Можно спастись в лодке с одним веслом.

Он был рыбаком с давних пор. Вместе со своим старцем в качестве рукоделия они имели рыбацкое ремесло и продавали свой улов. Все море и вся суша знали геро-Мефодия, его знал весь Афон, потому что он был еще и заядлым охотником.

Свирепый на вид, отец Мефодий был снисходителен по произволению своей души. Он не был юродивым, но был как гранит, как скалы, нависающие над его каливой, в своем упорстве, одиночестве. Но душа его была доброй, гостеприимной, простой, как у ребенка, который иногда упрямится, а иногда тебе улыбается. Она была подобна пуху.

Однажды он сказал мне:

— Пойду, расчищу тропу от веток. Ведь люди ходят; чтобы они не мокли. Кто-нибудь да скажет: «Спаси его, Господи». Да даже если — говорю себе — и не скажет, ты получишь, благословенный, свою награду.

Этот простой монах творил все время такую молитву:

— В сей день, Господи, забери и сего нищенку (то есть его самого). Определи его к Своим рабам. Да и не хотим мы быть ни с владыками, ни со священниками, но сидеть бы на самом краешке...

* * *

Я знал двух монахов, на лицах которых самым живым образом были запечатлены простота и незлобие. Блаженные, непосредственные души, не знающие лести и коварства. Овцы Христовы, носящие в себе Его кротость и Его смирение. По общему мнению, эти два подвижника, старец А. из скита Святой Анны и старец П. из Нового Скита, уже пребывают в раю.

* * *

В столице Святой Горы, Карее, жил в последние годы один очень простой мирянин, геро-Яннис, прозванный древним, потому что он носил на ногах царухи[1] и в правой руке всегда держал посох. Однажды он пришел в братство Иоасафеев и сказал отцу В.:

— Сделай мне одну... аконку. Хочу, чтоб Богородица была в облаках в белой одежде. (Так, он говорил, ему явилась Пресвятая Богородица.)

— Сделаем, папа-Яннис, но она тебе выйдет дорого, эта... аконка.

[1] Грубая крестьянская обувь, род лаптей.

— Ты просишь много, а я дам тебе мало,— ответил он.

В другой раз папа-Яннис увидел волка, рыщущего около келлии отца Агафангела. Сотворив крестное знамение, он сказал:

— Пресвятая Богородица, спаси меня, и я принесу Тебе банку масла.

И действительно, утром он пошел в магазин, купил масло и отнес его в келлию «Достойно есть».

* * *

В одной из келлий монастыря Ксиропотам жил другой простой сердцем и нищий духом мирянин по имени геро-Антоний Цукас. Один брат монах, оказавшись в тех краях, встретил его и спросил:

— Как поживаешь, дедушка?

— Как поживаю? Да вот, жду Пасху...

— Так Пасха ведь прошла! Уже Пятидесятница...

— Когда прошла? Пятидесятница? Но я же пощусь! Я еще не разговлялся! — воскликнул дед с недоумением и удивительной простотой.

Большую часть времени он проводил у диакона Фирфириса. Когда видел кого-нибудь из паломников курящим во дворе Протата, то возмущался и говорил как бы самому себе:

— Кто курит, тот проявляет неблагодарность. Церкви не нужны сигареты. Ей нужны ладан, спички и свечи...

СЛОВО ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ МИРА И СТРАННИЧЕСТВЕ

В 960—980 годах активно процветала деятельность ктиторов Иверского монастыря, происходивших из царского рода,— Иоанна и сына его Евфимия[1], которые были учениками преподобного Афанасия Афонского[2].

Преподобный Евфимий, будучи еще в миру, поспорил с одним евреем и убил его, потому что тот похулил имя Христа. Тяжело заболев, он был исцелен Пресвятой Богородицей и, придя на Святую Гору, стал учеником великого основателя общежительного монашества на Афоне святого Афанасия.

Грузины назвали его новым Златоустом, потому что он перевел с греческого языка на грузинский все Священное Писание и другие книги.

* * *

Святой Савва Сербский был сыном царя. До пострига он носил имя Рацко, а отцом его был сербский царь Стефан Неманя. Вся его семья слыла очень благочестивой.

---

[1] Иверский монастырь был основан в конце X века выходцами из Иверии Иоанном, Евфимием и Георгием, происходившими из династии Багратидов.

[2] Святой Афанасий Афонский (930—980) — основатель Великой Лавры, исключительный подвижник, много раз удостаивался видеть Пресвятую Богородицу. От Нее ему было предречено, что Лавра прославится и займет главенствующее место среди всех обителей.

С детского возраста святой возлюбил ангельское монашеское житие. Когда в его отечество пришли святогорские монахи, среди которых был и один русский весьма добродетельный старец, и он узнал от них о жизни монахов на Святой Горе, его сердце было уязвлено Божественной любовью. Рацко плакал от умиления и просил добродетельного старца взять его с собой, когда они будут возвращаться на Святую Гору.

— Вижу, отец, что Бог, знающий глубины моего сердца и мое желание, послал тебя ко мне, грешному, чтобы ты наставил меня на этом Божественном пути. Итак, прошу тебя, научи, как уклониться мне от суеты мира и удостоиться той жизни, которую проводит ваша святыня. Ибо родители мои желают скоро меня женить, и потому я решил уйти отсюда...

Старец согласился быть его спутником и руководителем, угадывая в этом волю Божию и видя горение души Рацко, который придумал и план побега. Родителям он сказал, что желает пойти на ближайшую гору для охоты и немного развлечься. Отец дал ему свое благословение и столько слуг, сколько было необходимо. Ночью сей блаженный Рацко, а впоследствии святой Савва, когда его спутники уснули, встретился с упомянутым старцем, и они тайно ушли на Святую Гору.

В Старом Руссике[1] Рацко закалился как добрый воин и подвижник этого, не похожего ни на что мирское, монашеского жительства. Родители его безутешно плакали. Отец

---

[1] Скит Старый Руссик, основанный еще в Средние века, был уступлен в вечное владение русским, но с конца XVII до середины XIX века подвергся сильному запустению. Валахский господарь возобновил обитель, но вскоре она опять впала в большие долги, пока не были приглашены русские иноки Павел и Иероним (Соломенцов) со своими учениками. Ныне снова в запустении.

повсюду разослал слуг, чтобы найти свое чадо. Для него это был не только прекрасный, возвышенный и чрезвычайно разумный сын, но и наследник его царства. Наконец стало известно о пребывании Рацко в Руссике, и три сербских князя приехали туда, чтобы забрать его. Но послушник Рацко, укрывшись в башне монастыря, просил своего старца срочно в ту же ночь постричь его в монашескую схиму.

Затем он написал родителям письмо о кончине мира и о вечных мучениях. Это послание так потрясло их и привело в такое умиление, что они и сами решили стать монахами. Мать ушла в женский монастырь, приняла ангельский монашеский чин и, богоугодно подвизавшись, отошла ко Господу. А отец, отрекшись от дворцов и царства и оставив своим преемником сына Стефана, пришел на Святую Гору, где встретился со своим сыном монахом Саввой. Их радость и умиление были неописуемы. Царь тоже просил сделать его монахом и получил имя Симеон. Так отец по плоти Симеон стал духовным сыном своего сына по плоти и духовного отца Саввы! Подвизались они в монастыре Ватопед[1], и оба, отец и сын, стали святыми[2]. Они основали знаменитый сербский монастырь Хиландар[3], место для которого предоставил в 1198 году монастырь Ватопед в соответствии с грамотой императора Алексия III Ангелоса.

[1] Ватопед — один из самых древних, богатых и крупных монастырей, второй по чести после Великой Лавры. По преданию, был основан равноапостольным царем Константином в первой половине IV века.

[2] Память святого Саввы Сербского празднуется 12/25 января, а святого царя Стефана (Симеона Мироточивого) — 13/26 февраля.

[3] Хиландар стал центром распространения на Афоне славянского церковного уклада, и в частности церковнославянского богослужебного языка.

* * *

Поистине достоин удивления преподобный Дамиан, друг преподобного Космы Зографского, подвизавшийся в святой обители Есфигмен. Он проводил чистое житие и имел заповедь никогда не ночевать вне своей каливы. Однажды, застигнутый ночью в дождь и туман в окрестностях Хиландара и не зная, где находится (из-за темноты и сильного дождя), святой возопил ко Господу: «Господи Иисусе Христе, спаси мя, погибаю». Тотчас Ангел Господень подхватил его, и он каким-то непонятным образом оказался перед своей каливой, цел и невредим. После успения преподобного Дамиана в течение сорока дней отцы монастыря ощущали благоухание, исходящее от его гроба, который находился на расстоянии одной мили от обители!

* * *

— Ты из какой деревни, старче?— спрашивали духовника Вениамина Кутлумушского, почившего в 1941 году в возрасте девяноста пяти лет.

— Я беженец,— отвечал он, имея в виду странническую жизнь всего человеческого рода и скоротечность сего временного бытия.

* * *

Примерно около 1835 года, через пять лет после освобождения Греции от турок, несколько сердаров[1] отправились в лесистый район Великой Лавры для охоты на диких коз. Как-то утром они неожиданно увидели недалеко от одной пещеры почтенного старца, совершенно обнаженного.

---

[1] Сердары — это особые стражи Святой Горы, следящие за порядком. На их пилотках обычно написано: «А. О.» («Полиция Святой Горы»).— *Авт.*

«Благослови, отче»,— сказали они. «Господь благословит»,— ответил он и начал расспрашивать их о Святой Горе: что на ней происходит, как живут монахи и т. п. Они ответили, что кругом большое спокойствие после освобождения от турецкого ига и поражения турок.

— Кто такие эти турки и что это за восстание греков?— спросил пустынный старец.

— Ты не знаешь, старче, что мы, православные греки, пролили свою кровь за освобождение от турецкого ига?

— Нет, чада мои. Я ничего об этом не знал. Нас здесь семеро, и мы никуда не ходим и ничего не слышим,— ответил этот земной ангел и небесный человек.

Охотники взяли у него благословение и, пораженные, поспешили сообщить о своей встрече отцам и братиям скита Святой Анны. Отцы проявили к этому большой интерес. Многие из них собрались и вместе с сердарами поднялись на Афон, тщательно исследуя весь тот район, чтобы найти пещеру и этого удивительного старца. Но ни пещеры, ни старца они не обнаружили.

* * *

В келлии Святой Троицы в Карее жил папа-Кирилл. Это был человек очень приятный, доступный, благородный, весьма почтенного возраста, с совсем белой бородой и светлым лицом. Он казался олицетворением святогорцев. Со Святой Горы в мир он никогда не выходил.

* * *

Достойным удивления странником во Христе, презревшим славу мира сего, был иеромонах Иоаким из Святой Анны, американец, живший в келлии Рождества Богоро-

дицы. Он был братом по постригу моего приснопамятного старца, и тот постоянно рассказывал нам об этом редком человеке и послушнике.

Отец Иоаким имел большие заслуги перед Иерусалимской Патриархией и греческой армией, и потому у него было множество наград, которые он все вместе с крестом архимандрита посвятил иконе Святой Анны.

Приехав из Америки, где его прочили на высшие церковные посты, он подвизался под началом строгого старца и показал образцовое послушание. По собственному желанию отец Иоаким отказался от исполнения своих священнических обязанностей, чтобы жить как простой монах.

У него выросла длиннейшая борода, достигавшая земли, как у древних святых подвижников. Заболев туберкулезом, он почил о Господе в 1957 году.

* * *

Совершенное странничество обрел Григорий-исихаст, владелец каливы Святых Архангелов в скиту Святой Анны. Происходил он из Спарты. На Святой Горе постоянно постился и предавался непрестанной молитве.

Он говорил, что будет брошен вместе с сатаной в геенну за презрение крестной жертвы Господа.

Все его любили.

* * *

Один старец-подвижник сказал:

— Как можно определить, что монах распялся миру[1]? Вот отец С. прожил на Святой Горе шестьдесят лет и ни разу не выходил в мир.

[1] См.: Гал. **6**, 14.

Еще он сказал:

— Похвалы и дифирамбы вредят монаху. Когда кто-то ищет похвалы, он похож на человека, который хочет поймать свою тень.

«Раз мой старец меня ругает, значит, он меня не любит», — говорит послушник. Откуда же он может знать, что у старца на сердце?

* * *

Один хиландарский (сербский) монах в течение сорока лет не выходил из своей кельи!

* * *

Святой Леонтий из монастыря Дионисиат до самой своей смерти не знал, где находятся ворота монастыря, прожив в нем семьдесят пять лет.

* * *

Сто лет назад почил в мире в одной из калив Святой Анны сербский принц из знаменитого рода Бранковичей, в монашестве Феоклит. Он жил очень аскетично, совершенно отрешился от мира и нес великие подвиги, за что и был удостоен духовных дарований от их Подателя всемилостивого Господа.

* * *

Старец сказал:

— Монах, как только отречется от мира, вручает своих близких Богу и забывает о них. Тогда Бог берет на Себя обязанность им помогать. Так монах выходит из своей малой семьи и вступает в семью Адама. Он не вспоминает о своих сродниках и даже не молится о них особым образом, потому что, заботясь о них сам, он препятствует Богу взять

о них заботу на Себя. Я во всех людях вижу своих родителей, братьев, племянников. Я даже прекратил общение с родственниками... Когда я не думаю о своих, тогда Господь подумает о них.

* * *

Добрую память духовного наставника и рассудительного духовника, человека ученого и издателя многих святоотеческих творений оставил о себе иеромонах Евфимий из келлии Креста в монастыре Кутлумуш. Приснопамятный рассказывал следующую историю:

«После освобождения Крита в 1912 году[1] турки продавали земли, находившиеся еще в их власти. Тогда к нам пришел один человек, брат которого подвизался монахом в нашем скиту, и настоятельно требовал денег, чтобы и ему купить на острове землю. Его брат не хотел давать ему, хорошо зная, что деньги монаха не принесут пользы его родственникам. Монах посвятил себя Богу. Тем не менее, убежденный другими соотечественниками, он согласился отдать этому мирскому брату все свои деньги. Но когда тот возвращался, в Фессалониках с ним случилось великое искушение и несчастье, он был убит, а все взятые им деньги пропали».

* * *

Старец Варфоломей родился в 1860 году на Святой Горе, когда его мать вместе со многими женщинами и детьми нашла там прибежище во время восстания на Халкидиках. Мать посвятила его Пресвятой Богородице. Преемником старца был иеродиакон Василий (Давилас, † 1979),

[1] Крит был освобожден от турецкого владычества намного позднее Греческого государства (1829).— *Пер.*

показавший такое отречение от всего, что ни разу не выходил в мир и в течение сорока лет не отлучался из своей келлии даже в Карею.

Также совершенно отреклись от мира и его благ родные братья: Венедикт, Агафангел, Савва из келлии Успения Пресвятой Богородицы (Моливдоклисья) и иеромонах Григорий из келлии Святителя Николая в Карее, не выходившие со Святой Горы со дня своего пострига. Последний же, придя на Святую Гору в девятилетнем возрасте, даже совершенно забыл все женские лица и только смутно помнил о своей матери.

* * *

Один древний старец, папа-Неофит из Святой Анны, по одной неотложной нужде отлучившийся со Святой Горы на один год, говорил мне:

— Хорошо бы никогда больше Пресвятая Богородица не посылала меня снова в мир.

* * *

Несколько лет назад умер преодолевший вековой рубеж (105 лет) старец Василий из Кареи. Он ни разу не вышел из своей келлии, чтобы спуститься в Карею. При этом он был вполне счастлив:

— Даже если бы я имел десять жизней, то отдал бы их ангельскому монашескому житию,— говорил старец.

* * *

Девяностолетний папа-Никанор из Кавсокаливии рассказывал мне, что в их каливе жил монах Феолипт, достигший совершенного удаления от мира. В 1924 году он пришел из Малой Азии. Там он дал обет Богу, что если оста-

нется жив в этой войне[1], то уйдет на Афон и уже не возвратится в мир. И действительно, все в его роте погибли, и только он чудесным образом спасся. Придя в скит, Феолипт никому не сообщил о своем происхождении и ни с кем не знакомился. Его сестры из Серр[2] ходили в Командование, пытаясь узнать, жив он или мертв. Через два-три года они начали готовить коливо и поминать его о упокоении. Через десять лет к отцу Иоакиму в Карею пришел один человек из Серр, и так родственники отца Феолипта узнали, что он жив. Тогда в скит приехал его брат, чтобы встретиться с ним, но Феолипт сказал ему: «Зачем ты пришел, брат? Ведь я теперь монах».

Его просили выехать в Уранополис[3], чтобы сестры смогли увидеть его в последний раз, но он отказался.

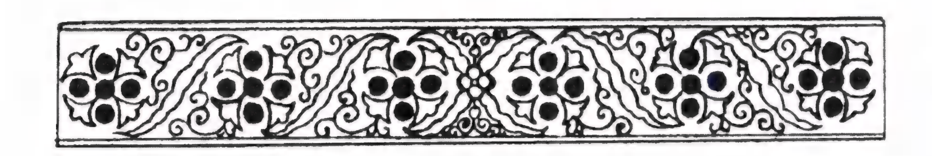
С великим терпением переносил отец Феолипт множество своих болезней. Это был человек прекрасной души. Почил он в 1977 году.

[1] Имеется в виду Малоазийская кампания Греко-турецкого конфликта 1921—1922 годов, в результате которого Греция потеряла всю Малую Азию.— *Пер.*

[2] Город в греческой Македонии.

[3] Город, возле которого проходит административная граница Афона.

СЛОВО О ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ

Преподобный и богоносный отец наш Петр Афонский, первый исихаст Святой Горы, поселился в пещере, которая находится под южными предгорьями Афона. Там он проводил поистине ангельское и небесное житие, нагой, босой, претерпевая многочисленные и разнообразные искушения от демонов, в течение пятидесяти трех лет питаясь небесным хлебом[1].

* * *

Преподобный Геронтий, основатель скита Святой Анны, прежде был игуменом монастыря Вулевтирион. Жил он в пещере, сначала у моря, а затем, ввиду угрозы пиратских набегов, в труднодоступных скалах, где сегодня стоит церковь святого великомученика Пантелеимона. Рядом с ним в каливах подвизалось множество аскетов, живших в крайнем нестяжании, подвиге, молитве и беспопечительности.

Ради утешения братий преподобный помолился, и на месте его подвигов образовался небольшой святой источник.

Преемник же его захотел разбить небольшой садик и собирал эту воду для полива. Однако это не было угодно

[1] Преподобный Петр скончался в 734 году (память 12/25 июня). С его именем связан священный завет Божией Матери о Святой Горе и о населяющих ее монахах: «…и распространю их в Горе на юг и север и возобладают ею от мира до мира, и имя их во всей подсолнечной хвально сотворю и защищу тех, иже тамо терпеливно в постничестве подвизатися будут».

нашей Пречистой Владычице, говорят отцы, источник иссяк, и вода вышла ниже. Потому что Пресвятая Богородица желает, чтобы монахи предавались молитве, свободной от всякой заботы о земном, а не обработке садов.

* * *

Преподобный Герасим Новый[1], сначала подвизавшийся на Святой Горе, целых пять лет подвижнически жил в районе Капсалы[2], питаясь только вареными кабачками без масла, а затем переселился в безмолвное место Омала на остров Кефаллиния[3], где он устроил свою пустынь и основал тамошнюю обитель.

На Святой Горе святой Герасим приобрел духовный капитал, познал мужей добродетельных и святых, пополнил свой монашеский и подвижнический опыт и стал сосудом благодати, непрестанно пребывая в посте и молитве, так что лукавые духи в трепете бежали от него. От пустынной области Капсала он получил и прозвище Капсалис, так что даже демоны кричали: «Ты попалил нас, Капсалис!».

* * *

Однажды в очень суровую зиму, когда выпало много снега, преподобный и богоносный отец наш Акакий Кавсокаливит развел огонь, чтобы согреться. Но чем ближе

[1] Замечательный подвижник преподобный Герасим Кефалонийский (Нотара), нетленные мощи которого почивают в основанном им женском монастыре на острове Кефаллиния (Кефалонья). Подвизался в пещерах в разных областях Греции, на Святой Земле, на Крите и является одним из наиболее почитаемых в Греции святых. Его память празднуется 20 октября/2 ноября.— *Пер.*

[2] Капсала — пустынная местность, расположенная близ Кареи, на северо-восточном склоне Святой Горы. В переводе с греческого означает «гарь, лесное пожарище».

[3] Самый большой из Ионических островов.

он придвигался к теплу, тем больше замерзал. Тогда подвижник понял, что тот чрезвычайный холод, который он ощущал, не был естественным, а происходил от бесовского действия. Святой тотчас погасил огонь и, выйдя из пещеры, в которой жил, обнаженный бросился в снег. Тогда он ощутил в себе такую удивительную силу, что ему казалось, что он находится в бане, а не в снегу.

Удивление и восхищение овладевали нами всякий раз, когда мы посещали его пещеру и видели его сохранившееся ложе, состоящее из толстых необработанных сучьев, прибитых на большом расстоянии друг от друга, так что почти невозможно было отдыхать на них.

* * *

Святой Савва Святогорец[1], подвизавшийся и стяжавший святость на острове Калимнос[2], любил подвиг и злострадание. Масло в пищу он добавлял только в субботу и воскресенье. Ежедневно воздерживался от пищи до третьего часа дня. Отдыхал на какой-то деревяшке. По ночам святой, как правило, бодрствовал в молитве. Как добрый пастырь, полагающий душу свою за овец (см.: Ин. **10**, 11), он исповедовал народ Божий. Обладал преподобный Савва и даром предвидения.

Со Святой Горы он переселился на Эгину[3] и стал учеником святителя Нектария, Эгинского чудотворца. Он же со-

---

[1] Он же Савва Новый (память 25 марта/7 апреля).

[2] Остров принадлежит архипелагу Южные Спорады и находится в большом удалении от Афин.

[3] Эгина — остров, расположенный на юге Греции. Он стал местом последнего служения и упокоения наиболее почитаемого из современных греческих святых — святителя Нектария Пентапольского (1846–1920).

вершил и погребение святителя. У святого Саввы было облачение, подаренное ему святым Нектарием, которое он надевал на великие праздники.

* * *

Духовником-исповедником моего приснопамятного старца на Святой Горе был карульский пустынник иеромонах Христофор. Подвизался он в некоем «гнезде орла» — небольшой каливе, покрытой листами жести. Сейчас, как и тогда, ее окружают пропасти, суровые и крутые скалы, стремительно ниспадающие в бездну Эгейского моря. Кругом царит совершенное безмолвие. Только дикие птицы изредка нарушают его своими приятными, радостно-печальными криками. Места суровые, неутешительные. Рассеянные тут и там кактусы с лепешкообразными стволами и дикий миндаль несколько озеленяют это обнаженное, безводное пространство. И на фоне пустынного, аскетического ландшафта еще большее удивление постигает, когда узнаешь, что среди этих неприступных скал и пропастей жил хромой духовник Христофор. С одной здоровой ногой, как атлет и альпинист, лазил он по скалам этих поистине ужасных Карулей!

Старец Гавриил из Керасьи

* * *

Мой приснопамятный старец часто рассказывал мне, что древние отцы из Пустыни[1] или из монастыря отправлялись в путешествие на лодке, добираясь на веслах до Дафни, и оттуда возвращались восвояси. А поскольку путешествие на веслах занимало много часов, они брали с собой в лодку книги и ладан и пели утреню или молились по четкам.

* * *

В скиту Святого Василия[2], рядом с Керасьей, жил один старец по имени Феофилакт, стойкий адамант аскезы и злострадания. У него было и два ученика. Часто он удалялся в одну пещеру и бодрствовал там всю ночь. Один раз выпало очень много снега (около метра), так что он покрыл все вокруг. Ученики утром расчистили в снегу дорожку и стали искать старца. Проискав долгое время, они увидели вдалеке на одной из скал какую-то тень. Приблизившись, они убедились, что это был их старец. Послушники помыслили, что он уже мертв, замерз. Но как только они подошли к нему вплотную, подвижник зашевелился, из чего они с удивлением заключили, что он жив. Мало того, его тело было настолько теплым, как будто он находился вблизи огня, а снег вокруг него странным образом растаял!

Этого святого аскета демоны однажды схватили и перенесли из скита Святого Василия на Карули...

---

[1] Афонская Пустынь включает в себя Малую Анну, Катунаки, Карули, скит Святого Василия, Керасью.

[2] Скит Святого Василия расположен на большой высоте, на склоне, ведущем к вершине Святой Горы.— *Пер.*

* * *

Старец сказал:

— Сегодня мы ищем, как бы стать святыми с малым трудом... Ныне мы отошли от Предания. Смотрим не на первого, как он оказался в первом ряду, а на последних.

* * *

Дивный исихаст Варнава не имел своей комнаты, как и вообще ничего своего. Чаще всего он ночевал где-нибудь в углу архондарика. О нем мне рассказывал приснопамятный пустынник геро-Дамаскин.

* * *

С монастырем Святого Дионисия[1], хранящим первобытные аскетические, обрядовые и монашеские традиции Афона, нас связывает многое. Это не только знакомство с почтеннейшим мудрым игуменом старцем Гавриилом, который был нашим советником, не только уважение к прилежному исследователю и многоплодному писателю — ныне здравствующему старцу Феоклиту Дионисиатскому, но и память об удивительной личности старца Лазаря.

Всякий раз, когда ради душевной пользы мы посещали келью старца Лазаря, мы выходили из нее, исполненные духовных плодов, как бы нагруженные гроздьями спелого винограда монашеского опыта.

Святой игумен Гавриил дал нам следующую лаконичную биографическую справку, отражающую жительство этого великого аскета, Лазаря-киновиата[2]:

[1] Монастырь Дионисиат был основан преподобным Дионисием в XIV веке при содействии императора Алексия III Комнина. Считается одним из наиболее строгих монастырей Святой Горы.

[2] Киновиат — монах общежительного монастыря (киновии).

«Отец Лазарь Дионисиат был родом из села Меливия нома[1] Агиа Лариса. Родился он в 1892 году, пришел на Святую Гору в 1916 году и почил 28 декабря 1974 года.

В течение тридцати лет нес послушание больничного, десять лет — уставщика и еще тридцать — начальствующего. В миру по окончании средней школы он был помощником секретаря мирового судьи г. Дотий нома Агиа Лариса. В двадцатилетнем возрасте отправился в Америку, оттуда в возрасте двадцати четырех лет приехал на Афон и был пострижен в монахи в 1917 году.

Отец Лазарь был очень благочестив, крайне честен, аскетичен. Он был ревнителем общежительного устава[2] и радел о регулярном приобщении Святых Таин, причащаясь каждую неделю по обычаю монастыря. В течение трех лет старец жил в кафисме Святого Нифона, расположенной несколько выше монастыря, в крайнем воздержании. Даже и в монастыре до 1965 года на первой седмице Великой Четыредесятницы в понедельник и вторник он ничего не вкушал, причащался с отцами в среду на литургии Преждеосвященных Даров, ел затем на трапезе и снова оставался без пищи до субботы.

В больнице старец Лазарь был врачом душ и телес, с братской любовью наставляя больных в том, что необходимо для духовного приготовления к исходу из этого мира. На Рождество вечером с ним случился односторонний паралич, и он прожил после этого три дня. Причащали его каждый день, также было совершено соборование. На третий день он впал

[1] Ном — административно-территориальная единица Греции.

[2] Общежительный устав предполагает общую собственность, общие послушания, общие службы и трапезы, а также единое подчинение избранному игумену.

в коматозное состояние и почил около захода солнца. Его оплакивало все братство, а память о нем в монастыре сохраняется и поныне, не ослабевая».

* * *

Святой Никодим Святогорец не только учил подвигу, но и практически следовал аскезе, посту, злостраданиям и благословенной нищете, которая является красотой монашеского жития. Он был научившим и сотворившим, по Евангелию, а потому и великим в Царствии Небесном. Вот что говорит о нем его жизнеописатель:

«Но когда он пробыл в монастыре[1] около года, любовь к безмолвию снова вывела его оттуда, он пришел и приобрел каливу, что напротив Святого Василия, и уединился там, получая от нас хлеб. Другой его едой был рис, сваренный в воде, а иногда разваренный. Но чаще всего его пищей были маслины и размоченные бобы...»[2].

* * *

В скиту монастыря Кутлумуш стоит полуразрушенная ныне калива в честь Святого Иоанникия Великого. Когда-то здесь жило братство из шести отцов с очень строгим старцем. В распоряжении братства имелось только две комнаты и небольшая церковь. Никто из отцов не имел своей комнаты. Ночью все отдыхали для «ослабления трудов многотрудныя плоти»[3], смыкая ненадолго глаза в стасидиях маленькой церкви! Какое суровое житие, какая победа над сном! Какой удивительный подвиг!

---

[1] Это был монастырь Пантократор.

[2] Житие преподобного Никодима Святогорца, составленное в 1812—13 годах иеромонахом Евфимием. (На русском языке еще не издано.) — *Пер.*

[3] Утренние молитвы, молитва 6-я.— *Пер.*

* * *

Раньше отцы не употребляли вьючных животных для перевозки строительных материалов и вещей. Все переносили на своих плечах по крутым тропам скитов. Однажды молитвами Пресвятой Богородицы старец А. с арсаны (небольшая пристань) скита Кавсокаливия перенес на спине в свой дом тонну винограда. Носил до самого утра. В другой раз он же перенес 500 килограммов песка для строительства.

Сорок два раза этот старец поднимался на вершину Афона, чаще всего — чтобы помочь в строительстве тамошней церкви в честь Преображения Господня, а иной раз — и для участия во всенощном бдении, которое совершается там 6 августа.

Часто на руки ему садились птички, которых он кормил в своем ухоженном саду, изобилующем дикими и культурными растениями всякого рода.

* * *

В течение семидесяти лет ежедневно служил Литургию приснопамятный отец А.-лавриот. На коленях у него образовались мозоли от многих коленопреклонений. Он предсказал свою смерть, не чувствуя еще никаких признаков болезни. В последний раз благословив трапезу, он попрощался с отцами и братиями и отошел ко Господу...

* * *

Незабываемый старец Святой Анны Х. рассказывал нам:

— Отцы наши носили ветхие одежды и лапти из свиной кожи на ногах. Некоторые из них, имевшие священный сан, служили босыми на священном мраморе кириакона. Можно было видеть мужей, высоких, как кипарисы, очи которых были полны слез, причем они, будучи вознесены духом

горé, не чувствовали сильного холода! Когда бдение заканчивалось, в стасидиях оставались слезы наших отцов.

* * *

Приснопамятный старец Варлаам из монастыря Ксенофонт, которому было за сто лет, никогда не зажигал печи в своей келье на протяжении всей зимы. Каждый день он по восемь часов простаивал на коленях.

Ложем ему служила какая-то подстилка. Никогда он не видел своего лица в зеркале. Как-то раз, когда его сфотографировали с посохом, а затем показали фотографию, он спросил: «Кто этот человек, взявший у меня мой посох?».

* * *

Что нам сказать о подвижнике Хрисогоне, о его смертоносном для страстей посте и подвиге? Этот благословенный человек, живший в домике для рабочих в кутлумушской келлии Святых Апостолов, своей ежедневной пищей имел хлеб, который макал в воду с небольшим количеством сахара, или сухари. Одежда его была бедной, накрывался он старыми мешками. Проделывал в мешках дырки, надевал их по четыре и по пять и так проводил зиму, сидя у камина. Это был очень простой и тихий монах.

Подобно ему и другой аскет, живший на Вигле, проводил свои дни в нищете и подвиге, беззаботный, как птицы небесные, которые не сеют, не жнут, и Отец Небесный питает их (см.: Мф. 6, 26). Имя его нам неизвестно. Жил он в небольшой каливе без церкви, подвергаясь большим лишениям. Он ходил на ночные Литургии живших неподалеку отцов, нося зажженный масляный фонарь. Только когда масло заканчивалось, этот подвижник шел в румынский скит

или в Великую Лавру. Приходил и стоял молча, но отцы, видя его светильник, понимали, в чем дело, наполняли его маслом и давали какую-нибудь милостыню или «благословение»[1]. В своей каливке он жил как бестелесный. Когда ходил на Литургии, со стыдом ел на трапезе какую-нибудь малость и уходил с миром и молитвой.

* * *

Один только раз я видел с моим почтенным и приснопамятным старцем столетнего старца Авимелеха, современника святителя Нектария, сподвижника старца Иосифа Пещерника, и во мне живо запечатлелись его кротость и тихий нрав.

Он приехал из Лонговардского монастыря[2] и подвизался на побережье скита Святой Анны в пещере, где устроил храм в честь девяноста девяти критских преподобных. Затем для большего подвига он перешел в пустынный скит Святого Василия, расположенный выше Катунак. Наконец старец поселился в каливе Успения Пресвятой Богородицы в скиту Святой Анны, выше пещеры Святых Дионисия и Митрофана. Там он подвизался до своей кончины (почил в возрасте 107 лет). Старец просил, чтобы его имя не давали никому, ибо он не прославил его. На вопрос: «Как дела?»[3] — он обычно отвечал: «Храним ум», что указывало на его посто-

---

[1] «Благословением» на Святой Горе называется какой-нибудь подарок, угощение или плата. Часто «благословения» уделяются от монастыря или скита тем отцам, которые подвизаются в одиночку.

[2] Лонговардский монастырь находится на острове Парос, расположенном в южной части Эгейского моря.

[3] Τι κάνεις — буквально этот обычный при встрече вопрос переводится как «Что делаешь?», поэтому возможен буквальный ответ.— *Пер.*

янное умное делание. Пещера, в которой он подвизался, сегодня используется в качестве холодильника.

* * *

Образцом и примером православного монашеского подвига и великим исихастом нашего века, собеседником папа-Саввы, старца Каллиника-затворника, старца Герасима и Даниила Смирнского[1] был и чрезвычайно рассудительный духовник пустынных Катунак папа-Игнатий[2]. Немытый, нечесаный, босой, имевший одну-единственную одежду, он был кротким, спокойным, мирным. Это был знаменитый духовник, тихая заводь для всех, приходящих под его епитрахиль, как греков, так и иностранцев.

Масло от немногих оливковых деревьев, которыми располагало его братство, папа-Игнатий хранил для лампад своей церкви. Бóльшую часть года они ели пищу без масла. Чтобы удлинить ночь, он закрывал ставни на окнах своей кельи и таким образом увеличивал часы молитвы. Целью его мягкого пастырского подхода было разжечь Божественную любовь к Жениху Христу в сердцах приходящих к нему. «Возлюби Того, Кто возлюбил тебя»,— обычно говорил он.

В конце своей жизни старец ослеп и еще больше посвятил себя молитве. Говорят, что еще при жизни от его уст исходило благоухание, а после поднятия останков стали благоухать его кости. Это был прямо-таки библейский образ.

---

[1] Имеется в виду основатель братства Данилеев на Афоне старец Даниил Катунакский (Димитриадис), бывший родом из Смирны.

[2] Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 391–462.

* * *

На Святой Горе подвизались пустынники, которые в своей мирской жизни занимали высокое общественное положение или имели ученое имя. Одним из них был и карульский иеромонах Парфений, русский царевич, живший сначала в келлии Святителя Николая «Буразери»[1], где он и получил монашеский постриг.

Отец Парфений был секретарем келлии. Во время строительства храма он получил письмо от одной русской крестьянки, которое подвигло его к более суровым подвигам на страшных Карулях.

Вот что писала она в письме: «Примите, отцы святые, и от меня, убогой, эти малые деньги. Я узнала, что вы строите церковь в вашей келлии и нуждаетесь в помощи, и опечалилась, потому что мне нечего вам послать. Посему я отрезала свои длинные косы и продала великим барышням, которые свои волосы остригают, а на приемах носят чужие. Итак, примите и от меня мою малую лепту...».

Это событие настолько тронуло царевича отца Парфения, что он принял героическое решение стать почти бесплотным обитателем карульских скал. Вспоминая об этом решении, он говорил: «Прочитав это письмо, я подумал: одни отрезают свои волосы, другие от своей нужды посылают нам деньги, а я сижу в кресле, попиваю чай, вкушаю разнообразную пищу и имею все удобства... Я должен был прийти сюда, на Карули, ради любви Христовой и спасения своей души!».

Говорят, что отец Парфений, лицо которого излучало сияние, обладал и даром прозорливости. Никогда он себе не

[1] Бывшая русская келлия «Белозерка» (греки на свой лад называют ее «Буразери») расположена у дороги, ведущей из Кареи в Иверский монастырь. Ныне принадлежит сербскому монастырю Хиландар.

готовил и ел только сырую пищу. Зимой не топил печь для согрева. Ложем ему служила шкура, а изголовьем — полено. Отец Парфений был очень благородным, братолюбивым, милостивым ко всем. Его изорванный подрясник источал благоухание. Многие плоды принес Господу этот русский царевич: самоотвержение, пламенную любовь, великую нищету и нестяжательность. Много и получил — и в сей жизни, и в вечном и нескончаемом Царстве Небесном — этот славный царевич Божий.

* * *

Житие, подобное жизни древних воинов и кулачных бойцов, проводил монах Иоанн из местечка Архангел города Эдессы[1]. Жил он преподобнически, в мире и добровольной нищете, с великим самопонуждением и строгостью к себе. Под одеждой носил цепи для утруждения плоти, избегал многого общения и большую часть времени проводил, закрывшись в своей келье.

Посетителей Иоанн обычно угощал сухарем из гречневой муки, приятнейшим на вкус, как лучшие сладости, и дождевой водой из простой консервной банки, которую черпал из своей цистерны[2].

Три года блаженный Иоанн не ел помидоров, свежих смокв, винограда и прочих садовых плодов, потому что не хотел оставить свой домик и пойти в Лавру или в скит Святой Анны. Также и у соседей ничего не хотел просить. Когда же он единственный раз за десять-пятнадцать лет ходил в Карею, чтобы купить гречки или еще чего-то, в чем он имел

---

[1] Столица области Пелла (Центральная Македония).

[2] В тех скалистых местах, где нет естественных источников воды (Карули, Малая Анна, Катунаки), подвижники сооружают большие подземные емкости, куда по особым желобам стекает с крыши дождевая вода, используемая для питья и полива. — *Пер.*

нужду, то не зашел ни к кому, чтобы не отягчить хозяев гостеприимством, а ночевал под открытым небом!

* * *

«Я славлю и благодарю Бога и Пресвятую Богородицу, что Они никогда меня не оставляют»,— говорил бывший разбойник Никита из скита Святого Василия, последовавший примеру благоразумного разбойника, сораспятого Господу. Монахом его сделал известный исихаст и духовник отец Харитон.

— Как ты управляешься, как сводишь концы с концами, если не занимаешься никаким рукоделием? — спрашивал его приснопамятный старец Иоаким.

— Славлю и благодарю Бога. Иду в монастырь и прошу кусок хлеба, а когда возвращаюсь в свою каливу, нахожу еще два-три,— отвечал Никита с поразительной простотой, за которую его и посещала Божественная благодать.

Когда он занемог и слег в постель, ему служили его соседи — пустынник Дамаскин со своей братией. В последние годы жизни Никиту одолевали телесные вши. Отцы при помощи ножа счищали их, но прежде чем они очищали все тело, вши снова быстро распространялись.

— В миру я был разбойником,— говорил он часто,— и я просил Бога, чтобы и мне заплатить чем-то за то, что я натворил. Вот и едят меня заживо вши!

* * *

Нам посчастливилось еще застать приснопамятного карульского пустынника отца Гавриила, сурового и несгибаемого борца, венценосного атлета воздержания. Мы часто встречали его в кириаконе Святой Анны или на пути — молчаливого, углубленного в молитву, скупого на слова. Возмож-

но, некоторым, кто его не знал, он казался отталкивающим, нелюдимым, но эта нелюдимость старца Гавриила была иного, духовного рода.

В последний раз на закате его жизни мы посетили пустынное жилище старца на страшных Карулях. Там мы видели, как отличник Христова учения стонет от боли, но предпочитает дощатое ложе, как он страдает от сильного недомогания и истощения, но не желает принимать пищу с маслом. И даже ту пищу без масла, которую заботливо приносили ему Данилеи, он всегда умудрялся делать безвкусной, чтобы не ощущать никакого услаждения гортани.

На Святую Гору отец Гавриил пришел уже в зрелом возрасте. До этого он работал сторожем. Со своим старцем они прожили двадцать лет, совсем не вкушая масла, даже на Пасху!

Причащался он очень регулярно, со слезами и умилением.

У него уже был приготовлен саван, который лежал на полке в свернутом виде, а сверху было написано: «Мой саван»...

За двадцать два дня до кончины с подлинной любовью и братолюбивой жертвенностью его взяли к себе для присмотра Данилеи.

Несмотря на предсмертное состояние, истощение всех своих телесных сил, невзирая на мольбы отцов позволить себе есть пищу с маслом, сей подвижник не преступил правила, которое наложил на себя. До своей мирной кончины он не вкушал сдобренной маслом пищи.

Незадолго до смерти отец Гавриил попросил причастить его Святых Христовых Таин. Выглядел он при этом блаженным, просто сиял от радости. Когда же ненадолго остался

один, то обратил свой взор к небу и воскликнул: «Цветы, много цветов. О, как прекрасно в раю! О, рай! Достойна ли душа наслаждаться такими благами?!».

* * *

А какое терпение явил тот дивный святой Симеон, имевший только одну одежду и ходивший всегда босиком! Сначала он подвизался в пределах монастыря Филофей, а затем переселился в Пилион[1], где основал монастырь Фламуриу. Из камня или из железа был сделан этот выносливый, нестяжательный, но богатый духовными дарованиями подвижник, раб Божий Симеон? Нет, из духовного алмаза терпения и подвига был он сделан, и потому зимой и летом ходил в одном подряснике и не носил обуви, пока не почил в мире.

* * *

Карульский пустынник Филарет, почивший около двадцати лет назад, также ходил босой. Ступни его ног огрубели и походили на панцирь черепахи. Среди скал, где было немного земли, он сажал картошку, капусту, латук, одуванчики. Ими питался сам и давал милостыню отцам и братиям.

Его дощатая кровать всегда была прибрана. По всей видимости, отец Филарет спал на земле (подвиг долулежания). И в этом убедились после его смерти, когда под кроватью нашли полено, которое во время кратковременного сна он подкладывал себе под голову.

Оставивший мирскую славу, звания и суету (в миру он был ротным командиром), карульский подвижник отец Филарет отличался добротой и приятностью слова, но преж-

[1] Полуостров в Центральной Греции.

де всего — своей добровольной нищетой и подвижничеством.

В том же подряснике, в котором отец Филарет был пострижен в монахи, он проходил всю жизнь и в нем же был погребен. Этот подрясник весь состоял из заплат. За столько лет от его первоначальной ткани не осталось и следа!

* * *

В 1948 году почил старец Евлогий из келлии «Фанеромену», называемой также келлией Святого Георгия, сотворившего множество чудес. В юности отец Евлогий постился без масла семь лет, а в старости — шесть. Он очень любил Пресвятую Богородицу. Когда он еще был маленьким мальчиком, Она посетила его и сказала: «Иди, и Я буду всегда с тобой». На Святой Горе старец прожил двадцать лет.

* * *

Великий афонский подвижник Хаджи-Георгий, будучи еще послушником, четыре года подвизался в пещере преподобного Нифона Кавсокаливита. Пребывая там в абсолютном безмолвии, посте и молитве, он находился под духовным началом старца и духовника Неофита, жившего в каливе Георгия Кавсокаливита, который часто его посещал и причащал Святых Христовых Таин.

Аскетический образ жизни Хаджи-Георгия, как в скиту Кавсокаливия, так и позже, в Керасье, где он жил со своими учениками, стал достоянием истории. За свое великое воздержание он был назван постником. Ни он, ни его ученики никогда не вкушали скоромной и приготовленной на огне пищи. Обычной их едой были плоды и мед. На Пасху

вместо яиц они варили картофелины и окрашивали их в красный цвет[1].

Лекарств они никогда не употребляли. Если какой-нибудь брат простужался, старец помещал его в печь с невысокой температурой, и тот исцелялся. Если кто страдал от другой болезни, Хаджи-Георгий ставил его перед иконой Пресвятой Богородицы, где они всю ночь молились, а в конце Литургии в качестве лекарства брат принимал Святое Причастие и исцелялся. Хаджи-Георгий собрал большое братство добродетельных монахов-подвижников.

* * *

Хаджи-Георгий носил только одну одежду. Он ходил всегда босой и только в храме надевал толстые носки.

* * *

Был один русский святогорец-подвижник, ноги которого источали гной и кровь, но он не принимал лекарства и не прилагал никакой другой заботы о своей болезни.

— Я монах, — говорил он на ломаном греческом, — я должен страдать.

* * *

Известный духовник Иларион Иверский[2] по пятницам не вкушал пищи и не пил воды, посвящая этот день Распятию и распятому Господу.

---

[1] Эти правила известны до сих пор под названием «устав Хаджи-Георгия». Кроме скоромной пищи запрещались также вино и елей. Подвижники имели только одну одежду и совсем не носили обуви.

[2] Старец Иларион Иверский (Грузин) (1776—1864) происходил из дворянского рода, много лет подвизался в скитах и пустынях Святой Горы. Был почитаемым духовником, обладал даром прозорливости (известно, что он предсказал итог Русско-турецкой войны).

Его ученик и равночестный ему подвижник духовник Савва[1] ел один раз в день, а последние два года ничего не вкушал, кроме Святых Таин на ежедневной Божественной литургии, и позволял себе лишь одну чашку кофе вечером. По ночам он молился в своей келье, подвешивая себя на веревках.

* * *

Приснопамятный Иоаким (Специерис), признавая пользу сурового жития и аскезы, никогда не топил ни в церкви, ни в своей келье даже в самое холодное время года. Своему ученику геро-Феофилакту, которого мы часто встречали в Новом Скиту и который рассказывал нам о своем избранном духовном отце, приснопамятный говорил:

— Отец Феофилакт, как выдерживали отцы, подвизаясь на столпах, перенося все превратности погодных условий? Неужели они не мерзли? А мы и в своих домах, и закутанные в одежду мерзнем!

* * *

Даже в наши последние, эсхатологические времена не совсем еще исчезли героические решения, подвижнические и сверхчеловеческие усилия, подвиги и дерзания мужественных атлетов духа. Несомненно, к такого рода подвигам относились выдержанность и терпение, аскеза и суровое житие современного румынского подвижника Иродиона. В течение сорока лет он жил в затворе в маленькой келье, совершенно

---

[1] Иеромонах Савва (1821–1908) известен на Афоне как замечательный пастырь и духовник, который уже при жизни почитался святым, удостоившись даров исцеления и прозорливости. Подробнее об отце Савве и его старце Иларионе см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 311–390.

обнаженный, ничего не имеющий, но блаженный и счастливый. Вся его жизнь, как горящая свеча, проходила в молитве, безмолвии, созерцании. У него было маленькое оконце, через которое он мог общаться со своими посетителями. Некоторые братолюбивые отцы приносили все необходимое для пропитания и жизни этой одушевленной небесной птицы.

* * *

Обращаясь к монахиням, старец сказал:

— Аскеза должна быть такой, чтобы мы могли сохранять здоровье для исполнения своих обязанностей. Крайности наносят вред телу и делают человека непригодным для самой необходимой работы. Старица должна знать, сколько примерно поклонов совершает каждая монахиня. Выше поста стоит бдение, потому что оно очищает и утончает ум, услаждает сердце. А от многого сна наш ум жиреет. В духовной жизни иногда необходимо понуждать себя. Очень часто у нас нет аппетита, тяги к духовному деланию. Понудим себя, заставим себя съесть кусочек, и аппетит придет. Как мы поступаем при вывихе руки? Если мы будем только поглаживать ее, боль не пройдет. Необходимо резко дернуть, чтобы кость встала на свое место. Не будем уподобляться черепахе, которая отправилась на свадьбу и подоспела ко крещению младенца.

* * *

На Карулях Святой Горы — в месте суровом и пустынном, где живут более суровые подвижники,— я познакомился с двумя русскими аскетами, Никодимом и Серафимом. О них рассказывали, что они совершали многократно

сорокадневные посты по образу Великой Четыредесятницы, выпивая в день только чашку кофе и немного воды. Поистине сверхчеловеческие подвиги!

Но сколько неизвестных и неведомых миру воинов, постников, подвигам которых удивляются Ангелы и человеки, сражалось и сражается на великом святогорском поприще очищения от страстей!

Русский подвижник Никодим Карульский

Привожу здесь слова из письма пустынника Д., написанного им в 1969 году, в ответ на мою просьбу рассказать о тех, кто последовал стопами афонских подвижников, чтобы читатель мог убедиться, что и в наши дни есть герои аскезы, подобные древним.

«...Конечно, такие люди живут и в наши дни и — чему мы сами являемся свидетелями — действуют на современное испорченное поколение подобно лечебным средствам, спасительным и защищающим нас от зла. Так бывает, когда слышишь, например, что на Святой Горе живет монах, который в течение пятидесяти дней совсем не вкушал хлеба и совершал другие подвиги, которым он и сам удивлялся и славил Бога. Ведь такое мы привыкли встречать только в патериках! Тем не менее, слава Богу, что и в наши лукавые дни воздвиг Бог таковых подвижников. Читая об этом, отец Иоанникий, я верил этому, но недоумевал, как может прожить

человек без хлеба пятьдесят дней, и вот, по счастливому совпадению, у нас произошло следующее событие.

Некий старец-подвижник, нестяжательный и не имеющий у себя ничего лишнего, пришел в мою каливу в Сырную седмицу и, после того как мы поели в Сырное воскресенье, остался на ночлег в моей каливе. Утром в Чистый Понедельник возникла необходимость сходить на Виглу, а я не мог пойти. Но поскольку дело было крайне важным, я послал этого старчика, и он сделал это с готовностью (ваш старец знает, что это расстояние требует около пяти часов ходьбы). Этот подвижник, выполнив данное ему поручение, вернулся вечером в каливу. Я предложил ему горячее питье и хлеб, поскольку он, будучи человеком пожилым (ему было за шестьдесят), целый день ничего не ел и утрудился от пути. Однако он отказался. Во вторник я опять предложил ему хотя бы немного поесть, но он и на этот раз не согласился. Тогда я, недоумевая, спросил его, почему он, будучи немолодым и совершив такое путешествие, не ощущает ни голода, ни жажды. Он же со свойственной ему простотой ответил мне примерно так: "В прошлом году с Чистого Понедельника и до Недели ваий я совсем ничего не ел и только в воскресенье Ваий вкусил пищи"(!).

Если бы бомба упала передо мной тогда, она не вызвала бы у меня столько эмоций, сколько вызвали слова этого старца, поскольку не было никаких оснований усомниться в истинности сказанного. Ведь я знал этого человека, потому что часто беседовал с ним,— ему была свойственна искренность, нелюбовь ко всему показному и от-

сутствие всякого лукавства. Он даже не подозревал, что я собираюсь предать огласке этот эпизод, и не позаботился оговорить свой запрет в таком случае. Но я считаю это делом Божественного Промысла ради пользы других, и в первую очередь моей собственной, чтобы мне, не могущему попоститься и одного дня, больше смиряться...».

* * *

Старец Герман Кавсокаливит почил в 1875 году в возрасте ста пяти лет. На Святую Гору он пришел в 1830 году и сделался послушником увечного старца Даниила из келлии Святых Архангелов в Кавсокаливии. Перед этим духовник сказал ему:

— Чадо мое, иди к отцу Даниилу, но, правда, он немощный и ничего не имеет...

— Да, святый отче,— ответил ему отец Герман,— он не имеет доходов, бедный и увечный, но мне нужен старец не для хлеба. Мне нужен старец, могущий наставить душу.

Когда он пришел к старцу, был вторник. У того не было даже никакой еды. И отец Герман остался около него, со многим терпением и любовью перенося различные злострадания в течение тридцати лет. Через два года к увечью старца Даниила прибавилась слепота. Когда же отец Герман, как добрый послушник, упокоил его старость и предал его погребению в Кавсокаливии, то перешел в аскетирий в Хаири[1], где подвизался румынский подвижник по имени Герасим.

---

[1] Местность в районе румынского скита Продром.— *Пер.*

* * *

Духовник В. говорил, что пост есть матерь здоровья. Както он сказал одному врачу:

— Я пощусь, ты ешь все. Хочешь, пойдем, потягаемся в ходьбе? Духовность — вот что закаляет человека, как железо.

Сам он ел один раз в день и только вечером позволял себе горячее питье. Великую Четыредесятницу проводил, питаясь травяным отваром и выпивая стакан вина в день.

Двенадцать лет отец В. жил на Эгине со святым Нектарием. Он сам соорудил колодец с воротом, когда вода у них иссякла.

* * *

Помню, как благочестивейший иеромонах Афанасий Иверский целую зиму ходил без носков. В идиоритмическом монастыре каждый готовил себе сам. Но он никогда себе не готовил, а ел немного из того, что давали паломникам в гостинице.

* * *

Иеромонах Киприан (1880—1955) прожил на Афоне тысячу дней (после 1905 года) и, получив внутреннее извещение, возвратился к себе на родину, на Кипр. Затем целый год в суровом подвиге, добровольном злострадании и лишениях он провел в Симонопетре, а далее подвизался на Катунаках. Спал он четыре часа в сутки. Его келья на северной стороне не имела печки и была неутепленной. Одной пары сандалий хватило ему на всю жизнь. В течение пятидесяти лет отец Киприан не мылся. Болезнь освящала его, а труд питал. Когда сей подвижник лишился голоса, он

высоко воздевал руки и подолгу молился. Опускал он их, только когда сами они падали от усталости.

* * *

Знали мы и простейшего, кроткого и добродушного старца-пустынника Фанурия, румына по происхождению, подвизавшегося в келлии Святого Феофила Мироточивого, безмолвном, поросшем кустарником месте недалеко от монастыря Пантократор.

* * *

Сколько на Афоне разрушенных калив и сколько отцов прошли через них, жили там, подвизались, сражались с невидимыми силами лукавых духов и вышли победителями! Иногда ныне живущие отцы находят такие «язвины» и «гнезда», норы и пещеры, и человеческий ум недоумевает: как жили там эти земные ангелы и небесные человеки?..

* * *

В безмолвнейшей пещере Святого Петра Афонского недосягаемое аскетическое житие проводил пустынник Хризостом со своим учеником. Они носили изорванную одежду, ходили без обуви, ели сухари, каштаны и то, что им присылала Лавра. Но, несмотря на этот свой неряшливый и жалкий вид, лица их имели особую приятность и излучали небесный свет. С этими великими подвижниками был знаком приснопамятный епископ Трикккский и Стагонский Дионисий Лавриот (рукоположивший меня в диакона), который написал и засвидетельствовал об их подвигах. Со своим старцем они часто посещали этот духовный форпост в пещере Святого Петра.

* * *

Выносливость в подвиге и терпении болезни показал старец Христофор из Нового Скита. На требование врача вкушать мясной бульон он ответил:

— Лучше пусть умру. Устав скита этого не позволяет.

В конце концов старец справился с болезнью и стал по милости Божией здоров.

* * *

Преподобный Силуан Афонский говорил:

— А на метохе[1] было со мною так: поем досыта, а через два часа могу опять есть столько же. Я стал себя взвешивать на весах, и что же? — в три дня прибавил три ока[2]. Я понял, что это искушение, ибо мы, монахи, должны иссушить свое тело, чтобы в нем не было никаких движений, препятствующих молитве. Сытое тело мешает чисто молиться, и Дух Божий не приходит в насыщенное чрево. Впрочем, надо знать меру поста, чтобы не ослабеть безвременно, а то не сможем нести послушание.

* * *

В неприступной пещере Преподобного Нила Мироточивого в течение десяти лет подвизался папа-Евфимий из Коницы[3] со своим учеником отцом Матфеем.

Папа-Евфимий прежде был женатым священником, а когда умерла его супруга, он пришел подвизаться на Афон. Сначала жил в пещере Святого Афанасия Афонского и исполнял обязанности духовника Лавры, а затем перешел в пещеру Преподобного Нила Мироточивого. Ему служил пре-

---

[1] Метохом называется монастырское подворье.

[2] Ока́ — греческая мера веса, равная 1280 граммам. — *Пер.*

[3] Небольшой город в Эпире.

старелый ныне старец Мефодий, который и рассказал нам о нем. Папа-Евфимий носил одежду из провощенной материи, которую сам пропитывал воском[1]. Отец Мефодий поднимал его из пещеры на своих плечах — брал на спину и по крутым ступенькам выносил к келлии Святого Нила[2].

* * *

Что же можно сказать о Филарете, настолько строгом к себе, что даже в светоносный день Пасхи он не опускал чтения девятого часа[3]?!

* * *

Высокопреосвященнейший архиепископ Критский Тимофей писал о подвижнике старце Авимелехе: «Строгий, как пророк, прекрасный, как апостол, высокий, высохший телом аскет, своим видом он напоминал великих отцов пустыни, которые выходили, исполненные Божественной благодати...».

* * *

В монастыре Святого Павла жил один монах по имени Герасим. В течение сорока лет он неутомимо нес послушание уставщика. Самым удивительным было то, что за всю свою жизнь во время многочасовых служб и бдений он ни разу не присел в стасидию. Несгибаемый столп терпения! И это несмотря на то, что он страдал от двусторонней грыжи! Что же внушало отцу Герасиму такую адамантовую крепость? Рассказывают, что в течение многих дней он видел на вершине одного дерева черного дрозда, у которого было увечье — не хватало одной

[1] Это делалось для того, чтобы одежда не пропускала воду.— *Пер.*

[2] Пещера Преподобного Нила находится ниже келлии на несколько десятков метров, над пропастью, куда ведут очень крутые ступеньки.— *Пер.*

[3] Девятый час — это богослужебное последование, совершаемое перед вечерней. По времени оно соответствует третьему часу дня.— *Авт.*

лапки. Но он стоял на одной ноге и каждый день пел чрезвычайно красиво, воспевая Творца всяческих.

— Итак, если увечная и слабая птичка небесная стоит прямо, хотя и на одной ноге, всю свою жизнь,— говорил приснопамятный,— что же должен делать я во время Божественной литургии и славословия Господа и Бога нашего?

У отца Герасима было такое трезвение и внимание к самому себе, что ночью он ложился отдыхать во всех монашеских одеждах.

* * *

Непримиримым врагом саможаления был старец Иосиф Исихаст. Он не щадил себя и не отступал в подвиге. Часто после светлого праздника Пасхи они со своим сподвижником старцем Арсением[1] выходили из зимнего плена в своей каливе и поднимались на вершину Афона. Иногда они пребывали в любимой ими церковке Пресвятой Богородицы, расположенной ниже вершины. В сумке они носили небольшой медный сосуд, в котором растапливали снег. В этой воде варили травы и луковицы и ели. На вершине бывает очень сильный ветер, потому что высота над уровнем моря приближается там к двум тысячам метров. Чтобы спастись от ветра, подвижники находили подветренные места в расселинах и пещерах, где постилали свои накидки, которые носили вместо ряс, и ночевали там, где приходилось. Как рассказывал нам старец Арсений, часто они боролись со сном и совершали поклоны, стоя босиком на снегу.

[1] Старцу Арсению Пещернику (1886–1983), или дедушке, как его называли в братстве, посвящена замечательная книга Иосифа Дионисиатского, переведенная на русский язык: *Иосиф Дионисиатис, монах.* Старец Арсений Пещерник, сподвижник старца Иосифа Исихаста. М., 2002.

Однажды, в одно из таких подвижнических скитаний, старцы остановились в церковке, расположенной несколько выше Святой Лавры, где подвизался великий учитель умной молитвы, проповедник благодати и ратоборец исихастов святой Григорий Палама. Ночью, когда они молились, демоны подняли шум, стали кричать и грубо ругаться:

— Ты нас попалил, ты нас попалил, уходите отсюда!

На этот раз их слышал и отец Арсений.

— Чего они так кричат? Кто это? — спросил он с характерной для него простотой.

— Это лукавые духи,— ответил старец Иосиф.— Я их не только слышу, но и вижу. Успокойся, они уйдут. Им не нравится то, что мы здесь делаем...

* * *

Ниже каливы Святой Троицы в скиту Святой Анны находится калива Святого Димитрия. Сюда из обители Григориат пришел папа-Вениамин и подвизался здесь в безмолвии, совершая свои аскетические подвиги.

Папа-Вениамин был человеком необыкновенно крепкого устроения. Чтобы не засыпать во время бдения, он мочил в воде свою накидку и, не выжимая, надевал на себя, оставаясь в ней до утра. Все отцы удивлялись этому и ждали, что он заболеет туберкулезом, но с этим стальным человеком ничего не случалось. На последованиях и Литургиях он стоял неподвижно, как подсвечник при входе. Не умывал он ни лица, ни рук. Когда случалась совместная работа[1], папа-Вениамин прибегал первый и брал самый тяжелый груз. Хотя он и пришел из монастыря Святого Григория, однако

[1] Часто это бывает разгрузка баркаса с продуктами или стройматериалами.

часто не имел у себя даже хлеба[1]. Исполненный радости, он нес сверхчеловеческие подвиги.

* * *

Здесь же, в скиту Святой Анны, многие питали большое уважение к ныне почившему папа-Мине и приходили к нему исповедоваться. Среди прочих был и один монах, в великой схиме[2] названный Анфимом. Когда он жил еще в миру, то постоянно проходил через заселенные турками места, где муллы трижды в разное время совершили над ним обрезание. Папа-Мина оказался в затруднительном положении, какую епитимию ему определить, и только говорил: «С терпением пребывай на своем месте, и святая Анна поможет тебе спастись».

Анфим послушался старца, но диавол из зависти воздвиг на него страшную плотскую брань, напоминая ему мирские удовольствия. Тот плакал, умоляя отца Мину помолиться святой Анне, чтобы она избавила его от этой брани. Затем он возложил на себя епитимию носить бочки по сто ока[3] с пристани в скит. На дороге он даже не останавливался передохнуть, только две минуты отдыхал у креста Преподобного Афанасия, с плачем и рыданиями прося святого избавить его от раскаленных стрел лукавого, и затем продолжал свой путь!

Покойный старец, едва завидев Анфима, спешил помочь ему в его духовном подвиге своими отеческими со-

[1] Автор здесь хочет сказать: достойно удивления то, что монах, живший в монастыре «на всем готовом», теперь показывает такое самоотвержение, лишая себя даже необходимого.

[2] Великая схима, или ангельская схима,— высшая степень православного монашества.— *Авт.*

[3] То есть каждая бочка весила 128 килограммов.— *Пер.*

ветами. Всеблагий же Бог, видя труд сего брата, искреннее обращение в православную веру и чистую исповедь, сподобил его достигнуть меры истинного покаяния и так через небольшое время отойти подготовленным к Царствию Небесному. И когда отец Мина вспоминал о нем, он говорил: «Слава Тебе, Боже, что он окончил свой путь исповедью и покаянием».

* * *

В Керасье мы познакомились с достойным всяческого почтения духовником Иерофеем, преемником Хаджи-Георгия Постника. Он рассказал нам, что сохранилось и послание Хаджи-Георгия к епископу Хиосскому, касающееся вопросов воздержания и поста в его братстве. В этом послании великий подвижник доказывает, что не презирает священных канонов, постясь в субботу, воскресенье и даже на самую Пасху.

* * *

Выписываю из своего дневника.

5 октября 1968 года. Вышел утром из скита Святой Анны, чтобы посетить карульского подвижника старца Гавриила. Уже два месяца он не встает с постели. Его калива висит на Карулях, как некая неугасимая лампада в алтаре Святой Горы — Еримосе[1].

Осторожно прошел в первую дверь. Под небольшим балконом — бездна, пропасть. Открыл вторую дверь со словами: «Молитвами святых отец наших» — и вошел. Теперь я видел уже не прежнего отца Гавриила, подвижного, деятельного монаха с железным здоровьем, носившего щебень по ночам, чтобы обустроить пустынную тропу. От поясницы и

[1] Греческое название Афонской Пустыни. — *Пер.*

ниже старец был почти парализован и непрестанно стонал. Боль была просто невыносимой.

Увидев меня, он попытался что-то сказать. С немалым усилием ему это удалось.

— У меня теперь боли... Что мне сказать тебе, отец мой? — произнес он в ответ на мою просьбу услышать от него слово для пользы души.

— Не трудись, старче. Я тебя понимаю. Я пришел, чтобы ты помолился обо мне и дал мне одно обещание: что если обретешь дерзновение у Бога, то не забудешь и меня.

— Я — дерзновение? Я, поганый Гавриил?! Ну скажешь тоже!

Он был высохший, как скелет. Однако не согласился поесть немного приготовленной ему пищи с маслом, чтобы набраться сил. Я видел тарелку вареной картошки, которую принесли его соседи, отцы Данилеи. Он поставил эту тарелку на... сосуд с нечистотами!

Я хотел убрать ее оттуда.

— Оставь это там,— сказал он повелительно.

По-видимому, этот философ пустыни всегда лишал себя удовольствий, воюя со страстью услаждения гортани...

Он не согласился нарушить свой пост ни в чем. Пища без масла на протяжении многих лет. И это для того, чтобы иметь возможность причащаться Святых Таин три-четыре раза в неделю.

Я дерзнул сказать ему:

— Старче, один укол облегчил бы ваши боли.

— Укол? — переспросил он и строго поднял на меня глаза.

Он никогда не пользовался лекарствами. Предал себя совершенно в руки возлюбленного им Бога и ожидал в жестоком испытании болезнью встречи с Ним...

— Я с часу на час ожидаю смерти...

— Доброе терпение да подаст тебе Пресвятая Богородица, старче,— пожелал я ему напоследок.

С волнением я взял у него благословение и по дороге молил Бога о героическом подвижнике старце Гаврииле...

* * *

Добродетельный монах старец Никандр из монастыря Костамонит никогда не соглашался стать начальствующим, смиряя себя и избегая власти. Когда будущий старец пришел на Святую Гору, он имел с собой много денег, которые были для него истинным искушением. Успокоился он только тогда, как все их раздал и стал свободным. Отец Никандр сильно понуждал себя на добро. Будучи уже в возрасте, он прислуживал в больнице и на кухне, поражая всех своим рвением и работоспособностью.

В кафисме Святого Антония, больной и очень старый, он читал вечерню, лежа под толстым одеялом. По ночам он ощущал, как его Ангел Хранитель трогал его за пояс, укреплял и подвигал на молитву, говоря: «Твори свое правило».

* * *

Один современный пустынник с Капсалы, старец Мелетий, бывший учеником приснопамятного великого подвижника папа-Тихона[1], рассказывал:

— Старец не давал нам выбрасывать кости от трески и селедки. Варил их повторно и делал супы.

* * *

Старец Хрисанф ранее был женатым. Подвизался он в Новом Скиту и дожил до 96 лет. Отличался большим

[1] Старец Тихон (Голенков) (1884—1968) — последний русский старец на Афоне, стяжавший многие духовные дарования и ставший впоследствии духовным наставником широко почитаемого ныне старца Паисия Святогорца.— *Авт.*

воздержанием. Только вечером он пил апельсиновый сок с сухарем. Редко в полуденное время вкушал горячий отвар из мяты.

* * *

Старец Феофил Лавриот ел один раз в день. В субботу же и воскресенье на протяжении всего года он всегда вкушал пищу с маслом.

Старец Павел Лавриот, врач, из аскетических соображений пил воду с ложечки (!).

* * *

Преподобный Иерофей Новый[1], подвизавшийся в Иверском монастыре, зная, что пост является основанием всех добродетелей, поскольку и Сам Господь хвалил его, говоря: *Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь* (Лк. **6**, 21), хлеб свой насущный вкушал один раз в два-три дня, а иногда и в четыре. При этом хлеб он готовил без соли, из гречки или отрубей. Иногда вместо хлеба святой отец ел дурно пахнущую старую чечевицу, которую лишь с самопонуждением мог проглатывать. Когда же однажды его верный ученик Мелетий упрекнул его в том, что он стал как самоубийца, старец ответил: «Нет, самоубийца тот, кто не ест ничего и умирает от голода, но я даю своему чреву нечто, не спрашивая, нравится ему это или нет». Поэтому и в Великую Четыредесятницу подвиг его был суровым: ел он один раз в неделю, готовый превзойти даже древних подвижников, которых, впрочем, и превзошел во многом, постясь непрерывно до пятнадцати дней.

* * *

В скиту Святого Василия во времена великого аввы умного делания — пресвитера Варнавы — исихасты проводили

[1] Память 13/26 сентября.

крайне воздержную жизнь. Каждый имел в своей каливе только два небольших сосуда: один с маслом, другой с уксусом, которые использовались в дни разрешения поста. И ничего другого. Когда однажды Варнава посетил одну каливу и нашел в ней три сосуда, он спросил старца каливы со строгостью:

— Один сосуд для масла, другой — для уксуса, а третий тебе зачем?

Взяв затем лишний сосуд, он разбил его о камни, напомнив брату известное изречение фиваидских отцов: «Если хочешь есть суп, иди в Александрию». То есть, если ищешь бутылок и горшков, иди в общежительный монастырь и не упраздняй пустыни.

* * *

Геро-Феофил Лавриот был одним из самых великих и непреклонных постников. Когда он заболел и попал в больницу, то не пожелал есть в среду и пятницу ничего скоромного, даже йогурта. Его вынуждены были отправить обратно в монастырь. Там над старцем было совершено Таинство Елеосвящения, он поправился и прожил еще целых десять лет.

* * *

Румынский аскет Енох был прост и всегда радостен. В своей торбе он носил куски жести и, когда заходил в монастыри за «благословением», просил немного пищи и складывал ее на эти жестянки, как на тарелки.

— Э, старец,— говорил он сам себе,— есть еда? Если есть — хорошо, если нет — еще лучше!

* * *

Святой духовник из келлии Сретения в Карее папа-Пантелеимон никогда не спал накануне, если ему предстояло служить Литургию!

Старец Нифонт Костамонитский, вечно плачущий

* * *

Папа-Евфимий из келлии Креста был не только замечательным духовником, но и «ходячей энциклопедией». Слова святых отцов знал наизусть. Нищий, одетый в лохмотья, он целый день трудился в саду и говорил: *Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную*[1].

* * *

Я был знаком с геро-Нифонтом Костамонитом, имевшим умиление и слезы, благочестивым и неутомимым на любых послушаниях.

При своей кончине он сокрушался, что дошел уже до того, что спит в кровати, ибо всю свою жизнь он спал на полу.

* * *

Помню приснопамятного папа-Исаака Ливанца[2], рассудительного духовника, добродетельного иеромонаха с хорошим слухом и голосом. Он был духовным чадом стар-

[1] Ин. **6**, 27.

[2] Иеромонах Исаак (Аталлах) (1937—1998) родился в Ливане, во время учебы в Греции познакомился со старцем Паисием (см. ниже), под его влиянием остался на Святой Горе и был пострижен в великую схиму. Его авторству принадлежит самая полная на настоящий день биография старца Паисия, которая переведена на русский язык (*Иеромонах Исаак.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006).

ца Паисия[1], подвижником, который шел по его стопам. Вся его жизнь была молитвой и стремлением к молитве. Однажды в какой-то праздник после трапезы я слышал, как отец Исаак говорил:

— Все хорошо, но на полный желудок трудно найти чистую молитву.

* * *

Приснопамятный дедушка, сподвижник старца Иосифа Исихаста старец Арсений рассказывал:

— Весь год мы ели один раз в день, причем пять дней в неделю без масла, а в субботу и воскресенье добавляли несколько капель масла в свою скромную пищу, которая всегда оставалась одной и той же. Самым обычным нашим обедом были сухари (!). Редко случалось вкушать свежего хлеба. Старец Даниил (из пещеры Святого Петра Афонского) установил для нас меру. Он взял одной рукой пищи, сколько могло в ней поместиться, и сказал: «Вот, столько будете есть». Если мы находили немного дикой капусты, то добавляли ее к сухарям. В субботу и воскресенье, если случалось, могли съесть и какую-нибудь сардинку или немного сыра.

[1] Старец Паисий (Езнепидис) (1924–1994) — из афонских подвижников наиболее известный и почитаемый в России. Необыкновенный дар любви и великое самоотречение старца привлекали к нему тысячи людей, которым он посвятил свою жизнь. Его приношением миру являются и его замечательные книги: «Слова» в пяти томах, письма к монахиням, «Святогорские истории» и др., которые стали настоящими бестселлерами православной литературы.

СЛОВО О СВОЙСТВЕ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

Уважаемый пустынник нашего времени старец Паисий в одной из своих бесед с монахинями говорил:

— Если человек отрешится в себе от всего суетного, тогда ум его по необходимости сосредоточивается на Боге. Вы, женщины, легче можете предать себя Богу, потому что имеете помощником свое сердце. Мужчинам сделать это труднее, потому что им мешает логика. Заперлись на засов и скрылись, а женщин сердце привело на Голгофу и ко Гробу Господню. Однако вы подвергаетесь опасности растратить его по мелочам. Вы с легкостью отдаете свое сердце ничтожным и суетным вещам, и в конце концов для Христа у вас ничего не остается. Вам недостаточно необходимой одежды, но вместе с необходимым желаете приобрести и красивое, изукрашенное, приятное. Какой-нибудь стакан понравился бы вам больше, если бы на нем был изображен цветочек. На столе — вышитая скатерть, стол и стулья — резные и т. п. Так сердце распыляется. Не тратьте его попусту... Женщины как в обычной жизни любят тонкую работу, так и в жизни духовной стремятся к утонченной деятельности, занимаются тонкостями и дают место диаволу совершать свою тонкую работу, причинять вред. Итак, не

отдавайте своего сердца суете, но посвящайте его Богу. Не зарывайтесь в мелочах, но сделайте ваш подвиг более простым, начиная с самого заметного, чтобы не предаваться отчаянию. Если будут отсечены грубые страсти, то и более тонкие отсекаются и уничтожаются легче. Не думайте о своей прежней жизни и ошибках молодости, потому что перед вами открылись новые пути и новые книги.

Живите в атмосфере постоянного славословия и благодарения Бога, потому что самый большой грех — это неблагодарность и хуже всех грешников — человек неблагодарный.

* * *

Он же говорил:

— У женщины много любви. Но диавол отравляет эту любовь и превращает ее в ревность. Женщина очень любит саму себя. Наша личность сильно страдает от такой любви. Если мы избавим себя от любви к самим себе, то вся любовь останется для Христа и ближних. Мужчина, когда ревнует, доходит до того, что не хочет видеть другого. Женщина же, когда ревнует, не успокаивается, пока соперница не будет уничтожена.

* * *

Старец сказал:

— За человеческим разногласием скрывается согласие Бога. Например, в супружеской паре разные характеры создают гармонию. Поэтому женщины при помощи богатства своего сердца должны приводить мужчин к Богу.

СЛОВО
О ДОБРОДЕТЕЛИ РАЗЛИЧЕНИЯ ПОМЫСЛОВ И ДУХОВНЫХ СОСТОЯНИЙ

В скиту Малой Анны прежде духовника отца Саввы жил известный духовник и исихаст по имени Григорий. Он был молчалив и на всякое время пребывал в молитве, вступая в разговор только тогда, когда в этом была необходимость. Но когда он говорил, можно было только удивляться его дару слова и Божественному просвещению. Отец Григорий служил опорой и поддержкой для всех — общежительных монахов и мирян, пустынников и паломников.

Этот весьма мудрый и рассудительный духовник с великим искусством привел к покаянию и перемене жизни главаря разбойников капитана Йоргакиса. Отец Григорий сказал ему, что якобы и сам он совершил много преступлений и грабежей, как этот разбойник, и даже хуже его. Этим он приобрел уважение и доверие Йоргакиса, и через некоторое время его дикость была укрощена, он стал смирным и покаялся. Отец Григорий даже обещал разбойнику причащать его каждый день, если они вместе будут поститься сорок дней. Капитан Йоргакис согласился и начал поститься, а духовник причащал его, но не Святыми Телом и Кровью Господа, а простым хлебом и вином, пока не закончились сорок дней поста, то есть епитимия, и тогда он причастил его Пречистых Таин.

* * *

Игумен монастыря Святого Дионисия мудрый старец Гавриил рассказывал нам следующее:

— Пятьдесят или более лет назад недалеко от Кареи (в скиту Святого Пантелеимона) жил один старец-духовник, папа-Григорий — простой в обращении и малограмотный, но имевший чистый ум и ревностный в изучении Слова Божия. Его рукоделием было плетение подвязок для чулок, которые пользовались спросом у греческих гвардейцев и жителей горных районов Румелии и Эпира, носивших фустанеллы[1]. Приходя каждую субботу на рынок в Карею для продажи своего рукоделия, он стоял неподвижно под навесом кладбища у центральной улицы, держа в правой руке четки, а в левой — рукоделие. При этом он смотрел в землю и непрестанно повторял про себя: «Господи Иисусе Христе...». Когда же кто-нибудь, подтрунивая, говорил: «Посмотри, отче, и вокруг, может, найдешь какого покупателя», он отвечал: «Они меня видят, а мне их видеть уже излишество».

Об этом рассудительном муже говорили, что он настолько глубоко прозревал в душу исповедующегося, что видел его основной недостаток и с аскетической лаконичностью давал в виде краткого изречения наставление к исправлению. Услышав о нем, живший тогда на покое на Святой Горе патриарх Константинопольский Иоаким III нашел его в Карее и сказал, что ближе к вечеру он будет в скиту и придет к нему в каливу для исповеди.

[1] Фустане́лла — короткая мужская юбка белого цвета со сборками, часть национального греческого костюма и воинского обмундирования. — *Пер.*

— Моя калива мала, Ваше Святейшество, чтобы принять патриарха,— ответил старец.

— Пусть мала, это меня не беспокоит,— сказал патриарх.

— Но моя дверь очень низка, чтобы в нее могла пройти Ваша Святость.

— Я приклонюсь, чтобы войти,— настаивал великий иерарх.

— К сожалению, ты не приклоняешься. Если бы приклонялся, то давно бы уже снова был патриархом,— ответил старец, имея в виду его высокомерие и административную непреклонность. И впоследствии много раз приснопамятный Иоаким говорил, что эту беседу с простым, но чрезвычайно рассудительным духовником он не забудет до конца своей жизни.

* * *

К этому же духовнику пришел как-то один старец и пожаловался на своего юного послушника. Он рассказал, что хотя не отягощает ученика физическим трудом, но только чтением последований и келья его снабжена всеми удобствами, однако юноша пребывает в смятении помыслов и тревоге, подвергаясь опасности впасть в расстройство от печали. Старец просил духовника высказать об этом свое мнение и дать совет.

— А ты жени его,— говорит ему духовник.

Тот, когда услышал это, потерял дар речи, глядя удивленно на духовника и как бы не понимая сказанного.

— Нагрузи его работой,— снова говорит ему духовник.— Молодые только под ярмом постоянной работы смиряются и приходят в спокойное состояние. Молитва без работы для монаха то же, что и работа без молитвы. Жени его на работе.

Архимандрит Иоаким (Специерис), ученейший из монахов

* * *

— Где искушения и помехи, там и венцы,— говорил этот добродетельный духовник приснопамятному иеромонаху Иоакиму (Специерису).— Если бы был монастырь из одних Ангелов и тебя определили бы туда в качестве насельника, то ты не спасся бы. Потому что никто бы тебе не докучал и ты жил бы там в покое, так что исполнились бы на тебе слова притчи: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей* (Лк. **16**, 25).

— Отче, я теряю голову от страшной плотской брани,— сказал он ему однажды.— Я не имею покоя ни днем, ни ночью.

— Будь мужественным,— ответил тот.— Это признак того, что пришло время венцов. Не бойся, Христос не даст нам искушаться более, чем мы можем понести.

И как только старец благословил его, искушение прошло.

* * *

Старец сказал:

— Хаджи-Георгий сам был в свое время послушником и потому мог понимать послушников. Он говорил: «Подрезай с рассуждением, а не корнай как попало».

* * *

Один пустынник сказал:

— Если отдаешь в этой жизни то, что ты должен, тогда спасаешься. Если же претерпишь что-то сверх того, то получаешь и еще лишний франк[1]. Если кто претерпит несправедливые побои, то его ждет чистая награда. Довольно часто люди очень добродетельные встречают на своем пути несчастья. Если их попускает Бог, то с какой целью Он это делает?

Приведу пример. Живет одна хорошая семья. И муж очень хороший, и жена хорошая, и детки тоже. Все регулярно ходят в церковь, причащаются и т. д. Однажды случается несчастье — какой-то пьяный или сумасшедший ударяет отца семейства и убивает его. Ни с того ни с сего. После этого люди, далекие от Бога, начинают говорить: «Смотри, видишь? Молился, молился и вот, домолился».

Так говорить — бесстыдство. Бог попускает, чтобы страдали люди и вовсе невиновные, чтобы дать возможность совсем бесстыдным сказать то же, что и добрый разбойник. Что мы видим в повествовании о двух разбойниках? Один ругал Христа: «Если ты Бог, сойди с креста» и т. п. А другой говорил: «*Или ты не боишься Бога? Мы страдаем по справедливости. Этот же человек не сделал ничего, неужели ты не боишься Бога?*» (ср.: Лк. **23**, 40–41).

То есть Бог, чтобы дать возможность бесстыдным прийти в себя, попускает некоторым страдать без вины, хотя эти

[1] Конечно же, речь идет о награде в будущей вечной жизни, как и Господь говорит: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут* (Мф. **6**, 19–20).

страдальцы могут быть самыми любимыми чадами Божиими. Верю, что в раю Господь не скажет им: «Сядьте на этом месте», но скажет: «Выберите себе самое лучшее место». Понимаете? Это действительно так. Ища своей справедливости, мы теряем все. И мир теряем, и награду свою теряем.

* * *

Одним из самых просвещенных и рассудительных отцов Святой Горы был старец Даниил, строитель уважаемой среди отцов катунакской каливы Святых Отцов, на Святой Горе просиявших, личность редкая и одаренная многими талантами. По имени его называется ныне братство Данилеев.

Будучи советчиком в духовных вопросах для многих общежительных монахов, пустынников и мирян, он оставил о себе память мудрого руководителя, богатого как добродетелью, так и светской образованностью.

Просвещаемый Духом Святым, старец Даниил имел особый дар различать козни и сети лукавых духов, происходящие от так называемых десных нападений диавола. Это были показные и ложные добродетели, состояния прелести, чрезмерные подвиги без благословения, приводящие к превозношению, тщеславию и сатанинской гордости.

Одним из таких прельстившихся братий был монах обители Костамонит отец Дамаскин. У него сложилось мнение, что он, подобно великим подвижникам, способен к затворнической жизни, на которую он даже не считал нужным брать благословение игумена. Он не выходил из монастыря, а из кельи выходил только в церковь, на трапезу и на свое послушание. Десять лет отец Дамаскин с гордостью проводил такую жизнь.

Между тем по мере того как эта мнимая добродетель усиливала в нем эгоизм, увеличивалось и его пренебрежительное отношение к другим отцам и братиям, осуждение их, споры и вражда с ними.

И поскольку это зло в течение долгого времени пребывало неисправленным, игумен был вынужден призвать всеми уважаемого старца Даниила, который с обычной ему готовностью сразу пришел в эту святую обитель.

Рассудительный старец подозвал к себе прельстившегося отца Дамаскина и со свойственными ему ласковыми речами постепенно, мало-помалу привел его в чувство и раскаяние, наставляя его примерами из Ветхого и Нового Заветов и писаний святых отцов. Закончил он такими словами:

— Брат, впредь будь внимательным и не имей доверия своему помыслу, но скажи ему мудрые слова аввы Дорофея: «Анафема тебе, и рассуждению твоему»[1].

* * *

Старцы Святой Горы говорили:

— Не место, но образ жизни спасает человека.

* * *

Старец сказал:

— Мы должны чувствовать радость, а не огорчение, когда люди поступают с нами нехорошо без нашей вины. Никогда не будем стараться оправдаться перед людьми, когда нас несправедливо обижают. Если Бог справедлив, а мы стремимся к жизни иной, нам нет нужды искать понимания у людей, чтобы они относились к нам хорошо, признавали наши достоинства, не обижали бы нас и т. д. Ищу-

[1] Авва Дорофей, Душеполезные поучения, 5.— *Авт.*

щий только таких путей в своей жизни должен знать, что они не приведут его в рай.

* * *

Один неграмотный, очень простой пустынник говорил мне:

— Слишком «умные» очень быстро попадают в сети диавола. Потому что страдают, бедные, от большого эгоизма и запутываются в сетях для крабов.

* * *

Как-то давно я встретил одного общежительного монаха средних лет, говорившего чрезвычайно выразительно. Он говорил о страхе Божием, о благоговении и о разумности человека. Первый раз в жизни я слышал такое живое слово, как бы льющееся из источника, динамичное, последовательное, целомудренное, огненное, сопровождающееся выразительными жестами. Этот подвижник говорил:

— Кто имеет благоговение, имеет страх Божий. Кто имеет страх Божий, имеет смирение. Только на смиренного призирает Бог. Разумным бывает только смиренный человек. Человек гордый и эгоистичный неразумен. Кто не заботится о своей душе, становится либо скотоподобным, либо звероподобным, либо прельщается.

* * *

Одного авву спросили:

— Что такое монах?

— Труд,— ответил он.

«Поистине это так,— говорил и один современный подвижник новобранцу Христова воинства,— одно могу тебе сказать, чадо мое: если хочешь исполнить свое монашеское призвание, возлюби телесный труд».

* * *

Великий исихаст Харитон Духовник[1], с большой любовью и радушием принимая какого-нибудь посетителя, имел обыкновение говорить:

— Во время оно *начат Иисус творити же и учити* (ср.: Деян. **1**, 1).

Он избегал празднословия и болтовни как причины множества зол.

* * *

Один почтенный монах из Нового Скита говорил мне:

— Каждый раз на Пасху, когда говорят «Христос воскресе!», мы воспоминаем благовестие Ангела у пустого гроба воскресшего Христа. Те, кто уходит после «Христос воскресе!», не суть христиане; христиане те, кто остается на Божественной литургии[2].

* * *

Перешагнувший вековой рубеж старец Григорий из скита монастыря Ксенофонт говорил нам:

— Когда мы были новоначальными монахами, мы просили духовников читать над нами в церкви молитвы против страсти празднословия.

* * *

Еще он говорил:

— Монах без правила — не монах.

---

[1] Мы составили отдельную биографию этого удивительного афонского исихаста: «Букет из Сада Пресвятой Богородицы», издание исихастирия Святого Григория Паламы (Ανθοδέσμη από το Περιβόλη της Παναγίας, Εκδόσεις Ι, Ἡσυχαστηρίου «Ἅγιος Γρηγόριος ο Παλαμάς», Κουφάλια 1996).— *Авт.*

[2] К сожалению, в Греции среди теплохладных христиан распространен обычай сразу после возглашения этих радостных слов идти домой и разговляться. По этому поводу один греческий священник печально шутил: «Да воскреснет Бог — и расточатся врази Его».— *Пер.*

* * *

«Житие особное ни на что не способное»[1],— часто говаривал добродетельный лаврский монах старец Феофил, желая подчеркнуть множество недостатков особножительных монастырей[2].

* * *

Достойный удивления послушник Кавсокаливского скита Феофилакт говорил одному новоначальному монаху:

— Если хочешь стать хорошим монахом, не забывай в своей жизни благодарить Бога за лишение своих прав, пусть даже самых законных. Итак, спи на деревянной кровати, встречай Пасху с одной килькой, ешь траву с ложкой масла. У монаха нет никаких прав в этой жизни, и потому он свободен. Скольких погубил диавол, связав их страстью обладания правами.

* * *

Старец сказал:

— Чем человек духовнее, тем меньше прав он требует от жизни.

* * *

Мы спросили одного старца, сколько лет он подвизается на Святой Горе, и он нам ответил:

— Лет у меня много, а преуспеяния никакого. Шакалы тоже в пустыне живут, но так шакалами и остаются!

* * *

Один старец-подвижник сказал:

— Когда человек приобретет страх Божий, он почитает всякого человека.

---

[1] Здесь в оригинале игра слов: «Ἰδιόρυθμον αδιόρθωτον», букв. «особножительный монастырь неисправим».— *Пер.*

[2] При особножительном (идиоритмическом) устроении монастыря каждый монах независим и сам определяет для себя правила работы, молитвы и поста.

Его старец творил поклон почтения и уважения даже перед самым незначительным и простым человеком.

* * *

Старец сказал:

— Люди удалились от духовников и их наводнили помыслы и различные страсти, а кончается все исповедью у психиатров. Чтобы забыть мучающую их проблему, они принимают таблетки. Когда через некоторое время проблема снова всплывет, опять делают то же самое. Так и мучаются, а ведь если разберется человек в своем внутреннем мире, то спит как ягненок и ему не нужны ни таблетки, ни другие подобные средства.

В другой раз он сказал:

— Меня не спасет пустыня, если в пустыне я сам не опустею в отношении страстей. И опять, я не в пустыне, если я приспосабливаю ее к себе, а не сам к ней приспосабливаюсь.

* * *

Старец сказал:

— Бог не предопределяет, но предузнает.

* * *

Старец сказал:

— Свое дерзновение в общении с людьми ты должен сделать добрым дерзновением в молитве. А свою болтовню обрати в постоянные разговоры с Богом. Душа не утомляется, беседуя с Богом, потому что молитва есть отдых. Бывает, что мы молимся за какого-нибудь больного, молятся и другие. В конце концов он умирает, и некоторые начинают недоумевать, почему Бог не услышал наших молитв. Они не знают, что Бог услышал молитвы, но Он знал нечто боль-

шее, чем то, что знаем мы. Мы не знаем, что было бы, если бы Он оставил его жить. Будем славить Бога.

* * *

Один старец-монах сказал:

— Для монахов скалы — это роскошные палаты, а пещеры — царские чертоги. Покров их — небо, постель — земля; их пища — лесные орехи и дикие травы, соседи их — дикие звери.

* * *

— Тяжела ли монашеская жизнь, геронда? — спросили мы одного мудрого монаха.

— Нет, не тяжела. Приходит время, когда ты забываешь себя самого и видишь, что это самое легкое бремя, — был его ответ.

* * *

Старец сказал:

— Чтобы человек мог получить помощь, у него должен быть настроен приемник сердца, для того чтобы принять сообщение от другого. О тех, у кого приемник сердца выключен, мы должны сначала молиться Богу, чтобы Он включил им этот приемник, а потом уже передавать Его Божественные слова. Приближайся к людям сколько можешь просто, смиренно и с истинной любовью. Делай замечания только в серьезных случаях, а в остальном делай вид, что не замечаешь. Потому что народ имеет в душе усталость и смятение и не в состоянии постоянно слышать замечания, какими бы правильными они ни были.

* * *

Священство есть проявление любви Бога к человеку — так говорил иверский иеромонах Афанасий. Бог возлюбил

нас и потому сделал священниками. Иерей дает взаймы Господу свой голос и свои руки для совершения Божественных таинств. Когда священник облачается, он очищается, если только в нем нет нравственной нечистоты, памятозлобия и скверного сребролюбия. Труженики Евангелия должны воспитывать себя в аскезе.

* * *

Духовникам старец Аввакум Босой говорил:

— Совет есть нечто священное: совокупность знаний, плод любви, показатель смиренномудрия.

Особенно он просил, чтобы они имели любовь и снисходительность, терпение и внутренний мир. В какой бы час ни пришел к ним человек, они должны принять его с улыбкой и готовностью помочь, дабы он ушел утешенный, славя Бога.

* * *

Старец сказал:

— Не будем ставить Бога в затруднительное положение. Он весь любовь. Он не хочет видеть нас несчастными. Но что же Ему делать? Если нам дать много благодати, мы превозносимся, если не дать — страдаем и отчаиваемся.

Когда мы отправляемся в путь, то скоро устаем. И когда уклоняемся от пути, это тоже бывает в некотором смысле полезно, потому что благодать Божия нас немного оставляет, чтобы мы смирились. Так человек смиряется, а затем приходит благодать Божия, он познает самого себя и перестает доверять себе. Тогда он начинает чувствовать помощь Божию.

Как и малый ребенок, когда немного подрастет и учится ходить: мама держит его под ручки, а он делает большие шаги

и думает, что ходит хорошо и не качается. Однако, если так будет продолжаться все время, ребенок разовьется неправильно. Ведь если постоянно держать его за руки, то у него выработается ложное восприятие действительности, и как только он захочет пойти сам, сразу кувыркнется. Теперь вы видите, что эти шаги еще нельзя назвать его собственными шагами.

Когда мы молимся, чтобы Бог дал нам любовь, тогда может заболеть какой-нибудь брат, чтобы Бог мог дать нам любовь через болезнь этого брата. Он может попросить нас принести чай, подать то или это, чтобы мы могли оказать ему помощь и Бог увидел бы нашу любовь и наше терпение.

Иногда и у начальников[1] забирает Бог немного Своей благодати, чтобы они говорили с нами грубо и мы могли сдать экзамены по добродетели, а Он посмотрит, осуждаем мы или нет, особенно если мы просим Его научить нас никого не осуждать.

* * *

Один современный богопросвещенный старец сказал:

— Это не свобода, если мы говорим людям, что все позволено. Это рабство. Чтобы иметь преуспеяние, надо перенести утеснение. Приведу один пример: есть у нас деревце, и мы за ним ухаживаем, ставим подпорки и подвязываем веревкой. Проволокой не подвязываем, чтобы не повредить. Не ограничиваем ли мы этим деревце? Да, но иначе нельзя. Посмотрите и на ребенка. Мы с самого начала ограничиваем его свободу. С момента зачатия бедное дитя

[1] Старец имеет здесь в виду начальников духовных, монастырских, а не мирских.— *Авт.*

девять месяцев пребывает во чреве своей матери. После этого оно рождается, его обвивают пеленками, перевязывают, а когда подрастет — ограждают манежиком и т. д. Все эти меры необходимы, чтобы его вырастить. Как кажется, его лишают свободы, но без этих защитных мер ребенок умер бы сразу после рождения.

* * *

Благодатный старец Аввакум Лавриот всегда говорил:

— Радость — это связь с Богом, единение с Ним. Человек рожден не для скорби, а для радости. Зачем он ищет ее у идолов? Поверьте, таковые дорого платят за эту радость. Радость же от Бога не требует оплаты. Я, например, не смог бы за нее заплатить, потому что у меня ничего нет в этом мире. Не только я так говорю, но и все мои братья-монахи, у которых нет ничего, кроме Бога. Все они исполнены радости. Я освободил себя для Христа! Ничего, кроме Христа и радости. Нищета прекрасна, потому что она облегчает и упрощает жизнь. Чтобы вошел Христос, нужно быть свободным. Когда Христос со мной, меня наполняет радость. Каждая пещера здесь исполнена радости!

* * *

Старец-подвижник сказал посетившим его духовным лицам:

— Чтобы иметь время для молитвы, не следует заниматься вещами, которые могут сделать другие люди. Приведу пример: врач не должен заниматься бинтами и перевязками, поскольку это может сделать медсестра. У врача более серьезные обязанности — диагностика, операции и т. д. Если он займется перевязками, то не успеет выполнить свою более

важную работу, и тогда многие больные останутся без своевременной помощи. Точно так же и вы. Молитесь о своих страждущих прихожанах, поминайте их имена и сугубо молите Бога за тех, которые имеют в этом бо́льшую нужду. Хорошо бы знать о каждом, какую скорбь он имеет, тогда и молитва будет теплее.

* * *

Один старый подвижник советовал некому священнику:

— Старайся, сколько можешь, стать хорошим священником, работая над собой, и увидишь, как тебе будут подражать все прихожане и сделаются хорошими людьми без всяких усилий с твоей стороны. Действительно стоит трудиться над собой, потому что этот труд незаметно распространяется и на ближнего.

* * *

Еще он сказал:

— Разбудим в человеке добрую обеспокоенность, и тогда все устроится. Если у него нет этой доброй обеспокоенности, им командует диавол, и такой человек подвержен демоническому воздействию. Надо настроить свои регуляторы на его частоту, чтобы он мог нас услышать и получить пользу, чтобы и его регулятор настроился. Молодые, начинающие жить духовно, пусть обращают внимание на причины греха и имеют всегда хорошие помыслы. Пусть они помнят о том подвижнике, который ходил в город для какого-то дела, и, когда вернулся, его спросили, что он видел в миру. Подвижник ответил, что не видел в миру ничего, кроме деревьев.

Люди сегодня хотят стать святыми, затратив при этом как можно меньше усилий. Некоторые даже учат этому других.

Различные богословские теории пропускайте через сито святоотеческого учения. Мы должны тщательно просеивать их, а шелуху выбрасывать. Будем искать истину, руководствуясь святыми отцами. Вот вам пример: есть медь, есть бронза, а есть золото. Кроме того, медь бывает хорошая и плохая, бронза хорошая и плохая, золото 12 каратов и 24 каратов. Будем выбирать золото 24 каратов. Другие металлы тоже нужны, но для нас предпочтительнее золото.

* * *

В каливе Святой Троицы скита Святой Анны жил один послушник, который испытывал нападения демона уныния и даже иногда доходил до отчаяния.

Как-то раз, находясь под действием искушения и имея брань, он сказал:

— Залезу на скалу, сяду на край и буду болтать ногами.

А это произошло в канун праздника святого Иоанна Предтечи, и в монастыре Дионисиат был панигирик[1].

Итак, послушник поднялся на кручу, сел и стал болтать ногами, вместе с тем молясь про себя, изредка, конечно, потому что находился под действием уныния. В это время целый полк лукавых духов шел из мира в монастырь Святого Дионисия, чтобы искушать монахов. Один демон сказал другим: «Пойду, поиздеваюсь над тем покойником, который сидит на скале».— «Не ходи, этот черный болван тебя попалит»,— ответили ему другие.

Демон приблизился к послушнику под видом монаха и спросил его:

— Слушай, что ты здесь делаешь?

[1] Праздничное богослужение.

— Что мне делать? — ответил брат со смирением.— Меня борет бес уныния, и я ничего другого не могу принести моему Господу, как только сидеть здесь и болтать ногами.

Едва услышал демон эти смиренные слова, тотчас отошел и вернулся к своим.

Этот случай передается из уст в уста, и на собрании старцев его рассказывают послушникам, которые не могут исполнить своих духовных обязанностей.

* * *

Один старец-исихаст говорил:

— Ум и сердце никогда не очистятся, если постоянно смотреть на мир и на то, что в мире.

* * *

Один пустынник-катунакиот имел обыкновение повторять:

— Душе, то, что здесь — временно, а что там — вечно.

* * *

Старец сказал:

— Мир для монаха, что продавец угля[1].

* * *

Другой старец, имея в виду расцвет монашества в наши дни, сказал:

— Бог на земле готовит нечто великое... Мир переживает кризис. Люди жаждут...

* * *

Один старец говорил новоначальным монахам:

— Не будем приносить в монастырь мир с его обычаями, удобствами и роскошью.

---

[1] То есть мир оскверняет его душу, пачкает его, как продавец угля.

* * *

Старец сказал:

— Начало духовной жизни для монаха есть удаление от всего видимого и невидимого, кроме одного Бога.

Еще он сказал:

— Когда я был в миру, все кричали: «Монах, монах». Тогда я сказал себе: если ты монах, то что еще медлишь, оставаясь в миру?

* * *

Старец Михаил Лавриот, имевший послушание в больнице, был примером трудолюбия и услужливости. Он всегда рад был послужить ближнему и имел готовность к любой работе во всякое время. Лицо его, словно восковое, излучало некое аскетическое сияние.

* * *

Старец-пустынник Дамаскин из скита Святого Василия рассказывал нам об одном послушнике, впавшем в нерадение, который жил много лет назад в Кавсокаливии. Он оставлял монашеское правило[1] и невнимательно относился к своим духовным обязанностям.

Проведя жизнь в лености и нерадении, он заболел и в течение многих дней находился в предсмертных муках, но душа его никак не выходила. Это случилось в 1935 или 1936 году.

Врач, который был монахом добродетельным и рассудительным, усмотрел, что препятствием служила его нерадивая жизнь.

---

[1] Правило монаха составляют 100—300 земных поклонов и 6—12 четок ежедневно.— *Авт.*

Тогда старец послушника, по имени Григорий, бывший его духовным отцом, с болью и сокрушением встал на колени перед всеми присутствующими и, побуждаемый любовью к своему страдающему послушнику, обещал перед Богом и людьми, что сам возьмется совершать его правило и восполнить его опущения.

Как только он это сказал, больной предал свой дух Богу и упокоился.

* * *

Старец сказал:

— Чем больше трудишься, тем больше вкушаешь радости и благодати.

— Бог мог бы наполнить наше сердце таким блаженством и такой Божественной любовью, что мы упали бы ниц, не вынося этого. Но тогда мы оставили бы монастыри и заключились в пещерах. Миряне оставили бы свои дела и заботы о своих семьях и детях. Поэтому Бог, Который есть Сама Любовь, не дает нам здесь такой любви и блаженства.

* * *

Старец сказал:

— Люди живут в постоянной тревоге. Пирушки и развлечения не дают настоящей радости.

Еще он сказал:

— Сегодня мы далеко ушли от Предания. Нам следовало бы сравнивать себя не с последними, а со святыми...

* * *

Другой старец сказал:

— Ходи к духовнику с самоотвержением и принимай то, что он тебе будет говорить. Если пойдешь с двоящимися мыслями, то он не получит о тебе извещения и может сказать нечто

ошибочное. «Если пророк впал в омрачение, значит, Я омрачил его, потому что сердце твое неправо», — говорит Бог. У тебя в таком случае как бы два лица.

* * *

Старец сказал:

— Я не могу описать тебе, чадо, то наслаждение, которое испытывало мое сердце всякий раз, когда люди поступали со мной несправедливо. Я ощущал, что облекаюсь в одеяние поношения Христова.

* * *

Один общежительный старец считался нерадивым. Несмотря на это, игумен терпел его, желая ему спасения. Он говорил, что Пресвятая Богородица спасет сего старца, поскольку он не покидал Ее Сада. Видимо, игумен принимал во внимание ту первоначальную ревность и благоговение, которую имел этот монах.

* * *

Дикий горный склон стал настоящим садом, плодоносной оливковой рощей благодаря трудолюбию старца Игнатия Дионисиата. С топориком за поясом и садовым инвентарем в котомке он с ревностью устремлялся искоренять эти заросли. Все дикие маслины он привил и сделал их плодоносными.

Своей ревностью и радением об интересах монастыря старец Игнатий оставил по себе память в истории обители. Следует заметить и то, что трудолюбие всегда сочеталось в нем с блаженным смирением и великим милосердием.

* * *

— Нерадение низлагает святых, это страшное зло, — сказал один опытный в духовных подвигах старец.

* * *

В монастыре Святого Павла мы знали и избранного румынского иеромонаха и духовника Макария.

— Условия для чистой молитвы имеет тот, кто подвизается и причащается Пречистых Таин,— говорил он.

* * *

Один просвещенный Божественной благодатью монах советовал:

— Любовь имей ко всем, но ни с кем не имей особых отношений.

* * *

Я знал одного монаха, который никогда не выпускал из своих рук четок, непрестанно молясь, где бы он ни находился. Вот какая ненасытная любовь к Богу!

* * *

Вот что мне рассказывал белобородый общежительный монах С.:

— Когда-то нас было на Святой Горе 8000 монахов, и, несмотря на все злострадания, трудности, тяжелые работы и неустанные подвиги, мы были всем довольны. А теперь посмотри на новых монахов — дай ему то, дай ему это, взад-вперед на машинах. Треволнения, заботы, повальная болезнь погони за материальными благами. И чем их больше, тем больше попечений. Порочный круг...

Причиной произошедшего пожара был грех[1]. Стихия греха разрушительна для души и тела.

---

[1] Видимо, речь идет о разрушительном пожаре на Святой Горе в августе 1990 года, см. также с. 297.— *Пер.*

* * *

Другой старец-подвижник говорил:

— Зло распространилось повсюду. Везде чернота, как на вспаханном поле. Но если на этом поле посеять, то оно станет зеленым и в свое время принесет плод.

* * *

Старец Иосиф Исихаст говорил:

— Главная цель диавола — сокрушить веру и таким образом представить человека предателем и отступником.

* * *

В скиту Святой Анны с моим братом по постригу отцом Даниилом мы встретили второго Павла Препростого по имени Аверкий, из каливы Честного Предтечи. Он никогда не покидал Святой Горы с тех пор, как его отправили туда совсем маленьким ребенком в большой корзине, покрытой сверху луком, еще во времена турецкого ига.

Со свойственной ему простотой этот отец предложил нам стать его послушниками.

— Я умру,— сказал он,— кто же будет возжигать лампадку святого Предтечи?

— Пресвятая Богородица пошлет тебе людей,— ответили мы. И шутя добавили:

— Мы люди своенравные, а ты строг! (Он был тише самого незлобивого ягненка.)

— У меня будут выписаны на одной бумаге добродетели, а на другой — пороки, и, не произнося ни слова, я буду вам их показывать...

Благословенная двоица — простота и уважение свободного произволения…

* * *

Как-то много лет назад весьма уважаемый мною старец Герасим Гимнограф сказал мне:

— Святитель Григорий Палама говорит, что единственное, чего не может сделать всесильный Бог,— это соединиться с нечистым человеком. Это для Него невозможно.

* * *

Один греческий аскет в качестве рукоделия изготавливал веники, относил их в русский монастырь Святого Пантелеимона, продавал и покупал себе сухарей. Он хотел трудом своих рук и в поте лица есть хлеб свой насущный.

* * *

На последних днях жизни мы узнали престарелого благодатного старца Симеона, ученика знаменитого духовника папа-Саввы. Много рассказывали о добродетели и рассуждении этого великого мужа. Перед смертью он дал один вдохновенный совет:

— Греха бойтесь. Искушения не бойтесь, оно не имеет силы.

* * *

Старец-исихаст сказал:

— Сначала послушник слушается с благоговением и без рассуждения. Со временем он примешивает логику, которая губит послушание. Он уже смотрит на все глазами логики.

* * *

Пустынник старец Христодул, ученик великого делателя молитвенного трезвения старца Каллиника,

Старец Даниил Катунакский, мудрый пустынник и основоположник братства Данилеев

часто, когда мы посещали его гостеприимную каливу, говорил нам:

— В наше время особенно необходим подвиг терпения. Древние святые совершали великие подвиги, которые нам не под силу. Но терпение и смирение в послушании иметь мы должны…

* * *

— Когда я пришел на Святую Гору, то думал, что приблизился к Богу, но когда я узнал старца Даниила[1], то понял, насколько далек был Бог от меня,— говорил послушник рассудительного старца Даниила писатель Александр Мораитидис, ставший впоследствии монахом Андроником.

* * *

В 1968 году вместе с моим братом по постригу отцом Даниилом мы посетили Карули (самую суровую пустыню Святой Горы). Там жил удивительный русский подвижник старец Зосима, занимавшийся плетением корзин. У него был

---

[1] Речь идет о старце Данииле Катунакском (1826—1929), выдающемся исихасте и подвижнике, обладавшем великим даром духовного рассуждения. Будучи ревнителем чистоты Православия, старец оставил после себя более семидесяти богословско-апологетических сочинений, а также множество писем аскетического характера. На русский язык переведены лишь некоторые сочинения о монашестве (*Старец Даниил Катунакский.* Ангельское житие. М., 2005). Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 177—264.

послушник папа-Серафим, знавший немного греческий язык. Он отвел нас в их церковку Святого Георгия и предложил три духовных угощения пустыни, три места из Священного Писания.

Молю о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои (ср.: Ин. **17**, 9).

А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими (Ин. **1**, 12).

И се, Я с вами во все дни до скончания века (Мф. **28**, 20).

— Мы живем в трудные времена,— сказал он.— Антихрист грядет, его пришествие подготавливается евреями.

Посетили мы и пустынного старца Андрея, крайне бедного, немощного, страдающего головокружениями, но очень терпеливого. Вот некоторые из его советов:

— Евангелие требует применения в жизни, а не теоретического знания. Молитва должна произноситься в единстве слова, ума и сердца. Чтобы она стала чистой, необходимы воздержание и чистота. Не будем осуждать ближнего ни по какому поводу. Оказывай послушание даже младшим. Даже если достигнешь девяностолетнего возраста, оказывай послушание какому-нибудь восемнадцатилетнему юноше.

Худой, жизнерадостный и словоохотливый старец Варфоломей принял нас с сердечным гостеприимством:

— Сколько раз мы умиляемся в молитве, столько раз целуем Бога,— сказал он.— Добродетелями мы уподобляемся Богу. В умной молитве соединяемся с Ним. Вот в чем все дело, братики мои. Горе мне, потому что я потерял

благословение общежительного братства. Послушание ведет к смирению, плачу, слезам, очищению и просвещению...

Потчуя нас аскетическим угощением (сухой смоквой и дождевой водой из своей цистерны), он рассказывал о знаменитом старце Исааке Дионисиате и его добродетелях.

* * *

Недавно я беседовал в неком скиту Святой Горы с одним благоговейным монахом о терпении и послушании мулов, которых отцы используют как средство передвижения по каменистым и крутым тропам. «Эти животные учат нас, отец и брат мой. Они никогда не возмущаются, всегда ждут, терпят и слепо повинуются нам», — говорил он мне.

Другой старый монах, погонщик мулов по имени Лазарь, говорил: «Они безропотно выполняют все работы, возят зимой дрова с горы. Под дождем, на морозе переносят на себе тяжелый груз. Если им дадут поесть — едят, если нет — не противятся, не жалуются. Учась у них благородству, я подходил к ним со слезами и давал пищу. И при этом помышлял об их благородстве и о своем непотребстве, об их послушании и о собственной строптивости...».

* * *

Великий катунакский пустынник Даниил однажды утешил одного новоначального монаха, впавшего в отчаяние от соблазнов и нестроений в общежительном монастыре, сказав ему: «Устрани, чадо мое, соблазны, и никто не достигнет святости».

* * *

Один очень благоговейный монах говорил мне:

— А спросили ли мы Пресвятую Богородицу, хочет ли Она, чтобы мы провели на Святой Горе дороги, нравятся ли

Ей машины, приятны ли механизмы и шум, угодна ли регистрация монахов Монашеского Государства как греческих подданных, Хозяйкой, Госпожой и Смотрительницей которого Она является? Может, за всем этим мы забываем Пресвятую Богородицу и Ее обетования о Святой Горе?!

* * *

Один современный подвижник говорил:

— Сегодня много вещества, но нет закваски...

* * *

У святогорцев есть такое изречение:

— Чужого кота и чужого монаха не принимай в свое братство[1].

* * *

— Теперь, когда меня рукоположат, на что мне следует обращать особое внимание? — спросил как-то один монах слепого благодатного старца Авксентия Григориата, вся жизнь которого была непрестанным повторением молитвы «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» и акафиста Пресвятой Богородице.

— Имей глубокое смирение и избегай соблазнов,— ответил тот.

* * *

Как-то подвижника монаха Никандра Костамонита спросили:

— Почему мы, читая каждый день жития святых и добродетельных монахов, совершая богослужения и творя многие молитвы, не делаемся похожими на преподобных?

---

[1] То есть человеку сложившемуся трудно влиться в жизнь другого братства.— *Пер.*

— Когда лудильщик собирается покрыть слоем олова какое-нибудь медное изделие, он должен сперва поскоблить его, а затем положить в огонь. Если он не удалит слой окислов, то олово не пристанет. Так и мы. Приходим в монастырь, но приносим с собой и ржавчину, которую имели в миру. Поэтому благодать Божия и не может приблизиться к нам, чтобы просветить и освятить нас.

* * *

Старец Модест Костамонит говорил нам:

— Имейте добровольную слепоту. Не замечайте ошибок других.

* * *

— Отец Гавриил, у меня есть сильное желание прийти и пожить на Святой Горе,— сказал однажды приснопамятному карульскому подвижнику будущий почтенный старец братства келлии Святителя Николая «Буразери» отец Кирилл.

— Послушай, что я тебе скажу,— ответил тот.— Хорошо бы тебе прийти. Но поскольку сейчас ты живешь в миру, иди в свой дом, закрой дверь, закрой занавески, постись, молись по четкам, вот тебе и Святая Гора!

* * *

— Уста его, когда он говорил, были подобны раскаленной печи, лицо его было восковым и излучало свет,— говорил о слепом папа-Никифоре, подвизавшемся много лет назад в Симонопетре, один его современник.

Папа-Никифор творил непрестанную умную молитву. Вопреки своему желанию и лишь по послушанию принял он рукоположение, прося со слезами снять с него бремя священства, что и исполнилось, когда он ослеп.

* * *

Духовник скита Святой Анны отец Г. был как острая секира против лени и праздности. Он советовал отцам и братиям работать и подражать древним подвижникам, которые много трудились. Один плел корзины, другой выкапывал на лугах клубни салепа[1], третий собирал семена лавра для лаврового масла, четвертый поднимался на вершину Афона за чаем и бессмертником. Все это они продавали, чтобы добыть себе хлеб насущный.

* * *

Старец сказал:

— Наше спасение не есть дело случая или счастливого совпадения, но результат усилий и труда. *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. **11**, 12).

* * *

Старец сказал:

— В этой жизни на десять скорбей приходится одна радость.

* * *

О древних иконописцах старцы говорили:

— Эти благословенные в посте и воздержании писали священные иконы. Потому через них и совершались чудеса.

* * *

Мой приснопамятный старец, когда был послушником в скиту Святой Анны, не имел благословения ни с кем

[1] Любка двулистная (ночная фиалка) — многолетнее травянистое растение из семейства орхидных. Применяют с лечебной целью как обволакивающее средство. — *Пер.*

разговаривать. Это была особая забота о его юной и неопытной душе, некий способ оградить ее от вреда. Только с одним подвижником, смиренным и исполненным истинной любви, ему разрешалось иметь общение. Этот добродетельный монах ежедневно брал своего старца к себе на спину и поднимал по ступеням их каливы. Звали его Афанасий, подвизался он на Катунаках и, *скончався вмале исполни лета долга; угодна бо бе Господеви душа его, сего ради потщася от среды лукавствия* (Прем. **4**, 13–14).

* * *

Старец сказал:

— Подозрительность — это некий лживый и своевольный фотограф, который, фотографируя, искажает изображение до полной неузнаваемости...

* * *

Однажды я оказался в хижине одного старого монаха, простота и скромность которой утешили меня не менее, чем непосредственность и доброта характера самого старца.

Снаружи, в углублении стены рядом со старинным окном, устроили себе гнездо небесные пташки. Мама-птичка прилетала и улетала, чтобы с не поддающейся описанию нежностью кормить птенцов и заботиться о них.

— Посмотрите на эту жертвенность матери,— сказал старец.— А после этого подумайте о неблагодарности современных детей, которые оставляют своих родителей и безразличны к тому, как они будут выживать, кто будет их содержать и утешать в старости.

* * *

Один молодой человек, наш современник, спросил старца-подвижника:

— Геронда, что мне делать? Меня искушает желание ходить на дискотеки.

— Что такое, чадо мое, эти дискотеки?

— Это когда...

— А, вспомнил. Когда-то я видел такое место. Снаружи было написано: «Ферма». Кажется, это помещение для животных! — добрый старец сказал это в простоте, потому что не знал, что такое «дискотека».

* * *

Отцы-святогорцы говорят:

— Два ока монаха — это его правило и богослужение.

* * *

Старец сказал:

— Кто верит своему помыслу, тот, если он мирянин, сходит с ума, а если монах, впадает в прелесть.

* * *

— Что вы пришли увидеть на Святой Горе? Занавески и гардины? Мебель и мрамор? Роскошь и различные удобства? Тогда вы совершили ошибку. Здесь вы увидите консервные банки и жестяные крыши, ветхие и штопаные одежды, босых аскетов с грязными ногами, с нечесаными волосами, стремящихся к внутренней жизни и благоухающих добродетелями...

Так беседовал один пустынник с некоторыми паломниками, которые, приехав сюда из мира комфорта и благополучия, слушали его, открыв рот...

* * *

Один профессиональный педагог, профессор, посетил Святую Гору с двумя своими сыновьями. Неожиданно встретившись с пустынником Г., они начали обсуждать некоторые духовные темы. На вопрос пустынника, заданный одному из юношей о его будущей профессии, тот ответил, что собирается стать математиком.

— Нет,— сказал ему старец,— ты будешь агрономом!

Отец и двое его сыновей изумились. Совсем недавно у себя дома они обсуждали этот вопрос, и отец отдавал предпочтение профессии агронома. Пустынник сказал так, ничего об этом не зная, просвещенный Духом Святым.

* * *

Один старый монах, ослепший в конце своей жизни, говорил:

— Диавол сделался подрядчиком. Ему удалось отвлечь современных монахов от молитвы, единственного и главного их занятия, чтобы заставить их трудиться на различных работах и обременить житейскими попечениями.

* * *

Другой старец говорил:

— Почему у нас сегодня мало святых? Потому что мы потеряли молитву и безмолвие.

* * *

Насельник одного скита, седой и древний старец, говорил мне, что новшества и «моды» в монашеской жизни подобны верблюдице, вошедшей незаметно в палатку погонщика, которую невозможно потом выгнать никаким образом.

* * *

— Отец Д., ты беден и не имеешь денег,— сказали мы однажды одному действительно бедному монаху скита.

— Только диавол поистине беден! — ответил он.

* * *

Однажды, направляясь из Пустыни Святой Горы в Дафни, я увидел в лодке одного монаха, по виду пустынника, который, сидя среди паломников, сосредоточенно занимался своим рукоделием. Он плел четки, и хотя время от времени переговаривался с рядом сидящим паломником, отвечая ему с благодатной непосредственностью, как малое дитя, однако не прерывал работы. Закончив одни четки, начинал другие, целуя их в начале и в конце работы.

Волосы часто падали ему на лицо, из-под рукавов подрясника выглядывала истертая, аскетического вида фланелевая рубашка. И работал он, как будто находился один в своей келье. Непринужденное, естественное отношение ко всем. Я подивился доступности, трудолюбию и простоте этого молодого жителя пустыни.

* * *

Старец Иоаким говорил:

— Ученика утомляют помыслы, и потому он не должен оставаться один на послушании. Пусть с ним будет кто-то еще — если не старец (что было бы лучше всего), то кто-нибудь из братии.

Старец Иоаким за семьдесят три года жизни только три раза выезжал за пределы Святой Горы и ни разу не посетил своей родины. Когда мать написала ему нежное письмо, он разволновался и, не дочитав его до конца, сжег. Совершенное

отречение от мира! Этот подвижник не ходил к врачам. Испытывая боль, он говорил: «Возьми меня, Боже, милостью и щедротами. В одном согрешаем, а в другом получаем воздаяние». Он не одобрял хождение по престольным праздникам, но горячо любил безмолвие и его блага.

Старец имел обыкновение каждый день совершать один круг по четкам с такими словами:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, пусть все чужое, все беззаконное и неправедное, все, что вредит душе, отойдет имиже Ты Сам веси судьбами. Пусть его украдут, попросят, пусть в нем появится у кого-то нужда, или пусть разобьется, или испортится. Лишь бы только не иметь к этому большого пристрастия и слабости, что тяготит душу.

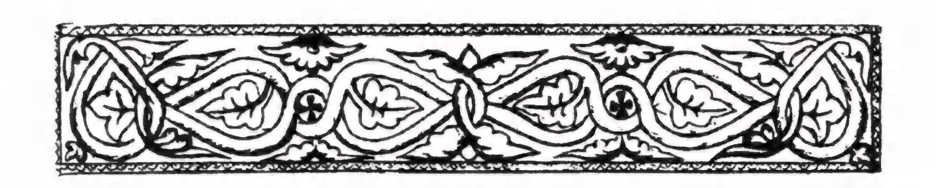
Давая советы своему ученику монаху Феодору, он говорил:

— Мы прожили тридцать восемь лет вместе. Ты знаешь, на что я отвечаю «да» и на что «нет». Когда я уйду из этой жизни, всегда рассуждай: если бы жив был старец и я спросил бы его об этом, что бы он ответил? Итак, ничего не бойся. Если человек не погрешает, Бог не попустит ему пострадать от чего-либо, а если пострадает по зависти лукавого, Бог дарует ему терпение, и он опять выходит с прибылью.

Я имел благословение познакомиться с этим редкостным старцем, получить благословение из его святых рук и услышать из его благословенных уст множество афонских историй. От него я получил и сведения для составления биографии знаменитого папа-Харитона Духовника[1].

---

[1] См. прим. 1 на с. 148.

СЛОВО
О ПРЕКЛОНЯЮЩЕМ БОГА НА МИЛОСТЬ И ХРИСТОПОДРАЖАТЕЛЬНОМ МИЛОСЕРДИИ

Карульский духовник папа-Христофор имел обыкновение давать себе пощечины на ночных бдениях, чтобы отогнать сон, и насколько был строг к себе, настолько же милостив был к бедным. Каждый раз, когда он встречал какого-нибудь паломника, монаха или мирянина, то кланялся перед ним до земли. Также земной поклон он делал и при встрече с просящим милостыню, будь то монах или мирянин.

— Они, чадо мое, суть братья Господа, они — Сам Христос, — говорил он.

* * *

Старец сказал:

— За немилосердных, когда они умирают, служите панихиды и, прежде всего, творите милостыню. Есть много бедных, им и давайте...

На поминках предлагайте коливо, а не сладости, как делают в последнее время многие.

* * *

Приснопамятный старец Хрисанф из Святой Анны рассказывал:

— Старец Нектарий из Святой Анны был таким милостивым, что если бы можно было, то и сами стены каливы Честного Предтечи он отдал бы в милостыню пустынникам и страдающим под гнетом турок христианам. Эту его добродетель знал только геро-Азарий, который однажды, работая в своем саду, сказал мне: «Знаешь, чем он занимается по вечерам? Уходит к пустынникам и раздает то, что имеет».

Кажется, геро-Нектарий предчувствовал, что закончит свой жизненный путь мученически... Его соотечественник геро-Кирилл решил следовать вместе с ним его путем. Когда случилась резня в Смирне, турки посадили священников и монахов в русло пересохшего потока и охраняли их там. Монахини, поскольку читали пророчества об этом, успели убежать и переправились на острова Хиос и Митилини[1]. Все пленные, священники и монахи, боялись смерти, и только старец Нектарий ничего не боялся и утешал их: «Мы с малолетнего возраста оставили мир и последовали за Христом, и неужели теперь, когда Его милосердие уготовило нам мученическую кончину, мы будем бояться? В том, в чем мы согрешили, мы должны покаяться, чтобы убежал от нас страх смерти».

Тогда все послушались его слов, исповедались и, почувствовав дерзновение, приняли мученическую кончину от турок Кемала[2]. Только один иеродиакон спасся по промыслу Всеблагаго Бога, он и рассказал мне об этом.

---

[1] Хиос и Митилини (Лесбос) — соседние острова, примыкающие к побережью Турции.

[2] Кемал — национальный вождь Турции в 1-й половине XX века. Возглавлял военные действия турок во время греко-турецкой войны 1921–1923 годов, закончившейся для Греции поражением. — *Пер.*

Видите, что совершает милосердие — главизна христианских добродетелей? Поскольку старец Нектарий имел его в избытке, оно сподобило его презреть саму смерть и мученически пострадать за Христа!

* * *

Приснопамятный старец Х. рассказывал:

— Славный черногорец папа-Мина был очень милостивым. Его братия ела из одного большого блюда, а он притворялся, что тоже ест. Когда же он видел, что мы уже насытились, тогда доедал то, что оставалось. «Наелись, счастливчики?» — спрашивал он нас. «Да»,— отвечали мы, не догадываясь, что он съедал всего одну ложку пищи...

* * *

Немногие показывали такое милосердие, как монах Харалампий из каливы Успения Пресвятой Богородицы скита Святой Анны. Эта добродетель превосходила в нем и подвижничество, и непрестанную молитву, и любовь к богослужению, и память о смерти. Почил старец в 1945 году.

* * *

Старец Евлогий, о котором мы уже упоминали[1], за свой подвиг и добродетель получил от Бога великую благодать и силу. О нем распространилась молва как о рассудительном духовнике и старце, и многие приходили к нему просить советов и наставлений в монашеской жизни, получить от него утешение и благословение. Особенно старец любил бедных, которые находили у него тепло и понимание. Для них он построил в своей келлии отдельное жилище, где они

[1] См. главу «Слово о подвижничестве», стр. 117.

постоянно проживали, помогая в благодарность на различных послушаниях.

* * *

Я знал ученика великого делателя молитвенного трезвения отца Каллиника — старца Христодула, который оказал мне гостеприимство в своей каливе Святого Герасима на Катунаках. Скольких бедных обхаживал, кормил, одевал, утешал этот приснопамятный старец!

Он говорил:

— Заботьтесь о странниках, чтобы они уходили довольными. И миряне могут о нас помолиться. Сильна их молитва, когда они говорят: «Бог да благословит, да помилует тебя, отец». Добродетель милостыни велика, и Бог особо благословляет тех, кто о ней заботится. Отдавайте, что имеете. Не сомневайтесь. Я испытал это на себе уже много раз. Благочестивые христиане присылали мне сладости, продукты, консервы и прочее, а я раздавал это другим как благословение. Мы что, звери, что ли, чтобы все поедать? Разве мы звери?

Во время погребения этого подвижника, прежде чем началось последование отпевания, пришел один проситель-мирянин с котомкой за спиной.

— Мне нужен отец Христодул, хочу попросить у него милостыни,— сказал он.

— Что же вы в таких бедных каливах просите милостыни? — ответили ему.

— Отец Христодул всегда давал мне деньги, консервы, макароны и даже одежду. Я хожу сюда уже несколько лет, и он меня знает.

— Но теперь этот старец почил,— сказали ему.

— Что вы говорите? Бог да помилует его за все доброе, что он мне сделал,— и бедняк ушел расстроенный.

Это был образец простоты и любви, деятельной любви и милосердия.

* * *

Крайне бедный и одетый в рубище румынский аскет Е. *не имел, где главы преклонить*[1]. Он помогал в трапезной русского монастыря и то, что за это получал, раздавал как милостыню живущим в пустыне подвижникам.

— Это для меня единственная возможность спастись,— говорил он.— Смиренно просить, трудиться, раздавать...

* * *

Когда на одном подворье Григориата в Арте[2] служил старец Артемий, он, отправляясь на рынок, возвращался с пустыми руками. Все, что у него было, он раздавал бедным и старикам.

* * *

Все многочисленные «благословения», которые давали Хаджи-Георгию люди, исцеленные его молитвами, он раздавал в качестве милостыни бедным, монахам и мирянам. Таково было его милосердие, что о всяком щедром на милостыню человеке стали говорить: «Дает, как Хаджи-Георгий».

* * *

Во время настоятельства игумена Григориата отца Симеона монах Ипатий, увидев, что в сосуде с маслом осталось только 300 килограммов, спросил игумена:

— Давать ли нам масло аскетам?

— Давай.

[1] Ср.: Мф. **8**, 20.

[2] Город в Эпире.

— Геронда, но у нас у самих нет!

— Это масло для всех нас. Если что остается, то остается для всех.

Они раздавали, раздавали, а масло не уменьшалось! В сосуде его оставалось ровно столько же.

* * *

Один монах спросил своих посетителей:

— Какую работу вы выполняете?

— Геронда, у нас нехорошая профессия, мы торговцы,— ответили они со смущением.

— Сегодня, братья мои, большая нужда в хороших торговцах. Скажите мне по правде, что вы делаете, когда товары дорожают? Продаете и старую партию товара по новым ценам?

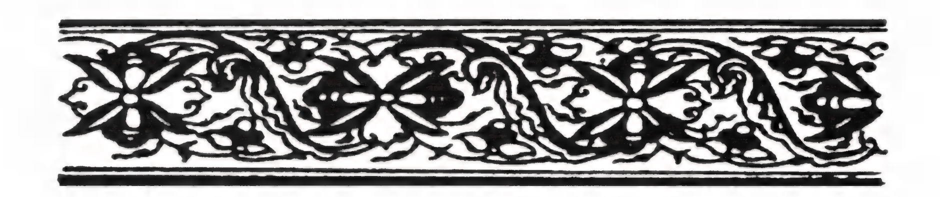
— Да, геронда. А как нам поступать иначе? Нам надо снова закупать в лавку товар.

— Хорошо, но из старого товара вы дважды извлекаете прибыль. Конечно, вы не можете продавать его по старым ценам, потому что тогда на вас восстанут другие торговцы. Но вы второй прибыток, выручаемый от продажи, раздавайте на милостыню.

* * *

Малый ростом, но великий в добродетели папа-Антонакис[1], иеромонах Нового Скита, служил на подворье Святой Анны в храме Архангелов в Афинах. Когда он узнавал, что где-то есть бедняк, шел и тайно оставлял у его дверей милостыню, как поступал и известный его современник старец Иероним Симонопетрит, а также и святитель Николай, Мир Ликийских Чудотворец.

[1] Уменьшительно-ласкательное от Антоний.

СЛОВО О РАЗНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ МОНАХАХ

Почтенный, гостеприимный старец Иоасаф из братства Иоасафеев в Карее, искусный мастер византийской иконописи, рассказывал нам:

— Я знал многих отцов, которые вели постоянную борьбу за очищение своего внутреннего человека, за спасение своей бессмертной души:

это старец Харалампий, великий делатель воздержания из келлии Живоносного Источника;

старец Мефодий из келлии Святителя Николая, достигший высоты в своем странничестве;

старец Симеон, превосходно поющий церковные гимны;

приятнейший нравом папа-Дионисий из келлии Введения во храм Пресвятой Богородицы;

старец Харалампий, нестяжательный из нестяжательных и очень простой;

старец Филарет Костамонит, фонарщик, который никогда не покидал Святой Горы;

старец Арсений, резчик, кроткий и самый молчаливый;

русский старец Лаврентий, крайне воздержный и скромный;

старец Дометий-постник;

Старец Афанасий из Керасьи

папа-Неофит, ко всем милостивый, непрестанно молившийся день и ночь;

папа-Никодим, кротчайший духовник, пастырь добрый;

румынский подвижник, кормивший диких птиц прямо с рук;

старец Пахомий из иконописной мастерской Пахомеев, бывший сторонником колливадов[1] и церковных традиций;

настоящие монахи и очень милостивые старцы Аверкий и Харалампий;

обладавший замечательной памятью старец Иоаким (которого я еще застал и который часто и много рассказывал мне, недостойному, о добродетелях древних афонских отцов);

старец Косма, нестяжательный и молчаливый…

* * *

В монастыре Святого Пантелеимона (Русском монастыре) жили настоящие подвижники, монахи, не щадившие себя ради спасения.

---

[1] Колливады (от слова «коливо») — исихастское движение XVIII века. Эти отцы, следуя преданию нашей Церкви, утверждали, что поминовение усопших должно совершаться только в субботу, поскольку воскресенье есть день Воскресения Господня. Также они выступали за частое причащение Святых Таин и возвращение к святоотеческой традиции умного делания. Колливадами были такие известные подвижники, как святитель Макарий Коринфский и преподобный Никодим Святогорец.

Например, старец Серапион вкушал только хлеб и воду.

Старец Савин целых семь лет не спал на ложе.

Старец Досифей для всех был примером и образцом добродетели.

Старец Анатолий имел благодатный дар покаяния.

Старцы Савин и Серафим знали еще преподобного Серафима Саровского.

В скиту монастыря Ксенофонт жили добродетельные отцы, например приснопамятный папа-Акакий, который был и по имени, и на деле незлобивым и чуждым всякого порока[1]. В миру он был малограмотным, однако, когда его посещали паломники, он открывал Евергетинос[2] и читал душеполезные главы, избегая празднословия и пустословия. Почил он в 1927 году.

Строгим монахом был старец Хрисогон, который почил в 1943 году.

В одной хибарке скита, так называемом аскетирии, жил подвижник по имени геро-Евфимий. В центре комнаты у него висел мешок с сухарями, которые и служили ему ежедневной пищей.

Восемьдесят лет из ста прожил на Святой Горе простой старец Григорий, недавно мирно почивший о Господе. Он родился в 1890 году и в восемнадцатилетнем возрасте пришел в скит.

---

[1] Имя Акакий может переводиться как «незлобивый», так и «непорочный». — *Пер.*

[2] Евергетинос — труд монаха Павла, основателя Евергетидской обители в Константинополе, представляющий собой выдержки из житий святых и творений святых отцов, систематизированные по тематике. Впервые был подготовлен к изданию преподобным Никодимом Святогорцем, после чего получил широкое распространение в Греческой Церкви.

Отец Григорий был знаком с Мораитидисом[1], имел дружеские отношения с пустынником Авимелехом и рассудительным Даниилом Катунакиотом. Его духовным отцом стал папа-Акакий. Часто мы наслаждались его по-детски непосредственным и кротким обществом. Один раз он принес книгу Илии Минятия[2], чтобы прочитать мне похвальное слово на праздник Воздвижения Честнаго Креста. Столетний старец читал и плакал. Это было поразительное и незабываемое зрелище. Он чувствовал себя стоящим пред Крестом Господним...

* * *

В скиту Кавсокаливия жили замечательные личности: одни отличались своей образованностью, другие — добродетелями, а третьи — и тем и другим, сочетая в своей душе оба достоинства.

Таковыми были: Иона, ученик преподобного Акакия Кавсокаливита, почивший в 1665 году; Пелагий, послушник Ионы, почивший в 1754 году; Рафаил; Неофит, по происхождению еврей; мудрый учитель Евгений Булгарис[3] — директор Афониады[4]; Феоклит Византийский (Каратзас), почивший в 1777 году; длиннобородый Мефодий Византийский,

---

[1] Александр Мораитидис — выдающийся греческий писатель и ревнитель девства. Был духовным чадом старца Даниила Катунакского, к концу жизни принял постриг с именем Андроник.

[2] Илия Минятий (1669—1714) — греческий епископ, проповедник и богослов.

[3] Евгений Булгарис (1716—1806) — один из выдающихся греческих просветителей и богословов. Учился в Италии, занимался исследованиями на Афоне; с 1771 года — в России: сначала переводчик при императрице, а с 1775 года — епископ Славянский и Херсонский. Погребен в Александро-Невской Лавре.

[4] Афониада — святогорская средняя школа для мальчиков от 12 до 18 лет. Наряду с общеобразовательными предметами здесь преподаются и церковно-богословские дисциплины, иконопись, церковное пение.

отошедший ко Господу в 1811 году; Филофей из Смирны, почивший в 1789 году; Петр-монах, подвизавшийся в каливе Рождества Богородицы и почивший в 1865 году; знаменитый Никодим Духовник, послушник великого мастера резьбы по дереву старца Арсения, который оставил истории два своих произведения — «Распятие» и «Второе Пришествие», проработав над каждым из них пятнадцать лет (!); духовники Павел и Пантелеимон, мужи рассудительные и наделенные благодатными дарами, серьезные, молчаливые, приятные в слове и мудрые в руководстве.

* * *

Отец Герман Хаир рассказывал об отцах скита Кавсокаливия:

— Это были почтенные старцы, мимо которых мы проходили с великим почтением и страхом. На ночных бдениях они стояли, как несгибаемые столпы, с вечера и до утра, смотря долу, на плиты церковного пола. Вся церковь была наполнена такими старцами. Все они пребывали в молчании, празднословию не было места. Они строго соблюдали все правила духовной жизни. Особенно выделялся среди них своей светоносной жизнью старец Авксентий, который сиял как звезда. Жил он в келлии Святого великомученика Георгия. У него был глиняный сосуд, где он варил для себя травы, которые собирал в пустыне, и это было его основной пищей. Иногда он ел и хлеб, но более ничего. В скиту старец прожил многие годы, лет около шестидесяти.

* * *

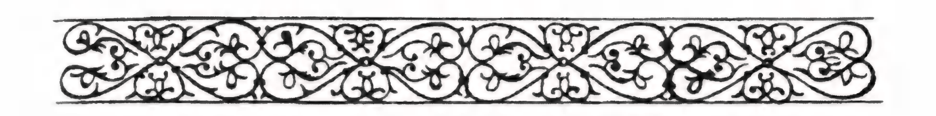
В весьма уединенном скиту Святого Василия жили великие подвижники, совершавшие удивительные подвиги и

проводившие напряженную духовную жизнь. Это были: учитель молитвенного трезвения и умной молитвы старец Варнава и румыны Мартиниан, Иона и Феофилакт. Почти все отцы занимались резьбой по дереву: они делали расчески, ложки, ножи для бумаги. Старец Мартиниан жил только на милостыню других братий. Когда ему давали «благословение», то есть немного еды, у него было для этого установленное благодарение на ломаном греческом:

— О, спаси тебя Господи! Как твое имя? Как имя твоего отца и матери? (Имена он спрашивал, чтобы поминать их в молитве.)

Старец Иона был ученым монахом, выпускником политехнического института, и в тихой, исихастской атмосфере скита Святого Василия занимался переводческими трудами. Он переводил на румынский язык книги преподобного Никодима Святогорца и другие святоотеческие творения.

СЛОВО О ДЕЙСТВИИ БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ

Одного старца мы спросили:

— Как человек может получить Божественную благодать?

— Если он не будет терпеть всех находящих бедствий и всего, чего бы ни случилось с ним, то не получит Божественной благодати,— ответил он.

Затем добавил:

— Самым большим препятствием для посещения Божественной благодати является человекоугодие. Когда Бог находит человеческое сердце свободным от пожеланий, тогда приходит благодать. Божественная благодать неописуема. Она воспринимается при определенном состоянии души. За один косой взгляд человек лишается благодати.

* * *

Когда подвижник пустыни Петр, живший в пещере преподобного Петра Афонского, чувствовал, что в его сердце начинает действовать благодать, восклицал:

— Пронзай меня, Христе мой, острием благоутробия Твоего!

* * *

Старец сказал:

— Нет благодати Божией в современных людях, потому что они изгоняют и ту малую благодать, какую имели.

А когда уходит благодать, тогда в человека устремляются все демоны. Дурной помысл препятствует Божественной благодати. Хороший помысл имеет такую силу, какой не дает никакой подвиг. Хорошие помыслы у нас будут тогда, когда на все мы будем смотреть чисто.

* * *

Один ныне живущий, уважаемый и имеющий благодать исихаст говорил мне:

— Человек не всегда находится в благодати. Часто она оставляет его, и тогда на него находит печаль, скорбь. Но затем благодать возвращается...

* * *

Старец сказал:

— Часто препятствием для того, чтобы наше прошение было услышано, становимся мы сами, хотя возможна и другая причина. Например, кто-нибудь говорит мне: «Помолись за одного больного», и я молюсь. Допустим, у меня для этого достаточно веры. Даже если у меня нет эгоизма, Бог, опять же, может не давать просимого, если у другого нет необходимого смирения. Он может иметь веру, верить, что Бог поможет, однако возникает препятствие, когда нет соответствующего этой вере смирения. Мы должны доверять Богу, предоставлять Ему свободу действия. Впрочем, если я усердно молюсь, то чувствую, что прекращается действие искушения, и все приходит в норму. Но если Бог попускает нечто, какое-то испытание для нашей же пользы, то мы можем просить, а Он не будет нам помогать. Если же это от искушения, то Бог помогает тотчас. Таким образом, воля Божия во многих случаях нам неизвестна.

* * *

Одного подвижника как-то спросили:

— Почему иногда бывает, что мы ничего не чувствуем, когда молимся в церкви или во время личной молитвы?

Он ответил:

— Здесь много причин. Иногда ты можешь чувствовать некое умиление, и помысл будет говорить тебе, что Христос дает тебе карамельку, в то время как это происходит не от твоего труда. И поскольку ты этого еще не понял, у тебя это отнимается, пока не поймешь.

В любом случае не следует в молитве искать слез и дарований. Иногда ты можешь не плакать, но сильно переживать внутри о какой-нибудь своей ошибке — тогда ты как бы плачешь невидимыми слезами, которые к тому же и более безопасны. А видимые слезы опасны, потому что могут создать ложное о себе представление.

Не просите у Бога ни слез, ни дарований, но покаяния, покаяния и покаяния. Мы очень нуждаемся в покаянии.

* * *

Приснопамятный старец Лазарь Дионисиат рассказывал нам случай, имевший, вероятно, отношение к нему самому более, чем к кому-либо другому. Один новопостриженный монах читал акафист Честному славному Предтече Господню перед его строгой и величественной иконой, когда внезапно почувствовал в сердце такую сверхъестественную благодать, что ему показалось, что вместе со всем своим телом он поднялся над землей. При этом его наполнило неописуемое ликование.

В другой раз этот монах слышал голос от иконы Честного Предтечи, которого он просил разрешить один важный

личный вопрос: «Иди вниз, в церковь Святых Бессребреников, и там безмолвствуй».

В этом вопросе отец Лазарь выразил свое желание безмолвствовать, подвизаясь вне монастыря, в одной стоящей в лесу кафисме.

* * *

«Когда благодать Святаго Духа вселится в человека, она собирает ум», — говорил святой Максим Кавсокаливит святому Григорию Синаиту[1]. «Она делает его внимательным и смиренным. Она приносит ему память о смерти и о своих прегрешениях, о будущем Суде и о вечных мучениях и делает его скорым на умиление. Его очи исполняются слез и кротости. И чем более приближается к нему благодать, тем более укрощает душу, тем более утешает ее святыми Христовыми страданиями и Его бесконечным человеколюбием. В уме она порождает высокие и неложные созерцания. Во-первых, он созерцает непостижимое могущество Бога, одним словом сотворившего все мироздание из ничего и приведшего его к бытию. Во-вторых — бесконечную Его силу, промышляющую обо всем и неизъяснимо всем управляющую. В-третьих — непостижимость Святой Троицы и необъятный океан Божественной жертвенности. Одним словом, когда ум человека будет восхищен и поднимется выше всего вещественного, он просвещается и исполняется Божественного знания, пребывая в сияющем свете Божества.

---

[1] Когда святой Григорий Синаит (память 8/21 августа) обходил монастыри на Афоне в поисках духовных наставлений, встреча с Максимом Кавсокаливитом произвела на него такое впечатление, что он стал называть преподобного Максима не иначе как «земным Ангелом».

Сердце его благодать делает мирным и кротким, так что оно порождает плоды Святаго Духа — *радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение*[1] и все прочее. Тогда душа этого человека исполняется безмерным ликованием».

* * *

Один известный и весьма уважаемый пустынник[2] говорил:

— Когда приходит великая благодать, человек не выдерживает. Он весь сотрясается, как тело сотрясается от электрического тока. Он не может вынести такого блаженства. Тогда приходят слезы, блаженное состояние, неизреченная радость, изменение[3], великая любовь к Богу. Один раз у меня всю ночь находились на кровати мощи святого Арсения[4], я бдел и молился. Внезапно появился демон. Он схватил меня и бросил на пол с криком: «Что это за глава?». С огромной силой поверг меня на пол. Тогда я закричал: «Святый Божий, помоги мне!». В ту же минуту демон стал невидим, а моя душа исполнилась неописуемого блаженства. Утром меня пришел навестить один мой знакомый, и он был поражен тем изменением, которое произвела на моем лице благодать...

[1] Ср.: Гал. **5**, 22–23.

[2] Паисий Святогорец.

[3] Под «изменением» здесь надо понимать видимое преображение человеческой души под влиянием благодати.

[4] Преподобный Арсений Каппадокийский (1841–1924) — священник села Фарасы, где родился старец Паисий. Еще при жизни прославился многими чудесами. Он крестил старца в младенческом возрасте и дал ему свое имя, определив тем самым судьбу будущего монаха. Канонизирован Вселенской Патриархией в 1986 году. Подробнее о нем см.: *Старец Паисий Святогорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

СЛОВО О ДЕЙСТВИИ ЛУКАВЫХ ДУХОВ

Когда преподобный Афанасий Афонский начал строительство большой монастырской церкви, которая сохранилась до сего времени, диавол объявил ему страшную войну. Он вверг строителей в великое искушение.

Когда мастера вместе с рабочими размечали на местности план будущего храма, вдруг в какой-то момент их руки ослабели и стали недвижимы, так что они не могли даже поднести их к своим устам. Тогда преподобный Афанасий прочитал Трисвятое, и их руки тотчас же освободились. После этого он сам взял плуг и первым начал рыть борозду. Затем повелел рабочим последовать его примеру, и вскоре все включились в работу без малейшего затруднения.

Это чудо поразило рабочих. Они не смогли удержаться, упали преподобному в ноги и просили, чтобы им остаться с ним навсегда и стать монахами.

Таким образом, диавол ушел посрамленным, не сумев воспрепятствовать великому делу строительства священного монастыря, который суждено было вскоре воздвигнуть на этом святом месте, в Саду Пресвятой Богородицы, как первую цитадель Православия и аскезы.

* * *

Через две недели после того, как святой Петр Афонский пришел на Святую Гору и поселился в пещере, начались сильнейшие и невыносимые искушения со стороны лукавых духов. Демоны поднялись как по тревоге и объявили войну этому героическому первопроходцу.

Было четыре главных нападения демонов, отразив которые святой стяжал венец победителя.

Во время первого нападения отец лжи и клеветы диавол пустил в сражение всех своих слуг. Одни метали в пещеру копья, другие стреляли из луков, третьи сбрасывали с высоты целые скалы и оглушительно кричали: «Быстро уходи из нашего жилища, иначе мы тебя убьем!».

Преподобный, в сердце которого была укоренена молитва, не претерпел никакого вреда от этих угроз и нападок. Выглянув из пещеры, он увидел бесчисленное множество демонов. Тогда он возвел свои очи на небо и из глубины сердца воскликнул: «Пресвятая Богородице, помози ми, рабу Твоему!».

От одного только имени Божией Матери дерзкие и трусливые демоны стали невидимы. Прошло пятьдесят дней, и они вернулись в образе диких зверей и ползучих гадов. Как они нападали на учителя пустынного жития святого Антония Великого, так же и здесь они устремились на преподобного в обличии зверей и змей. И снова святой победоносно отражает их знамением Честнаго Креста и спасительным призыванием имени Христа Спасителя.

Для совершения третьего нападения изобретательный и коварный враг всего доброго выдумывает следующее. Он принимает на себя образ молодого человека, родственника

преподобного Петра Афонского. Итак, он приходит к нему, радостный и взволнованный встречей после стольких лет разлуки, и рассказывает святому о том, что его родственники беспокоятся и скорбят, узнав о его скитаниях и случившемся кораблекрушении[1]. И даже сообщает, что сам святитель Николай поведал им об этом спрятанном в афонских лесах потерянном, но многожеланном сокровище.

— Итак, давай,— говорит,— поедем вместе к друзьям и родственникам, которые с нетерпением ждут тебя. Подвиг безмолвия можно проходить и там, у нас есть много монастырей и уединенных келлий. Скажи мне, чем можно более угодить Богу: уходом из мира или доставлением пользы душам человеческим? Тем, что ты будешь один молча бродить среди этих сухих скал, или тем, что наставишь на истину множество людей, тебя ожидающих? Или ты не помнишь, что говорит пророк: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. **15**, 19)?

Преподобный смутился. Это смущение было для него знаком того, что юноша, который с ним беседовал, был не от Бога. Он склонил голову, прослезился и с мужеством и дерзновением ответил:

— Запомни раз и навсегда, что на это место меня привел не Ангел, не человек, но Сам Бог и Пресвятая Богородица. И если не будет на то их собственной воли, то я не могу выйти отсюда.

---

[1] Согласно одному из вариантов жития святого Петра Афонского, корабль, на котором он плыл из Рима на Восток, потерпел кораблекрушение напротив полуострова Афон.

Принявший на себя вид юноши демон, как только услышал имя Пресвятой Богородицы, исчез.

Через семь лет произошло четвертое бесовское нападение на мужественного предводителя афонского подвижничества. Преподобному Петру явился некий якобы Ангел Господень с обнаженным мечом и, встав перед входом в пещеру, сказал:

— Изыди, истинный служитель Христов, изыди, чтобы услышать тайны Божии и душеполезное слово.

— А кто ты, желающий поведать мне слово благое и душеполезное? — спросил его преподобный.

— Я Архистратиг Божий, посланный сообщить тебе добрую весть. Мужайся, крепись и радуйся, ибо уготован для тебя Божественный престол и неувядаемый венец. Итак, теперь время тебе оставить место сие и идти в мир, чтобы принести пользу многим душам человеческим. Потому и иссушил Господь источник, из которого ты пил, что Он желает переселить тебя отсюда.

— Но кто я такой, самый ничтожный и недостойный из всех людей, чтобы ко мне пришел Ангел Господень? — сказал святой.

— Не удивляйся,— убеждал его лжеангел,— ибо ты в нынешние времена превзошел всех древних святых и пророков: Моисея и Илию, Даниила и Иова. Итак, иди, тебе повелевает Бог проповедовать в миру, чтобы получили пользу многие.

— Если не придет сюда Госпожа моя Пресвятая Богородица, пославшая меня в это место, и мой помощник в напастях святитель Николай, я не уйду отсюда.

Едва этот мнимый ангел услышал имя Пресвятой Богородицы, он тотчас исчез.

В эту ночь после бывших с ним сильных искушений преподобный удостоился Божественного посещения. Ему явилась Божия Матерь, Госпожа и Заступница Святой Горы, и великий во святых Николай.

— Петр, не бойся козней врага. Знай, что Господь с тобой. С завтрашнего дня Он будет посылать тебе через Ангела небесную пищу,— сказали они ему.

* * *

Святой Максим Кавсокаливит говорил преподобному Григорию Синаиту: «Когда лукавый дух прелести приблизится к человеку, он смущает и помрачает его ум, ожесточает и запугивает сердце, возбуждает в нем трусость, страх, отчаяние и превозношение. Глаза заставляет боязливо метаться, ум приводит в смятение, все тело сотрясает дрожью. Очам он являет в воображении свет, но не сияющий, а красный, ум делает беснующимся, побуждая его говорить слова неподобные и хульные.

Тот, кто имеет этот дух прелести, гневается и приходит в ярость, не знает ни смирения, ни истинных слез, ни подлинного покаяния, хвалится своими достижениями, требуя от других почитания и славы. Он погружен в свои страсти, пребывает в исступлении, повреждается умом и приходит к окончательной погибели».

* * *

Преподобный Никодим Святогорец претерпел множество нападений лукавых духов, будь то непосредственно бесовские действия или их козни через людей. Вот как опи-

сывает бесовские наваждения, имевшие целью устрашить и смутить преподобного, его биограф иеромонах Евфимий:

«Но не думайте, что всего этого[1] он добился без зависти и искушений со стороны видимых и невидимых врагов... Что касается врагов видимых, предадим их забвению, а тех, кто принес какой-либо вред,— милости Божией, как поступал и почивший старец. Приснопамятный Никодим вначале, когда пришел, был настолько боязлив, что в келье, куда мы отводили его для сна, оставлял дверь открытой, чтобы утешаться, как ему казалось, близостью людей. Но с тех пор как он уединился в молчании, то приобрел такое мужество, что, когда демоны за окном его кельи что-то нашептывали, он продолжал писать и никогда не пугался, а иной раз даже смеялся над их происками. На Скиропуле[2], когда он ночью был один, после шепота они устроили ему такой грохот, что он подумал, будто обрушилась стена, бывшая снаружи его кельи. Однако наутро он нашел ее целой. И здесь, в каливах, где он жил, его так же искушали шепотом — он даже попытался как-то разобрать, но ничего не понял. Только один раз он услышал: "Этот писака". Иногда они стучали и в дверь его кельи, и всегда стучали только по два раза. А когда он изъяснял тридцать четвертый псалом, на стихе *да будет путь их тьма и ползок, и Ангел Господень погоняяй их*[3] они сотворили ему такой грохот, что ему показалось, будто мимо его кельи

[1] То есть духовного преуспеяния, которое было тесно связано и с составлением множества душеполезных сочинений.

[2] Пустынный и безводный островок в Эгейском море, где в течение года ради крайнего безмолвия подвизался преподобный Никодим со своим старцем.— *Пер.*

[3] Пс. **34**, 6.

прошло большое войско и рухнула вниз каменная стена, находившаяся поблизости».

* * *

В 1925 году в монастырь Дионисиат пришел один бесноватый. После повечерия он, находясь в своей комнате, начал громко петь и неистово плясать, с шумом ударяя ногами в пол, до изнеможения. Отцы и братия были вынуждены связать ему руки и ноги для принудительного, так сказать, успокоения. Но он разорвал веревки, как будто был связан нитками. После этого один опытный брат связал его новой веревкой. В этот момент демон, обитавший в нем, закричал: «Вяжи меня, монах, и увидишь, что станет с твоими веревками». Действительно, через два часа одержимого увидели свободным, а веревки нашли в саду.

Однажды после такой его пляски до изнеможения старец Виссарион принес ему в кувшине святой воды.

— Иди, Яннаки, дитя мое, попей холодной водички,— сказал он ему.

Тот, тяжело дыша после пляски, с жадностью начал пить. Но с первыми каплями почувствовал, как сам говорил, жжение в горле.

— Тьфу, тьфу, ты попалил меня, монах, ты попалил меня,— сказал он и выплюнул воду.

Все были поражены действием благодати, заключенной в святой воде. После ему дали обычной воды, и он выпил ее с алчностью... Целый месяц над ним читали запретительные молитвы, когда же ему стало легче, он уехал.

Однажды его спросили: «Чего ты боишься больше всего: святой воды, антидора или Святых Даров?»

Демон ответил:

— Если бы вы сохраняли в себе то, чем вы причащаетесь в Церкви, то никто из нас не смог бы вам повредить.

— Почему же, Яннис, ты боишься Божественного причащения?

— Оставь Янниса, не спрашивай его, слушай только меня, что я тебе говорю,— был ответ.— Дай мне сделать один нырок в море, и я тут же окажусь в Афинах!

* * *

Один послушник из скита Честного Предтечи Иверского монастыря, из келлии Святого Иоасафа, хотя и часто причащался, но видел явления бесов. Из окна своей кельи он видел дикого кота, готового броситься на него. Он понимал, что это было бесовское наваждение. Старцы спросили его: может, он не совсем чисто исповедуется? И действительно, он скрывал, не решаясь открыть духовнику, что совершил в своей деревне ненамеренное убийство. Раскрыть эту тайну он опасался, потому что боялся осуждения. Как только грех был исповедан, бесовские наваждения прекратились.

* * *

Когда преподобный Силуан Афонский находился еще в начале своих духовных подвигов, однажды ночью его келья наполнилась необычным светом. Этот свет проходил сквозь подвижника, так что тот мог видеть, что находится у него в груди. Помысл говорил ему: «Прими его, это благодать». Однако душа смутилась, ум был в недоумении, дух сокрушения исчез, во время молитвы ему хотелось смеяться. Он ударил себя кулаком в лоб. Смех прошел, но умиление и покаянный дух не вернулись. Тогда он понял, что это видение

было не от Бога. Вскоре преподобному явились лукавые духи, с которыми он по своей наивности разговаривал, «как с людьми». То они говорили ему: «Ты уже святой», то «Не спасешься». А когда он спросил их: «Почему вы говорите противоположные и противоречащие друг другу вещи?» — они ответили: «Мы никогда не говорим правды».

* * *

Новоначальному монаху старец сказал:

— У диавола одна цель: выманить тебя из твоего гнезда (то есть из братства). Когда он этого достигнет, то все остальное будет ему легко. Пусть у тебя никогда не охлаждается любовь и доверие к твоему старцу, иначе ты ослабеешь на пути и встанешь на колени. Имей всегда два девиза: «простите», когда тебя обличают, и «да будет благословенно», когда тебе что-либо повелевают сделать. Повелевающий несет и ответственность, ты же пребывай беззаботным, спокойным и разумным подчиненным.

* * *

Аскет Никодим Кавсокаливит (1807—1867) был великим подвижником. Он вкушал только хлеб, не употребляя в пищу даже овощей. Завистливый диавол, враг всякого добра, строил ему множество козней. Он показывал ему различные видения, устрашал его. Однако подвижник всегда выходил из искушений победителем, потому что им руководил опытный духовный отец.

Однажды он сидел в своей келье, отрезанный от скита снегом. Истратив весь запас сухарей, он долгое время оставался голодным. Тогда ему явился лукавый дух в сияющем свете, во образе Святой Троицы, и сказал: «Я есмь Святая

Троица, поклонись мне и тогда исполнишься радости и насытишься». В то же мгновение перед ним оказались столы с разнообразными прекрасными блюдами, запах которых раздражал обоняние аскета.

Тогда воин Христов Никодим упал ниц и стал просить Господа, чтобы Он избавил его от искушения.

* * *

В скиту Кавсокаливия жил один весьма добродетельный аскет. Как-то раз в дверь его кельи постучали, и перед ним предстал некто в монашеской схиме с наполненной сухарями торбой за спиной.

— Ты кто? — спросил его благочестивый старец.

— Я духовник из Святой Анны.

— Если ты монах, да еще и духовник, то положи поклон.

Как только он сказал эти слова, незнакомец (а это был лукавый дух) стал невидим, оставив после себя зловоние, не исчезавшее три дня. Здесь надо сказать, что лукавые духи не делают поклонов и не поклоняются Богу.

* * *

Один старец говорил: «Монах похож на небольшую хитрую рыбу. Он умеет убегать от мира, как та убегает от приманки, скрывающей в себе смертоносный крючок».

* * *

Приснопамятный старец дедушка Гавриил, игумен монастыря Дионисиат, рассказывал:

«Когда в 1910 году и меня, убогого, благодать Господня удостоила приступить к сему освященному месту, к сему ангельскому оплоту монашеского жития, это событие было еще недавним. И по причине его необычайности и удивительности

я многих спрашивал о нем, но от всех слышал один и тот же рассказ. А произошло следующее.

На четыре или пять лет раньше меня из Фессалоник пришел подвизаться на Афон некий юноша по имени Афанасий, благородной наружности, по роду занятий кондитер и, как он сам говорил, единственный сын своих родителей.

Когда его приняли послушником, он был послан, по заведенному в нашем монастыре обычаю, на подворье Моноксилит, расположенное в пределах Святой Горы, чтобы и ему внести свой посильный вклад в общее дело. В то же время там он должен был получить навык в посте и стоянии на службах, чтобы подготовиться к строгой жизни в нашей обители.

Однако во время его пребывания на подворье случилось необъяснимое. Однажды, когда монахи, выйдя после службы из церкви, готовились вместе отправиться на работу, из ближайшего леса в них неожиданно полетели камни. Впрочем, никто не пострадал и даже не потерпели вреда никакие строения подворья.

Сначала они подумали, что это люди в шутку бросают в них камни, но когда отошли от подворья и увидели, что камни следуют за ними по пятам, то в страхе вернулись обратно. Предполагая злой умысел со стороны людей или демонов, они прибежали в церковь, умоляя Бога и Пресвятую Богородицу о защите.

Интересно, что, когда они входили в церковь, камнепад прекращался, но как только выходили на балкон, он тотчас возобновлялся. Перепуганные братия сгрудились вокруг служившего тогда там благоговейнейшего папа-Марка,

в старости ставшего даже игуменом, и пребывали в церкви, уверенные в том, что все дело в действиях бесовской силы.

Как бы в подтверждение этого невидимая сила подняла вверх лежащего перед ними монастырского пса и бросила его с высоты трех метров на землю. Подобным образом и другие небьющиеся предметы, например скамейки, деревянные болванки для шитья монашеских скуфеек и прочее, самостоятельно перемещались и падали с балкона.

Эконом же подворья Порфирий, чтобы рассеять последние сомнения, послал в Карею пешего гонца, прося помощи охраны Священного Кинота, которая и была прислана по распоряжению Священной Епистасии[1]. Вместе с нарядом туда пришли и отцы Епистасии, но и в их присутствии из леса продолжали лететь камни. Попытки воинов расследовать обстановку и дружные залпы в сторону леса ни к чему не привели, и они, согласившись с отцами, что здесь имеет место действие нечистой силы, ушли.

Между тем упомянутый послушник Афанасий открыл отцам, что все это случилось из-за него, поскольку во время своей греховной жизни он часто занимался колдовством. И теперь, вероятно, его родители тоже прибегли к колдовству, поскольку уже в течение двух дней он испытывал некую давящую тяжесть. Чтобы убедить братию в этом, Афанасий просил послать его одного в небольшую стоящую особняком церковь Святого Артемия. Как только он туда направился, все камни полетели в его сторону, хотя в самого и не попадали.

[1] В отличие от Священного Кинота, который собирается два раза в год, Священная Епистасия, состоящая из пяти представителей и возглавляемая протом, постоянно присутствует в здании Протата для решения текущих вопросов. — *Пер.*

После этого, оставив Афанасия одного в церкви, все разошлись по послушаниям, а эконом послал в монастырь срочное письмо, излагая происшедшее и прося прислать лодку, которая забрала бы Афанасия в монастырь, чтобы подворье избавилось от этой напасти.

Просьба его была исполнена, но как только Афанасий вышел и направился к ожидавшей его лодке, град камней возобновился и следовал за ним. Поэтому эконом для сопровождения и поддержания духа перепуганных братий, прибывших в лодке, был вынужден послать с Афанасием иеромонаха папа-Марка с преподобнейшим монахом Исааком. Камни не переставали сыпаться даже в море, хотя лодка далеко отошла от берега, но, к счастью, они падали только вокруг лодки, не причиняя никакого вреда людям.

Так они достигли нашего монастыря, но, что удивительно, от пристани и до самого монастырского двора не упал ни один камень. Некоторые даже начали подтрунивать и смеяться над сопровождающими: поверили, мол, каким-то галлюцинациям. Вдруг с высоты рядом стоящей монастырской башни рядом с собравшимися упали сразу пять или шесть камней. После этого все убедились, что дело это не шуточное, а весьма серьезное.

В результате тотчас был созван совет старцев, на котором было решено послать послушника Афанасия на попечение к благодатному духовнику отцу Савве, бывшему раньше насельником монастыря, а ныне безмолвствующему на Святой Анне.

Сей великий подвижник, несмотря на то что собирался уже оставлять эту жизнь, смилостивившись над творением

Божиим, в течение целой недели в строгом посте и постоянных молитвах претерпевал вместе со своими учениками демонские нападения. День и ночь над их каливой откалывались целые скалы и, пролетая совсем близко, со страшным грохотом обрушивались в морскую пучину, а сам до сей поры спокойный Афанасий разъярился и произносил хулы, так что приходилось связывать его, чтобы он не упал с обрыва и не причинил себе другого какого зла. При этом он сильно ругал монахов, и особенно старца-духовника. Наконец молитва праведного превозмогла, и, когда благоговейный духовник в очередной раз со слезами молился и заклинал нечистого духа, он увидел, как из уст Афанасия выходит животное в виде лисицы. Став перед дверью каливы, оно злобно посмотрело на духовника, поскрежетало на него своими зубами и сделалось невидимым. Послушник, в ту же секунду успокоившись, припал к ногам почтенного старца и со слезами целовал его руки, почувствовав, что освободился от невыносимой тяжести и получил избавление.

Старец же духовник, удержав Афанасия у себя несколько дней, передал другому духовнику в скит монастыря Кутлумуш, где он и принял монашеский постриг с именем Аввакум. Я знал этого Аввакума, ходившего из скита в Карею и занимавшегося ремеслом кондитера для приобретения себе необходимого для жизни. А жившие рядом с ним аскеты говорили, что он проводил очень суровую жизнь и по примеру древних святых отцов носил на теле железные вериги. Достигнув глубокой старости и будучи уже не в состоянии за собой ухаживать, он перебрался в Кутлумуш и там в небольшом домике рядом со стойлами монастыря почил несколько лет назад о Господе».

* * *

Отец Симеон жил в пещере, в которой некогда подвизался старец Иосиф Исихаст со своими учениками, рядом со скитом Малой Анны. Однажды его посетил один молодой монах, недавно пришедший на Святую Гору. Старец поделился с ним своей радостью, что в последние годы столько молодых монахов следует образу жизни отцов, и говорит ему:

— Прежде всего, брат, не скрывай никаких помыслов от своего духовного отца. Имей к нему полное доверие, а иначе можешь пострадать, как я.

— Что с вами случилось? — спросил молодой монах.

— Когда я оставил мир и стал рясофорным монахом, то хотел сразу сделаться исихастом, жить в абсолютном безмолвии и молитве, как великие отцы. Так я поселился здесь, в этом безводном и тесном месте, вопреки советам старцев и, главное, нашего духовника старца папа-М. Видя мою непреклонность, он в конце концов сказал мне:

— Иди, если настаиваешь. Но регулярно приходи ко мне для исповедания помыслов.

Расстояние между нашими кельями было не более двадцати минут ходьбы. Однажды, когда я закончил правило и спал на своей деревянной кровати, я услышал женские голоса и смех. Некоторое время спустя я увидел в окне четырех молодых женщин, которые смотрели на меня. Мой ум пришел в смущение: что такое, где я? на Святой Горе Афон или в Пирее?

Они начали очень красиво смеяться. Первая говорит:

— Он очень красивый.

— Какой же он неразумный, что пришел сюда, чтобы стать монахом. Я желаю выйти за него замуж,— продолжила вторая.

Третья ее перебила:

— Нет, ты некрасивая, я за него выйду.

— Вы зря теряете время,— прервала их последняя,— потому что не более чем через сорок дней он умрет, прежде чем будет пострижен в великую схиму.

Они исчезли. После такого пророчества я начал сокрушаться и испытывать страх по поводу своей предстоящей кончины. При этом я и не подумал предоставить происшедшее рассуждению своего духовного отца.

Наконец настал сороковой день. С волнением я ожидал двенадцати часов ночи. С сердечной болью я восклицал: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Прости меня, Господи, у меня уже нет времени стать схимником...». Тут настенные часы пробили двенадцать раз. Я вообразил, что смерть уже стоит надо мной. Но ничего не произошло. Я ущипнул себя, чтобы убедиться в том, что я жив, и понял, что меня обманули. Тотчас встав, я отправился к своему духовнику.

* * *

Старец сказал:

— Диавол не считается ни с кем. Ни со священником, ни с владыкой, ни с патриархом.

* * *

Один аскет поведал мне такой рассказ о действии лукавых духов. Однажды он молился в своем пустынном жилище, и внезапно перед ним, как прожектор, засиял яркий свет.

Он не придал ему значения и продолжал творить молитву, произнося ее громко вслух. Тогда он увидел двух лукавых духов в образе цыган, которые играли, ударяя друг друга, и делали всякие нелепости. Это было так неожиданно, что он не удержался и засмеялся.

* * *

Многообразны и обманчивы проявления лукавых духов, иногда представляющих бесстыдные сцены и видения, а иногда притворяющихся светом или светлыми Ангелами.

Вот как они явились одному современному подвижнику во время молитвы.

Была ночь, и, молясь в полной тишине, он вдруг услышал голоса, звук барабанов, пение и т. п. Монах встал, чтобы посмотреть, что происходит. Однако ничего не увидел — все это было дьявольским наваждением.

Но не успел он сесть на скамью, чтобы продолжить свою молитву, как внезапно его комнату наполнил яркий свет. Кровля как бы исчезла, и казалось, что свет достигает неба. И там, в вышине, куда восходил этот свет, виднелось некое светлое лицо, как бы лицо Христа. Но подвижник видел только половину этого лица. Стараясь рассмотреть его, он услышал внутри себя голос: «Ты удостоился увидеть Христа!».

Тогда непроизвольно он помыслил: «Кто я, недостойный, чтобы мне видеть Христа?» — и сотворил крестное знамение. Тотчас мнимый Христос и свет пропали, а кровля оказалась на своем месте.

* * *

Подвижник Гавриил Карульский рассказывал папа-Макарию из Святой Анны, что как-то диавол в образе эфи-

опа пытался надеть на него какую-то узду, так что отцу Гавриилу пришлось с ним бороться.

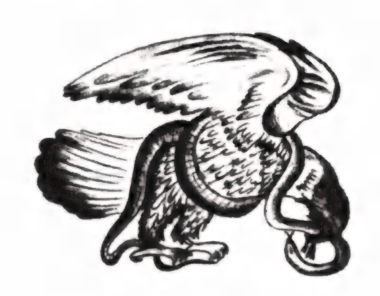
* * *

Однажды папа-Макарий из Святой Анны в обществе православных паломников посетил Патры[1]. Там жила одна женщина, одержимая нечистым духом, которую звали Мария. Прежде чем старец прибыл в Патры, демон устами Марии закричал:

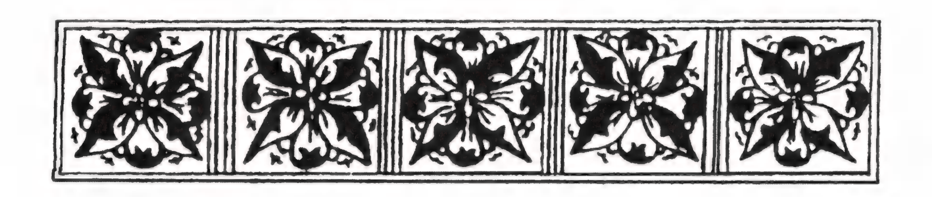
— Едет негр из Черногории (то есть со Святой Горы)!

Эта женщина, находясь в исступленном и буйном состоянии, успокоилась и замолчала, как только услышала слова отца Макария:

— Я приехал передать вам поклон и молитвы моего старца и святых отцов Святой Горы.

[1] Столица Пелопоннеса, третий по величине город Греции.— *Пер.*

СЛОВО О БЛАГОГОВЕНИИ, ПОРЯДКЕ И ТОЧНОСТИ СОБЛЮДЕНИЯ УСТАВА, А ТАКЖЕ О ПОЧТЕНИИ К СТАРШИМ

Один многоопытный пожилой аскет рассказывал мне:

— Древние отцы имели благоговение, имели внимание, имели строгость. Они не следили за внешностью своего лица, волос, чтобы казаться красивыми. Они всегда носили накидку поверх подрясника, благочестиво склоняли голову из почтения и избегали смотреть в лицо человеку, чтобы не быть дерзновенными. У них было чувство стыда, они не разговаривали и не смеялись. В церкви носили особые сандалии. Както монах Модест надел новые сандалии, которые скрипели во время ходьбы. Это стало известно на совете старцев, его пригласили и велели носить новые сандалии дома, а в церкви старые. «Мы смотрели на старцев и боялись их»,— говорил один аскет, желая показать, что был страх, благоговение, почтение и отсутствие дерзновения перед старшими по возрасту. Да, это было. А есть ли ныне? О времена! О нравы!..

* * *

Старец Антоний Кавсокаливит был образцом и примером строгого исполнения святогорского устава. Поведение его было простым и смиренным. На устах у него всегда было

«благослови», «буди благословенно» и «молитвами святых отец наших». Даже внутри скита он ходил в рясе. Старчики вспоминают его с умилением.

* * *

Как-то мы попросили одного восьмидесятилетнего аскета сказать нам слово на пользу души о старых отцах.

Он ответил нам немногословно:

— Что я вам скажу? Старые отцы были другими людьми. Они имели благоговение.

— В чем заключалось это благоговение?

— В отсутствии дерзновения и чрезмерной смелости, в почтении, в смиренном, без лицемерия, поведении, в слове, в походке, в сидении, в одежде. Всегда — и когда они были наедине, и когда встречались с людьми, и когда находились в церкви, и когда пели или служили Литургию, и когда занимались своим рукоделием. Они не мололи впустую языком, никто не слышал их смеха, они не иронизировали, не «искушали» человека намеренно. Кроткие, рассудительно молчаливые, искренние, простые, нелицемерные, приятные в общении... Слово их было *приправлено солью*[1], жизнь их была святой и изобилующей явными плодами Святаго Духа. Они избегали фамильярности, которая предшествует дерзновению. Поведение их было благодатным, они обладали особой уравновешенностью, во всем знали меру.

Мы помним общежительных отцов, молчаливых, глубоких, погруженных в молитву и созерцание, всегда со склоненной головой: и в церкви, и за трапезой, и при ходьбе, и во время рукоделия.

[1] Кол. **4**, 6.

* * *

В каливе Трех Отроков на Вигле жило одно благословенное братство. О нем мне рассказывал благоговейный старец М. из Керасьи.

Старец этого братства по имени Досифей был весьма строг. Самым старшим из его учеников был отец Агафодор. Добродетелью из всех выделялся отец Акакий, у которого была борода, достигавшая пояса. Он заранее получил извещение о своей смерти и плакал, больше от радости. Когда приходил какой-нибудь посетитель, он сидел со сложенными руками. Все молчали, говорил только старец. Почтение и сознательное молчание. «У мертвого нет дел», — говорили они. Если старец не давал указания, они даже не угощали гостей. Они не знали, что такое гнев, не знали, что такое осуждение. Среди них царствовали молитва, радость и веселие, а во сне они часто видели Христа.

* * *

Накануне своего монашеского пострига приснопамятный игумен Гавриил поел маслин, и потому, как он сам нам рассказывал, постриг был отложен. Ему следовало есть один сухой хлеб, что он и исполнил на следующий день, несмотря на то что тогда случился праздник Благовещения.

* * *

Дионисиатский монах Никифор, семидесятидевятилетний старчик, лежавший уже на смертном одре, несмотря на то что страдал от астмы и миокардии, не позволил себе нарушить Великий пост даже малым количеством молока или рыбы.

— Если я, геронда, нарушу пост, то неужели не умру? Благодарю тебя за твою отеческую любовь, но за шестьде-

сят лет я ни разу не нарушал Четыредесятницы, и теперь совесть не дает мне ее нарушить. Довольно для меня и супа с оливковым маслом. Совершите надо мной соборование, и через 5—6 дней я отойду.

* * *

Славу добродетельного мужа стяжал благочестивый старец Иаков Дионисиат. О его удивительной жизни нам рассказывали приснопамятные игумен Гавриил и отец Лазарь.

Однажды в день праздника, в тот год, когда уставщиком был старец Иаков, монахи, его сверстники, хотели угостить его в кладовой стаканом десертного вина, называемого на Афоне «сполокани», он же отказывался. Они настаивали, называли его гордым, но он говорил, что может испортить стакан. Наконец этот простой, но верный монашеской строгости старец, желая показать, что их настойчивость исходит от лукавого, берет стакан в левую руку, а правой налагает на него знамение Честнаго Креста Господня. Тотчас стакан раскалывается на четыре части, а все содержимое выплескивается на глазах у всех!

Более того, старец Иаков потом рассказывал, что в то время как его уговаривали нарушить свое правило и выпить, он видел лукавого демона, бесстыдно балагурящего, и понял, что это действие ненавистника всякого добра, скрытое под мнимым братолюбием его собратьев.

* * *

Есть монахи, вскормленные святостью, воспитанные жизнью святых. Они живут в постоянном общении со святыми, говорят о святых. Они ощущают живое присутствие всех святых Единой Святой Соборной и Апостольской

торжествующей Церкви. Они являются настоящими агиологами, знатоками житий, последований, праздников и ночных бдений, исповедниками особой чудесной помощи каждого угодника Божия.

К таковым святолюбцам относится и очень простой по своему образу жизни, изможденный, согбенный от аскетических трудов старец Феоктист Дионисиат. Нет паломника, посетителя монастыря, которого он не окружил бы своей любовью, не отправил бы поклониться келье святого Нифонта и настенному изображению Христа, которое святой видел в откровении. Не лишит он его и посещения расположенной рядом кельи святого Никодима Святогорца.

Старец Феоктист особенно чтит, как уроженец Эпира[1], эпирских святых, как, впрочем, и всех остальных. Каждый день он читает синаксарии всех святых, стараясь никого не пропустить, даже из числа новомучеников. Он всегда готов услужить, кроток и совершенно безгневен. Помню, как старец Лазарь, служитель Божественного имени Иисуса Христа и делатель Иисусовой молитвы, взял под свою защиту тогда еще молодого отца Феоктиста, которого многие братия испытывали, укоряя его или считая дурачком и тронутым. Но он переносил это с редким терпением и радовался в своих скорбях. Однажды он доверительно поведал мне, что знает монаха, ныне здравствующего, на ладонь которого без страха садились дикие голуби и другие небесные птицы, когда он их кормил. Однако мой лукавый ум разгадал его предосторожность[2]...

---

[1] Южная область материковой Греции.

[2] Автор понял, что этим монахом был не кто иной, как сам отец Феоктист, который по смирению скрывал свои добродетели.

* * *

Были и ныне есть аскеты и святогорские монахи, строго соблюдающие уставы, посты, бдения и живущие согласно отеческим преданиям. К таковым принадлежал и папа-Неофит, отличавшийся приверженностью местному афонскому преданию. Он совершал Божественные литургии во всех каливах Нового Скита. В нем всегда горело желание служить. Как-то раз диакон Серафим из братства Аврамеев заснул на одном из бдений. Отец Неофит не позволил ему служить Литургию. Подобным же образом он отказал и одному мирскому священнику:

— Отче, ты не можешь служить, потому что заснул на бдении, да еще к тому же не читал последования ко Святому Причащению.

* * *

Папа-Неофит из Нового Скита был малограмотным. Он работал на токарном станке и изготавливал ступки и деревянные ложки. На рабочем месте он держал книги и потихоньку читал их по слогам до тех пор, пока не научился хорошо читать. В конце концов он даже принял священство и стал иеромонахом.

* * *

Врач Спиридон Кабанаос, монах из Великой Лавры, готовил лекарства и клал их перед иконой святых бессребреников, а больному говорил: «Иди, положи поклон и возьми свои лекарства».

* * *

— Не опускай в своей молитве ни одного узелка. Один монах не радел о своем молитвенном правиле в течение одной

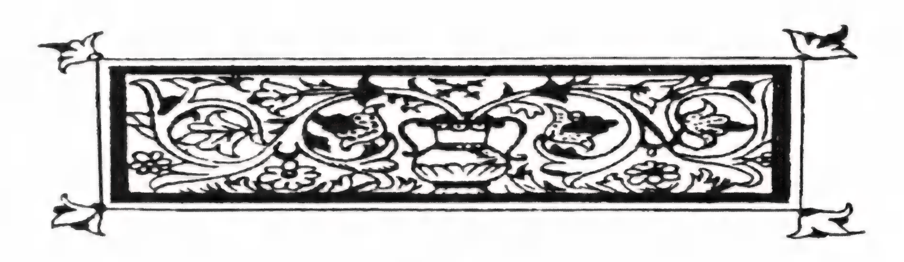
недели, и диавол вывел его со Святой Горы в мир, — рассказывал мне один весьма ревностный и благоговейный пустынник.

* * *

Однажды на воскресной утрени в монастыре Великой Лавры на меня произвела немалое впечатление строгость в соблюдении церковного устава. Чтец не прочитал положенную в воскресенье кафизму из Псалтири (а в каждое воскресенье положено читать определенные псалмы, относящиеся к событию Воскресения Господня). Тогда один старчик, кротчайший геро-Захария, из монахов старого поколения, встал со своей стасидии и не успокоился, пока опущение не было исправлено. Он пошел в типикарион[1] и оттуда то ли сам прочитал положенное, то ли поручил это кому-то из молодых монахов.

[1] Особое отделение в алтаре храма афонского типа, служащее для хранения богослужебных книг, иногда имеет отдельный купол. — *Пер.*

СЛОВО О ЕВХАРИСТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И УЧАСТИИ В ТАИНСТВАХ

В больших общежительных монастырях бескровная жертва Божественной Евхаристии совершается ежедневно. Евхаристическую жизнь Церкви и тайну общения во Христе и эсхатологический смысл Второго Пришествия Господня монашество переживает самым динамичным и в то же время самым таинственным образом.

Кроме ежедневной Божественной литургии в общежительных монастырях, на Святой Горе регулярно совершаются Литургии в скитах, келлиях и исихастириях.

Папа-Даниил, великий исихаст, подвизавшийся в пещере Святого Петра Афонского, был как бы «служебным духом» и «пламенем огненным», как написано: *творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный* (Пс. 103, 4). Служил он ежедневно. Но Литургия его была поистине таинством, настоящим схождением Неба на землю и истинным восхождением земли на Небо.

Говорят, что для того, чтобы продлить время Божественной литургии, он круглый год совершал Литургию святителя Василия Великого. Он никуда не торопился. Если приходило умиление, что было весьма часто, он прекращал на время молитвы и возгласы и плакал радостными слезами.

В течение шестидесяти лет он служил ежедневно и неопустительно. Божественная литургия длилась у него несколько часов.

Блаженны мгновения и часы, окрыляющие и возвышающие души и людей делающие похожими на Ангелов!

* * *

Есть преподобные иеромонахи, как бы дышащие огнем и жаждущие ежедневного, если это возможно, служения Божественной литургии. Одним из таковых был папа-Гедеон Кавсокаливит, постоянно совершавший сорокоусты[1] и служивший Литургию почти каждый день. До пострига, будучи еще простым рабочим на Святой Горе, он дал обет стать монахом. Однако не выполнил своего обещания и, вернувшись к себе в деревню, получил, как сам говорил, «невидимую пощечину». Тогда он сразу понял, что это означает. Оставив мир с его суетой, отец Гедеон приехал сюда и стал подвизаться в каливе Святого Акакия.

* * *

Румынский монах Нектарий, ставший учеником великого учителя византийского пения старца Феофила, обладал ангельским, необыкновенно приятным голосом. В конце жизни он предался строжайшим подвигам и почил в мире в 1890 году.

* * *

Прославленный духовник в Карее папа-Герман знал наизусть всю Божественную литургию. Он служил самозаб-

[1] Сорокоуст — совершение сорока Литургий подряд по заказу верующих, по греческой традиции обычно служится в период от Пасхи до Пятидесятницы и во время Рождественского поста.— *Пер.*

венно, возвышенно, причем бо́льшую часть службы с закрытыми глазами.

* * *

Знаменитый духовник папа-Савва — «Златоуст» Святой Горы — в своей келье казался каким-то съеженным и невзрачным. Бедный маленький монах. Но на Божественной литургии им восхищались. Когда он служил, лицо его излучало свет и весь он был подобен Ангелу.

* * *

Духовник Иларион Иверский и его ученик, знаменитый духовник папа-Савва, оставивший по себе славу святого мужа, ежедневно по очереди служили Божественную литургию в кафисме Святого Иакова монастыря Дионисиат.

* * *

Как говорил нам ученик архимандрита Иоакима (Специериса) отец Феофилакт (причем эти слова подтверждали и другие отцы), когда отец Иоаким служил, в нем ощущалось некое внутреннее изменение, отражавшееся и на его лице. Оно излучало некое сияние и Божественную благодать.

* * *

Папа-Дионисий из Святой Анны никогда не переставал служить, а когда заболевал, то сообщал другому священнику, который служил вместо него. Если он слышал, что заболел какой-либо иеромонах, то не справлялся о роде болезни, а послушно шел в монастырскую усыпальницу и горячо и с умилением служил Божественную литургию.

Папа-Дионисий никогда не гневался и никогда не оставлял сердечной молитвы. Во время рукоделия (а занимался он писанием икон) ум его все время пребывал в житии

изображаемого святого. Если святой был мучеником, то ум присутствовал на его доблестном мучении за Христа, если преподобным — поучался в его аскетических подвигах.

На все тяжелые работы папа-Дионисий бежал, как жаждущий олень, являя собой добрый пример для всего скита.

* * *

После келлии Святого Нила, если пройти так называемую «Сарру», а затем Хаири, одна тропа, направляющаяся на юго-восток, приведет нас к исихастирию «Яннакопула». Здесь жил один удивительный духовник по имени Гавриил. Служил он до глубокой старости почти ежедневно. До и после Божественной литургии он не спал на ложе, но отдыхал, сидя на стуле. По этому поводу он говорил:

— Враг не дремлет, желая ввести нас в искушение, поэтому мы не должны спать и после Божественной литургии, чтобы он не осквернил нас и не ушла благодать, приходящая с Божественным причащением.

На протяжении всей Четыредесятницы он никогда не ел масла. Немного сухарей, оливки, луковица, салатный латук — вот что было его обычной аскетической трапезой.

* * *

Отец П. рассказывал о приснопамятном подвижнике папа-Тихоне, который пятнадцать лет подвизался в уединеннейшей пустыне, на Карулях, питаясь сухарями, а затем жил в каливе Честнаго Креста монастыря Ставроникита[1], где и отошел ко Господу:

---

[1] Монастырь Ставроникита находится на восточной стороне полуострова и является самым маленьким на Святой Горе.

— Папа-Тихон, когда служил, часто приходил в созерцание. Иногда в течение получаса и более мы пели Херувимскую, повторяя ее много раз, пока он не придет в себя и не произнесет возглас. Однажды я горячо просил его открыть мне, что с ним происходит, и он сказал мне вот что: «Да, чадо мое, мой Ангел восхищает меня туда, где Херувимы и Серафимы воспевают Бога. Затем он возвращает меня, я прихожу в себя и вижу, что нахожусь в церкви, на Литургии». Он никому не позволял находиться в алтаре во время Божественной литургии.

* * *

Я знал весьма простого монаха папа-Матфея Каракалльского, которого рукоположил в 1940 году безмолвствовавший тогда на Афоне митрополит Милитопольский Иерофей. Со дня хиротонии и до конца своей земной жизни, в течение целых сорока пяти лет, он служил каждый день! Он не мог представить себе дня, в который бы не служил Литургии. Когда папа-Матфей не был служащим в кафоликоне[1], он служил в каком-нибудь параклисе[2]. На проскомидии он поминал бесчисленное множество имен, чтобы, как он говорил, «души получали пользу».

Когда один брат сказал папа-Матфею, что ему после стольких лет ежедневного служения теперь нужен покой, он ответил: «Я буду служить до последнего своего вздоха, до последнего вздоха...».

И что самое главное, до самой последней Литургии папа-Матфей сохранил свое первое благоговение и первую ревность.

[1] Кафоликон — соборный храм монастыря.

[2] Параклис — малый храм.

Когда я посетил папа-Матфея, чтобы собрать сведения для жизнеописания его старца, папа-Кодрата, он говорил мне о нем с особым почтением.

* * *

Это было на праздник Благовещения 1984 года в Кавсокаливии. По окончании Божественной литургии отец Исаия попросил меня пойти с ним в его каливу, чтобы причастить его старца, девяностолетнего отца Симеона, который был больным и слепым на оба глаза, но созерцал Бога в своем сердце. Мы и раньше часто посещали его, чтобы послушать его медоточивых словес. Это был древнейший старец скита, его живой столп. И сам он, и его послушник Исаия были нищими. Их небольшая калива была бедной и аскетичной, без сада и огорода, без каких бы то ни было утешений и удобств. Старец также не мылся и не расчесывал волос, которые ниспадали ему на плечи и достигали поясницы, как у древних подвижников, образуя неразрешимые многолетние сплетения.

Я с особой радостью принял это приглашение. Надел епитрахиль, взял Святую Чашу, и мы отправились, постоянно повторяя: «Молитвами святых отец наших...». Впереди с небольшим фонариком шел отец Исаия, чтобы указывать мне путь в непроглядной тьме по узкой и опасной тропе под проливным дождем. Дождь лил и лил, так что мы промокли до нитки, но что с того? Напротив, я никогда не забуду этот дождь, это шествие со Святыми Дарами в руках, с молитвой во тьме священного скита. Незабываемым был и лик старца Симеона, когда мы поднялись наконец в маленькую благодатную церковь их каливы, посвященной преподобному Симеону Новому Богослову, воспевателю пламенной люб-

ви к Богу. Я подождал в Царских вратах, когда ученик позовет своего старца. «Вечери Твоея Тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...». Слепой старец вышел из своей кельи в полумраке лампад и свечи, горевшей перед Святой Чашей, тяжело вздыхая, опираясь на стену и на своего ученика, со спутанными волосами, босой. Подошел, совершил крестное знамение с поклоном, его глаза увлажнились от слез умиления и Божественного желания: «Боготворящую Кровь ужаснися, человече, зря...». Он причастился. Снова сотворил поклон, перекрестился и возвратился, стеная, в свое логово.

Вот они, святые образы, видения, в которые *желают проникнуть Ангелы*[1]... *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе: но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь* (Пс. **1**, 1–2).

* * *

Один седобородый святогорский старец писал:

«Мы, пребывая на Святой Горе, на каждой Божественной литургии говорим священникам: пожалуйста, поминайте имена бедных, несчастных и неимущих. И многие иеромонахи Святой Горы, слушая нас, поминают этих людей. И помянутые ими являются им во сне и благодарят их. Мы видели множество великих чудес, связанных со священническим поминовением. Больные, отчаявшись получить помощь от врачей, присылали свои имена для поминовения на Литургиях и тотчас исцелялись. А их родственники удивлялись исцелениям некогда безнадежных больных...».

[1] 1 Пет. **1**, 12.

* * *

Папа-Ефрем Катунакский регулярно ходил в каливу Святого Иоанна Предтечи на Малой Анне, где подвизался старец Иосиф Исихаст.

Как-то раз, когда он служил, то, возглашая: «Мир всем», вдруг задумался: «Так что, значит, я беру мир у своего старца, чтобы преподать его?»[1]. Тогда он услышал голос от своей епитрахили, который говорил: «Не ты благословляешь, а Я».

[1] Это некий благочестивый помысл, свидетельствующий о смирении папа-Ефрема: он не считал себя способным и достойным преподавать мир другим людям.

СЛОВО О БЛАГОУХАНИИ МОЩЕЙ И МИРОТОЧЕНИИ

Святой Феофил Мироточивый жил во время святого патриарха Нифонта. Именно он в 1556 году[1] был послан им и Священным Синодом в Египет, чтобы засвидетельствовать произошедшее там невиданное чудо, а именно — перемещение горы под названием Дур-Таг. Несмотря на все свои церковные должности, в том числе назначение на должность нотария[2], он оставил все и пришел на Святую Гору. Сначала преподобный подвизался в монастырях Ватопед и Ивирон, затем перешел в ватопедскую келлию Святителя Василия Великого. Прежде своей кончины он заповедал ученику не погребать его, а бросить в лесу, что и было исполнено. В течение сорока дней его святые останки оставались не тронутыми плотоядными птицами и зверями. От них истекало благоуханнейшее миро, которое и сегодня ощущается теми, кто с благоговением прикладывается к его святым мощам. Таковым был преподобный Феофил, истинный друг Божий, благоуханная роза добродетели и подвига.

[1] Если следовать Афонскому патерику, то это событие произошло намного раньше, поскольку 1548 год указан как год преставления святого (см.: Афонский патерик. М., 1994. Ч. II. С. 75).

[2] Нотарий — секретарь епископа или Церковного Совета.— *Авт.*

* * *

В 1948 году почил новоявленный преподобный — отец наш Савва Агиоаннит. Он некоторое время вел отшельническую жизнь на Святой Земле, затем поселился на острове Калимнос и основал там женский монастырь Всех Святых[1]. Он был учеником святого и богоносного отца нашего Нектария, Эгинского Чудотворца. Через десять лет после смерти преподобного Саввы, когда состоялось обретение его честных мощей, они оказались нетленными, благоухающими и источали чудеса. Поистине так прославляет Бог прославляющих Его.

* * *

В пустынной области между Кавсокаливией и Виглой, в пещере, расположенной в самой огромной пропасти Святой Горы, жил и подвизался преподобный отец наш Нил Мироточивый, от гроба которого миро источалось столь обильно, что стекало по отвесному обрыву в море.

* * *

По кончине святого Симеона, отца святого Саввы Сербского, в монастыре Хиландар совершалось в его память бдение. Во время великого славословия от его гроба начало исходить неизреченное благоухание, наполнившее весь монастырь. В этом благоухании святой Савва уразумел подтверждение святости своего отца и прославил Всещедрого Бога, прославляющего прославляющих Его.

* * *

Ктитор монастыря Симонопетр святой Симон подвизался в сохранившейся недалеко от монастыря пещере. Там он слы-

[1] На самом деле монастырь был основан отцом Иерофеем (Курунисом), который скончался незадолго до прибытия туда святого Саввы (об этом см.: *Нектария (Мак Лиз), мон.* Евлогите. Путеводитель по святым местам Греции. М., 2007. С. 430).

шал голос Божией Матери[1], там однажды в рождественскую ночь вышел победителем в борьбе с демонами, там спас своего ученика, упавшего вниз с большой высоты, и исцелил бесновавшуюся дочь сербского царя Иоанна. После его преподобнической кончины от его святых мощей истекло благовонное миро — свидетельство святости преподобного.

Икона Божией Матери «Ненадеющихся Надежда», монастырь Симонопетр

* * *

Великим в добродетелях, и в подвигах, и в вере был святой Афанасий Есфигменский, достигший совершенства киновиат и служитель братской трапезы, который за свое великое смирение удостоился стать патриархом Константинопольским. Его гроб и святые мощи, как говорит святитель Григорий Палама, стали источником чудес и неизреченного благоухания во славу Бога и в прославление монашеского жития.

* * *

В 1840 году монахи Ватопедского монастыря решили перенести кости почивших отцов в новую костницу. Когда они разрушили до основания одну из стен старой костницы, то внезапно ощутили неописуемое благоухание и неземной

[1] После многих уединенных подвигов святой Симон получил указание Божией Матери основать обитель на отвесной скале. Отсюда и название монастыря — Симонопетр, что означает «скала Симона».

аромат. Продолжив работу, они обнаружили, что благоухание исходило от мощей какого-то святого, причем у него сохранился весь скелет и кожа. С великим благоговением и умилением священники, облаченные в священные одежды, положили святые мощи в особую раку и со свечами перенесли в собор монастыря. Однако никто не знал, как зовут святого, которому принадлежали мощи. По общему согласию было решено называть его Евдокимом[1], под каковым именем он и празднуется ежегодно 5 октября.

Положение его нетленного тела свидетельствует о том, что этот неведомый святой, названный Евдокимом, почувствовав приближение своей кончины, пришел в костницу, укрылся среди костей и, приготовившись и скрестив на груди руки, уснул сном праведных, никому не ведомый и никем не замеченный, чтобы избежать человеческой похвалы и разрушительной славы мира сего.

* * *

Монах Савва из келлии Святителя Николая, ранее относившейся к небольшой обители Равдуш[2], а теперь к монастырю Пантократор, отличался любовью к церковным службам, великим благоговением, а также неутомимостью в телесных подвигах. Одно время он жил в монастыре Есфигмен, но, когда почувствовал приближение смерти, вернулся в монастырь своего покаяния[3].

[1] В переводе с греческого языка это имя означает «славный, пользующийся всеобщим почтением».— *Пер.*

[2] Одна из древних обителей, вошедшая в состав Пантократора.

[3] Монастырем (местом) покаяния у святогорских монахов принято называть ту обитель, в которой был принят монашеский постриг.

Через три года после его кончины, когда извлекали останки, его глава оказалась благоухающей, о чем скоро узнали повсюду. Один из послушников братства, маловерный и сомневающийся, решив, что ее помазали благовонием, тайно взял главу и поместил ее в цистерну с водой. С большой скорбью отцы искали честную главу, а через двенадцать дней послушник открыл им о своем проступке. Когда снова обрели главу, она по-прежнему благоухала. Тогда послушник уверовал, что монах Савва был действительно святым человеком.

* * *

«Вспоминаю свои первые годы на Святой Горе,— рассказывал мне один старый монах.— Когда я заходил в усыпальницу и костницу скита, где хранятся кости почивших отцов, я часто ощущал некое неописуемое благоухание и надолго задерживался там, чтобы им насладиться».

Когда уважаемый мною восьмидесятидевятилетний старец говорил об этом, на его лице отражалось заметное волнение.

«Но прошло два года, и я потерял этот дар Божий. Это небесное благоухание уже не ощущалось. Господь лишил меня его, не знаю, по какой причине. Возможно, за мои грехи, а может быть, Он дал тогда мне этот Божественный дар для укрепления в начале моего монашеского пути».

* * *

В каливе «Верхнее Сретение», расположенной в верхней части скита Святой Анны, жил благоговейный монах геро-Дионисий. Этот старец решил однажды поправить старые каменные стены, образующие уровни сада, и, когда

разобрал одну из них, обнаружил нетленные мощи неизвестного аскета или отшельника.

Удивленный и взволнованный своей находкой, от которой источалось дивное благоухание, геро-Дионисий встал на молитву и просил неведомого святого открыть ему свое имя. Ему пришло на ум спуститься в собор скита и ударить в колокол, чтобы об этом узнали скитские отцы. Они взяли бы с честью святые мощи, перенесли бы их с каждением в центральный храм Святой Анны, чтобы им поклонилась и помолилась вся братия,— может, тогда открылось бы, какому святому принадлежат эти благословенные мощи.

В то время как геро-Дионисий имел такие мысли, ему явился в видении этот благословенный подвижник и с очень строгим видом велел тотчас снова скрыть его мощи и до конца своих дней никому не открывать того, что Бог сподобил его увидеть. Поэтому незадолго до своей смерти старец Дионисий поведал об этом братии, но не открыл точного места захоронения. Таким образом он исполнил повеление святого подвижника, который даже после смерти избегал человеческой славы, поскольку удостоился иметь славу у Бога в Его Небесном Царствии.

* * *

Приснопамятный старец Павел Лавриот, врач, в письме к нам от 6 июля 1971 года писал: «В разговоре со старцем Геронтием Данилеем я упомянул о некоем духовнике папа-Леонтии из Муталаски Кесарийской, который был мне знаком. Я читал некоторые места из его сочинения “Проповедь Православия” на турецком языке. Этот важнейший для

караманлидской литературы[1] труд находится в нашей библиотеке. Отец Геронтий мне ответил, что папа-Леонтий почил в Фессалониках и что его останки при их поднятии оказались благоухающими и источающими миро».

* * *

Один христианин прочитал в житии преподобного Акакия Кавсокаливита, что преподобный, проходя мимо усыпальницы Святой Анны, ощутил неизреченное благоухание от мощей наших отцов.

Сидя в усыпальнице, он вспомнил об этом случае и подумал: «А есть ли теперь такие мощи, которые были во время святого Акакия?». Едва он это помыслил, как внезапно ощутил дивное благоухание! Тогда он встал и, поискав, нашел главу, источающую неизреченное благоухание, на которой было написано: «Филимон иеромонах из каливы Успения Пресвятой Богородицы близ монастыря Вулевтирион святого Елевферия».

Тогда этот христианин захотел позвать других, но как только подумал об этом, его охватила неестественная дрожь, из чего он уразумел, что нет воли святого отца, чтобы о благоухании, исходящем от его главы, было рассказано в скиту.

* * *

Я не помню, в каком году это было точно, но примерно лет двадцать тому назад. В праздник Честного Предтечи и Крестителя Господня в монастыре Дионисиат я, проходя

[1] Так называемая «караманлидика» — литература, написанная на турецком языке, но греческими буквами. С целью предотвращения массового перехода в мусульманство туркоговорящих греков митрополит Навпакта и Арты Неофит Мавромматис (1656–1740) перевел на турецкий язык «Цветник духовный» и издал его греческими буквами вместе с параллельным переводом на греческий, чтобы помочь читателям овладеть своим забытым к тому времени языком. Его примеру последовали и другие издатели.— *Пер.*

перед повечерием мимо боковой двери алтаря[1], внезапно ощутил благоухание, несомненно святого Предтечи, исходившее от алтаря.

В другой раз, идя по тропе от келлии Святого Нила Мироточивого к Великой Лавре, в месте под названием Хаири, я почувствовал в воздухе волны благоухания. Здесь многие отцы и паломники ощущали благоухание, не поддающееся никакому описанию. Предание гласит, что в этих местах подвизалось множество аскетов, погребенных тут же, которые жили в великом подвиге и достигли высоких состояний святости.

* * *

В 1927 году, на праздник Рождества святого Предтечи (24 июня[2]) в монастыре Святого Дионисия один брат, исполнявший послушание повара, на хвалитных стихирах, когда совершается поклонение честной деснице святого Предтечи, почувствовал удивительное и неизреченное благоухание. Об этом он доверительно поведал приснопамятному старцу Лазарю.

* * *

Приснопамятный старец Лазарь, среди своих многочисленных повествований об отцах и братиях Дионисиата, рассказывал и о блаженной кончине иеромонаха Марка, бывшего игуменом (1926–1931) и всю свою жизнь со смирением и радостью совмещавшего три-четыре послушания. При этом вкушал пищу он только один раз в день.

Когда отец Марк отошел ко Господу, отец Лазарь имел послушание больничного брата. В момент смерти старца все помещение больницы наполнилось дивным благоуханием, со-

[1] В некоторых греческих храмах есть боковой вход с улицы в алтарь.
[2] 7 июля по новому стилю.

хранявшимся в продолжение двадцати минут. Его ощутил и приснопамятный игумен Гавриил, пришедший прочесть над умирающим молитву на разлучение души от тела.

* * *

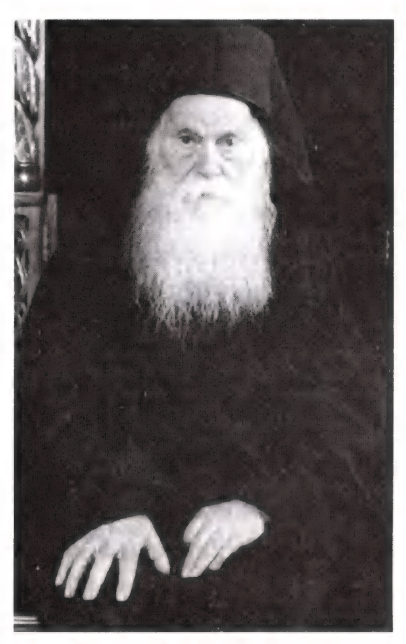
До недавнего времени мы знали многих мироточивых святых, одни из которых покоятся в священной земле Святой Горы и соделывают благоуханным воздух Сада Пресвятой Богородицы. Но на празднике монастыря Ксенофонт в 1989 году нам открылось, что почитаемый в этом монастыре святой великомученик Георгий Победоносец[1], помимо других благодатных дарований, также имеет дар мироточения.

Началось торжественное и умилительное бдение, и уже вечерня подошла к середине, когда всечестной игумен монастыря Алексий вышел с взволнованным видом и прервал службу, чтобы объявить всем об удивительном и впервые произошедшем знамении мироточения от руки святого Георгия, факте, свидетельствующем о благодатном присутствии святого. Игумен предложил пропеть молебный канон святому и поклониться его мощам.

Перед этим он пригласил в святой алтарь собора преосвященного митрополита Полиани и Килкиса Амвросия, возглавлявшего праздник, и известного своей любовью к монашескому житию игумена монастыря Кутлумуш высокопреподобнейшего архимандрита Христодула, а также всеми уважаемого восьмидесятилетнего папа-Анфима, духовника из Святой Анны, чтобы они собственными глазами увидели и убедились в чуде мироточения.

---

[1] Монастырь Ксенофонт основан в конце X века византийским вельможей Ксенофонтом. Его соборный храм посвящен великомученику Георгию Победоносцу.

Старец Анфим-духовник из скита Святой Анны

Благочестивые паломники, представители других монастырей, общежительные отцы и пустынники, монахи и миряне — мы все поклонились святым мощам, горя душой и славословя Господа. Мы испытывали умиление и сокрушение сердца, подобающие этим священным минутам, когда надежный страж сего святоименного места святой Георгий Победоносец находился среди нас, живой, празднующий с нами и возглавляющий торжество, прославляющий Бога и сам прославляемый Им.

Наши умиленные сердца в радостном молчании произносили: «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!»[1]. В месте истечения мира святые мощи образовали подобие свежей раны и источали особое тонкое и характерное для святых мощей благоухание.

Действующая в святых мощах благодать в этой пасхальной атмосфере всенощного бдения возвещала непреложную истину, что *мы проповедуем Иисуса Христа, и притом распятого*[2] и воскресшего из мертвых. «Где твое, смерте,

[1] См.: Последование Святаго Крещения. Молитва на освящение воды.

[2] Ср.: 1 Кор. **1**, 23.

жало? где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низвергся еси...»[1]

Цветки лимонов и роз в монастырском дворе свидетельствовали о пришествии весны, а благоухание «пленных свободителя»[2] было утверждением того, что *воистинну воста Господь*[3]. Славник стихир на литии облекся благоуханным одеянием и некой таинственной силой:

«Возсия весна, приидите, насладимся,

Просия Воскресение Христово, приидите, возвеселимся,

Страстотерпца память, верныя просвещающи, показася...»[4].

* * *

В 1980 году Лавра Святого Афанасия перешла с идиоритмического на общежительный устав, а игуменом стал приснопамятный папа-Афанасий. Кажется, что ктитор и небесный покровитель обители святой Афанасий, общего жития начальник, был очень рад такой перемене, и это знаменовалось тем, что во время всенощного бдения 5 июля, когда монастырь отмечает свой главный престольный праздник, от гроба святого исходило неизреченное благоухание. Это благоухание было столь сильным, что из храма оно распространилось по двору и по всему монастырю.

Папа-Филипп даже пригласил к себе екклесиарха монаха Паисия и спросил его, не пролили ли какого ароматического вещества на гроб преподобного...

---

[1] Слово святителя Иоанна Златоуста на Святую Пасху.— *Пер.*

[2] Из тропаря великомученику и победоносцу Георгию.

[3] Лк. **24**, 34.— *Пер.*

[4] Служба святому великомученику и победоносцу Георгию, стихиры на литии, слава, глас 7.

СЛОВО О СВЯЩЕННОМ БЕЗМОЛВИИ, ОЧИЩАЮЩЕМ УМ И СЕРДЦЕ

Пустыннолюбивой горлице уподобился благословенный русский иеромонах папа-Серапион, который в 1912—13 годах посетил великого затворника исихаста Каллиника и испросил его благословения выйти на поприще пустыннического жития.

Опытный учитель и искусный делатель умной молитвы старец Каллиник рассказал ему об опасностях и сетях страшного супостата, а также о прелести, к которой может привести уединенная жизнь, особенно при отсутствии руководителя. Но когда он увидел и прозрел пламенную ревность отца Серапиона и Божественное желание его «уязвленного сердца», то уступил с условием, что тот будет его слушаться.

Папа-Серапион отслужил в церкви Святого Герасима Божественную литургию и по молитвам и с благословения своего наставника старца Каллиника отправился на вершину Афона.

С того времени прошло двенадцать лет, и вот однажды ночью, часов около двенадцати, к пустынной каливе затворника и исихаста Каллиника подошел его ученик папа-Серапион и постучал в дверь. Старец Каллиник, опасаясь

диавольского обмана, прежде чем открыть дверь, потребовал, чтобы посетитель прочитал на память *Символ веры*. Папа-Серапион послушался, прибавил еще молитву «Отче наш» и слова: «Един свят, един Господь Иисус Христос...».

Тогда старец Каллиник открыл дверь, обнял своего ученика и спросил:

— Где же ты был, брат, столько лет? Поверь мне, что я уже считал тебя пропавшим, хотя никогда не переставал молиться о тебе. Где ты жил, чем питался?

— Отче святый,— ответил слабым голосом папа-Серапион,— когда ты дал мне свое благословение, я пошел на вершину Афона и пробыл там три дня и три ночи. Больше выдержать от холода я не мог. Тогда я спустился в Панагию. Попробовал пожить там, но не мог обрести желанного для меня безмолвия, потому что постоянно проходили паломники. Немного в стороне я нашел небольшую пещеру, где меня не могли видеть даже пастухи, пасшие лаврских коз. Я завесил вход в пещеру старой рясой, и за все это время меня не увидел ни один из людей. Для пропитания я находил в лесах каштаны, побеги растений, желуди, корни и клубни. Воду пил из колодца в домике Панагии. День и ночь моя душа исполнялась неописуемым веселием умной молитвы и созерцания. Я постоянно жил в размышлениях о тайнах нашего Бога. Прости меня, старче мой. Ты лучше знаешь, когда ко мне приходил тот неизреченный свет, который согревал и просвещал «вся внутренняя моя», и никакого другого желания не было у меня. Рай был для меня реальностью. Одного только я желал — Божественного Причащения. Для того я и пришел, чтобы взять твое благословение, потому что

приближается конец моей земной жизни, и я не хочу уйти без Пречистых Таин.

В тот же день вместе с учителем и наставником они совершили Божественную литургию и приобщились Святых Таин. Затем подкрепились немногими сухарями и овощами, и сей счастливый и блаженный муж вернулся в свою возлюбленную пустыню...

* * *

Великий исихаст папа-Даниил из монастыря Симонопетр ежедневно после совершения Божественной литургии на час уединялся у себя в келье. Этот час был посвящен слезам и умилению. Он говорил: «Светильник просвещает все вокруг, но сам сгорает...».

* * *

На Святой Горе были отцы и аскеты, совершенно предавшие себя молитве и созерцанию, заключающим в себе все добродетели. И потому они получали с неба Божественные утешения, сладчайшие чувства и просвещение надмирным светом.

К таковым принадлежал и румынский пустынник Феофилакт, живший с тремя учениками в келлии Святого Василия в районе монастыря Ватопед. Часто он пребывал в пещерах, где в атмосфере безмолвия трезвящийся ум становится более ясным и высоко возносится в молитве к Богу. Он говорил, что в одной из пещер Святой Горы язычники, ее прежние обитатели, спрятали изваяние, стоявшее ранее на вершине. На голове этого идола был большой алмаз, служивший маяком для путешествующих по морю.

Однажды непрестанно молившийся отец Феофилакт не пошел по своему обыкновению в пещеру, а остался один в каливе. Когда он стоял на молитве, ему явился Ангел Господень и говорил с ним. Его ученик, возвращаясь с послушания в каливу, услышал внутри разговоры. Недоумевая о том, кто бы это мог быть, и движимый любопытством, он зашел внутрь и спросил:

— Ты здесь, отче?

— Ах, чадо мое,— ответил тогда с огорчением этот великий небошественный отец,— лучше бы ты не приходил... Я потерял великое благословение!

И он рассказал послушнику, с кем беседовал.

Именно отец Феофилакт был тем старцем, который облагодетельствовал косулю, и именно его лицо просияло от света незадолго перед кончиной.

* * *

Мы были знакомы с учеником великого делателя трезвенного[1] созерцания на Катунаках затворника отца Каллиника. Его звали отец Христодул. В течение нескольких дней благородно оказывая мне, недостойному, гостеприимство в своем пустынном жилище, он многое рассказал о своем приснопамятном учителе. Все это мы с моим старцем поместили в третьем выпуске серии «Современные старцы Горы Афон».

Старец Каллиник был учителем умной молитвы и созерцания. Он ограничивал свою жизнь тесными рамками двора своей келлии (диаметром где-то около двадцати

[1] Трезвенный — духовно бдительный, от слова «трезвенность», что означает «неусыпный надзор, неослабное внимание ума и сердца».— *Авт.*

метров) на протяжении пятидесяти пяти лет, почему и был назван Затворником.

Родился он в 1853-м, а почил в 1930 году.

* * *

Другом и любителем безмолвия, трезвения и умной молитвы показал себя и киприот Дионисий, который после подвигов в скиту Кавсокаливия вернулся в 1875 году в монастырь Ставровуни на Кипре, где стал духовным отцом множества чад.

* * *

На треблагословенных Катунаках веет пустыннический ветерок молитвы. Там много лет назад я познакомился с одним исихастом, старцем Анфимом. Он подвизался в небольшой каливе выше братства Данилеев. Старец был молчалив, и слово его почти всегда касалось непрестанной сердечной, умной молитвы[1].

«Иисусова молитва совершает обожение человека, в то время как молитва к Богородице готовит его к этому обожению»,— говорил он.

* * *

Один человек рассказывал мне об отце Д. из Нового Скита, что он имел обыкновение ходить всегда босиком. В его крошечной каливе не было почти ничего съедобного, а полом служила простая земля. После Божественного приобщения, в то время как другие торопливо уходили из хра-

[1] Понятие «умная молитва» происходит от слова «ум» (νοῦς) — дух, или сердце, которое является центром всего человеческого существования. То есть умная молитва — это молитва ума, совершаемая посредством внутреннего голоса в сердце. Еще она называется непрестанной молитвой, поскольку совершается постоянно, или сердечной.— *Авт.*

ма, часто шумя и обсуждая разные вопросы, старец Д. возвращался из кириакона в свою каливу молча, со скрещенными на груди руками, смотря долу и молясь.

* * *

В скиту Святого Василия жили аскеты великого воздержания. Часто милостивые отцы и братия оставляли на тропе к собору скита виноград, чтобы его могли брать желающие, но все оставалось нетронутым. Никто его не брал. Такое воздержание имели насельники скита Святого Василия.

Там много лет назад жил и знаменитый подвижник умной молитвы и трезвения великий старец Варнава. Когда отцы устраивали собрание, то по его окончании, прежде чем всем разойтись, этот великий отец приставлял палец к губам и во всеуслышание говорил:

— Убежим, братия, убежим.

— Куда убежим, авва? — спрашивали его.

— Вот этого да убежим,— повторял любитель молчания и безмолвия и указывал пальцем на уста.

Этим он призывал их избегать празднословия, пустых разговоров и многословия, от которых рождается много зла, и в молчании отходить в свои каливы, чтобы не погубить плод молитвы.

В его время, золотое для Афонской Пустыни, исихасты скита Святого Василия не пели на всенощных бдениях. Они приходили, безмолвно, с покрытыми лицами садились в свои стасидии и при тусклом свете лампад в полном молчании посредством внутреннего голоса творили по четкам умную молитву. Когда рассветало, дивный подвижник трезвения

Варнава говорил: «Молитвами святых отец наших...». И после этого, указывая на уста, снова повторял:

— Убежим, братия, убежим.

Затем он посещал каливы исихастов, чтобы посмотреть, соблюдают ли они безмолвнический устав скита, утешая и укрепляя их в аскетическом делании.

Подвижнический образ жизни отцов Святого Василия походил на жительство святых Нитрийской пустыни и Фиваиды[1]. Вкушение сырой пищи один раз в день, и только в субботу и воскресенье, на Господские и Богородичные праздники, а также праздники почитаемых святых — две трапезы и разрешение на масло и вино.

* * *

В скиту Святого Василия я познакомился с приснопамятным старцем Дамаскином, никогда не выезжавшим со Святой Горы. Он все время пребывал в своей бедной и безводной хибарке, с дождевой водой в цистерне, несмотря на все навязчивые и скрывающие в себе тщеславие предлоги выйти за какой-нибудь надобностью в мир. Он был человеком тихим, мирным, кротким и любознательным, желал всегда учиться, хранил в своей памяти и пересказывал истории об аскетических подвигах святогорских отцов.

В том же скиту я познакомился и с ныне здравствующим духовником, бывшим игуменом Великой Лавры папа-Павлом. Избранный братией на эту должность, он послужил в ней достойным образом, мирно и плодотворно, и ушел на покой, вернувшись к своему любимому безмолвию пус-

[1] Древние монастыри Египта (IV век), которые считаются колыбелью христианского монашества.

тыни. В своей груди старец, как он сам мне рассказывал, со времени войны носит ружейную пулю, но, несмотря на это, совершает многочасовые переходы, чтобы достичь этого крутого и удаленного места, глубочайшей пустыни Афона.

Там же я узнал и отца Максима иеромонаха, который и ныне со своим учеником упражняется в Иисусовой молитве. Он является поборником частого причащения Святых Таин. Его приснопамятный старец, известный своей ученостью и весьма уважаемый, был последователем колливадов.

* * *

Мой приснопамятный старец рассказывал:

— На Карулях, когда я впервые отправился туда, чтобы исповедаться в аскетирии Святого Георгия, я встретил пустынника Никона. В миру он был высшим офицером Российской армии. Его преподобнический, бледный лик предстал перед нами с какой-то небесной улыбкой, с неземной добротой...

В другой каливе мы нашли еще одно тайное сокровище — подвижника, проводившего там безмолвное житие. Он открыл нам дверь и молча сделал глубокий поклон в знак приветствия и благодарности за небольшое количество продуктов, принесенных нами. Мы не обменялись с ним ни единым словом. Он был погружен в молитву, в безмолвие, в молчание ума, в таинства Бога. О, как упокоивается в этом таинстве молчания Всесвятый Дух!

СЛОВО
О ДИВНЫХ ВМЕШАТЕЛЬСТВАХ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ И ВСЕСИЛЬНОЙ ДЕСНИЦЫ ВЫШНЯГО

Когда преподобный Дионисий Олимпийский подвизался на Святой Горе, Бог был его единственным желанием, в Нем он находил наслаждение и духовное радование. Он не имел никакой заботы о теле, его пропитание состояло из одних лишь диких каштанов.

Но всемилостивый и милосердный Господь, чтобы показать Свое непрестанное попечение и заботу о верных Своих служителях и друзьях, в канун Мясопустной недели устроил следующее.

Святого Дионисия посетил один монах из монастыря Зограф и сказал:

— Преподобный отче, Святая и Великая Четыредесятница уже при дверях. Прими эту вещественную пищу, чтобы и тебе немного утешить свое немощное тело, и возблагодари за это великодаровитого Бога, все наполняющего и всех питающего Своею благостию.

Сказав это, монах ушел, несмотря на все просьбы преподобного остаться и разделить с ним трапезу.

Особо удивительным было то, что рыбы, принесенные неизвестным монахом, еще трепыхались, а сыр источал свежее молоко. Преподобный подивился и прославил Благодателя Бога.

* * *

Первым ктитором монастыря Дохиар[1] был преподобный Евфимий, друг преподобного отца нашего Афанасия Афонского, воздвигнувший храм во имя святителя Николая и положивший много трудов и потов на аскетическом поприще.

Вторым ктитором этого монастыря стал преподобный Неофит, племянник преподобного Евфимия, сын дуки[2] при императорах Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии, бывший первым письмоводителем и затем занимавший высшую государственную должность при дворе. Отречение от мира и безразличие преподобного Неофита к почестям, славе и богатству мира сего достойны удивления.

Преподобный Феофан Дохиарский, достигший духовного совершенства и стяжавший многую благодать, обладал даром чудотворения. Молитвой он однажды преложил соленую морскую воду в питьевую, в другой раз укротил шторм на море. Он построил монастырь Бесплотных Сил в районе Верии[3] и сотворил множество чудес после своей кончины.

* * *

Преблагословенная и Препрославленная Матерь и Покровительница наша Пресвятая Богородица непрестанно проявляет попечение и материнскую заботу о Своих возлюбленных

[1] Один из самых древнейших монастырей на Святой Горе, освящен во имя Святых Архангелов.

[2] Высшее благородное звание в Византии, в иерархии следует сразу после наследника престола. На Западе ему соответствовал титул герцога.— *Пер.*

[3] Город в Центральной Греции, где проповедовал святой апостол Павел.— *Пер.*

чадах, святогорских монахах. Примеры этого благоволения Богоматери неисчислимы.

Так, например, во времена пиратских набегов в монастыре Ватопед жил один святой игумен. Когда пираты готовились напасть на обитель, он услышал глас от иконы Пресвятой Богородицы не открывать врата, а поднять тревогу, чтобы все монахи взошли на стены и прогнали врагов.

* * *

В том же монастыре жил тот благословенный иеродиакон-алтарник[1], который спрятал икону Пресвятой Богородицы в колодце, где она и была найдена через много лет после возвращения его из варварского плена. Икона так и стояла на воде с горящей лампадой.

* * *

В монастыре Ватопед преподобническое и богоугодное жительство проводил и преподобный Геннадий Келарь[2], удостоившийся увидеть чудо Пресвятой Богородицы: как Ее ходатайством пустой сосуд для масла переполнился так, что масло вытекало даже за двери хранилища.

* * *

Говорят, что в скиту Иверского монастыря был один монах по имени Анфим, слепой от рождения. Он услышал, что от иконы Пресвятой Богородицы «Портаитисса»[3] по

[1] Алтарником на Святой Горе называется монах, имеющий обязанность заботиться о богослужебной утвари и облачениях (им может быть и священнослужитель).

[2] Ключник — монах, ответственный за обеспечение монастыря продуктами и всем необходимым.— *Авт.*

[3] В переводе с греческого значит «Вратарница» — так называли Иверский образ Пресвятой Богородицы (об этом см. ниже в этой же главе).

всему миру совершаются чудеса, и просил у Нее исцеления. По великому благоговению к этой иконе он попросил одного знакомого иконописца сделать ему с нее копию. Иконописец приготовил для письма доску, но всякий раз, когда он брал карандаш, чтобы набросать эскиз, его рука каменела!

Через несколько дней отец Анфим, полагая, что икона уже написана, пришел к иконописцу, чтобы ее забрать. Тот рассказал ему, что, когда он начинал делать эскиз, его руки становились мертвыми, и он не мог работать. Услышав это, отец Анфим упал на колени и, проливая слезы, просил Госпожу нашу Пресвятую Богородицу позволить иконописцу написать Ее святую икону, «Портаитиссу», госпожу и покровительницу Святой Горы.

Пресвятая Богородица не презрела его желания, но сначала отверзла ему очи, а потом сотворила так, что икона на доске иконописца написалась без участия человеческих рук, чтобы отец Анфим мог видеть Ее Пречистый лик и лик Господа нашего Иисуса Христа и чтобы об этом чуде узнали во всем мире. После того как отец Анфим исцеленными глазами увидел Ее икону, насладился Ее образом, он снова стал слеп, вернувшись к своему прежнему состоянию.

* * *

В пустынническом скиту Керасья жили два старца-подвижника, Иоанн и Феодор. Рукоделием их было изготовление деревянных ложек. Но какое-то время никто не покупал их изделий. Старцы наделали их столько, что ложками наполнились два больших мешка. Но вот по особому попечению Пресвятой Богородицы пришел один румынский купец и купил все.

* * *

Это произошло примерно между 1930 и 1935 годами. Был праздник святого великомученика Георгия Победоносца, и праздновала посвященная ему пустынническая калива на Карулях. На бдение собралось человек 20—25 русских и греческих аскетов, но рыбы для угощения не было.

Старец Зосима, очень простой и духовно одаренный подвижник, отличавшийся особым братолюбием и милосердием, предложил ловить рыбу прямо с того места, где располагалась их калива, то есть с выступа отвесной скалы, обрывающейся в бездонную пропасть моря.

— Да, но как мы будем ловить, если нет ни крючка, ни наживки? — возразили ему другие.

— Нужен гвоздь, бечева и немного хлеба или сухаря,— сказал старец Зосима.

Они сотворили крестное знамение, забросили эту оригинальную снасть и — о чудо! — выловили большую и жирную рыбу для супа, дар святого покровителя каливы.

* * *

Однажды в годы немецкой оккупации (1940—1941) в кладовых монастыря Григориат закончился хлеб. Когда отцы выгребали последние зерна, чтобы отправить их на мельницу, к ним подошел какой-то старичок, по виду будто бы мирской священник, и поприветствовал их.

— Что вы здесь делаете, братия? — спросил он их.— Это что, весь ваш хлеб? Других запасов у вас нет?

Отцы ответили ему, что это в самом деле последний хлеб и что новый они не смогли купить по причине оккупации. Следует отметить, что монастырь для пропитания мо-

нахов и паломников ежегодно нуждался в 10 000 ока[1], а во время оккупации невозможно было купить даже одной ока.

Этот неизвестный священник взял в руки немного хлебных зерен, благословил и бросил на кучку последнего хлеба. Потом он благословил четыре стороны света, монастырь, море и собрался уходить.

— Откуда ты, батюшка? — спросили его отцы. — Садись с нами, мы тебе дадим поесть немного хлеба и оливок.

— Издалека, из Мир Ликийских,— ответил он и пошел.

Тем временем один брат принес ему угощение, но старец, которым был сам покровитель монастыря[2], стал невидим. Этого благословленного хлеба, которого оставалось примерно 150 ока, хватило до времени нового урожая, то есть с декабря, когда приходил святитель Николай, до июля.

* * *

Прошло примерно тридцать лет после того чудесного события в монастыре Святого Павла, которое свидетельствует о живом участии Пресвятой Богородицы во всех нуждах афонских обителей. Жил в этом монастыре один чрезвычайно простой и добрейшей души старичок, монах Фома. Послушанием его было помогать в замесе и выпекании хлеба. Благодаря своей исключительной простоте он удостоился видеть удивительные и неслыханные вещи.

Однажды случилось так, что ответственные за замес и выпечку хлеба отлучились из монастыря, так что вся тяжесть

---

[1] Таким образом, вес требуемого для монастыря хлеба составлял 12,8 тонны ежегодно.— *Пер.*

[2] Соборный храм монастыря Григориат освящен в честь святителя Николая Чудотворца.

Икона Пресвятой Богородицы «Мироточивая», монастырь Святого Павла

ответственности легла на их помощника и заместителя старца Фому. Он должен был замесить и испечь хлеб на два дня для всех монахов и паломников, а это очень большое количество.

Старец оказался в безвыходном положении, не зная, с чего начать и чем кончить. Он молился со слезами Пресвятой Богородице, чтобы Она помогла ему, затем принялся за работу. Но, собираясь смешать воду с мукой, он вдруг увидел, как в то же время некая одетая в черное благолепная женщина рядом с ним замешивает в бадье закваску с мукой, формирует хлебы и печет их. Все это время отец Фома ощущал себя как будто отсутствующим. Когда он рассказал об этом отцам, они поняли, что этой женщиной была Пресвятая Богородица!

Хлеб впервые получился таким сладким и вкусным! «Э, геро-Фома, наверное, ты подмешал туда какого-нибудь зелья, раз хлеб испекся так быстро и вышел таким чудесным на вкус», — говорили ему.

* * *

Начав строительство Великой Лавры, святой Афанасий Афонский испытывал большую нужду. Он не имел денег,

чтобы оплатить труд рабочих, и даже продуктов, чтобы их кормить. По этой причине однажды он, взяв свой жезл, отправился в столицу Святой Горы Карею, дабы посмотреть, что можно сделать для исправления положения.

По прошествии двух часов пути перед ним на тропе внезапно появилась величественного вида женщина и спросила его:

— Куда идешь, авва Афанасий? Зачем ты оставил богоугодное дело, которое начал? Вернись назад и продолжи строительство.

— Кто ты, госпожа, знающая меня? Почему ты велишь мне вернуться? Как я продолжу строительство, если у нас закончилось все необходимое?

Тогда явившаяся женщина открыла, что Она есть Матерь Божия, Богородица, и повелела Афанасию возвратиться назад, пообещав, что о средствах и о наполнении кладовых Она позаботится Сама.

Чтобы убедиться в истинности Ее слов, преподобный Афанасий попросил от Нее знамения.

— Вот, ударь своим жезлом об эту скалу,— сказала Она ему. И вместе с ударом из скалы потекла приятнейшая вода, источник которой не оскудевает до сего дня!

Святой Афанасий возвратился в монастырь и увидел свое казнохранилище наполненным, а в кладовых — все необходимое для пропитания, как и обещала Пресвятая Богородица.

С новой ревностью и усердием он продолжил и довел до конца дело строительства монастыря, славя и воспевая Ее преблагословенное имя.

Икона Пресвятой Богородицы «Портаитисса», монастырь Ивирон

* * *

Икона Пресвятой Богородицы «Иверская» считается самой чудотворной иконой Святой Горы.

После того как братия Иверского монастыря увидели в море огненный столп с иконой Божией Матери, было откровение о ней иверскому пустыннику Гавриилу. Этот преподобный сошел с горы, где он подвизался, и, идя по морю, как по суше, принял в руки эту большую по своим размерам икону и вынес на берег, где монахи взяли ее и радостно с почестями поместили в святом алтаре. Но Пресвятая Богородица явилась игумену и сказала, что «пришла не для того, чтобы вы Меня охраняли, но чтобы Мне охранять вас». Поэтому неоднократно монахи, помещая икону в алтаре, находили ее на воротах монастыря. С того времени эта икона получила название «Вратарница» («Портаитисса»). Она имеет величественный и красивый лик, как истинная Матерь нашего Бога, заступница, наводящая страх на врагов, скорая помощница, наш покров и спасение.

На всечестном лике Вратарницы заметна спекшаяся рана от удара пирата. Этот варвар, ударив икону мечом, увидел, что из раны истекла кровь. Это чудо умилило его. Он уверовал,

крестился и остался в монастыре, став впоследствии монахом. Он посчитал себя недостойным всякого имени, кроме имени Варвар. Однако его жизнь в покаянии и подвиге оказалась угодной Богу, и мы чтим его как святого. В небольшом храме иконы Божией Матери «Вратарница» есть фреска, где он изображен в облике пирата с подписью: «Святой Варвар».

* * *

Скит Кавсокаливия получил свое название от святого Максима Кавсокаливита, но основан был преподобным Акакием из Аграф, жившим в XVII–XVIII веках в пещере, которая сохранилась и доныне. Видя, что братиям и отцам-подвижникам тяжело приходится без воды в этих сухих и бесплодных скалах, святой Акакий помолился и, трижды, в честь Святой Троицы, ударив, как Моисей, своим жезлом чуть выше кириакона, извел обильный источник приятнейшей воды, сделавшей суровое скалистое место скита настоящим садом.

Когда преподобный Акакий подвизался в своей пещере в полнейшем и подчас невыносимом одиночестве — как повествует его биограф иеромонах Иона Кавсокаливит — каждое утро на дерево, растущее у входа в пещеру, прилетала птица и пела удивительную мелодию. Когда преподобный слушал это пение, его душа исполнялась неизреченной радости и избавлялась от уныния и печали, которые часто одолевают исихастов. Наверное, эта приятная птичка была Ангелом Господним, посланным для утешения в эту суровую пустыню.

Преподобный имел такой дар утешения людей, что страдавшие от помыслов от одного вида его радостного лица избавлялись от них и умиротворялись.

* * *

Преподобный Григорий, подвизавшийся в районе Великой Лавры около середины XIII века, был старцем великого отца и учителя нашей православной веры святителя Григория Паламы.

В непрестанной молитве этот блаженный старец стяжал такую добродетель, такую нестяжательность и беспопечительность, что удостоился принимать пищу от Ангела Божия.

* * *

Много лет прошло уже с тех пор, когда на праздник святителя Николая в монастыре Григориат случилось это удивительное чудо. Знаменитый монах Хаджи-Георгий был тогда послушником Гавриилом. Из-за плохой погоды отцы не смогли поймать рыбу для угощения гостей и пребывали в печали. Но послушник Гавриил не унывал, всю надежду возлагая на святителя Николая. Он углубился в молитву и совершал прилежное моление. И вот в самый канун праздника на берег у монастырского причала сильные волны чудесным образом выбросили несколько больших и хороших рыбин. Братия, едва заметив это, побежали, собрали их и приготовили трапезу, прославляя и воспевая питающего их Господа и покровителя монастыря святителя Николая.

* * *

В замечательном житии преподобного отца нашего Максима Кавсокаливита читаем следующее.

Однажды зимой больничный брат Великой Лавры Григорий вместе с еще одним братом, положив в торбу хлеб, вино и другие продукты, отправились навестить преподоб-

ного Максима. Накануне выпало много снега, и все тропы были заметены. Вокруг не было ни одного человеческого следа. В своей каливе, построенной из веток и травы, преподобный был совершенно отрезан от мира, и кто знает, сколько дней не имел никакой пищи.

Когда братия с немалым трудом добрались до его каливы и вошли в нее, перед ними предстало необычайное зрелище. Это был горячий хлеб, чистый, свежий, как только что вынутый из печи. От него исходило дивное благоухание. С любопытством они огляделись вокруг, ожидая увидеть следы огня, но ничего подобного не нашли. Этот хлеб сошел с неба, как небесное утешение птице небесной — преподобному Максиму.

С благоговением они сели рядом с этим таинственным хлебом, манной суровой пустыни, посылаемой некоторым особо нестяжательным подвижникам. Упав в ноги святому, они просили дать им в качестве благословения маленький кусочек этого хлеба.

— Я дам вам,— сказал он, уступая их просьбам,— но с условием, что до моей кончины вы никому не откроете о том, что видели.

* * *

Старец Иосиф преодолел в своей жизни столетний рубеж. Двадцать лет он жил в маленькой, как птичье гнездо, каливе Преподобного Иоанникия Великого, находящейся в скиту Святого Пантелеимона монастыря Кутлумуш. Однажды ветер совершенно сорвал крышу каливы. Старец так сильно огорчился, что даже заболел от переживаний. Тогда он попросил, чтобы его оставили одного в кириаконе

скита, имевшем своим покровителем святого великомученика и целителя Пантелеимона. Пробыв там три дня в посте и молитве, он стал здоров.

Всякий раз, собираясь причаститься Святых Христовых Таин, старец бодрствовал всю ночь до утра и, помимо правила ко Причащению, прочитывал всю Псалтирь.

* * *

В XIX веке в Карее в келлии Святителя Николая (принадлежащей монастырю Дионисиат) произошло удивительное и достойное упоминания событие, о котором рассказывают почтенного возраста отцы.

Умер один монах, и, когда хотели положить его в землю, он внезапно встал со смертного одра, сказал что-то тайно своему старцу, снова лег и так был погребен. Но никто не узнал, что же было сказано. Видимо, его старец не пожелал открыть это всем.

* * *

Известный духовник папа-Яннис из келлии «Достойно есть» рассказывал, что однажды к нему на исповедь пришел молодой рабочий из Серая, то есть скита Апостола Андрея Первозванного. Этот человек рассказал ему, что, когда он был маленьким, он умер. Прежде погребения его мать пошла в церковь, встала на колени и много времени со слезами молилась. Потом она пришла домой, надела праздничную одежду, подошла к сыну, лежавшему во гробе, легла рядом и сказала ему: «Вставай, дитя мое, я пойду вместо тебя». Ребенок воскрес, а мать в ту же минуту умерла. Когда мальчик вырос, то поехал на Святую Гору и стал рабочим в Карее.

* * *

Когда приснопамятный монах монастыря Костамонит Аглаий тяжело заболел, игумен послал его в кафисму Святого Антония, где были монастырские виноградники. Однако врач советовал ему есть мясо, потому что у него открылся туберкулез с частыми кровотечениями.

Больной старец огорчился, потому что не мог уже служить, как раньше, при монастырском храме. Он постоянно молился и пламенно просил Господа даровать ему здравие. В один из дней, стоя на молитве, отец Аглаий вдруг увидел перед собой довольно большую косулю, которая, подойдя к нему и наклонив голову, стала биться в предсмертных судорогах. Боясь, как бы она не околела, он побежал и сказал об этом отцам и садовнику, который был мирским человеком. Садовник, увидев животное в состоянии агонии, не медля, умертвил его и освежевал, а отцы велели отцу Аглаию готовить каждый день понемногу для себя это мясо. Все увидели в этом истинный дар, благословение и лекарство для больного от «Господа и Бога нашего, Врача душ и телес»[1].

* * *

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам (Мф. 6, 33). Эта заповедь Господа, воспитывающая полное и совершенное доверие Божественному Промыслу, есть девиз и подтвержденное опытом убеждение всех подвижников.

Один беспопечительный, исполненный веры и упования подвижник, старец Херувим из скита Святого Василия,

---

[1] Начало молитвы перед каждым помазанием святым маслом в чине Елеосвящения.— *Пер.*

однажды был отрезан снегом в своем убогом жилище более чем на неделю, оставаясь все это время без пищи. Однажды в дверь к нему постучал какой-то незнакомец с нагруженным мулом. Он спросил, поскольку уже приближался вечер, успеет ли до темноты дойти до пещеры Преподобного Петра и возвратиться в монастырь Святого Павла.

Старец Херувим ответил:

— Брат, снега так много, что ты не смог бы дойти до пещеры Святого Петра, даже если бы у тебя был целый день. Останься на ночлег здесь, а завтра рано утром отправишься.

Тогда незнакомец сказал старцу:

— Отче, я привез кое-какие продукты, которые хотел продать и вернуться до вечера к своей работе. Если хочешь, возьми их и дай мне какое-нибудь «благословение».

— Если ты торопишься, то клади их сюда в угол, а я дам тебе «благословение», которое мне оставил один паломник.

В то время как его собеседник выгружал упаковки продуктов, старец пошел в свою келью, но когда возвратился, уже никого в комнате не нашел. Гость исчез. Старец позвал его, затем выглянул наружу — никаких следов на снегу, даже от животного. Тогда он понял, что это были видимые действия невидимого Божественного Промышления, заботящегося обо всем. Старец вошел в свою маленькую церковь и возблагодарил Господа. Исполненный чувства благодарности, он положил продукты в свой чуланчик и прожил на них всю зиму.

* * *

Подобный случай был рассказан мне, недостойному даже слышать о таких чудесах, приснопамятным игуменом монас-

тыря Святого Павла архимандритом Андреем о пустыннике Ефреме Убогом, жившем в бедной пустыннической каливе между Катунаками и Святым Василием. Его калива при помощи нескольких листов жести была пристроена к небольшой пещере под огромной нависшей скалой. Жизнь он проводил в неслыханных лишениях и злостраданиях.

Как-то зимой выпало много снега, и старец Ефрем Убогий оказался отрезанным от всех. У него закончились сухари, и много дней он оставался голодным, без всякой пищи. В один из дней старец увидел у входа в свою пещеру какого-то незнакомого человека, одетого в мирскую одежду, с большим мешком на плечах.

— Отче, благословите, я хочу идти в Керасью, но поскольку выпало много снега и скоро стемнеет, не могу ли я оставить здесь свой мешок, чтобы забрать его завтра, когда рассветет?

Пустынник Ефрем, удивившись, спросил неизвестного гостя:

— Как ты пришел сюда, брат мой? Сам видишь, никакой дороги нет. Заходи внутрь, погреешься у огня. Оставь свой груз и забирай, когда хочешь.

Но путник под предлогом того, что он торопится и должен вернуться в монастырь Святого Павла, отказался войти. Он исчез на глазах у изумленного подвижника, который, придя в себя, не увидел рядом с собой ничего, кроме мешка. Он посмотрел по сторонам, вышел из пещеры и не обнаружил на снегу никаких следов. Открыв мешок, старец нашел там много сухарей и других продуктов, которых могло хватить на всю эту суровую зиму. Слезы радости и

благодарности потекли потоком — пустынник старец Ефрем увидел самое реальное проявление Божественного Промысла и прославил «дивного во всех делах Своих»[1] Бога.

* * *

Каждый год 9 июля[2] братство приснопамятного старца Герасима Гимнографа и уважаемого иеромонаха Дионисия в своей пещере, преображенной в прекрасный храм, торжественно празднует память преподобных отцов Дионисия Ритора и Митрофана. В 1958 году празднование их памяти было озарено особой радостью благодаря чудесному умножению рыбы во время раздаяния праздничной трапезы гостям и паломникам.

Хозяева рассчитывали на тридцать-сорок человек, а угощать пришлось более ста гостей. Повар отец Дамаскин, сильно переживая по этому поводу, предался молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя и помоги мне в этот трудный час». Он начал раздавать порции рыбы служителям на трапезе, а рыба на противне не убывала. Сорок, пятьдесят, восемьдесят, сто. Люди ели и в обед, и вечером, и в конце концов избытки рыбной трапезы остались и на следующий день!

* * *

Приснопамятный карейский монах Мелетий однажды получил явную помощь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, иконе Которой «Достойно есть» он служил как алтарник на протяжении многих лет в алтаре храма Протата. Он отправился в лодке на остров Тасос[3] вместе с двумя

[1] См.: Пс. **138**, 14.

[2] По старому стилю.

[3] Остров на севере Эгейского моря.

жителями этого острова. По дороге случилась сильная буря, и Мелетий соскользнул в воду. Его спутники старались помочь старцу забраться в лодку, но это оказалось невозможным. Тогда они сказали ему:

— Отче, ты и сам видишь, что ничего не можем для тебя сделать.

Чудотворная икона «Достойно есть» в храме Протата

Действительно, как только они за него хватались, лодка теряла равновесие и переворачивалась. Он старался влезть сам, но без всякого результата, так что только окончательно выбился из сил. Когда силы оставили его, он возопил из глубины сердца:

— Пресвятая Богородица, столько лет я служил Тебе, Твой грешный служитель. Услыши сейчас и Ты меня, ибо Ты видишь, что я погибаю...

В тот же момент, не поняв, как это произошло, он оказался в лодке. Мало-помалу море успокоилось, и они благополучно достигли места назначения.

* * *

Старец Евстратий, достигнув тридцатилетнего возраста, не имел бороды. Когда умер его старец из пещерной кафисмы Святой Троицы, принадлежавшей монастырю Святого Павла, он переселился в Кавсокаливию. Тамошний духовник отказывал ему в приеме, потому что отцы

Кавсокаливии не принимали к себе безбородых, но Евстратий умолял и настаивал. В тот день под вечер начиналось бдение в честь Пресвятой Владычицы Богородицы. Утром — о чудо! — на подбородке отца Евстратия появились первые волосы, за что он от души благодарил и славословил Бога. Но самым поразительным было то, что со временем борода у него выросла настолько, что доставала до земли!

В 1864 году Святую Гору посетил правитель Фессалоник Хусни-паша. Как человек образованный, он пожелал осмотреть Протат, где среди прочих фресок увидел изображение преподобных Онуфрия и Петра Афонского. При этом он выразил неверие, что борода может вырасти у человека до земли, как было изображено на этих фресках. Но отцы сказали ему, что это возможно, и в подтверждение своих слов позвали старца Евстратия. Паша, удивившись, воскликнул по-турецки: «Афенде́рсин ефендиле́р», что означает «простите, господа».

* * *

В Прощеное воскресенье 1750 года монах Макарий из Святой Анны был тяжело болен, почти при смерти. О нем заботился замечательный, достойный восхищения и преданный ему послушник отец Феоктист, принявший в том году служение парадикея[1].

После Божественной литургии отцу Феоктисту нужно было найти одну рыбу для своего старца, чтобы сварить ему суп для подкрепления сил. Он спустился на пристань скита, но не нашел там ни одной лодки и ни одного рыбака. Море было неспокойно. Тогда отец Феоктист стал молиться. Став

[1] Помощник дикея.

на колени здесь же, на берегу, он начал просить о помощи святую праведную Анну, матерь Пресвятой Богородицы, бывшую покровительницей скита.

Он еще не окончил своей молитвы, как увидел, что в волнах играет большая рыба! Монах осенил то место крестным знамением, и — о чудеса Твои, Христе Царю! — волна выбросила эту рыбу на прибрежный песок.

Радость и благодарность отца Феоктиста были неописуемы. Схватив рыбу, он побежал в кириакон, где лежал на одре его старец. Приготовив рыбу, он дал ее старцу, который с этой минуты стал здоров. Оставшейся частью рыбы отец Феоктист угостил всех монахов и мирян, которые находились в тот день в кириаконе, причем все признавались, что никогда в своей жизни не ели более вкусной рыбы, чем эта, посланная от Бога.

* * *

В течение трех лет каждую пятницу появлялся свет в каливе духовника папа-Саввы (калива Воскресения Господня скита Малой Анны). Почивший незадолго до этого папа-Савва при жизни перенес туда главу своего старца Илариона Иверского. Отцы связывали это явление с фактом, что приснопамятный особо чтил пятницу и ничего не ел весь этот день.

* * *

В каливе Святителя Николая Иверского скита жил добродетельный и очень простой старец Никифор (бывший духовником патриарха Константинопольского священномученика Григория V). У него было несколько учеников, и в их числе — преподобномученик Евфимий. После мученической кончины Евфимия его мощи были перевезены в деревянной

бочке из Константинополя в каливу старца. Когда святые мощи прибыли, старец с горячими слезами обратился к своему святому ученику Евфимию и велел ему встать, чтобы облобызать его, что и было исполнено! Умерший встал, они облобызались, а затем он снова почил.

Но следует рассказать и еще один случай, связанный с этой каливой. Старец Никифор решил выкопать под полом каливы колодец. Рабочие прокопали на глубину 5—6 метров и достигли твердой гранитной скалы, не обнаружив никаких признаков близкой влаги. Тогда этот простой и исполненный веры старец, опечалившись, взял икону своих учеников-преподобномучеников (Евфимия, Игнатия, Акакия и Прокопия), опустил ее в колодец и сказал:

— Если не изведете мне воду, то и я вас не достану отсюда.

А результатом этого было следующее чудо: на другой день колодец был полон воды, а икона святых плавала на поверхности. На каменном дне этого колодца и сегодня видна трещина, а вода имеет приятнейший вкус, настоящая агиасма[1].

* * *

Был один бедный монах, старец Дорофей из Нового Скита, который с юного возраста не покидал Святой Горы. Рукоделия он не имел, а ловил рыбу на маленькой лодочке. Когда у него закончилось масло, многомилостивый Господь явил ему в море между Новым Скитом и пристанью монастыря Святого Павла большой сосуд, полный елея.

---

[1] У греков агиасмой называется освященная или вытекающая из святого источника вода.— *Пер.*

* * *

На Пасху 1935 года, когда игуменом монастыря Святого Павла был архимандрит Серафим, все отцы, которых тогда было около шестидесяти, вышли во двор, чтобы начать службу Воскресения Христова. В радостной и возвышенной атмосфере, после восклицания «Христос воскресе!», игумен сказал одному из простых и крепких в вере старчиков, отцу Фоме:

— Геро-Фома, спустись в усыпальницу, где лежат кости отцов, и скажи им: «Христос воскресе!».

— Благослови, отче! — ответил геро-Фома и, даже не размышляя, побежал и в два-три прыжка оказался в костнице.

— Игумен послал меня сказать вам: «Христос воскресе», отцы и братия. Христос воскресе! — возгласил он громогласно.

Тогда произошло нечто потрясающее. Кости затрещали и подпрыгнули, а одна глава поднялась примерно на метр и ответила на приветствие геро-Фомы:

— Воистину воскресе Господь!

После этого восстановилась полная тишина. Старец возвратился и рассказал о том, что видел и слышал.

Отцы в этот раз праздновали Пасху исключительно торжественно, воссылая Воскресшему Господу и Начальнику Жизни двойное славословие. С великим умилением они пели:

Воскресение Твое, Христе Спасе,
Ангели поют на небесех,
и нас на земли сподоби
чистым сердцем Тебе славити[1].

---

[1] Стихира в начале Пасхальной утрени, глас 6.

Об этом случае нам рассказывал приснопамятный старец Феодосий, ставший впоследствии библиотекарем монастыря.

* * *

Старца Исаака Дионисиата называли аввой, да он и был настоящим аввой по своему монашескому житию, пребывающий в посте и непрестанной молитве, смиренный, трудолюбивый, всех любящий и всеми любимый, послушный всему и всем.

Как-то раз, когда этот благословенный раб Господень исполнял послушание на конаке[1] в Карее, возникла необходимость срочно отправиться в монастырь. А дело было зимой, и его начальник, представитель монастыря в Киноте Геласий, предостерег его, что время уже послеобеденное, обещают снегопад и есть опасность заблудиться в пути. Но отец Исаак отвечал, что нужда не терпит отлагательств и непременно надо идти в монастырь, который находился на расстоянии пяти часов ходьбы. Итак, положив поклон, сей блаженный отправился в путь. Однако, когда он дошел до горы Иверского монастыря, начал падать обильнейший снег, сильно затруднявший движение. Когда отец Исаак добрел до горы монастыря Симонопетр, называемой «Босдум» и расположенной напротив Афона, снег уже доходил до колена, да к тому же начинало темнеть. Ему угрожала тьма, снег и дикие лесные звери.

Тогда этот блаженный муж, возложив все свое упование на Спасителя Господа, воскликнул от всего сердца: «Господи

[1] Конак — здание в Карее, принадлежащее определенному монастырю и служащее местом проживания представителя этого монастыря.— *Авт.*

Иисусе Христе, Боже мой, молитвами моего святого старца спаси меня от этой беды!». И — о чудо! — Божественная невидимая сила восхи́тила его, и он внезапно оказался у ворот монастыря.

Было время повечерия, и вратарник готовился закрыть монастырские ворота. Когда он увидел авву Исаака, как его почтительно называли в монастыре, в такую вьюгу, он, недоумевая, спросил, откуда тот пришел. Старец же, находясь в неком экстатическом состоянии, ответил, что его послали из Кареи.

— Как же ты дошел при таком снеге? — спросил его вратарник.

Старец же молчал, глядя лишь на икону Честного Предтечи на святых вратах. При этом вратарник успел заметить, что на снегу не было никаких человеческих следов. На настойчивые вопросы вратарника, когда он вышел из Кареи и как дошел, старец рассказал ему и другим отцам, что только до половины пути он помнил, как шел, а далее даже не знал, что произошло. Призвав на помощь Бога и молитвы своего старца, он тотчас оказался у ворот монастыря.

* * *

Старец Лазарь Дионисиат, умевший очень умилительно рассказывать разные истории, говорил:

— В 1943–45 годах я страдал от страшных головокружений, особенно в утренние часы. Несмотря на употребление многих лекарств и применение различных лечебных методов, исцеления не наступало. На бдение святых бессребреников 1 ноября 1945 года я пошел в небольшую церковь в их честь и просил их от всего сердца избавить меня от этой

напасти. С того дня головокружения прекратились, и здоровье мое восстановилось.

И о другом чудесном случае рассказывал старец Лазарь:

— После перенесенной малярии я подвергся заболеванию ревматическим артритом в голени правой ноги. Боли невыносимые, воспаление, расширение вен на ногах. В 1953 году, находясь в таком жалком состоянии на празднике святых бессребреников, я просил своих святых врачей о помощи. Бдение почти закончилось, а боли не проходили. Однако во время Божественной литургии воспаление успокоилось, боли прекратились, а вены вернулись в свое здоровое состояние. Благодарю и величаю наших теплых заступников и целителей!

Старец Лазарь даже составил следующие стихи для службы святых бессребреников, которые он всегда пел перед их святой иконой, когда зажигал лампады:

Из глубин души моей я, убогий молитвенник,
С признательностью благодарю вас,
Бессребреников Косму и Дамиана,
За дарованное мне вами исцеление.

* * *

Достоин воспоминания и случай исцеления именем святых бессребреников сына агронома, произошедший на подворье монастыря Святого Григория в Арте.

Он отравился каким-то пирожным и был уже при смерти.

— Мы приглашали врачей из Арты, Янины[1], Афин, и никакого улучшения,— говорил монахам подворья

[1] Город в северо-западной части Греции, крупный административный и культурный центр Эпира.

отец ребенка.— Дайте нам честные мощи святых бессребреников.

Между тем дома уже готовились к почти неизбежным похоронам. Отцы совершили водосвятие со святыми мощами. Все родственники горячо молились. Агроному, отцу больного ребенка, было видение святых бессребреников.

Через час после водосвятия умирающий ребенок пришел в сознание.

— Где моя мама? — спросил он.

Среди присутствующих находилась одна женщина-еврейка, которая уверовала и вместе со своим мужем просила крестить их в праздник Пятидесятницы.

* * *

Из рассказов прежнего игумена и духовника Лавры его высокопреподобия папа-Василия.

«В ночь с 26 на 27 октября запотела икона Пресвятой Богородицы в кафисме Пророка Исаии. На следующие сутки в полночь случилось великое землетрясение. Обрушилась часть горы вместе с кельями пещеры Святого Афанасия. Прежде землетрясения старец келлии папа-Харитон предузнал о бедствии и велел своим монахам идти в церковь пещеры и творить молитву по четкам. В это время началось землетрясение. Если бы они остались в кельях, то были бы раздавлены камнями, падающими с большой высоты».

«В августе 1967 года вспыхнул пожар внизу северо-восточной стены Лавры, видимо, от старого камина. Все отцы были подняты по тревоге. Дул страшный ветер, не помню, сколько метров в секунду... Мы все куда-то бежали, кто за водой, кто на молебен к иконе Пресвятой Богородицы

"Кукузелисса"[1]. Скоро сильный ветер утих, и мы потушили огонь.

Также в 1968 году пожар охватил горную гряду над монастырем Кутлумуш. Огонь быстро распространялся, а небо было чистым, без единого облачка. Отцы вынесли икону "Страшное предстательство" на крестный ход. Вскоре пошел проливной дождь, длившийся два часа, и огонь потух».

«Геро-Феофил в Лавре потерял однажды большой ключ от экономского корпуса. Он был помощником эконома (ибо экономом в Лавре является Сама Пресвятая Богородица), то есть заведовал складами. Искал-искал — нигде нет. Тогда он стал творить молитву, один, два часа по четкам, молился горячо. И вот — о чудо! — ключ оказался прямо перед ним».

* * *

Старец Артемий Лавриот, садовник, рассказывал мне:

— В какой-то год я проявил невнимательность и вместо теплой воды бросил закваску в горячую воду, так что все грибки сварились. Подождал 3–4 часа, когда она вскиснет,— ничего. Тогда я расстроился, пошел и рассказал об этом папа-Василию. Он ушел, вернулся с крестом, имеющим частицу Честнаго Древа, перекрестил закваску, и она в течение 45 минут поднялась.

* * *

В 1963 году проходили торжества тысячелетия Святой Горы. Поступило прошение, чтобы пришел океанский корабль с женщинами и остановился в открытом море напротив Лавры Святого Афанасия, чтобы им поклониться свя-

[1] Чудотворный образ, перед которым молился преподобный Иоанн Кукузель и откуда к нему был глас Божией Матери.

тым мощам монастыря и совершить водосвятие. Собрание разделилось, однако большинство отцов ответили положительно. Но старец Феофил (как рассказывал монах Артемий-садовник) воспротивился этой затее и, будучи не в силах ничего изменить, объявил молитвенную тревогу — всю предстоящую ночь молиться по четкам.

И вот после полуночи вдруг поднялся ветер, и на море, которое до этого было зеркально-гладким, началась буря. Волны вздымались подобно горам. Все было отменено. Не только океанского корабля, но и лодки и даже птицы, летящей над морем, не было!

* * *

Другой старец, Косма из монастыря Кутлумуш, был сторожем монастырской поленницы в Каллиагре[1]. Однажды шторм смыл дрова в море. Косма растерялся: что делать? Он побежал, зажег лампаду святых Архангелов и начал горячо молиться им.

Тогда волны понемногу выбросили все дрова на берег. Старец рассказывал об этом и плакал.

* * *

Я регулярно ходил навещать старца Никодима Духовника, родом с Крита. Он пришел на Святую Гору в 1977 году и почил в Иверской келлии Успения Пресвятой Богородицы в Карее.

Редкие души имеют такое блаженство кротости и мира, какое имел этот человек. Как-то у него не было ни масла для лампад, ни денег. Он плакал и молился Пресвятой Богородице. Лампады сами зажглись, и старец прочитал все

[1] Пристань, принадлежащая монастырю Кутлумуш.

последование молебна ко Пресвятой Богородице и акафист. Потухли они утром. «В первый раз,— говорил он,— лампады излучали столько света!»

* * *

Однажды знаменитый папа-Гавриил, духовный потомок Хаджи-Георгия, шел из Кареи в «Яннакопулу», уединеннейшую келлию, находящуюся ниже румынского скита, рядом с пещерой Святого Афанасия. Тем временем прошел проливной дождь. Достигнув потока Веллас, отец Гавриил увидел, что переправляться пешком на другую сторону очень опасно, и начал молиться. Вдруг он заметил неизвестного мирянина с животным. Человек послал к нему свое животное, чтобы старец сел на него и переправился через поток, что тот и сделал. Папа-Гавриил поблагодарил неизвестного и поспешил к своей келлии, потому что уже стемнело и должно было начаться бдение в канун Благовещения (а в его келлии был престольный праздник). Отцы говорили, что неизвестный, помогший папа-Гавриилу, был Архангелом Гавриилом, но возможно, что это был и святой Георгий со своим конем, ибо его имени посвящен находящийся рядом с потоком дом на берегу моря.

СЛОВО О НЕОСУЖДЕНИИ И О ПРОКЛЯТОМ ОСУЖДЕНИИ

Один духовник-исповедник по имени Вениамин, когда к нему приходил кто-нибудь на исповедь и начинал говорить о чужих делах и осуждать своих братий, прогонял его, пока он не вразумится и не изменит своего поведения.

* * *

Отличавшийся необыкновенной простотой старец Давид Дионисиат говорил своим посетителям о вреде осуждения:

— Смотри, не говори, что тот делает то-то, а вот этот — то-то. Потому что так ты потеряешь благодать Христову. Даже если увидишь, что кто-то поступает подобно ослу, не высмеивай его. *Люби ближнего твоего, как самого себя*[1]. Так говорит Христос.

* * *

Один старец сказал своему послушнику, имевшему плохой характер:

— Если у тебя нет добрых помыслов, то зачем тебе и старец? Если старец по причине немощи, которую имеет всякий человек, сделает нечто дурное, помысл будет его осуждать: зачем, мол, он это делает? Если, опять

---

[1] Мф. **19**, 19.

же, с помощью Божией он сделает нечто достойное удивления, помысл будет говорить, что он колдует, потому у него это и получилось. Так рассуждает человек, имеющий дурные помыслы.

* * *

Один молодой посетитель соблазнился, когда увидел, как прославленный духовник папа-Григорий ласкает тыльной стороной ладони своего кота, и осудил старца.

Однако обстоятельства сложились так, что осудивший оказался в Турции и пришел просить у консула работы.

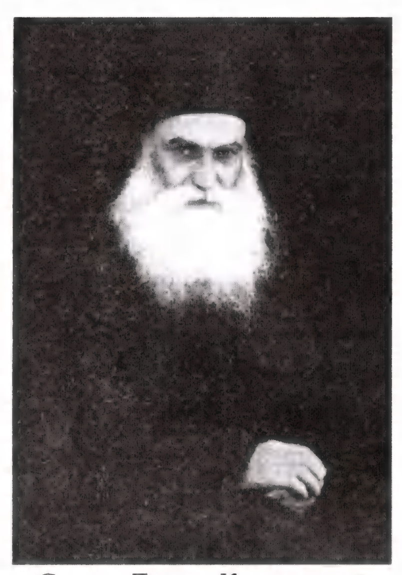
— У меня нет для тебя работы, вот только мне нужен человек, который кормил бы моего пса, а от остатков его пищи питался бы сам.

Тогда молодой человек, у которого не было даже хлеба, согласился и ухаживал за псом, давая ему пищу. Осознав, в каком жалком положении он находится, юноша расценил это как наказание за то, что осудил духовника папа-Григория.

Когда представилась благоприятная возможность, он отправился с русским кораблем на Святую Гору и пришел в скит Малой Анны, где положил перед духовником поклон и попросил у него прощения. Тогда папа-Григорий сказал ему:

— Я видел, чадо мое, что ты осудил меня, а враг наших душ прогнал тебя, и я просил святую Анну, чтобы она вернула тебя назад, и она это сделала. Но впредь будь внимателен. Не осуждай монахов, потому что они хотят скрыть свою добродетель и многие притворяются безумными, чтобы их не хвалили люди.

* * *

Старец Ефрем Катунакский, проповедник послушания, умной молитвы и слез

Уважаемый на Катунаках пустынник иеромонах Е.[1] рассказывал:

— Один брат сказал мне об осуждении: «Я много осуждаю, как мне избежать этого греха?». И я ответил ему: «Когда собираешься высказаться о каком-нибудь человеке, говори себе, что он здесь присутствует. Возьми, к примеру, себя. В твоем присутствии другой тебя не осуждает, а когда тебя нет, тогда начинает колотить тебя по голове и осуждать».

Я помню, что, когда был жив старец, я осудил его за что-то. Однажды ночью я встал на молитву. Вижу перед собой стену, которую не может преодолеть молитва. «Господи Иисусе... Господи Иисусе...» — не идет. Где-то я погрешил, думаю, какой-то совершил грех. Итак, куда я накануне ходил, что делал, что говорил, что натворил? Наконец нашел, что осудил своего старца.

Следующий день был воскресеньем, и я должен был служить. Здесь у священника есть обязанность, как догмат: он должен служить, если не имеет канонических препятствий. Что делать? Берусь за молитву: «Боже мой, прости меня. Боже мой, я согрешил, прости меня, я прошу прощения». Не помогает.

[1] Здесь, очевидно, речь идет о старце Ефреме Катунакском.

«Что же, для меня нет прощения, нет слова “прости”? Поскольку я Тебя огорчил, прости меня. Я тоже имею право на ответ: “Бог тебя простит”». Никакого результата. «Но Петр трижды отрекся от Тебя, и Ты простил его, а я от Тебя не отрекался, я осудил своего старца. Ну теперь и я кладу поклон, каюсь и прошу прощения». Опять не помогает. Говоря это, снова взялся за четки, но все по-прежнему, молитва не идет. Тогда я начал плакать, слезы льются рекой. Не столь страшно осудить какого-нибудь чужого человека, сколько осудить своего старца. Горе тебе, ибо ты осуждаешь Самого Бога. Я начал плакать и три часа не переставал. Воскресная служба длится три часа. Я плакал и говорил: «Боже мой, Боже мой, для меня нет слова “прости”? Ты Бог милосердия и сострадания, почему же Ты меня не прощаешь? Я Тебе говорю: “Прости меня”. Мария Египетская, когда покаялась, получила прощение, и многие святые были грешниками, но Ты их простил. И греческих новомучеников, которые стали турками[1], Ты простил и помиловал. А для меня нет милости, нет прощения?».

Три часа я плакал, всю воскресную службу провел в слезах. В конце вижу, полегчало, замечаю в себе мир, какую-то радость. Тогда я начал молиться: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Вот наконец-то успокоился. И так я приступил к Литургии. Если же нет этого, то нельзя приступать к служению Литургии.

---

[1] Во времена турецкого владычества многие христиане обманом или силой были вынуждаемы отречься от своей веры и принять мусульманство. Некоторые из них впоследствии покаялись и возвратились в лоно Христианской Церкви. Были и те, которые пожелали омыть грех отречения своей кровью: они с дерзновением исповедовали свою веру перед турецкими властями и приняли мученическую кончину.

Осуждение — великий грех. Благодать уходит, а ты даже не понимаешь этого. Страшный грех. Суд Христа ты берешь на себя и потому становишься антихристом...

* * *

Богоносный духовник папа-Савва никогда никого не осуждал. Когда его спрашивали о ком-нибудь: «Что это за человек, отче?», — он отвечал: «Это святой человек».

* * *

Один старый монах сказал:

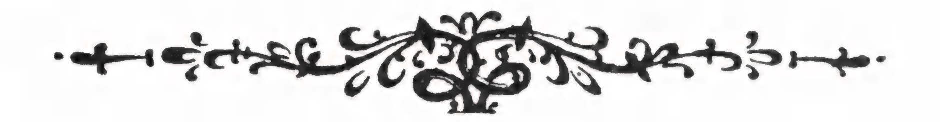
— Всегда в своих оценках ставьте вопросительный знак. Мы не знаем, что может случиться!

* * *

Славный папа-Дионисий из братства Карцонеев как-то дал совет монаху Даниилу:

— Чадо мое, не верь ничему, что говорится в ущерб другим, а увиденному верь наполовину. И даже не наполовину, потому что многие притворяются безумными. Не осуждай.

СЛОВО О СЛЕЗАХ И УМИЛЕНИИ

Приснопамятный игумен монастыря Святого Дионисия архимандрит Гавриил рассказывал об имевшем великий дар умиления монахе Геронтии, который подвизался в монастыре Святого Пантелеимона. Будучи уставщиком и проводя день и ночь в храме, он имел неразлучным спутником своей жизни умиление. В свободные от послушания часы он сидел в притворе храма и молился. Левой рукой перебирая четки, правой он утирал текшие у него рекой слезы, используя для этого кусок материи, который он полоскал время от времени в море.

Отец Геронтий происходил из Кидонии (Малая Азия). Однажды, защищая молодую христианку от нападавшего на нее с постыдными намерениями турка, он вступил с ним в драку и убил его, намеренно или нет, неизвестно. Пятьдесят лет он тихо и мирно прожил в русском монастыре, как беззлобнейший агнец.

В 1911 году, в пятницу 5-й седмицы Великого поста, отец Гавриил — в то время послушник, а впоследствии игумен Дионисиата — оказался в Русском монастыре на последовании Великого канона, которое там совершается в виде бдения. Эта таинственная служба осталась в его сердце незабываемой. Он рассказывал, что видел «как будто в видении» почтенного отца Геронтия, отиравшего слезы

во время пения «Откуду начну плакати окаяннаго моего жития деяний?». Когда же он дошел до последнего богородичного тропаря первой песни, его сердце с такой силой предавалось умилению, что он пел, воздвигнув руки к иконе «Всецарица» и глядя с крайним благоговением на Ее ангельский лик, со многими слезами, но в то же время и с сыновней близостью: «Богородице, Надеждо и Предстательство Тебе поющих, возьми бремя от мене тяжкое греховное».

И когда приснопамятный старец начал читать житие преподобной матери нашей Марии Египетской, «это было исключительное и незабываемое зрелище. Более пятидесяти старых монахов, в большинстве своем иноязычные русские, сгрудились вокруг аналоя для слушания жития. Одни из них стояли коленопреклоненно, другие, старше первых, сидели на корточках и, не моргая, смотрели на губы почтенного уставщика. Многого они, я думаю, не понимали, но его умилительный тон и все его превосходное чтение приковывали их внимание. И чем более длилось это непревзойденное по выразительности и силе чувства чтение, тем более теплым становился голос старца и его внутреннее сокрушение духа становилось все более явственным... Но когда он дошел до раздирающего душу диалога между аввой Зосимой и преподобной Марией, когда авва вопрошает: "Скажи мне, преподобная Божия...", а та ему отвечает: "Авва Зосима...", сладчайший старец не смог сдержать в себе волнения. Его сердце не выдержало и разрешилось рыданием и неудержимыми слезами, что сразу передалось всему благоговейному собранию...».

* * *

«Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси (в скиту Святого Василия и на вершине горы Кармилия), и был еси светильник вселенней, Герасиме, отче наш...».

Поистине светильником умной молитвы и опытным делателем слез был исихаст старец Герасим. Семнадцать лет он подвизался на вершине горы Кармилия на Святой Горе, к западу от Керасьи, под вершиной Афона. Героическая жизнь, полная борьбы со стихиями природы: ветрами, молниями, дождем, снегом, холодом — и с лукавыми демонами. Почил он в девяностолетнем возрасте.

* * *

Старец сказал:

— Сердце очищается воздыханиями, устремлением к добродетели. Повергнем душу во влагу слез. Но и одно воздыхание с болью души приравнивается к двум ведрам слез.

* * *

В скиту Святой Анны монахи, имевшие послушание возжигать лампады в храме, во время исполнения своего послушания плакали перед святыми иконами.

* * *

Он пришел на Святую Гору с Кипра в совсем юном возрасте. Отличался от других особой чистотой ума и простотой сердца. Слезная молитва и молитвенное безмолвие принесли ему освящение и благодатные дарования. Он оставлял свою пищу, чтобы уйти в келью и плакать. Это был старец монах Дионисий из Святой Анны.

* * *

Очи русского пустынника отца Тихона все время были наполнены слезами. Он постоянно утирал их мокрым платком, который всегда был у него в руке. Епитрахиль его почти всегда была намокшей от слез, а деревянный крест, которым он благословлял, выглядел сильно разъеденным. Он говорил, что во все дни нашей жизни мы должны омывать ноги Христа своими слезами и отирать волосами, принося покаяние. Сам он проливал множество слез перед крестом в своей келье. Он размочил весь этот крест.

— Чадо мое, омывай слезами ноги Христа, и Христос омоет твои грехи,— советовал этот русский подвижник.

* * *

Папа-Даниил исихаст в течение шестидесяти лет ежедневно служил Литургию в пещере Святого Петра Афонского. Он имел такое умиление, что не говорил «Молитвами...»[1] прежде, чем земля у него под ногами от слез не становилась грязью. Сразу после Литургии он уходил на час в свою келью, чтобы не потерять умиления. Говорят, что, когда этот великий исихаст изучал Четвероевангелие, он приходил в сильнейшее умиление. Слезы непрестанно лились из его глаз на страницы, размывали буквы и портили бумагу.

* * *

Подвижник Андрей Постник из Святой Анны был родом из Эпира, имел крепкое телосложение, большую силу и аскетическое воспитание. Движимый любовью и усердием, он бежал, чтобы помочь нагруженным вещами путникам,

[1] Возгласом «Молитвами святых отец наших...» заканчивается по греческой традиции всякое богослужение.— *Пер.*

которые, обливаясь потом, поднимались с пристани в кириакон скита. По мирским понятиям он был неученый, по Богу же мудр, потому что упражнялся в полученном им от Бога даре чистой непрестанной молитвы. Призывая же в своих молитвах Пресвятую Богородицу, он изливал неиссякающие потоки слез умиления и небесной любви.

* * *

Брат спросил старца, дожившего до седых волос в подвижнических трудах:

— Сколько тебе лет, старче?

И он ответил ему:

— *Старость бо честна не многолетна, ниже в числе лет исчитается: седина же есть мудрость человеком, и возраст старости житие нескверно*[1]...

Тут старец умилился, заплакал и прибавил:

— Чем более, чадо, я прибавляю в возрасте, тем более растет моя духовная нищета.

* * *

Старец Леонтий Слепец жил одно время в пещере Святого Симона. У него был дар умной молитвы и радостотворного плача. Он уходил в пустынную каливу и плакал, плакал без конца, и чем больше молился, тем больше плакал.

* * *

Когда папа-Кодрат выносил паломникам для поклонения святые мощи, особенно шлем святого Меркурия, и рассказывал о мученической кончине этих святых, его глаза напол-

[1] Прем. **4,** 8–9. В русском пер.: *ибо не в долговечности честная старость и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости.*

нялись слезами. Во время Божественной литургии он почти всегда плакал, причем больше всего на Великом входе, когда говорил: «Всех нас[1] да помянет Господь Бог...».

* * *

Старец сказал:

— Первые слезы — это слезы Божественного утешения. Творящий молитву умиляется и начинает плакать. Но есть и слезы веселия, слезы славословия Бога. Для них действуют иные законы. Если первые слезы даже тело утомляют, то вторые укрепляют и душу, и тело. По этому признаку можно их различить.

* * *

— Геро-Филарет, почему, когда мы поем, ты плачешь? Мы столько времени за тобой наблюдаем, скажи нам, что за причина? — спросили отец Даниил из братства Даниилеев и отец Фома из братства Фомадов одного карульского пустынника.

— Отец Даниил, когда я слышу, как вы поете, моя душа радуется, и я ощущаю, что как будто слышу Ангелов, и ум мой возносится на небо, а глаза наполняются слезами. А иногда я плачу, потому что не могу петь вместе с вами, чтобы и мне воспеть имя Господне. Я помышляю о своей греховности и говорю: «Окажусь ли я когда-нибудь среди Ангелов небесных или буду разлучен с ними навеки?». Эти помыслы долго не уходят из моего сердца, и я славословлю, благодарю и умоляю нашего Господа.

---

[1] В отличие от русской практики («вас и всех православных христиан...»), в современной греческой традиции на Великом входе священник говорит «нас...», поминая перед этим также сослужащих ему священнослужителей.— *Пер.*

* * *

Мы знали приснопамятного старца Нифонта Костамонита, который почил в возрасте более восьмидесяти лет. Он имел на своем попечении до четырех-пяти монастырских послушаний одновременно. Однако у этого монаха не было никакого ропота, никакого томления, раздражения или гнева. Он всегда был усерден, приятен, радостен, серьезен, молчалив, неутомим. Он никогда никого не огорчал. Любил всех, и все любили его. Помимо прочих благодатных дарований, старец отличался даром умиления. Он всегда был в слезах.

* * *

На Карулях был один подвижник, который в своем аскетирии плакал каждую ночь.

* * *

Однажды преподобный Силуан встретил одного аскета, который имел дар умиления и каждый день проливал много слез, размышляя о Страданиях и Кресте Господнем.

— Хорошо ли мне молиться об усопших? — спросил святой Силуан.

Тот же вздохнул и сказал:

— Если бы было возможно, то я всех бы вывел из ада, и тогда успокоилась и возрадовалась бы моя душа,— при этом он сделал движение рукой, как бы собирая колосья, и заплакал.

* * *

Мой приснопамятный старец рассказывал:

«Я делал первые шаги в своей монашеской жизни и нуждался в ежедневном укреплении. Моя келья находилась рядом с кельей старца. Тот имел обыкновение читать после повечерия. Часто, встречая какое-нибудь место, которое могло

бы меня наставить, он звал меня. Вспоминаю один такой случай. Когда я пришел на его зов, он был поглощен чтением. Некоторое время я стоял, ожидая приглашения сесть... Так вот, он прочитал мне прекраснейшее место из жития святого Андрея Христа ради Юродивого. Там святой описывает, как он видел рай, когда в одну зимнюю ночь, когда его замело снегом, он был духовно восхи́щен из этого мира в страну света. В этом отрывке святой пытается человеческими средствами описать неописуемое и на примерах из настоящей жизни дать образ жизни будущей... Старца настолько взволновало это описание, что в какой-то момент он прервал чтение, закрыл книгу и некоторое время оставался безгласным, вытирая текущие по щекам слезы. Наконец он сказал мне:

— Подумай, чадо мое, что нас ожидает! *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. **2**, 9)».

* * *

Преподобный Силуан часто молился так:

— О, Господи, дай мне слезы, чтобы плакала душа моя от любви к брату день и ночь!

* * *

Однажды мой приснопамятный старец посетил папа-Феодора, брата Иерофея Кавсокаливита. Я знал папа-Феодора, бывшего игумена монастыря Григориат. Это был приветливый, приятный в беседе и благодатный монах.

— Ваши кельи, старче, весьма аскетичны и навевают умилительное настроение,— сказал ему мой старец.

— В этой келье, детка моя, когда-то жили великие подвижники и святые монахи. Но сейчас живет один грешный

и нерадивый. Что я отвечу на грядущем Суде? — ответил он, и его голос прервали слезы и рыдания.

* * *

Старец сказал:

— Слезы монаха имеют силу очищать душу, если они срастворяются с его потом.

* * *

Когда душа распалена огнем любви, веры и покаяния, тогда на первых четках с молитвой «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» приходят слезы умиления. И я видел это на практике. Когда мы молились с одним молодым братом-монахом по четкам, его душа настолько умилялась, что он уже не мог произносить слова молитвы.

* * *

Был один часто приходивший в умиление старец по имени Евгений, который подвизался сначала в скиту монастыря Ватопед, а затем перешел в сам монастырь.

— Как блудный сын, так и я,— говорил он,— вопию «согрешил» и бию себя в грудь. Может, помилует меня Господь и облечет в первозданную одежду...

И он постоянно предавался плачу.

* * *

Много лет назад в монастыре Григориат мы познакомились и с чрезвычайно простым монахом Космой. В киновии он прожил шестьдесят лет, исполненный веры, подвижнической ревности и умиления.

— Евангелие — это Сам Христос,— говорил он нам.— Это великая сила. Его очень боится диавол. (Сам старец изучал Евангелие постоянно, нося его в мешочке

у себя на груди.) В последнее время меня немало беспокоит диавол. Он подущает меня броситься в пропасть, выбросить Евангелие, устраивает шумы и прочее. Не безумен ли сатана?.. Христос явит и новых мучеников, *пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число* (Откр. **6**, 11). Из Нового Завета я особо внимательно изучаю книги святого апостола Иоанна Богослова. Как-то на вечерне на краткое время я задремал и увидел сон. Я оказался на равнине, широкой, как море. Кругом снопы хлеба и множество благоухающих цветов. Опьяняющий аромат поверг меня на землю. Подбежали маленькие дети (Ангелы Божии), чтобы меня поднять. «Идем теперь славить Господа»,— сказали они мне и привели в громадный храм, исполненный страшной славой и таким ослепительным сиянием, что я не выдержал и рухнул на землю...

Его рассказ прерывался плачем радости и умиления...

* * *

В 1970 году мы с моим приснопамятным старцем и одним братом посетили монастырь Святого Павла. В монастырской больнице находился один старчик.

— Я прочитал много книг из нашей библиотеки,— сказал он.

— А теперь чего ты ждешь, на что надеешься? — спросили мы его.

— Помышляю,— ответил он с простотой,— о любви Божией. Как Он снизошел к нашей беде и стал человеком ради нашего спасения...

Сказав это, старец заплакал.

* * *

Старец сказал:

— Первые слезы — слезы покаяния — утомляют. Вторые слезы — это слезы созерцания. Слезы любви совсем не утомляют, но радуют сердце.

* * *

Однажды на Божественной литургии мы видели, как приносивший бескровную жертву епископ проливал слезы в сильном умилении. Это умиление было плодом его безмолвнической жизни в одном из аскетириев Святой Горы, в настоящей пустыне.

* * *

Преподобнейший монах Нектарий рассказал мне о том, что ему поведал его приснопамятный старец Ефрем Катунакский:

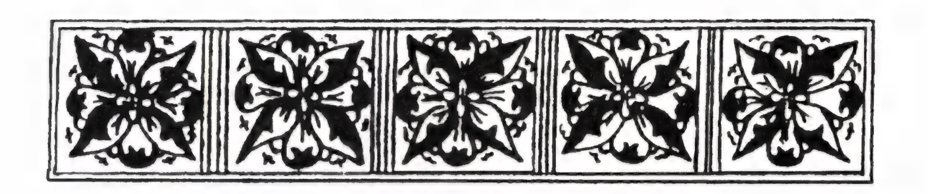
— Был полдень. Около небольшого храма преподобного Ефрема Сирина я познал неведомый мне ранее плач. Я спрашивал себя: что это за слезы? Ибо моя душа чувствовала себя исполненной Божественной любви. Тогда в ответ я услышал голос, внутри и извне: «Преклони колени, *якоже радуется жених о невесте, тако возрадуется Господь о тебе*[1]». Я преклонил колени.

* * *

«Ах, эти слезы! Подвизайтесь, пока вы молодые, возлюбить Христа и Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, чтобы вкусить этих сладких слез любви! Если ты стяжал слезы, то бдение становится для тебя праздником», — говорил старец Арсений Пещерник, имея в виду ежедневное бодрствование в келье, которое они имели по уставу со старцем Иосифом Исихастом.

---

[1] Ис. **62**, 5.

СЛОВО ОБ ИЗУЧЕНИИ БОЖЕСТВЕННЫХ СЛОВЕС

Жизнеописатель преподобного Никодима Святогорца иеромонах Евфимий пишет:

«Равным образом и Моисей, когда возмужал, оставил Египет, пришел в землю Мадиамскую и там, на горе Хорив, сподобился Богоявления в купине и собеседования с невидимым Богом. Мирского Египта, то есть омраченной и страстной жизни, избежав, Никодим взошел на гору осязаемую, а вкупе и на гору духовную созерцания поднялся и удостоился, насколько это возможно, видеть Бога, предочистив себя Божественным и боготворящим безмолвием, строжайшим постом и нерассеянной молитвой. Просветив же свой ум светозарным созерцанием богодухновенных Писаний, он возмужал, то есть стал великим учителем христиан, великим светилом на мысленной тверди Церкви и великим противником всех лжеучителей. И об этом свидетельствуют все его сочинения, которые он с неисчислимыми трудами и потами и ночными бдениями сотворил и которыми обогатил Церковь Христову».

* * *

Один подвижник говорил:

— В деле сосредоточения ума, трудного по причине того, что он постоянно рассеивается, тебе много поможет чтение

святоотеческих творений, которое должно предварять занятие молитвой. Более всего помогает чтение Патерика. Два предложения из Патерика заставляют забыть все заботы, потому что в них заключена сила святой земли Фиваиды и Нитрии, и молящийся восходит умом на небо благодатной помощью отцов, которых он ощущает рядом с собой.

* * *

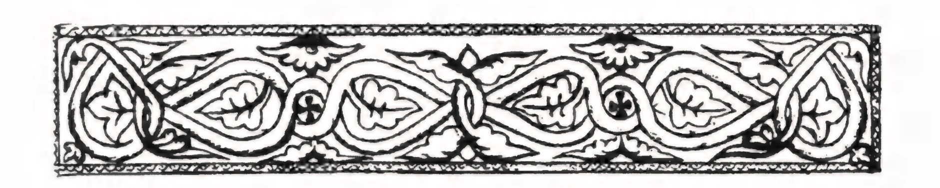
Русский подвижник отец Тихон советовал одному новоначальному монаху на своем ломаном греческом:

— Больше читай, дитя мое, святого Симеона Нового Богослова. Много чтения обогащает ум... Неси сильное слово миру, чтобы спаслись грешники, и Христос даст тебе золотые венцы. Святый Дух просвещает всех христиан свечкой в одну драхму. Христианина-подвижника Он просвещает свечой в сто драхм.

* * *

Старец сказал:

— Рассеяние ума на жизненные проблемы и суетные заботы расслабляет и душу. Обращайся вовнутрь, к невозделанному винограднику своей души, чтобы выполоть все тернии пороков, а на их месте насадить добродетели. Но будь внимателен. Это работа совсем не легкая. Она требует настойчивости и немалого терпения. Здесь ты встретишь очень много трудностей. Большую пользу в этом деле тебе могут принести святоотеческие книги, которые в наши дни издаются тысячами. В них ты найдешь то, что желаешь, все, что тебе понадобится. Они наставят тебя в твоей духовной жизни на безопасный путь. Только читай их со смирением и молитвой.

СЛОВО О СПАСИТЕЛЬНОМ ПОКАЯНИИ

В каливе Святой Троицы скита Святой Анны много лет тому назад жили пять братьев по плоти. По зависти врага рода человеческого они впадали в такие раздоры друг с другом, что иные называли их возмутителями спокойствия. Впрочем, каждый вечер они клали друг перед другом поклоны и просили прощения.

В таком состоянии они пребывали на протяжении многих лет. Но однажды из этой неспокойной каливы перестали доноситься шум и крики. Дикей скита, получив извещение во сне о единовременной смерти братьев, поспешил туда с другими отцами, и что же они там увидели?

Все пятеро братьев почили. В тот самый момент, когда они после повечерия клали друг перед другом поклоны и просили прощения, Бог прощения и милосердия забрал их всех.

Такая кончина говорит об их оправдании и спасении. Это признак их исправления и непамятозлобия. Но это и предупреждение для *оклеветающих тай искренняго своего* (Пс. **100**, 5).

* * *

Говорят, что подобный случай произошел много лет назад в келлии Святой Троицы Иверского монастыря (рас-

положенной между Иверским монастырем и Милопотамом[1]), где жили девять братий со своим старцем. Эти монахи были столь мирными и добродетельными, что имели дерзновение просить Господа умереть всем вместе и сподобиться кончины «безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на страшном судищи Христове»[2].

И действительно, однажды после повечерия, во время, когда все кладут поклоны, прося друг у друга прощения, все эти десять блаженных мужей преставились ко Господу. Они почили в рясах, в наметках, в монашеской схиме, с четками — в монашеском всеоружии. Через пятнадцать дней их обнаружили жившие по соседству монахи, и тела их были, как у живых, совершенно мягкие. Не было никакого запаха тления, напротив, их телесные скинии источали дивное благоухание.

* * *

Одного святогорского старца как-то спросили:

— Что такое Святая Гора, старче?

Он же ответил:

— *Радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся* (ср.: Лк. **15**, 7). Здесь у нас много тех, кто кается. Даже более того, мы все здесь кающиеся.

* * *

Старец сказал:

— Монах облекается в покаяние. Он весь воспламеняется от любви к Богу и живет в покаянии.

---

[1] Милопотам — кафисма Святого Евстафия, расположенная на северо-восточном побережье Афона между пристанями монастырей Иверский и Филофей. Принадлежит Великой Лавре.— *Пер.*

[2] Просительная ектения.

* * *

Был один критский разбойник, арматол и клефт[1], который много вреда причинял туркам, тайно и явно помогая христианам. Он настолько был страшен и опасен для тиранов-турок, что турецкий паша обещал дать ему полную амнистию за все его преступления против турок, если он только прекратит свои разбойничьи набеги и оставит Крит.

Этот разбойник имел такую ненависть к туркам, что не мог даже слышать о предложениях паши. Но в один из дней, как выяснилось позже, он увидел в страшном видении святую праведную Анну, матерь Пресвятой Богородицы, которая позвала его к себе и повелела принять предложение и условия турецкого тирана и как можно быстрее отправиться на Святую Гору в ее скит.

Подчиняясь силе этого Божественного видения, критский разбойник согласился удалиться с Крита, причем, как говорят отцы скита, турецкий правитель, чтобы убедиться в том, что тот окончательно удалился с Крита, лично сопровождал его до самого Афона.

Когда разбойник достиг пристани в Дафни, он потребовал тотчас отвезти его в скит Святой Анны. Прибыв в скит, он не захотел подчиниться никому из старцев, но просил, чтобы его

[1] Не приспособленные к войне в горных условиях турки, постоянно подвергавшиеся нападениям греческих партизанских отрядов, для борьбы с ними были вынуждены создавать отряды из греческих наемников, называвшихся арматолами («вооруженные воины»). Партизаны назывались клефтами («воры, разбойники»). Но греки не всегда добросовестно воевали со своими соплеменниками, и часто случалось, что такие греческие боевики неоднократно переходили из одного лагеря в другой. Впоследствии те и другие стали основными силами, совершившими Греческую национально-освободительную революцию 1821 года.— *Пер.*

сделали монахом, назвали Анной и дали возможность поселиться рядом с храмом Святой Анны!

Отцы скита созвали собрание и сказали разбойнику, что имя Анна женское и мужам его не дают. С этим он согласился, и тогда его постригли в монахи, назвав при постриге Иоакимом, и дали помещение при храме Святой Анны, сразу за усыпальницей скита. Там он подвизался один, пользуясь руководством и советами всех отцов, которым оказывал великое послушание, перед всеми смиряясь.

На этом месте отец Иоаким пробыл более пяти лет, а потом для большего безмолвия перешел оттуда в одну пещеру недалеко от скита. Отцы носили ему туда хлеб и сухари. Там он выдержал суровую борьбу с искушениями и соблазнами видимых и невидимых демонов и показал такое великое терпение и стойкость, как если бы был старым и опытным монахом.

Такую же великую стойкость отец Иоаким обнаружил зимой к холоду, а летом к жаре. Однажды, как рассказывают отцы, выпало много снега, более метра, так что все было под его толстым покровом. Старцы каливы Сретения замесили и испекли свежий хлеб и отнесли его и в пещеру геро-Иоакима. Не найдя его там, они отправились на поиски и, когда звали его, вдруг услышали голос старца. Раскопав снег в этом месте, отцы обнаружили его сидящим на камне и спокойно молящимся. Ворча, он сказал им, что они испортили ему такое великолепное безмолвие и еще лишили тепла, которое он имел, находясь под снегом.

Со многими лишениями и злостраданиями, но и с истинным покаянием отец Иоаким прожил в скиту Святой Анны двадцать пять лет, с 1890 по 1915 год. Он часто причащался Честных Даров, Тела и Крови Владыки Христа, постоянно

молился и не пропускал ежедневные службы и общие молитвы.

По-видимому, геро-Иоаким был наделен от Господа многими духовными дарованиями, среди которых был дар пророчества и предвидения. Когда однажды в его каливу зашли три русских паломника, чтобы с ним познакомиться и попросить его святых молитв, он в качестве благословения вручил им подарки: одному дал три боба, другому — немного ладана, а третьему — цветок. Когда русские ушли, отцы спросили его, что означают предметы, которые он им дал. Старец ответил: «Первому я дал три боба, потому что он станет монахом, второму дал ладан, потому что, когда он возвратится домой, найдет своего отца уже умершим, а третьему дал цветок, потому что, когда он вернется в мир, женится и отдаст этот цветок той женщине, которую возьмет в жены». И в самом деле произошло так, как предсказал геро-Иоаким.

После этого прошло немного времени, и старец, не слишком тяжело заболев, предсказал свою скорую кончину. А через три дня он почил от этой болезни о Господе, сподобившись преподобнической кончины, чтобы переселиться от земных к небесным и вечно пребывающим Божественным скиниям.

* * *

Чтобы поистине блаженная душа монаха Макария Григориата не была предана забвению, мы выносим ее на свет слова, освещая, с одной стороны, дивные дела Божественного Промысла, а с другой — ее глубочайшее покаяние.

Я познакомился с приснопамятным старцем Макарием во время своих частых посещений монастыря Святого Григория, когда он проходил послушание архондаричного

в гостинице. Как драматична его история! Каковы злоключения, имевшие счастливый и спасительный конец!

Старец Макарий пришел на Святую Гору в 1922 году. Он был пострижен в монахи во время игуменства папа-Георгия. Заболев, получил благословение поехать в Фессалоники для лечения. Будучи молодым и неопытным в различении козней лукавого, отец Макарий, поддавшись уговорам своей матери, приехал в Афины. Там, не понимая своей духовной немощи и неопытности, а также многих опасностей, подстерегающих монаха в миру, мало-помалу уступая, он дошел до того, что отрекся от монашества и снял с себя монашескую схиму. В скором времени после этого он женился и имел одного ребенка.

Но все девять лет жизни монаха Макария в миру были исполнены скорби, горечи и смятения. Он никуда не мог скрыться от упреков совести, несмотря на свое богатство и внешнее благополучие. Однажды отец Макарий был со своим четырехлетним ребенком и, снимая рубашку, услышал громкий голос сына, смотревшего на него с удивлением: «Папа, я тоже хочу иметь такие красные буквы, как у тебя». Что же произошло? Ребенок своими чистыми глазами увидел у него на груди неизгладимые буквы монашеской схимы. Ибо монашеский образ и постриг — это несмываемая печать. Отец Макарий был потрясен. Он принял решение, как бы это ни было болезненно, возвратиться в монастырь своего покаяния.

На Святую Гору он прибыл в июне 1934 года. Новый игумен папа-Афанасий, высокоглавый дуб добродетели, послал его в Карею к духовнику папа-Дорофею, где он пребывал три с половиной года. Кто может описать подъятые им труды, покаяние и усердие в налагаемых на него разнообразных послу-

шаниях по возвращении в монастырь! Трудился отец Макарий весьма сурово. Он возвел десять стен в саду монастыря со ступеньками[1], сокрушил скалу в высохшем русле, засыпал русло землей и насадил там оливковые и апельсиновые деревья и виноград. Он всегда был немногословным и погруженным в размышления, часто вздыхал и никогда не смеялся. Нередко он сидел склоня голову и говорил: «Горе мне!». После своего возвращения он прожил в монастыре сорок лет — сорок лет глубочайшего покаяния и сердечного сокрушения! Господь сподобил его христианской кончины, безболезненной, непостыдной, мирной и доброго ответа... Он заболел, был отправлен в Фессалоники на лечение и по дороге почил в машине, водитель которой ощутил в этот момент необыкновенное благоухание.

* * *

Мы стали свидетелями недавнего большого пожара, истребившего примерно треть лесов Афонского монашеского полуострова. Такого пожара никогда не было в истории Святой Горы. Я узнал, но не смог, к сожалению, проверить этой информации, что этот разрушительный пожар был предсказан преподобным Нилом Мироточивым, причем даже то, что он продлится четырнадцать дней.

Старые отцы Святой Горы считают этот пожар знамением, поскольку он имел огромную протяженность и бушевал в течение многих дней, притом что в его тушении были задействованы не только монахи, но и пожарники, войска, инженерная техника. Несмотря на все молитвы и крестные

---

[1] Чтобы на крутом склоне можно было что-либо сажать, его поверхность выравнивают, возводя вдоль него стены и засыпая между ними и склоном привозимую землю. Такие ступенчатые сады во множестве встречаются на Афоне.— *Пер.*

ходы, несмотря на то что по всей Греции шли дожди, на Афоне не упало ни одной капли, и мало того, сильнейшие ветры еще более усиливали разбушевавшуюся стихию.

Почтенные отцы утверждают, что в прошлом во время отдельных пожаров, как только совершался крестный ход со святыми мощами, пожар угасал — либо от непосредственного выпадения дождя, либо от сильного встречного ветра — помощью и заступничеством Пресвятой Богородицы. При этом они ссылаются на конкретные пожары в различных районах Святой Горы. И в данной ситуации, естественно, в сердце возникает вопрос: почему Пресвятая Владычица наша Богородица, Покровительница Святой Горы, оставила Свой Сад упорному буйству огненной стихии?

Этот вопрос остался бы без ответа, если бы мы не посетили древних, убеленных сединами старцев, малограмотных по мирским понятиям, но просвещенных разумом от Бога, которые сказали нам:

— Некоторые говорят, что это испытание, но мы говорим, что это наказание для вразумления. Мы согрешили, предались беззакониям, оскорбили монашеский образ и потому нуждаемся в покаянии, сокрушении и слезах.

Другие же сказали, что пожар — это провозвестник страшных грядущих событий.

* * *

Во время сильной засухи старец сказал:

— Если мы не упадем на колени и не будем в течение Страстной седмицы плакать и каяться, Бог не прекратит Своего гнева...

СЛОВО О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

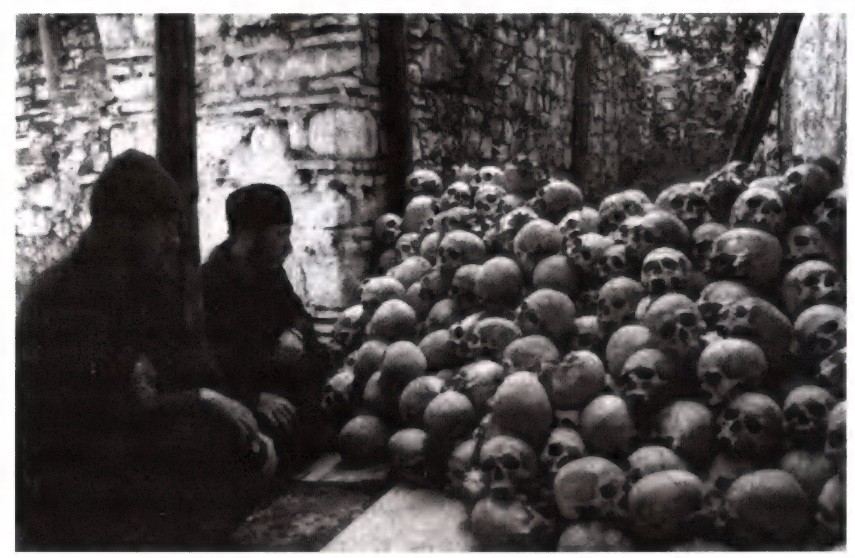
В XVII веке в безводной каливе северной оконечности скита Святой Анны после смерти пустынника Дамаскина подвизался старец Харалампий. Это был мужественный воин Христов и неусыпный делатель памяти смертной. Каждый день после повечерия он ложился на носилки для покойников, клал себе под голову камень, скрещивал на груди руки, как у покойников, и говорил себе примерно так:

— «Нет больше геро-Харалампия. Он умер и не будет больше беспокоить нас своей болтовней,— скажут отцы.— Бог да простит его душу». Но ты, несчастная, что будешь теперь делать? Как ты предстанешь пред Судией?.. *И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?*[1]

Такие и подобные слова произносил старец каждый день и безостановочно плакал. Так он бодрствовал почти до утра, пока наконец не говорил себе: «Придите, поклонимся и припадем Цареви нашему Богу...». Этими словами он призывал свои ноги, руки, уши, ум и все силы души к поклонению Богу, Его славословию и благодарению.

---

[1] 1 Пет. **4**, 18.

Память смертная...

* * *

В конце своей жизни карульский подвижник старец Филарет попросил своего соседа и сподвижника отца Гавриила, чтобы тот пришел к нему с киркой и лопатой.

— Ну вот, брат, конец приближается, и я должен приготовиться к путешествию. Сотвори любовь, давай отойдем немного от моей каливы...

С великим трудом он поднялся, и они пошли. Когда отцы достигли одного места, где среди скал было немного земли, старец Филарет лег на землю.

— Здесь будет моя могила. Сними мерку и копай, чтобы она уже была готова.

Отец Гавриил с простотой отметил на земле размеры и выкопал могилу. Примерно через неделю любитель пустыни и добродетели Филарет ушел из этого временного мира.

* * *

Монах Хризостом Дионисиат написал на столике в своей келье:

«Скоро я умру.

Что я должен сделать?

1. Призвать игумена и исповедаться.

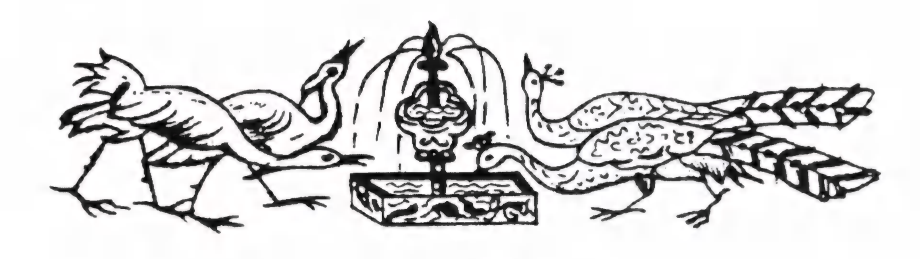
2. Попросить у всех прощения.

3. А затем? Затем предать себя на милость Божию».

* * *

Был один русский монах старец Тимофей, почивший в 1848 году. Вся его жизнь была непрестанной молитвой. Своей кельи у него не было, ею была для него церковь. Каждый день старец совершал 300 поклонов на коленях и 1200 стоя. Весь день он читал Апостол, Евангелие, акафисты и Добротолюбие. В течение четырнадцати лет отец Тимофей нес подвиг молчальничества и не проронил за это время ни слова. Молчание свое он мог прервать только ради послушания.

СЛОВО ОБ УМЕ И ПОМЫСЛАХ

Один современный делатель умного трезвения говорил:

— Если мы посадим ребенка в кондитерской, которая будет окружена пропастью, и откроем все двери и окна — можно не бояться, что дитя разобьется, потому что оно будет поглощено конфетами и прочими сладостями. Так и ум: где услаждается, там и пребывает. Поэтому постоянно будем давать ему духовную работу.

* * *

Старец сказал:

— Я вижу, что молодежь сегодня совершает столько беспорядков, чтобы насладиться удовольствиями, в то время как в духовной жизни они наслаждались бы Божественными удовольствиями гораздо больше. Но кто-то скажет: «Да ладно, ты говоришь нам о рае и т. п., но мы не знаем, существует ли он». Так ведь и в этой жизни можно в немалой степени приобщаться райской радости, причем не на минуту или десять минут, и даже не на десять дней или на год, а постоянно. Человек уже в этой жизни может переживать веселье, часто спрашивая себя, есть ли в раю нечто лучшее, чем то, что он испытывает здесь. Молодежь сегодня думает, что чем-то наслаждается. Они очень похожи на детей голодного времени, которые находили еду, выброшенную солдатами во время оккупации, и

сосали ее, думая, что наслаждаются, хотя она была испорченная и никуда не годная.

* * *

Жил на Святой Горе один русский диакон по имени Макарий, иконописец и совершенный послушник. Он достиг такой меры добродетели, что надевал на свою голову коробку, чтобы ум не убегал от единения с Богом.

* * *

Один старый монах из скита Святой Анны рассказывал нам:

— Отцы, жившие до нас в пещерах выше геро-Дамаскина, наслаждались сердечной молитвой и высокими созерцаниями. Когда я был помоложе, я поднимался по обрывистым скалам в эти пещеры и видел там треножники, на которых они полагали книги для чтения. Там можно было увидеть высоту монашеского жительства и научиться ему. Все они хранили послушание, отсекали свою волю и свои желания, учились распознавать козни врага. Во время молитвы они воспаряли духом, услаждаясь сладчайшим именем Господа нашего Иисуса Христа. Некоторые из них питались желудями и, достигая высот бесстрастия, прятались от всех отцов скита. Всеблагий Бог даровал святость этим отцам, угождавшим Ему и исполнявшим Его волю. Поэтому с того времени этот район называется Святым местом.

Многие миряне жалуются нам, что, когда они приходят на церковные службы, их ум витает там и сям. Здесь должно научиться на примере из мирской жизни: когда они в течение многих дней путешествуют на корабле, борясь с волнами,

думают ли они о каком-нибудь другом удовольствии, кроме того, чтобы увидеть место или лицо, к которому стремятся? А теперь пусть сравнят ничтожность этого места или лица с таинством, где в жертву приносится Сын и Слово Божие, которое совершается в храме с одной-единственной целью — научить христиан всей душой переживать эту тайну.

Христианин, и прежде всего монах, должен пребывать в единении с Богом. Во время разлучения души от тела кто-то увидит святых Ангелов, держащих фиалы, полные райских благоуханных цветов. Но это увидят лишь те, кто всю свою жизнь находился в единстве с Троичным Богом. Те же, кто имел мирские и суетные мысли во время Божественной литургии, хотя и увидят эти прекрасные фиалы, однако лукавые и завистливые демоны помешают им насладиться ими, говоря святым Ангелам: «Эти люди во время священных собраний скучали на страшном таинстве Божественной литургии и помышляли о своей работе и о мирских удовольствиях. Итак, поскольку они не потрудились в созерцании Бога, не вкусили духовных радостей, когда находились в теле, и даже в конце своей жизни не покаялись, они не имеют права вкушать из сосудов с благовонными ароматами сладчайшее вечное созерцание».

Тогда эти люди, видя, что лишились блаженства за непослушание Евангельскому Божественному закону, будут вечно сокрушаться: «Горе нам, из-за малого нерадения мы лишились вечной радости и наслаждения!».

По словам преподобного Феодора Студита, «мы погибли» будут говорить и те монахи, которые попрали свои обеты, данные ими при принятии ангельского образа, и презрели его, побежденные суетностью этого мира.

* * *

В Иверском монастыре однажды служащий священник кадил священноначалие монастыря в их стасидиях. Одного проистамена[1] он прошел, не покадив его. После отпуста Божественной литургии этот священник был вызван для объяснений. Он же сказал, что когда дошел до стасидии этого старца, то нашел ее пустой!

Тогда отцы позвали того старца и рассказали ему о случившемся.

— Отец проистамен, будь внимателен, потому что служивший священник — человек простой и говорит то, что видел.

Тогда старец, умилившись, сказал:

— Священник прав, потому что я, телом находясь в своей стасидии, умом отсутствовал и пребывал на монастырском подворье, находящемся в миру.

* * *

Один подвижник говорил:

«Будь внимателен, монах, пребывающий в безмолвии, чтобы твой ум не оставался в праздности. Размышляй о пчеле, которая символизирует сердце, всегда стремящееся к различным добродетелям, как к душистым цветам. Утверждаясь в любви к Богу и ближнему (а ближний для тебя — это ум), храни свой ум в сердце, символом которого является улей. Преподобный Никодим говорит, что у святых отцов сердце было подобно сосуду с медом, и ум их ненасытно вкушал мед непрестанной молитвы. А молитва, подражая пчелиной матке, воюет с трутнями и убивает их. Трутнями же

[1] Происта́менами (предстоятелями) называются члены собора старцев. Игумен с собором старцев составляют высшую власть монастыря.

являются находящие страсти...». Эти мудрые слова он писал своему ученику на Святой Горе, уже будучи старцем и опытным афонским подвижником.

* * *

Много лет назад в небольшой комнатке рядом с усыпальницей скита Святой Анны жил иеромонах Матфей, который молился непрестанно.

Однажды папа-Матфей услышал в усыпальнице какой-то шум. Он открыл дверь и увидел множество прекрасных юношей, из которых одни брали кости и куда-то их уносили, а другие, напротив, приносили кости и клали их в костницу.

Старец изумился. Его недоумение разрешил один из этих светлых юношей:

— Чему ты удивляешься, папа-Матфей? — сказал он ему.— Мы Ангелы Божии и получили распоряжение от Божией Матери делать то, что ты видишь. Мы переносим сюда кости тех людей, которые постоянно переносились умом на Святую Гору и мечтали окончить здесь свой земной путь, но не смогли. Мы делаем это для того, чтобы они воскресли здесь во Второе Пришествие Господне. Другие же кости, переносимые нами, как ты видишь, отсюда в мир, принадлежат тем монахам, которые своим телом находились здесь, а умом пребывали в миру, желая поддерживать отношения со своими родителями и другими мирянами. Поэтому в день Суда они воскреснут не на Святой Горе, а в миру.

* * *

Старец Иосиф Исихаст (Пещерник) вырезал кресты. Это было его рукоделием. Но при этом он не стремился к особому изяществу. Когда его спросили, почему он в рукоделии предпочитает простоту, он ответил:

— Наша цель состоит в том, чтобы этим простым трудом покрыть свои жизненные потребности. Если бы мы хотели изготавливать более тонкие изделия, мы были бы вынуждены иметь больше попечений. Кроме того, интерес людей к нашим произведениям стал бы для нас еще одной дополнительной помехой для безмолвия. Следствием всего этого стало бы рассеяние ума, который отвлекался бы от памятования о Боге. Если монах не может удерживать ум в памятовании о Боге, он не должен продолжать свое рукоделие, потому что это означает, что так он вредит своей монашеской жизни.

Христос приравнял по последствиям и по жребию многопопечение к объедению и пьянству[1]. Представьте себе: мы, умирающие здесь от голода (поста), потерпим равную неудачу с чревоугодниками и пьяницами. Потому что все три эти вещи влекут за собой отягощение и ожесточение сердца и, следовательно, наше отпадение.

Его слова напоминают слова древних подвижников и отцов, которые имели простые и незатейливые, не требующие многих попечений рукоделия.

* * *

Один великий современный исихаст, который по причине болезни был вынужден на несколько дней выехать в мир, говорил мне:

— Когда я вернулся на Святую Гору, прошел целый месяц, пока я сумел собрать свой ум и от блуждания и парения привести его к молитве.

---

[1] *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно* (Лк. **21**, 34).

СЛОВО О БОЖЕСТВЕННЫХ ВИДЕНИЯХ

В ангельский чин монашествующих по временам вступали и лица, занимавшие высокое политическое или социальное положение в обществе, например цари, царицы, их наследники, князья и княгини.

Преподобный Павел Ксиропотамский был сыном императора Михаила Куропалата[1], который, будучи не в силах видеть несправедливости и бесчинства людей своего времени, отказался от власти и стал монахом. Матери преподобного, дивной Прокопии, до рождения сына было явлено некое откровение. Она видела, как на снопе пшеницы родила ягненка мужеского пола. По рождении на него напали два льва, которых агнец отразил Честным Крестом и умертвил их. Два льва означали диавола и мир, которых победил святой, этот кротчайший и мужественный агнец Христов. Своими медоточивыми словами он напитал многие души, как бы давая им снопы духовной пшеницы и хлебы благодати.

* * *

Когда преподобный Григорий Синаит удалился со Святой Горы, вслед за ним отправился в путь и его ученик Марк Простой. Покидая Святую Гору, он вдруг услышал голос и обер-

---

[1] Михаил Куропалат (Ранкавей) — византийский император (811–813), отличавшийся миролюбием и богобоязненностью.

нулся посмотреть, кто его зовет. Тогда он увидел странные и удивительные вещи. Вся Святая Гора от одного края до другого была застроена и выглядела как одна высокая крепость с огромными башнями. За стенами крепости возвышались золотые палаты, прекрасные и величественные, в которых восседала Царица Небесная, Пресвятая Богородица, а бесчисленные лики Архангелов, Ангелов и монахов непрестанно воспевали Ее.

* * *

Преподобный отец наш Антоний Русский Есфигменит[1] жил в XI веке. Оказавшись в Константинополе, он встретился там с афонскими монахами, произведшими на него большое впечатление своей добродетелью и благоговением. Узнав от них о высоте монашеского жительства, Антоний пришел на Святую Гору и поступил в послушание к игумену монастыря Есфигмен. После трехлетнего испытательного срока он был пострижен в монашеский образ. Небесное видение убедило его старца послать Антония в Россию для пользы многих душ и устроения равноангельного жительства, которое было неизвестно в этой бескрайней и только что обратившейся ко Христу стране[2]. И действительно, преподобный Антоний по молитвам афонских преподобных отцов и братий основал в окрестностях Киева монастырь, игуменом которого назначил преподобного Феодосия.

---

[1] Здесь имеется в виду преподобный Антоний Киево-Печерский, родоначальник русского монашества. Согласно афонскому преданию, до основания Киево-Печерского монастыря он подвизался в пещере неподалеку от монастыря Есфигмен.

[2] Это не совсем так, потому что на Руси монастыри начали появляться еще со времени Крещения (первый из них был основан митрополитом Михаилом), а во время прихода в Киев преподобного Антония их насчитывалось уже несколько десятков. Но Киево-Печерский монастырь стал самым значительным по духовному преуспеянию монахов, и в этом смысле его можно считать колыбелью русского монашества.— *Пер.*

* * *

В притворе кириакона скита Кавсокаливия есть фреска, изображающая преподобных отцов, которые подвизались в этом месте, преклоняющих колени перед Святой Троицей и молящихся за всех святогорских монахов.

Иконописец вдохновился на написание этого образа видением преподобному Акакию: он видел преподобного Максима Кавсокаливита в священническом облачении, кадившего в кириаконе во время богослужения, за которым следовали сорок величественных отцов.

* * *

Когда преподобный Дионисий Олимпийский подвизался на Святой Горе и трудился на строительстве своей небольшой церкви, его посетил один знакомый монах. Он увидел двух людей, которые помогали преподобному, брали камни и несли их туда, где работал святой. Когда монах приблизился и поприветствовал его, эти двое незаметно исчезли. Недоумевая, посетитель спросил у преподобного, кто были эти двое и куда они ушли. Тот ответил, что с ним не было никого, кроме Бога. Тогда этот монах понял, что Господь послал Ангелов в образе людей, чтобы они помогали преподобному в его деле, и прославил дивный Божественный Промысл.

* * *

Множеством Божественных откровений исполнено благословенное житие преподобного отца нашего Космы Зографского, имевшего болгарское происхождение. На Святую Гору он пришел в 1280 году. Пожив немного в общежительном монастыре Зограф, он перешел на безмолвие в расположенный неподалеку аскетирий. Там преподобный испы-

тал множество демонских нападений и удостоился дара проницательности и прозорливости. Он видел душу игумена монастыря Хиландар, мучимую демонами. Видел он также в монастыре Ватопед на праздник Благовещения Пресвятую Богородицу, помогавшую в церкви и на трапезе.

Когда святой однажды захотел немного рыбы, орел похитил рыбину из улова некоего Христофора и принес ему.

На погребение святого собрались животные со всех окрестностей, земные и небесные, которые после погребения прокричали каждый своим голосом, как бы желая отдать этому благодатному подвижнику последнее целование. Достоин удивления тот факт, что, когда хотели поднять его мощи, в месте захоронения их не оказалось.

* * *

В Великой Лавре подвизался благоговейный мирянин Григорий Доместик. Однажды на всенощном бдении[1] в канун Богоявления он пел на Литургии «О Тебе радуется...». В конце бдения, задремав, он увидел Пресвятую Богородицу, которая стояла над ним и говорила: «Возьми плату за пение, Доместик. Я тебе очень благодарна». При этом Она дала ему золотую монету, которая и ныне висит на иконе Богоматери.

* * *

Когда однажды преподобный Евфимий, основатель Иверского монастыря, на праздник Преображения служил Литургию на вершине Афона, всех присутствовавших осиял небесный свет, который заставил их пасть ниц, потому что они не могли вынести его силы.

[1] Бдение на Афоне длится всю ночь, оно начинается вечерней и заканчивается Божественной литургией.

* * *

«Не скорби, твое имя написано в книге жизни», — сказал Господь очень простому и обладавшему даром прозорливости старцу Аверкию из Нового Скита, явившись ему однажды в кириаконе во время бдения.

* * *

Знаменитый духовник скита Святой Анны папа-М. однажды послал своего послушника с каким-то заданием. Проходя мимо кириакона скита, послушник увидел некую старицу, которая подметала кириакон и двор. Этой старицей была не кто иная, как праведная Анна, Матерь Пресвятой Богородицы.

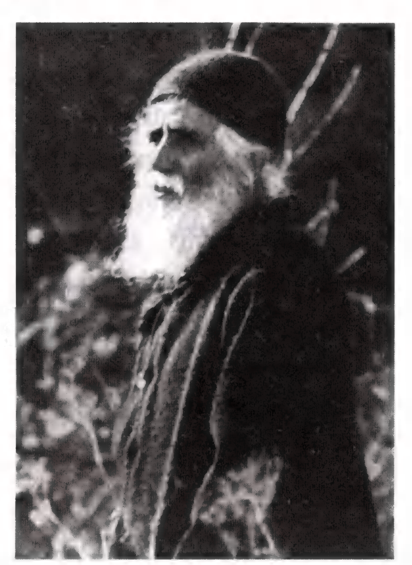
* * *

Уважаемый монах Феоклит Дионисиатский как-то рассказал мне, как однажды он отправился к обладавшему дивной душой и библейским обликом русскому пустыннику папа-Тихону. Подходя к его аскетирию, он услышал божественной красоты пение. Подумав, что совершается Божественная литургия, он решил подождать снаружи, пока она не закончится. Наконец, когда он вошел, то нашел в церкви одного папа-Тихона, который в этот момент причащался Святыми Дарами (он хранил у себя Святые Дары весь год и часто причащался ими). Отец Феоклит был поражен и недоумевал, что это было за пение, которое он только что слышал...

* * *

Незадолго до блаженного успения пустынника папа-Тихона ему служил его ученик и послушник приснопамятный старец Паисий. Это был канун праздника Рождества Богородицы, 8 сентября. Отец Паисий посетил старца в его келье.

— Ты святой Серафим? — спросил его лежавший на смертном одре папа-Тихон.

Старец Паисий, обладавший даром утешения

— Что вы говорите, отче? Я вас не понимаю.

— Вот, — сказал он тогда, — только что здесь были преподобный Серафим с Пресвятой Богородицей, и мы беседовали.

— Что вам сказала Пресвятая Богородица? — спросил его отец Паисий.

— Она сказала, что заберет меня после Своего праздника.

И действительно, 10 сентября, вскоре после праздника Рождества Пресвятой Богородицы, папа-Тихон почил в мире с крестом в руке. Незадолго до кончины отец Паисий поднес к носу старца веточку базилика, чтобы тот ощутил запах.

— Прекрасно пахнет, отче, — сказал он.

— Да, чадо мое, но рай пахнет куда как прекраснее!..

* * *

Когда преподобный Силуан Афонский, новоявленный русский святой, был новоначальным послушником и подвизался на мученическом поприще демонских прилогов, в один из дней он пришел в крайнее отчаяние и сказал: «Бога невозможно умолить!».

Вместе с этим помыслом преподобный ощутил полную богооставленность. Душа его погрузилась во мрак страшного тягостного состояния. Когда, однако, он пришел в храм Святого пророка Илии (который находится на мельнице русского Свято-Пантелеимонова монастыря), справа от Царских врат

в иконе Спасителя ему явился живой Христос неописуемой красоты. Все его существо, и душа, и тело, исполнились света благодати Святаго Духа.

В изнеможении от такого видения преподобный упал на землю, а Господь стал невидим. Состояние, в котором тогда находился святой, невозможно было описать, как он сам затем об этом рассказывал. Восхищение духа на небо, слышание неизреченных глаголов[1], рождение свыше (см.: Ин. **1**, 13; **3**, 3)... В это время умиротворяющий взгляд Христа, всепрощающий, безмерно любящий, исполненный смирения и радости, притягивал к себе все его существо. От лицезрения Божества и от вкушения Его сладкой любви его душа вышла за пределы этого мира.

После этого богоявления, в котором душа святого познала свое воскресение в свете истинного и вечного бытия, преподобный Силуан пребывал в состоянии пасхальной радости. Все было прекрасным: мир был величествен, люди приятны, природа прекрасна, тело легко, слово Божие сладко, бдения желанны, душа милостива ко всему миру...

* * *

Как-то раз один добродетельный монах видел, как Пресвятая Богородица подметает двор Великой Лавры. Вскоре после этого султан выдал фирман[2], согласно которому турецкое войско должно было оставить Святую Гору. Это было в 1828 году.

* * *

Благодатным и усердным подвижником был старец Евлогий из келлии Фанеромену. Если в отношении с другими

---

[1] См.: 2 Кор. **12**, 4.

[2] Грамоту.

он проявлял снисходительность, то к себе был строг и неумолим. В течение тринадцати лет он не позволял себе вкушать масло, поскольку так был воспитан самим Хаджи-Георгием.

На престольном празднике келлии Святой Троицы, служа на кухне, отец Евлогий видел двух демонов, сидящих на тарелках и лижущих остатки пищи. Ради праздника на трапезе было предложено мясо[1]. Но их старец, великий постник Хаджи-Георгий, учил совсем по-другому. Чтобы остальные убедились в том, что преступили его наказы, и чтобы поверили случившемуся, он «связал» демонов и позвал всех посмотреть на них. Братия увидели и поразились. В страхе они попросили прощения у истинного ученика великого Хаджи-Георгия.

* * *

В 1894 году в монастыре Дионисиат жил один достойный монах старец Иаков. Это был человек добродетели и строгого подвига. Однажды, когда он находился в состоянии полусна во время обычного перерыва между утреней и Божественной литургией, ему показалось, что он находится во дворе, позади святого алтаря. Старец увидел, что вся братия монастыря (около сотни человек) собрана здесь в образе молотой пшеницы, а из храма с деревянной лопатой (веялкой) в руках выходит Честной Предтеча, покровитель и заступник их обители.

И вот он видит, как святой Предтеча начинает веять всех монахов, как пшеницу, и одни из них падают вниз, как плод, а другие (и добрый старец плакал о них) рассеиваются, как солома, и увлекаются ветром в море. Когда просеивание закончилось, плодоносные монахи, встав, положили поклон Честному Предтече, а он снова вошел в храм.

---

[1] В периоды упадка в некоторых святогорских особножительных монастырях и келлиях ели мясо. — *Пер.*

* * *

Один пустынник рассказывал своему брату:

— Брат и отец мой, я не знаю как, но я, недостойный, сподобился причастия от Ангела Господня. Вначале я видел свет, а потом пришел Ангел, держа в руках Святые Дары. Как это произошло, не могу понять...

* * *

Монастырь Дионисиат имел подворье Возина на полуострове Халкидика[1]. В 1919–20 годах экономом[2] там был старец Нифонт, а его помощником — отец Лазарь. Однажды на подворье пришел один местный житель с двумя бурдюками масла примерно по 80 ока[3] каждый, погруженными на мула, и передал их отцам.

— Мой отец, — сказал он, — умер месяц тому назад. Три раза подряд я вижу его во сне, как он кричит мне: «Чадо мое, Яннис, наполни два бурдюка маслом и отдай эконому из Дионисиата. Дай ему также и большой масличный сад на границе между нами и подворьем, потому что я взял его себе, а он принадлежит монастырю. Сделай это неотлагательно, чтобы обрела покой моя душа, потому что я очень мучаюсь...».

* * *

Старец Иосиф Исихаст, почивший в мире в 1959 году, в начале своих аскетических подвигов во время усладительной умной молитвы видел изумительное видение. Вот как он сам его описывает:

---

[1] Полуостров Халкидика, расположенный в греческой Македонии, включает в себя три полуострова: Афон, Ситонию и Кассандру.— *Пер.*

[2] Эконом — это монах, ответственный в монастыре за питание и все хозяйственные дела.— *Авт.*

[3] Примерно по сто килограммов.— *Пер.*

— Будучи погружен в себя и предаваясь молитвенной сладости, я внезапно исполнился света — не такого, конечно, как видимый свет дня. Свет этот затем усилился настолько, что все вокруг обратилось в свет. Внезапно передо мной явились три отрока шести-восьми лет, которые были схожи между собой внешним видом и всеми чертами, так что нельзя было выделить чего-то свойственного лишь одному. Они выглядели столь благодатными и прекрасными, что лицезрение их пленило все мои чувства. Я не испытывал ничего, кроме изумления. Они находились на небольшом расстоянии от меня, в нескольких метрах, и приближались ко мне одинаковыми шагами, в едином движении. Все их движения и черты выглядели так, как будто передо мной было одно существо, и, однако, их было трое. При этом они пели сладчайшими голосами: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуия». И вот они вплотную приблизились ко мне, так что я, казалось, мог бы коснуться их, если бы протянул руку; затем начали отступать назад в том же порядке, не поворачиваясь спиной и продолжая пение своего гимна. На слове «аллилуия» они благословили меня своими ручками, как это делает священник.

* * *

После долгих молитв и многих слез (!), как рассказывал нам уважаемый приснопамятный исихаст папа-Ефрем Катунакский, он имел извещение, что почившие наставники, его духовный отец старец Никифор и первый его старец Ефрем, обрели спасение.

* * *

Старец сказал:

— Монахи недоверчивы к видениям.

СЛОВО О ПРЕПОДОБНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЕ

Преподобный отец наш Павел Ксиропотамский был чудотворцем. Он исцелил царя Романа Старшего в Константинополе, страдавшего смертельной болезнью, принял от него в подарок часть Животворящего Креста и на царские деньги восстановил монастырь Ксиропотам[1]. Когда приблизилась кончина святого, лицо его просияло, как солнце, и от этого сияния все присутствующие пали на землю.

Таким ярким светильником добродетели, жертвенности и пустыннолюбия был преподобный Павел, строитель двух царских монастырей.

* * *

В монастыре Ватопед жил и тот преподобнейший просмонарий[2], слышавший голос от иконы Пресвятой Богородицы, Которая сказала ему о том, что он проживет еще один год и должен готовиться к расставанию с этой временной

---

[1] О существовании монастыря Ксиропотам («Сухоречный») источники упоминают уже в V веке. Позднее он был разорен арабами и заново восстановлен в X веке преподобным Павлом, получившим прозвание Ксиропотамского.

[2] Просмонарий значит «бессменно ожидающий» — это монах, который дежурит у почитаемой иконы монастыря. В его обязанности также входит следить за церковью, возжигать в ней лампады и рассказывать о ней гостям.

жизнью. Накануне своей кончины он вновь слышал голос, что пришло ему время отойти ко Господу.

* * *

К сожалению, ничего не сохранилось из многочисленных наставлений о священном безмолвии старца Дамаскина из Святой Анны, потому что не нашлось человека, который записал бы то, чему учил старец. А свою земную жизнь закончил он так.

Было время Великого поста, 6 марта, и по древним традициям никто не выходил из своей каливы. Геро-Дамаскин, получив извещение от Бога, что настал последний день его земной жизни, послал за послушником отца Мины, геро-Онуфрием, который, придя, увидел его плачущим.

— Что с тобой, геро-Дамаскин, почему ты плачешь? — спросил он его.

— Геро-Онуфрий, я тебя очень прошу, возьми эту книгу преподобного Ефрема и храни ее, потому что я умираю нераскаянным.

Геро-Онуфрий в недоумении сказал ему:

— Геро-Дамаскин, столько лет ты в безмолвии, столько людей благодаря твоим поучениям спаслись и достигли святости, и ты говоришь, что ты не покаялся?

— Да, геро-Онуфрий, я не покаялся, потому что я должен был умереть послушником старца Мины и быть сокрытым в каливе и неизвестным для людей, ведь похвалы являются препятствием к спасению для истинного монаха.

Геро-Онуфрий спустился в каливу к отцу Мине и рассказал ему обо всем. Тотчас же они поднялись вместе в каливу

геро-Дамаскина и нашли его уже умершим. Совершив погребение, они вернулись в свою каливу.

Как только они пришли, отец Мина сказал:

— Меня лихорадит.

И 9 марта, на память сорока мучеников, и отец Мина перешел от временного жития к вечному, тоже сподобившись преподобнической кончины.

* * *

Жизнеописатель преподобного Никодима Святогорца иеромонах Евфимий пишет о преподобнической кончине святого следующее:

«В эти дни для него совершили все необходимое для исхода из жизни сей, то есть полную исповедь и елеосвящение, а также ежедневно приобщали его Пречистых Таин. А тринадцатого июля ему стало хуже, и он был очень удручен. И, не будучи в состоянии творить молитву в уме, он произносил ее вслух. И все говорил и говорил братиям: "Простите меня, отцы мои. Изнемог ум мой и не может уже творить молитву, и поэтому говорю ее вслух. И жизнь моя пришла к концу, но благий Бог да вознаградит труд любви вашей — то, что вы делаете для меня, грешного. И прошу вас, принесите мне мощи святых отцов моих, Макария Коринфского и Парфения, отца нашего духовного". И, обняв мощи, лобызал их, изливая потоки слез и говоря: "Зачем вы, святые отцы, оставили меня сиротой? Вы пришли туда и упокоиваетесь за добродетели, которые исполнили на земле, и наслаждаетесь славой Господа нашего, а я страдаю за грехи свои. Посему прошу вас, отцы мои, умолите Господа, да помилует и меня и да сподобит и меня быть там, где и вы

пребываете". В таких причитаниях он провел весь день, а ночью ему стало хуже. Братия не спали всю ночь, ожидая его исхода, они часто входили и спрашивали: "Учитель, как ты?". И разговаривали с ним самую малость. В шестой же час ночи[1] на вопрос их он ответил: "Умираю, умираю, умираю. Но умоляю вас, причастите меня". И, внутренне собравшись, он причастился Пречистых Таин. По прошествии же немногого времени братия вошли и застали его со скрещенными руками и простертыми ногами и спрашивают: "Учитель, как ты? Обрел ли ты покой?". А он отвечает им: "Я принял в себя Христа — как не обрести мне покой?". И после недолгой беседы он умолк».

* * *

Великий пустынник, затворник, учитель умной молитвы, мудрый советник для многих душ, исихаст Каллиник Катунакский незадолго до своей кончины сподобился Божественного видения: его ожидали преподобные святогорцы, держа в руках свечи. Его лицо светилось от радости, он позвал своего ученика и сказал ему:

— Прошу вас, идите приготовьте церковь, потому что пришли святогорские отцы, чтобы забрать меня. Всю свою жизнь я умолял их и просил об этом даре.

О блаженной кончине этого дивного человека, как и о многом другом, нам рассказывал его ученик старец Христодул, простой, незлобивый, как агнец Божий, делом и словом, который уже преставился от этой жизни.

---

[1] По византийской системе исчисления времени, употребляемой на Афоне и ныне, нулевое время выставляется в момент захода солнца. Значит, шесть часов ночи соответствует по нашему времени примерно полуночи.— *Пер.*

* * *

Когда один монах умирал, в последние минуты своей жизни он призывал Пресвятаго Духа.

— Душе Святый, Душе Святый, Душе Святый, — сказал он три раза и преставился.

* * *

Преподобнической была жизнь, преподобнической была и кончина пустынника Филарета, истинного любителя пустыни и добродетели.

Незадолго до смерти он позвал двух братий из келлии Данилеев, Даниила и Акакия, и, наставив их в делании Иисусовой молитвы и в равноангельном монашеском жительстве, встал и попросил их спеть национальный гимн Афона — «Достойно есть». Старец стоял и со вниманием слушал, как обычно, радуясь и проливая слезы. После этого он обнял их, облобызал Христовым целованием и сказал:

— Братья мои, цветики Пресвятой Богородицы, я уже не увижу вас более своими телесными очами, потому что меня призывает Господь, молитвами Богородицы и святогорских отцов, в Свои небесные обители.

На другой день, когда они пришли к нему, чтобы проведать и взять благословение, он уже лежал со скрещенными руками, которые сам так сложил, в своей деревянной кроватке, с закрытыми глазами, как будто спал обычным сном...

* * *

Старец Иаков Кавсокаливит доживал свои последние дни в Лавре. Но, почувствовав приближение конца, он решил тайно вернуться в свое пустынное жилище, где прожил столько лет, и там упокоиться. Как-то вечером, когда отцы

читали повечерие, он ушел с масляным фонарем. На протяжении всего пути старец просил трех святителей, покровителей своей каливы: «Святители, удостойте меня чести умереть там».

Шел он еле-еле, почти всю ночь. Дойдя до ограды своей каливы, он сразу потушил фонарь. К счастью, его увидели соседи и прибежали к нему. Он переступил порог своей каливы, повторил еще раз: «Святые Иерархи, удостойте меня чести умереть здесь»,— и с миром предал свою душу Богу.

* * *

Когда весьма добродетельный и почти бесприютный аскет Петр почувствовал приближение своей кончины, он отправился попрощаться с пустынными отцами и братиями. «Мы уже не увидимся»,— говорил он старцу Герасиму Гимнографу.

Был канун празднования памяти преподобного Петра Афонского, когда подвижник вернулся в свою келью, храм которой посвящен этому святому.

На праздник собрались и другие пустынники. Он приобщился Святых Христовых Таин. Отцы и братия по случаю праздника во время аскетического угощения пожелали Петру «счастливого рая», он ответил: «Аминь»,— и почил в мире. За несколько дней до этого он ходил в Карею, попрощался со всеми, отдал свое рукоделие, чтобы покрыть расходы на погребение и на служение сорокоуста.

* * *

Преподобнической, но и радостно-пасхальной была кончина общежительного старца Дамиана Симонопетрского. Заранее почувствовав ее приближение, он вошел в храм

с пением «Христос Воскресе» и после четырехдневного жара почил. Это было в 1927 году. Этот старец, похвала общежительной жизни, одну рясу носил пятьдесят лет. У него был деревянный щит. Закрываясь им в углах коридоров, он молился там и там же ложился спать.

* * *

Духовным внуком[1] приснопамятного исихаста Харитона был и монах Харитон Кавсокаливит. Следуя благословенными стопами своего деда, он предал себя деланию и подвигам аскезы, будучи еще молодым монахом. Часто он впадал в состояние духовного восторга в то время, когда вкушал пищу. Его жизнь была непрестанным трезвением и непрестанной молитвой. И смерть его была преподобнической.

Перед кончиной отец Харитон слег в постель и напоследок удостоился одного видения.

— Отец Афанасий,— говорил он своему брату по постригу,— откуда взялось столько маленьких, светлых деток? О, посмотри, как это красиво! Они держат цветы в своих ручонках. Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты сподобил меня увидеть Твоих Ангелов!

* * *

Однажды на Пасху в кириаконе скита Святой Анны произошел следующий чудесный случай.

---

[1] Это означает, что его духовный отец был духовным сыном старца Харитона, который, соответственно, является для него «дедушкой». Система «духовного родства» такая же, как и в миру: постриженники одного старца называются духовными братьями; ученики духовного брата становятся «духовными племянниками». В силу непрерывности духовной традиции старчества монахи на Святой Горе имеют большие «родословные».

Один послушник из каливы Святых Бессребреников во время пения ирмоса «Воскресения день» стал посреди храма и положил земной поклон, как мы делаем, когда собираемся причаститься. Никто не спросил его, почему он это сделал. Была предложена общая трапеза, после которой этот послушник удалился в свою каливу.

Прежде чем зазвонили колокола к пасхальной вечерне, разошлась весть, что брат, положивший поклон, преставился от настоящей жизни! Святогорские отцы верят, что те, кто уходит из этой жизни в день Воскресения, не проходят мытарства лукавых духов. Итак, они ублажили того благословенного послушника, который предузнал о своей кончине или даже имел сильное затаенное желание преставиться в светоносный день Пасхи и потому положил в храме поклон, прося у всех прощения.

* * *

Другой брат тоже преставился на Пасху, в то время, когда отцы пели «Воскресения день». Сей треблаженный стоял в своей стасидии и держал пасхальную свечу, когда его душа, охваченная пасхальной радостью и веселием, отлетела на небеса. Подойдя к нему, отцы нашли его уже упокоившимся. Его погребли в скитской усыпальнице. Причем тело его было мягким, как тесто. Тела всех почивших монахов на Святой Горе не деревенеют, но сохраняют свою гибкость и эластичность.

Достоподражательные души, сподобившиеся преподобнической и пасхальной кончины, молите Бога и о нас, грешных!

* * *

При преподобнической кончине блаженного старца Артемия Григориата присутствовал и епископ Мелитопольский Иерофей.

Незадолго до того как уснуть сном праведных, старец Артемий сидел в глубочайшем умиротворении на своей постели.

— Ухожу, владыка мой, ухожу. Я хочу, чтобы ты помолился обо мне, дабы я обрел милость у Бога,— сказал он.

— Ты поправишься. Мы еще встретимся,— ответил ему владыка.

— Надеюсь, что мы встретимся там, где определит Его Божественная воля, но сегодня сотворите любовь, останьтесь, а завтра поедете. Я хочу иметь твое последнее благословение.

Через два часа, причастившись Пречистых Таин, старец Артемий предал свой дух Богу, говоря: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе».

* * *

Иеромонах Мефодий жил в пустыннической келлии Святого Нила. Он был милостивым до крайности. Никто, зайдя к отцу Мефодию, не уходил от него с пустыми руками. Если бы это было возможно, он мог бы раздать на милостыню и самого себя.

Почил он, как птичка. Легко, как преподобный. Когда монахи его братства читали повечерие и дошли до молитвы: «Святый Ангеле, предстояй окаянней моей души...», благоговейнейший старец попросил:

— Прочти это еще раз, отец Нил. «Святый Ангеле, хранителю и покровителю окаянней моей души... и молися за мя

ко Господу, да утвердит мя в страсе Своем, и достойна покажет мя раба Своея благости».

И там же, где сидел, трижды тихо вздохнув, он предал свой дух.

Поистине преподобническая кончина.

* * *

Один монах спросил старца, прожившего более ста лет:

— Теперь, когда ты уходишь из этого временного мира, что ты чувствуешь?

— Чувствую себя настолько радостным и умиротворенным, как будто собираюсь на брачную вечерю, — ответил он.

Один хороший и добродетельный иеромонах из монастыря Святого Павла почил, находясь вне монастыря. Его нашли сидящим на невысокой скале и благословляющим своей правой рукой!

* * *

Один ныне живущий старец, подвижник по имени Хризостом, сорок лет подвизавшийся в районе Катунак, рассказывал мне:

— У меня был один брат по постригу по имени Вениамин. Он был ревностен к подвигам, и прежде всего к благословенному подвигу послушания. Когда он расставался с жизнью, его лицо сияло. Позже я узнал, что точно во время его ухода из этой жизни одна блаженная, подвизавшаяся в ограде для скота рядом с одним монастырем в миру, сказала: «В эту минуту я вижу послушника на Катунаках, который проходит мытарства. Он увенчан красной лентой, на которой написано: “Ангел восьмого века”».

* * *

13 ноября 1985 года я посетил кутлумушскую каливу Святителя Иоанна Златоуста, где подвизается мой возлюбленный брат старец Моисей, чтобы вместе почтить праздник. Итак, в этот святой день, когда Церковь празднует благословенную память златословесного святителя, мне довелось принять участие в умилительной заупокойной службе, совершаемой по приснопамятном старце Иоанне, которого упокоили в старости братия монастыря Кутлумуш. Блаженный старец, почивший в возрасте 95 лет, за несколько дней предсказывал свою кончину, говоря: «Я хочу умереть в день святителя Иоанна Златоуста, в который почил и мой старец», что и исполнилось.

* * *

Когда Хаджи-Георгий доживал в Константинополе последние дни, приблизилась кончина и его брата по постригу папы-Неофита, подвизающегося в Кавсокаливии.

Папа-Неофит был старцем весьма добродетельным и благодатным. Однажды он впал в состояние исступления. Придя же в себя, сказал:

— Сейчас я был в Константинополе, у Хаджи-Георгия.

— Что же ты принес нам оттуда?— спросили его.

— Вот, я принес вам коливо.

— И что сказал тебе Хаджи-Георгий?

— Он сказал мне: «Через три дня приду за тобой».

И в самом деле после успения Хаджи-Георгия, 17 декабря 1886 года, тремя днями позже, 20 декабря, без какой бы то ни было болезни, отец Неофит предал свою душу Богу.

* * *

Лаврский старец Феофил позаботился о своем посмертном поминовении, заранее отделив на это деньги. Перед смертью он раздал все свои личные вещи братиям и отцам.

* * *

«Христе мой, велика Твоя милость».

Таковы были последние слова старца Аввакума Босого, с которыми он почил в мире.

* * *

— Геро-Аввакум-пустынник упокоился на моих руках,— рассказывал папа-Василий Лавриот.— Отходил он с молитвой «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». В конце сказал: «Слава долготерпению Твоему, Господи», воздел руки и испустил дух.

* * *

Папа-Максим Иверит всю свою жизнь провел в должности просмонария у Иверской иконы Пресвятой Богородицы. Он был добродетельным и крайне милостивым монахом. Почил он в мире уже в наши дни. Прежде его кончины папа-Каллиник Иверит сказал ему: «Если ты меня слышишь, подними руку. Хочешь причаститься?». Его причастили. Когда душа папа-Максима разлучалась с телом, из его глаз вышли два светлых луча, которые упали прямо на образ Иверской Божией Матери.

* * *

Геро-Аввакум Лавриот рассказывал, что был один монах (или мирянин, не помню), очень благочестивый и незлобивый человек. Ум его не тяготел ни к деньгам, ни к пище, ни

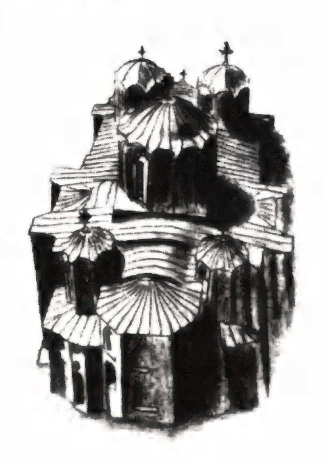
вообще к чему-либо земному. Когда при кончине явился ему Ангел, чтобы взять его душу, старец просил его:

— Не забирай меня, мне хорошо здесь. Я всем доволен, не хочу уходить.

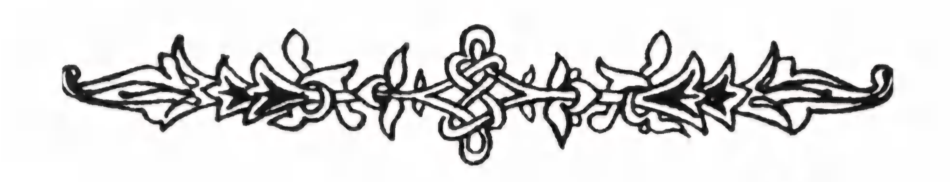
В результате Ангел его оставил. Этот человек переживал рай уже здесь. В конце концов Бог послал пророка Давида с лирой, и так Псалмопевец, играя на лире, взял его душу.

* * *

Старец Фанурий Румын, строгий аскет Капсалы[1], перед тем как уснуть навеки, прежде великого дня Пасхи вышел и попросил прощения у всех отцов, чтобы праздновать Воскресение там, «наверху».

[1] Местность к северо-западу от Кареи, отделенная от нее потоком Пения (τοῦ Ἄιδειν) (там находится келлия «Достойно есть», где было явление Архангела, воспевшего хвалебный гимн Богородице). — *Пер.*

СЛОВО О ПРЕСЛУШАНИИ И ГОРЬКИХ ЕГО ПЛОДАХ

Есть множество различных примеров, когда отвергающие указания своих духовных отцов и не слушающие их пожинали горькие плоды. Они подтверждают часто повторяемое на Святой Горе изречение: «Послушание — жизнь, а преслушание — смерть».

Вот один из таких примеров.

Папа-Мелетий Духовник, духовная отрасль знаменитого Хаджи-Георгия Постника, жил в келлии Святителя Николая (Хадзуда) монастыря Пантократор. Он был очень образованным и имел богатую библиотеку. Своим монахам он никогда не позволял работать в воскресные и праздничные дни.

В один из праздников его послушники сказали, что идут посмотреть ульи, расположенные на Капсале. Однако туда они не пошли, но спустились к руслу ручья в районе скита монастыря Кутлумуш, где водилась рыба, чтобы порыбачить. Там собирается достаточное количество воды, а место это называется «убийца», потому что в прошлом там утонуло несколько людей.

Итак, в тот день один из братий упал за свое непослушание в воду и утонул! Другие не отважились возвратиться в кел-

лию и рассказать старцу об этом скорбном происшествии, но побежали к другим отцам и просили их сообщить ему об этом деликатным образом. Все отцы сильно расстроились из-за утонувшего брата, видя причину в непослушании этих учеников. Их старец папа-Мелетий, узнав об этом, умер от невыносимой скорби.

* * *

Один монах испытывал сильное желание выйти со Святой Горы, чтобы повидаться со своей матерью. Но за этим невинным на первый взгляд желанием скрывалось искушение. Его старец, человек рассудительный, не давал на это своего благословения. Другие монахи братства настаивали, чтобы тот позволил ему ехать. Они договорились с его матерью, чтобы она приехала из Кесарии в Константинополь, куда должен был прибыть и ее сын в сопровождении одного из монахов братства. Два раза в неделю из России на Афон отправлялся корабль, который останавливался в Константинополе, и братия решили отплыть на нем. Придя к старцу, они положили земной поклон, собираясь отправиться в путь. Старец тогда лежал на одре болезни. Едва услышав об этом, он начал плакать, как будто прощался с этим монахом навсегда. Другие успокаивали его, говоря, что через несколько дней он вернется, но вернулся только сопровождавший его брат, а тот навсегда остался в миру.

* * *

Русский игумен Мисаил послал однажды своего послушника отца С. на монастырский парусный корабль. Тот отказался:

— Не пойду,— сказал он.

— А куда ты хочешь идти? — спросил его игумен.

— В лес, дрова рубить.

Когда этот послушник пришел в лес и принялся за работу, на него упало дерево, и он оказался в больнице, раскаиваясь в своем непослушании.

О ДУХОВНОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ И О ТОМ, ЧТО ИСТИННЫЙ ПОСЛУШНИК НАХОДИТСЯ В ВЕЛИКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Велика и неоценима защита, которую находит послушник в лице своего духовного отца, от всякой опасности, духовной и телесной, от людей и от демонов, в настоящей жизни и в час, когда он отходит к жизни иной.

Один послушник жил в каливе Святителя Иоанна Златоуста скита Святого Пантелеимона, принадлежащего монастырю Кутлумуш. Он был племянником игумена и потому часто затевал в скиту споры и создавал проблемы. Однажды сей послушник тяжело заболел и должен был умереть, но душа его никак не могла отойти. Он кричал и находился в состоянии неописуемого беспокойства и смятения. Духовники читали ему молитвы на разлучение души от тела, но ничего не помогало, смятение и беспокойство не только не умалялись, а даже возрастали. Тогда его старцу Хризостому дали совет:

— Положи руку на голову своего послушника и скажи ему: «Чадо мое, Иоанн, почий с миром, а я возьму твое бремя на себя». А потом ты раздашь милостыню бедным аскетам для совершения бдений и молитвы по четкам и поло-

жишь за него поклон перед всеми, кого он чем-либо огорчил.

Как только старец положил свою руку на голову послушника и произнес эти слова, тот совершенно успокоился и предал в мире свою душу.

* * *

В келлии Святого апостола Иоанна Богослова на Керасье жил один иеромонах греко-русского происхождения по имени Акакий. Он имел двух послушников, Аверкия и Прохора.

Старец Евдоким из Керасьи

Как-то раз они поднялись на вершину Афона и ночевали в храме Панагии, там, где Пресвятая Богородица явилась преподобному Максиму Кавсокаливиту. Отец Аверкий против благословения старца пошел ночевать в одну монашескую келью неподалеку и запер за собой дверь. Ночью он подвергся демонскому нападению. Ему явился нечистый дух и стал с бешенством избивать его. Послушник начал кричать. На крик прибежал его старец и, взяв в руки крест, творил молитву, но бес не уходил. А отец Аверкий не мог встать, чтобы открыть дверь. Тогда отец Акакий влез на окно и сказал лукавому духу:

— По какому праву ты бьешь моего послушника?

С этими словами демон исчез. Отец Аверкий был освобожден и успокоился. В этом происшествии открылось, с одной стороны, духовное превосходство старца,

а с другой — опасность для послушника проявления своей воли и непослушания.

* * *

Новым Златоустом прослыл среди духовников духовник папа-Савва. Двадцать лет он жил со своим старцем Иларионом Иверским, а после его кончины подвизался в каливе Воскресения Христова скита Малой Анны.

Почил он в 1908 году, прожив 87 лет. Папа-Савва имел дар утешения, духовного наставничества и рассуждения, при этом отличался доступностью, приятностью в общении, кротостью и любовью и, кроме того, исцелял бесноватых.

Принимал папа-Савва всех в любое время дня. Спал он только 3—4 часа в сутки. От одного до двух часов каждый вечер он посвящал тому, что собственноручно отвечал на огромное количество писем.

Он считается последним из духоносных отцов ушедшего поколения.

Его добродетель рассуждения стала легендарной.

Как-то он причастил одного главврача, исповедавшего ему свое тяжелое прошлое, говоря, что в таком состоянии только Божественное Причастие может его исцелить.

Как духовник, папа-Савва использовал различные приемы, например, представляя себя таким же грешником, чтобы ободрить человека, помочь ему победить свой стыд и нерешительность.

В годы турецкого господства из-за возникшего между монастырем Кутлумуш и турками конфликта последние рассвирепели настолько, что хотели разрушить монастырь. Тогда отцы обратились за советом к папа-Савве.

— Повесьте на воротах английскую корону, а на каждой башне — английский флаг, — сказал он им.

Тогда турки скрежетали зубами в бессильной ярости. Они не хотели затевать войну с Англией.

* * *

Вторым Василием Великим был прозван духовник папа-Григорий, строгий блюститель священных канонов. О нем писал приснопамятный епископ Арголиды Иерофей: «Видел я нового Василия Великого, теми же душевными добродетелями украшенного и той же болезнью мучимого». Почил папа-Григорий в 1899 году в возрасте 75 лет. У него исповедовался сколь великий, столь же и смиренный патриарх Иоаким III и многие другие иерархи, посещавшие Святую Гору, а также те из архиереев, кто проживал на Афоне. Угощением патриарху от духовника Григория были три смоквы на деревянной тарелке и дождевая вода.

* * *

Несребролюбивым, незлобивым, снисходительным, долготерпеливым и милостивым был духовник папа-Серафим из Святой Анны, утешавший многие души как в пределах Святой Горы, так и вне ее, в митрополиях Фессалоник, Кассандры, Иериссоса[1].

* * *

В Кавсокаливии, в каливе Введения во храм Пресвятой Богородицы, жил один старец по имени Григорий (Каротос). Он имел послушника, который перед своей смертью сказал ему:

— Отче, пришли демоны и требуют мою душу, потому что я не исполнял своего правила в такие-то и такие-то дни.

[1] Город на перешейке полуострова Афон, в 20 километрах от границы монашеской республики. — *Пер.*

— Скажи им,— ответил старец,— что я беру на себя твои опущения.

Послушник улыбнулся и, утешенный, почил в мире.

* * *

Старец сказал:

— Во время священного Таинства исповеди судится исповедующийся, судится и духовник. Прежние духовники подходили к исповеди практически. Они смотрели не столько на тяжесть греха, сколько на расположение кающегося. Не столько внимали слышимому, сколько старались уврачевать душу.

* * *

Один мудрый духовник говорил:

— Применять каноны хорошо, но надобно и души утешать.

* * *

Духовным отцом великого постника Хаджи-Георгия был дивный иеромонах Неофит (Караманлис) (1756–1860). В 1848 году, после длительных подвигов в Кавсокаливии и Керасье, он поселился в Карее. Его келлия во имя Святителя Николая (Капрули) принадлежала монастырю Симонопетр. Папа-Неофит был духовником пяти монастырей, а также и всех архиереев, безмолвствовавших тогда на Святой Горе.

О своей смерти он получил извещение за сорок дней. Сам ископал себе могилу и вычитал Евангелие и Псалтирь.

Причастившись Святых Таин, отец Неофит благословил своих послушников, сотворил крестное знамение и предал в мире свою душу Богу.

* * *

Среди материала, собранного мной для жизнеописания приснопамятного папа-Кодрата Каракалльского[1], было свидетельство о том, что этот знаменитый пастырь имел дар сострадать исповедующемуся, плакал вместе с ним и брал на себя часть его епитимии.

* * *

На Афоне почившего брата отцы приносят в усыпальницу скита, где устами духовника он просит прощения у всех братий, потому что при жизни кого-то мог и огорчить. Так вот, во время отшествия папа-Мины от этой временной жизни не нашлось ни одного брата, который вспомнил бы, что тот когда-то его огорчил, но все засвидетельствовали, что он, хотя и часто бывал уставшим, никогда не отказывался помочь имеющему нужду в помощи, духовной или материальной!

* * *

Были два брата, которые все время ругались друг с другом, потому что один из них, по имени Зосима, требовал какие-то деньги от другого. Но другой брат говорил, что ничего ему не должен, и так они постоянно пребывали в ссоре. Узнав об этом, папа-Мина пришел к себе в каливу и сказал своему послушнику:

— Э, благословенный геро-Онуфрие, они опять ругаются. Я должен найти деньги, чтобы отдать их тому, кто просит, чтобы эта ссора прекратилась.

Итак, старец взял все деньги, какие имел, и принес их отцу Зосиме со словами:

---

[1] Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 463–510.

— Отец Зосима, возьми эти деньги, их дал мне отец N., который тебе должен. Только сохрани это в тайне, потому что ты знаешь, что я духовник.

И таким образом ссора двух братий наконец прекратилась.

После отшествия папа-Мины из этого мира, когда все хвалили его добродетели, отец Зосима сказал, что старец тайно передал ему деньги от брата, с которым он был в ссоре. Тогда тот брат, услышав эти слова, вскричал:

— Нет, я не давал ему никаких денег, отец Зосима!

Услышав это, все отцы, старцы и юные, воскликнули:

— Поистине с признаками великих добродетелей преселился папа-Мина от временного жития к вечному!

И все прославили Бога.

* * *

Всеми любим был в свое время духовник Гавриил из Святой Анны, из каливы Введения во храм Пресвятой Богородицы. Его вызывали и в Патриархию, но он в те годы был уже слишком стар и слаб для такого путешествия. Этот старец старцев почил в возрасте 80 лет в 1959 году.

* * *

Об этом благословенном духовнике — папа-Дорофее, рассудительнейшем, приятном в общении,— мне рассказал почтенный иеромонах Акакий из братства Пахомеев. Духовник папа-Дорофей жил в скиту монастыря Кутлумуш вместе с двумя послушниками. Его приглашали также в монастырь Есфигмен, чтобы возложить на него обязанности игумена, но он смиренно отказался, не желая оставлять своего умного делания.

В течение десяти лет папа-Дорофей исполнял обязанности служащего священника в Протате, где был признан и лучшим уставщиком. Ему исповедовался и тогдашний архиепископ Кипра Леонтий. Бог весть, какими судьбами, но последние годы своей жизни он провел в исихастирии Святого апостола Иоанна Богослова, в районе Папагу Афинской митрополии.

Папа-Дорофей обладал великим даром духовного наставничества. Он умел умиротворять приходящих к нему людей, был прекрасным пастырем, опытнейшим врачом и целителем душ человеческих и духовным оазисом, как на земле афинской, так и в Пустыни Святой Горы. Так много было желающих исповедаться или получить его совет, что образовывалась большая очередь и люди часами ожидали встречи с ним. Под конец жизни он лишился телесного зрения, чтобы еще более развиться его зрению внутреннему — умному и духовному.

* * *

Приснопамятный старец Х. из Святой Анны рассказывал:

«Ударил колокол. Я вышел на балкон и увидел плачущего геро-Онуфрия.

— Что случилось, старче? Что означает этот звон колокола? — спросил я его с тревогой.

— Духовник папа-Игнатий закончил свой путь,— был его ответ.

Когда я это услышал, то чуть не лишился чувств от сильнейшей скорби. Геро-Онуфрий тотчас же поднялся в нашу каливу Святой Троицы и сказал мне:

— Теперь, благословенный, уже очень трудно найти духовника, который сочетал бы практическое делание с

созерцанием, и, как мне говорил покойный старец, папа-Мина, придет время, когда монахи будут говорить: *Исповедайтеся Господеви, яко благ* (Пс. **135**, 1)... Где теперь то, о чем написано в Писании: *спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор. **32**, 7)?

— А что будет теперь с нами, когда духовника уже нет рядом? — снова спросил я его.

— Что ты меня спрашиваешь, благословенный? — ответил он.— Есть ли еще такие духовники, как папа-Игнатий, чтобы они, кроме всего прочего, были так же верны преданию нашего священного места?

И геро-Онуфрий рассказал мне следующее.

Папа-Игнатий пришел на Святую Гору в юном возрасте из Серр. Свое имение он оставил малоимущим и пришел сюда босым и с одним посохом в руках. Придя к старцу Неофиту на Катунаки, он не поднимал глаз, чтобы рассмотреть, есть ли у него хлеб, соль или еще что-либо съестное. Он только немного полюбопытствовал и увидел ветхие четки на триста узлов, книгу Исаака Сирина, заплесневелый сухарь, Четвероевангелие, Псалтирь и книгу Фикараса[1]. Когда он увидел все это, то обнял и поцеловал это в душе и тотчас поступил в подчинение к старцу Неофиту. Папа-Игнатий не думал, есть ли у него вода или хлеб, а только благодарил Пресвятую Богородицу за то, что Она сподобила его Своей милости и передала в руки великого аскета. На

[1] «Фикарас» — церковная книга, содержащая троичные и богородичные песнопения, впервые печатно изданная в 1683 году в Венеции Агапием Ландосом. В качестве составителя называется магистр Фома Фикарас, в постриге монах Феодул, живший при императоре Андронике II (1282–1328).— *Пер.*

Катунаках царило тогда крайнее молчание, вечная молитва, постоянные слезы. Там даже не было церкви, и, если отцы хотели причаститься, они шли в Малую Анну или в большой скит Святой Анны. С благословения монастыря[1] папа-Игнатий был пострижен в монашество. Добродетель его видели все отцы и просили Великую Лавру рукоположить его во священника, и не только рукоположить, но и сделать его духовником, притом что ему тогда было всего 26 лет. Все отцы, безмолвствовавшие в то время на Катунаках, видели, что это был не человек, а сверхчеловек! Он имел такое послушание, что даже для удовлетворения естественной телесной потребности клал поклон своему старцу Неофиту. Старец посылал его разутым по снегу в Карею, и тот никогда не отказывался. И все — русские, сербы, болгары, румыны — приходили и исповедовались у него, потому что видели его преподобническую жизнь».

* * *

Прекрасным духовным наставником и совершителем Таинства исповеди был Михаил Слепой из храма Святых Архангелов в квартале беженцев Новая Швейцария в Афинах. (Этот храм был подворьем каливы Введения во храм Пресвятой Богородицы скита Святой Анны.) Бесчисленное множество душ, найдя в папа-Михаиле опытного и рассудительного советчика и отца, спешило сложить с себя бремя грехов, утолить свою жажду чистейшей водой православного предания и учения под епитрахилью этого слепого духовника, в его духовной пристани. Храм святогорца

[1] Скиты и келлии всей южной оконечности Афона подчиняются монастырю Великая Лавра.— *Пер.*

папа-Михаила стал православным оазисом, прохладой и утешением в пустыне окружающего мира, особенно в тот период, когда в столице подули чуждые ветры рационалистического протестантизма, принесенные баварцами в лице Оттона и его преемников[1].

* * *

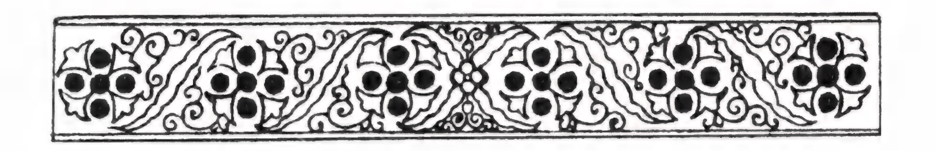
В скиту Святого Димитрия монастыря Ватопед в конце XIX века жил знаменитый духовник иеромонах Дионисий. Он написал исключительную книгу под названием «Следом за Христом», поскольку сам в теории и на практике следовал по стопам Господа нашего, руководствуясь Святым Евангелием.

Папа-Дионисий пользовался всеобщим уважением и почтением, особенно со стороны подвизавшихся на Святой Горе патриархов Неофита и Григория V. Последний, чтобы увидеть его, шел из Иверского монастыря пешком более трех часов.

* * *

Великим по своим подвигам и добродетелям был духовник Симеон (1864—1919), который происходил от корня Хаджи-Георгия. Он много лет жил вне Святой Горы, по большей части на Пелопоннесе, духовно наставляя верных и проповедуя слово Божие. Несмотря на постоянные болезни, он не ел ни мяса, ни яиц, ни молока. Даже на Пасху вместо яиц красил картофель, как и Хаджи-Георгий. Под конец жизни папа-Симеон удалился в одну из пещер на окраине какой-то деревни и, питаясь лишь травой, всецело погрузился в молчание и молитву.

[1] После убийства главы греческого новообразованного государства Иоанна Каподистрии (†1831) союз трех держав — Англии, Франции и России — по просьбе греков поставил им монархом баварского принца Оттона (1815–1867), который вместе с приехавшими с ним немцами стал проводить протестанствующую политику секуляризации и закрытия монастырей.— *Пер.*

СЛОВО О ВЕРЕ

Преподобномученик Иаков, подвизавшийся долгое время в монастыре Дохиар и в скиту Иверского монастыря, удостоился благодатных дарований, в том числе дара пророчества. В период турецкого господства он проповедовал среди подневольных христиан евангельские истины покаяния, доходя из Фессалоник даже до Навпакта (Пелопоннес). Попав в плен, святой Иаков исповедал Христа истинным Богом перед султаном Селимом и был повешен вместе с двумя своими учениками — диаконом Иаковом и монахом Дионисием.

* * *

Преподобномученик Гедеон Каракалльский, живший во времена турецкого владычества, будучи еще маленьким мальчиком, под давлением силы отрекся от своей веры и сделался вероотступником. Впоследствии он удалился на Афон и стал монахом, но, желая мученичества, пришел в Велестинон и Тирнавос[1], где с мужеством и ревностью исповедовал свою веру. Все его члены по очереди были отсечены мечом, а он только молился и так предал свой дух Богу.

* * *

Один энергичный юноша говорил старцу-монаху:

— Бога нет. Я в это не верю.

[1] Города в Фессалии и в Центральной Греции.— *Пер.*

— Подойди ко мне поближе,— сказал ему старец.— Знаешь ли ты, что эта цикада, которая сейчас поет, воспевает Бога? А посмотри, какую шубу имеет вот этот мой котенок! Даже у королевы Фридерики такой нет.

Юноша был тронут словами старца, и ожесточение неверия отошло от него.

* * *

Великий постник и исихаст-затворник Каллиник Катунакиот, когда пришло ему время после подвижнических трудов и потов предать свою душу Богу, сказал:

— Благодарю Тебя, Боже мой, за то, что я, хотя и не сделал в своей жизни ничего доброго, умираю православным.

* * *

Однажды несколько монахов расклеили в Карее листовки, где они сообщали, что греческий император Георгий II — масон. Среди них был и аскет Петр Осиопетрит, о добродетели и подвигах которого мы повествуем в другой главе. Он был арестован полицией и сослан в некое селение за пределами Афона, где своим добродетельным аскетическим житием и простым учением принес пользу многим душам.

* * *

Один аскет рассказывал:

«Сюда приезжает много студентов. Однажды их пришло около десяти, и они просили меня сотворить чудо, и при этом очень настаивали. Я подумал: как бы их образумить? И сказал:

— Ладно, становитесь в очередь, я буду рубить вам головы. Потом я сотворю чудо и снова приставлю их на место. Только немного отойдите друг от друга, а то есть опасность, что я их перепутаю. Вы готовы? Хотите увидеть чудо?

Молодые люди тотчас запротестовали:

— Нет, нет, отче, только не на нас! — воскликнули они в один голос».

* * *

В скиту Святой праведной Анны был один духовник по имени Никандр. Он очень любил церковные службы и был чрезвычайно приятным и любвеобильным на исповеди. Но прежде всего он отличался преданностью древним традициям скита и Православной Церкви.

* * *

Один пожилой монах говорил о радиации:

— Мы тоже слышали о радиации. Что вам сказать? Если бы яд содержался в одной какой-то вещи, можно было бы говорить, что ее нужно избегать. Но теперь, когда эта зараза распространилась повсюду, ничего не поделаешь. Впрочем, мы на Святой Горе творим крестное знамение и едим все. Чего нам бояться? Не говорит ли и Христос, что верные, даже *и если что смертоносное выпьют, не повредит им*[1]? Не переживайте.

Мир потерял смысл жизни. Однако он должен найти его. Неверие наносит огромный вред. Все начинается с этого.

* * *

Старец сказал:

— Многие святые хотели бы жить в нашу эпоху, дабы участвовать в наших подвигах.

* * *

В одном очень ветхом доме в Карее жил румынский аскет Енох. Гражданское управление Афона оповестило его,

[1] Мк. **16**, 18.

что он должен найти себе другое жилище, поскольку этот дом может обрушиться в любой момент. Какое-то время Енох стоял в размышлении перед представителем властей, принесшим ему это известие, а затем сказал с простотой:

— Я раб Божий. Если того хочет Бог, дом упадет, если не хочет — ничего не случится.

Он никуда не ушел, и с домом ничего не случилось.

Такой же ответ подвижник дал однажды диакону Афанасию, который принимал его у себя в Фессалониках в течение четырех дней, когда старец отправился туда для лечения.

— Отче, вставай, надо выйти из дома! — как-то вечером позвал его отец Афанасий.

— Зачем?

— Потому что в городе землетрясение! Наш дом может обрушиться и погребет нас под собой...

— А! Енох — раб Божий. Если хочет Бог, дом упадет, если не хочет — не упадет,— сказал он и остался на месте.

Как рассказывал диакон Афанасий, в Фессалоники старец Енох пришел в каких-то лохмотьях. Его одежда свисала клочьями справа и слева, а сверху в середине он скреплял ее английской булавкой. Забавно было смотреть, как он переходит дорогу по пешеходному переходу.

— Давай, старец, поторопись,— кричали ему.

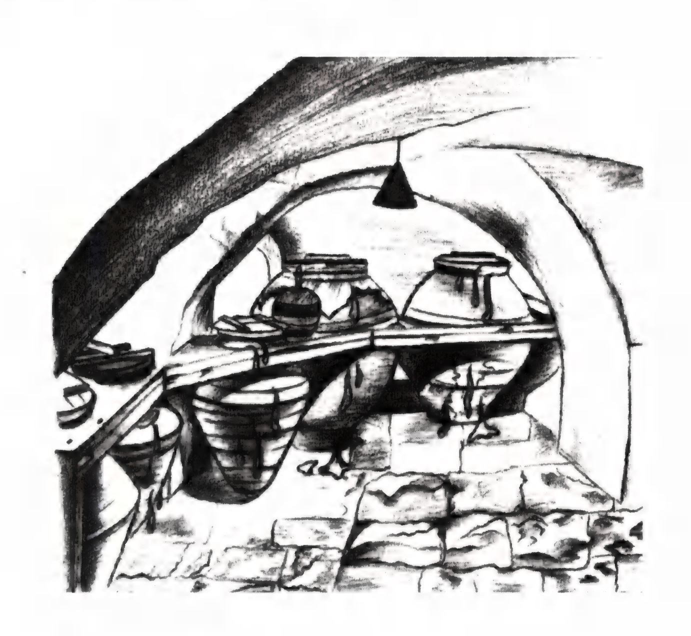
— Зачем? — отвечал он. — Пусть немного подождут. Я стар и не могу бегать.

При этом он делал рукой знак машинам, чтобы они остановились.

— Врачи в Фессалониках,— рассказывал он позже,— сказали мне, что будут делать операцию, но я не согласился,

потому что все монахи старше шестидесяти пяти лет после операций не выживают, а я хочу умереть на Святой Горе, в месте моего покаяния.

— Если у вас есть лекарства, я их возьму, но теперь, в восьмидесятилетнем возрасте, операцию за пределами Афона я делать не буду. Хочу умереть в Саду Пресвятой Богородицы,— сказал он врачам.

СЛОВО О ПРЕЛЕСТИ И НЕРАЗУМНОЙ РЕВНОСТИ

На Карулях жил один аскет по имени Пахомий, который впал в страшную прелесть. Он утверждал, что нет священника, который был бы достоин его причастить. Таким образом, он ждал, когда Ангел с неба принесет ему Святые Таины. Кончина отца Пахомия была трагичной. Он упал с обрыва и утонул в море. Нашли его наполовину съеденным большими рыбами у противоположного берега полуострова Ситония.

* * *

Много лет назад на южной окраине Катунак жил один весьма благоговейный старец со своим послушником по имени Спиридон. Вначале Спиридон был исполнительным и послушным во всем. Однако со временем невидимый червь тщеславия начал разъедать его монашеское жительство. Он творил чрезмерные подвиги, увеличил поклоны, количество молитв по четкам, бодрствовал больше времени, не взяв на это разрешение и благословение своего духовного отца. Себя он стал считать куда выше прочих монахов и мало-помалу, творя свою волю, дошел до того, что им совершенно овладел дух гордыни.

Однажды ночью он услыхал, как кто-то стучится к нему в келью, говоря: «Молитвами...». Он открыл дверь и уви-

дел перед собой Ангела. Но это был Ангел лишь по виду, а не по существу.

— Я послан Самим Вседержителем Богом возвестить тебе о том, что Ему угодны многие твои подвиги и добродетели,— сказал ему лжеангел.— Итак, Бог, чтобы вознаградить тебя, зовет тебя взойти сегодня со мной на вершину Афона, куда Он придет с Ангельскими Воинствами и с ликами святых, чтобы ты поклонился Ему.

Так сказал явившийся в виде Ангела диавол, а Спиридон, поскольку был ослеплен тьмой гордости, не помолившись, последовал за ним, оставленный благодатью. Дело было зимой, во время обильных снегопадов. После многочасового шествия они поднялись на вершину Афона. Тот, кто притворился светлым Ангелом, с радостью говорит Спиридону:

— Посмотри туда. Видишь, Христос идет?

Спиридон посмотрел и увидел какой-то красный диск, в центре которого на троне в архиерейском облачении восседает Христос. Вокруг волнами двигаются чины Ангелов и лики святых апостолов, иерархов, преподобных, праведных мужей и жен. Впереди же святителей предстоит святой Спиридон Тримифунтский, вид которого особенно привлек внимание несчастного Спиридона.

Тем временем бес в образе Ангела торопил его:

— Что ты глазеешь, как дурак? Не видишь, что Сам Христос здесь? Быстро иди и поклонись Ему.

Спиридон сделал шаг вперед, но засомневался. Видимо, кто-то молился за него в эту минуту. С любопытством он заметил, что святитель Спиридон имел на голове скуфью очень

большого размера, примерно в метр высотой, в то время как на иконах он привык видеть своего святого в маленькой скуфье. Перекрестившись, он сказал:

— Господи, помилуй! Такой большой скуфьи я никогда в своей жизни не видел!

В ту же секунду все эти видения и представления исчезли, и Спиридон оказался один перед зияющей пропастью. Одна нога стояла на снегу, а другую он занес над страшной бездной, чтобы шагнуть вперед.

Двенадцать часов потребовалось ему, чтобы вернуться в свою каливу, где он нашел своего старца плачущим и молящимся.

Со слезами и сокрушением он рассказал ему обо всем.

Старец наложил на него епитимию не причащаться в течение трех лет, а духовник направил его на три года в строжайший общежительный монастырь Святого Дионисия мыть тарелки. Так Спиридон действительно смирился и сам потом со слезами рассказывал всем отцам, а особенно новоначальным монахам, о своих злоключениях и о том, от какой страшной смерти его спасла молитва старца.

* * *

Один подвижник по имени Неофит Дохиарский, бывший ранее игуменом монастыря, в своем исихастирии Святых Архангелов в скиту Святой Анны видел в 1880 году во сне святителя Василия Великого, который даже велел ему поклониться пальцу своей ноги.

Этот сон вполне мог вызвать чувство гордости и превозношения в душе бывшего игумена, что он якобы видит и лобызает святых. Его помысл постоянно был занят

этим видением, причем в ущерб молитве и исполнению правила.

Прошло какое-то время, и Всеблагий Бог вразумил его посетить известного духовника папа-Григория, который подвизался в совершенном нестяжании и нищете в том же скиту немного выше.

— Брат мой игумен, диаволу великому ты поклонился, а не Василию,— сказал он ему с неподражаемой интонацией.— Прошу тебя, впредь не придавай значения снам, в которых диавол, будучи лукавым, обманывает людей.

* * *

Рассудительный и мудрый старец Даниил Катунакиот имел дар *различения духов*[1] и своими устными и письменными наставлениями помог многим душам освободиться от сетей диавола, уловляющего их помыслами неразумной ревности. О следующем случае рассказывал он сам.

«В одном общежительном монастыре Святоименной Горы жил монах по имени Алипий, который весьма ревновал о спасении и прилежал умной молитве. Пребывая по ночам в винограднике своей обители, он молился вслух, вникая в каждое слово, и однажды ощутил телесную дрожь и трепет сердечный. Поначалу убоявшись, Алипий немного погодя сказал себе: "Мое дело — усердно молиться; что сотворит мне диавол?". И так продолжал молитву, которая сопровождалась с тех пор сотрясением всего тела.

Укоренившееся в нем действие стало известно всем отцам обители и произвело немалый соблазн. Ибо когда трясло Алипия, те же движения странным и непонятным образом

[1] 1 Кор. **12**, 10.

передавались всем поблизости бывшим. Стоило ему явиться в храм и стать на молитву, как братия, размещавшиеся в смежных стасидиях, начинали — со стасидиями вместе! — двигаться в некоем подобии пляски и сотрясаться.

Когда же возвращался он в келью, и та ходила ходуном вместе с соседствующими кельями, подобно как при извержении Везувия,— дело поистине неслыханное!

При виде такого бедствия игумен и старейшины поместили Алипия в малую часовенку и, выдавая ему по пятнадцать драми[1] хлеба на день, повелели иереям поочередно читать над несчастным молитвы и заклинания. Но, несмотря на все труды, странные действия лишь усиливались. Наконец решили — не знаю почему — привести Алипия ко мне, недостойному, дабы я высказал свое суждение или посоветовал ему, что делать.

Когда Алипий в сопровождении брата той же обители явился ко мне, я, оказав им подобающую любовь и гостеприимство, принял затем болящего наедине. Выслушав подробный рассказ и исповедь за всю жизнь от юности, я спросил, что сам он думает о причине своих страданий и действия, коему доныне подвергается. И услышал в ответ: "Окуда бы ни шло оно — от благодати Божией или от зависти ненавистника всякого добра, а мне, полагаю, до последнего вздоха до́лжно держать молитву. Пусть беснуется диавол; я призываю имя Христово, и оставить спасительное сие имя никак не могу!".

Я же возразил: "Хотя бы ты, возлюбленный, и блажен был, и исповедником соделался, подобает нам тщательно исследовать, не напрасно ли мы подвизаемся[2] , дабы, думая

[1] Дра́ми — мера веса, равная 3,2 грамма.— *Авт.*
[2] См.: Гал. **2**, 2.

быть с Богом, не стяжать иной удел. А посему позволь заметить, что ты горько заблуждаешься в следующих трех вещах.

Первое. Надлежало, возлюбленный, чтобы усердным твоим занятиям молитвой предшествовала часть деятельная. А между тем именно здесь, как тебе известно, ты сильно хромаешь, поскольку и послушания достаточного не стяжал, и гнева и любопрения об имуществе не оставляешь, и свою волю и мудрование, как амулет, у себя хранишь.

Второе. Предаваясь молитве, возводишь то в великую добродетель и полагаешь, что соблазнительное для других возмущение тела производит с тобой супостат-диавол по зависти.

Третье. Не пренебрегая во время молитвы сим сатанинским действием, усматриваешь в нем исполнение всесвятой воли Божией, будто бы соблаговоляющей происходящему, чем прогневляешь Его благость, упорно держась заблуждения вместо истины. Да и как дерзнул ты самочинно, без опытного наставника, приступить к сему преестественному деланию?".

И когда от сих положений, подкрепляемых многими цитатами из Священного Писания, я убедил Алипия, что он пребывает в заблуждении, по благодати Божией пришел он в чувство, уразумел прелесть бесовскую и взыскал совета к исправлению. Я же предложил ему, если он желает совершенного исправления, исполнить следующее.

Во-первых, держаться совершенного послушания в отношении к игумену; также не вникать в дела чужие и не осуждать братий. Во-вторых, совершая молитву Иисусову, ни во

что вменять сатанинское действие трясения, которое он, Алипий, в своем прежнем заблуждении почитал благим и полезным, и так содержать ум и помышление чистыми от сего восприятия. Когда же на́йдет привычное движение, то, презирая его, мысленно взывать ко Господу нашему Иисусу Христу, дабы прогнать сего болезнетворного спутника.

Приняв с непоколебимой верой смиренные наставления и советы, Алипий вернулся в свою обитель и по прошествии немногих дней с помощью Божией совершенно избавился от наваждения. Сверх того, он стал предметом почтения и любви для всех во Христе братий по причине своего счастливого исправления, и прежде всего за свое совершенное ко всем послушание.

В подтверждение же истинного его обращения и достойного похвалы богоугодного жительства упомяну и об одном удивительном примере его послушания, которое он исполнил мужественно, вызвав всеобщее восхищение.

Некий монах той обители из числа самых знаменитых, по имени Евдоким (родом с Тиноса), Бог ведает, какими судьбами, подвергся самому жалкому беснованию и не только исторгал бесчинные вопли и ругательства, но и часто разрывал свои путы, а также, что самое печальное, постоянно пачкался отходами своего желудка. И поскольку никто из братий не брался служить ему, служение это было поручено Алипию. Тот безропотно в течение трех лет ухаживал за немощным братом, возложив на себя все заботы о нем и мужественно претерпевая от него любое досаждение. Крайнее послушание и безмерное терпение Алипия достигли того, что больной проникся к нему особым почтением и, в то вре-

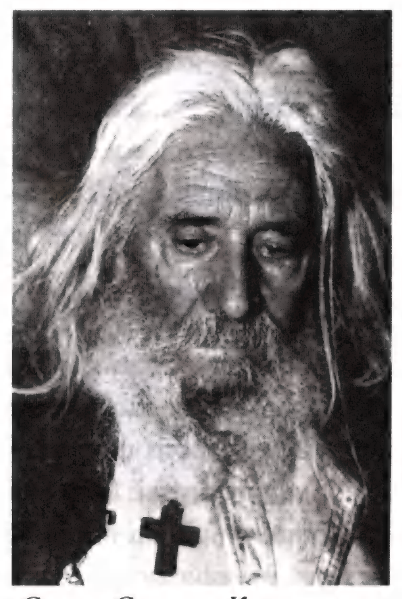
мя как по отношению к другим братиям он вел себя дико и бесстыдно, перед Алипием делался кроток и послушлив. Присутствие Алипия оказывалось, если можно так выразиться, кляпом для его безумия. Помимо забот о том, чтобы пища больного всегда была чистой, а сам он — опрятным, Алипий ежедневно вычитывал ему и утреню с вечерней.

Через три года упомянутый Евдоким избавился от своих злостраданий. За неделю до смерти он стал совсем тихим и так предал свой дух Богу. А благословенный Алипий был назначен помощником больничного и, много преуспев в служении братии, напоследок заболел чахоткой и через три года отошел ко Господу. И что удивительно, он предузнал час своей кончины, ибо в день субботний, причастившись вместе со всеми Пречистых Таин и имея вид вполне бодрый, сказал одному из самых близких во Христе братий: "Сегодня к вечеру я отойду". И так во время совершения вечерни предал свой дух.

И дабы не упустить из виду важнейшее доказательство истинного его обращения, великого послушания и смирения, замечу: с того дня, как Алипий узнал мою худость и воспринял то, что ради молитв его Бог открыл мне для его спасения, он всегда исповедовал мне в письмах свои помыслы, а написанное мною соблюдал неукоснительно. Также и я ради любви его дважды посещал ту обитель и крайне был удовлетворен его удивительным преображением»[1].

---

[1] См.: Об умной молитве. Письмо старца Даниила Каллистрату// *Даниил Катунакский, иером.* Ангельское житие. М., 2005. С. 222–228. Некоторые места исправлены нами по греческому изданию.

Старец Серафим Кавсокаливит

* * *

В самой высокой части скита Святой Анны в одной безводной каливе жил впавший в прелесть монах, который не имел общения ни с кем из отцов и считал в своем помрачении, что нет на земле священника, достойного его причастить, и потому оставался совсем без Пречистых Таин.

* * *

Над пещерой Святого Акакия Кавсокаливита расположена калива Успения Пресвятой Богородицы, в которой сегодня живет папа-Серафим со своим братством.

Несколько лет назад там жил монах по имени Харалампий. Он искал чрезмерных подвигов, не очистившись еще от страстей гордости и тщеславия, и для этой цели затворился в своей каливе, питаясь одними сухарями.

По прошествии недели аскетическая пища закончилась. Харалампий открыл дверь каливы и увидел перед дверью мешок с сухарями. Тогда он почувствовал уверенность, что его подвиг и пост угодны Богу, и исполнился еще большего превозношения.

Прошло около месяца. Однажды в полночь Харалампий читал акафист Пресвятой Богородице. Дойдя до слов: «Стена еси девам, Богородице Дево...», он услышал стук

в дверь. Открыв дверь, отшельник увидел хромого старца с белой бородой и одичавшей внешностью.

— Я духовник,— сказал тот,— и пришел, чадо мое, посмотреть на твои подвиги, потому что люблю тех, кто подвизается тайно по своей воле. Хоть я и хром, но принес тебе сухарей и корзиночку с лирами, чтобы ты купил себе много сухарей и совсем не выходил из своей каливы.

Сказав это, он протянул руку, чтобы передать корзиночку. В этот момент старец Харалампий заметил, что ногти у его посетителя были чрезмерно длинные и черные.

— Если хочешь, чтобы я тебе поверил,— сказал он белобородому,— сотвори крестное знамение и продолжим вместе чтение акафиста Пресвятой Богородице.

Тогда незнакомец, рассердившись, закричал:

— Я пришел помочь тебе, а ты мне не веришь и говоришь мне сказать Этой... Которая нас попалила, такие слова! Никогда!

Послышался страшный шум, вся калива сотряслась, исполнившись дыма и ужасного зловония, а демон в образе белобородого старца исчез.

Старец Харалампий от страха упал без чувств. Придя в себя, он забился в угол своей каливы и оставался там, завернутый в одеяло, дрожащий и ошеломленный. В таком положении его застал сосед старец Дионисий, которому тот и рассказал все по порядку.

* * *

Из рукописи библиотеки иеромонаха Евфимия Критского:

«Лет пятьдесят назад в каливе Святых Апостолов скита Святой Анны подвизался старец Пахомий из г. Редестус во

Фракии со своей братией. Он нам рассказывал, что жил в одной киновии с учителем монахом Захарией, переводчиком "Огласительных поучений" преподобного Феодора Студита. Впоследствии отец Захария приобрел в скиту Малая Анна каливу в честь святого Аввакума. С того времени он подвизался в ней в полном одиночестве до конца своих дней. Живший тогда на Святой Горе митрополит Карпафийский Нил имел обыкновение ежегодно после праздника святого Анастасия в Великой Лавре посещать в пустынях и скитах знакомых ему отцов, и в том числе преподобнейшего сего учителя Захарию. Однако в тот год он решил никого не посещать и по окончании праздника сразу возвратился на место своего пребывания. Диавол же, желая обмануть Захарию и сделать так, чтобы тот ему поклонился, решил этим воспользоваться. Было 7 июля, около часа ночи, когда Захария, как обычно в летнее время, сидел во дворе своей каливы. Вдруг он услышал человеческие шаги и увидел, что к нему приближается владыка Нил.

— Зачем ты творишь, владыко, такой немалый труд, чтобы посетить меня, недостойного, да еще в ночное время?

Сказав это, Захария тотчас склонился, делая поклон до земли, чтобы поцеловать его руку. Пришедший в образе владыки протянул свою правую руку, и старец поцеловал ее. А тот вместо благословения бросил его на землю почти мертвым, потому что это на самом деле был не епископ, а сам диавол. Через это целование он забрал и дар благодати и тотчас стал невидим, а несчастный Захария лежал на земле безгласный и полумертвый. Утром один из братий скита, придя к нему по своей личной надобности и увидев его в таком

состоянии, поспешно возвратился и позвал отцов скита. Они совершили над ним Таинство елеосвящения, прочитали запретительные молитвы святителя Василия Великого и знаменовали его святыми мощами, так что мало-помалу он отошел и даже принял немного пищи. И во все оставшееся время жизни Захария часто говорил, признаваясь: "Я много написал, посетил множество мест в этом мире, но в конце концов надо мной посмеялся диавол, и я ему поклонился! Мне, неразумному, надо было сначала сотворить знамение Честнаго Креста, прежде чем целовать его скверную руку. Тогда он не смог бы ничего сделать. Побежденный этим непобедимым оружием, он тотчас бы убежал, и я не претерпел бы от него никакого зла"».

* * *

Как-то один богослов посетил старца Иосифа Пещерника. Старец ощутил некое исходящее от него зловоние, о чем и объявил богослову, советуя ему исповедаться. В результате оказалось, что причиной зловония была его неправая вера в теорию Дарвина о происхождении человека.

СЛОВО О ХРИСТОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ КРОТОСТИ И НЕЗЛОБИИ

Румынский иеромонах Леонтий, родом из г. Негрест Нямецкой епархии, пришел на Святую Гору в 1852 году и подвизался там до 1901 года, до дня своей смерти, о которой он предузнал заранее. Отец Леонтий отличался кротостью и незлобием и никогда не гневался и не соблазнялся ничем, что видел или слышал. Это был человек мирного духа. Каждый вечер он надевал епитрахиль, шел в усыпальницу и со свечой в руке читал последование об упокоении почивших отцов и братий.

* * *

Совершенно незлобивой овечкой Христовой был старец С., которого я посетил на одре болезни в конце его жизни. Однажды у него украли около 150 литров масла. Послушник его начал роптать и впал в великую скорбь.

— Ты не славишь Бога, благословенный? Теперь ты более свободный и бесстрастный. У нас теперь только один сосуд масла вместо трех.

Тот по-прежнему роптал, осуждал и имел подозрения.

— Чадо мое,— увещал его старец С.,— воспринимай все чисто. Что ты слышишь своими ушами, не верь. А тому, что видишь собственными глазами, верь наполовину.

* * *

Один старец, добрый и бесхитростный, сказал:

— Все отцы хорошие. Все подвизаются по силам. Даже одно то, что они пребывают здесь, в Саду Пресвятой Богородицы, дает им надежду на спасение.

* * *

Достоин упоминания и подражания пустынник старец Стахий, который всегда был погружен в умное делание и вкушал его дивные плоды. Однажды я сподобился увидеть его на арсане[1] скита Святой Анны. На всякое время и во всякий час он жил в таинственном мире молчания истинных исихастов...

Его калива была расположена в северной части района Катунак. Ранее он подвизался на Синае.

Как-то старец подвергся искушению от мирских людей, чтобы обнаружилась его недосягаемая кротость и безгневие. Эти люди делали асбестовые печи немного выше его каливы. Один из них злословил и ругал старца, но тот молчал. Два его собрата советовали ему прекратить этот грех и нечестие, чтобы не случилось с ними чего худого, что действительно и произошло. Через три дня после того, как они разожгли свои печи, случился взрыв, который разрушил все их труды.

Отец Стахий имел и еще одну добродетель. Когда его старец сильно болел и Стахию приходилось ухаживать за ним, у него совсем не оставалось времени на то, чтобы заниматься рукоделием, которым они добывали средства на жизнь, и он не стыдился просить милостыню со свойственным ему тихим, благородным, молчаливым смирением.

---

[1] Арсана — место для лодок, пристань скита или монастыря.— *Авт.*

* * *

Удаление от мира, безмолвие, кротость стяжали и многие особножительные отцы. Одним из них был приснопамятный Феофил, которого все монахи Великой Лавры вспоминают с уважением. Он был сторонником общежития[1], жертвенно верен своему послушанию, верен даже до смерти, ревностен во всем, любим всеми и желанен для всех. С совершенным беспристрастием и отстраненностью он относился к своим родственникам и ко всему миру, был мягок, приятен в словах и любил безмолвие и молитву. Часто он уходил помолиться в небольших церковках, расположенных в окрестностях Лавры. Поистине отец Феофил показал себя другом Божиим[2], а вся его жизнь была постоянным преодолением естества.

* * *

Монах Иоасаф из Святой Анны ни разу не стал ни для кого причиной соблазна. Это был живой пример послушания, кротости и долготерпения. Почил он в 1947 году.

* * *

Кротостью и незлобием отличался ученый монах из Святой Анны Софроний Византийский.

Он был составителем и главным редактором газеты «Новое слово», а также секретарем скита. Подвизался в безводной каливе в районе Певкос и почил в 1947 году.

* * *

Был один монах, который за тридцать лет своей жизни на Афоне не огорчил ни одного человека!

---

[1] То есть общежительного устава.

[2] Греческое имя Феофил (Θεόφιλος) переводится как «приятный Богу», «друг Божий». — *Пер.*

* * *

В безмолвной местности Старого Руссика жил мирный монах старец Онисифор. Он был настолько смиренным, что одним своим видом притягивал к себе людей.

* * *

Лаврский врач монах Спиридон (Кабанаос), помощник и утешитель больных и немощных отцов и братий, пустынников и общежительных монахов, нестяжательный, кроткий, отличался своим непамятозлобием и готовностью прощать. Когда некоторые люди злословили и оскорбляли его, он проявил терпимость, сказав Господни слова: *если я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?* (Ин. **18**, 23) — и простил их.

Об этом нам сообщил его добрый ученик, врач, монах Павел Лавриот.

* * *

Почтенный старец Афанасий, библиотекарь скита Святой Анны, будучи оклеветан и обвинен в краже рукописи, в 1935 году был посажен в тюрьму, где провел три года. Невинный старец встретил это испытание в мирном духе, с терпением и непамятозлобием. Он не согласился подать в суд на своих наветчиков, оставляя это дело на праведный суд Божий. Настоящий же совершитель кражи, когда пришел час его смерти и душа разлучалась с телом, признался, что спрятал книгу в костнице скита.

* * *

Питомец и отрасль монастыря Симонопетр монах Нил был главным секретарем Священного Кинота Святой Горы. Он был столь же ученым, сколь и смиренным. Патриарх Иоаким III

писал своим друзьям, что «Патриархия десятки лет не получала таких писем от Священного Кинота». Были случаи, когда с ним говорили неподобающим образом. Однако он, будучи человеком мирным и кротким, отзывался об этом так: «Я смотрю на отцов Собрания, как на Ангелов Божиих, и в их почтенных лицах узнаю блаженных ктиторов наших святых обителей...».

В среднем возрасте, едва достигнув сорока лет, отец Нил заболел туберкулезом и преселился в небесные скинии. *Восхищен, чтобы злоба не изменила разума его* (Прем. **4**, 11)...

* * *

Тружеником на ниве добродетели и монашеского подвига и служителем древнейшей Иерусалимской Церкви был архимандрит Иоаким (Специерис) (1860–1934)[1]. Отправной точкой для его подвигов послужил Новый Скит, в который он затем с великим желанием возвратился после того, как окончил учебу и послужил Церкви.

Отличительными чертами его характера были неутомимое долготерпение и кротость. Когда ему кто-либо говорил: «Такие-то люди тебя, отче, злословят», он отвечал:

— Прошу вас, друзья мои и братия, не клевещите, не говорите плохих слов о моих благодетелях!..

* * *

Кротчайшим среди подвизавшихся на стезе афонского монашеского жительства был игумен монастыря Святого Павла Софроний. Почил он в 1881 году на восьмидесятом году своей жизни. Отца Софрония часто осуждали за его великое снисхождение и непамятозлобие. Никогда и никто не видел его в гневе.

[1] По другим данным, год смерти — 1935-й.

Говорят, что его кости источают благоухание. О добродетелях этого мужа повествует в своей книге папа-Иоаким (Специерис)[1].

* * *

Полный человеческий век прожил старец Варлаам из монастыря Ксенофонт. Его доброта, кротость и незлобие запечатлелись в сердцах и умах последующего поколения монахов, еще заставших закат его жизни.

Старец не только был чрезвычайно трудолюбив (в восьмидесятилетнем возрасте он обрезал ветви), не только терпеливо переносил болезни (имея грыжу, он не позволял сделать себе грыжевой бандаж), но имел очевидное для всех незлобие и долготерпение.

Как-то старые отцы взяли его с собой на одно из подворий монастыря, посвященное святителю Николаю в Халкидике. Тогда с мирянами того района у монастыря была распря. Старец Варлаам беседовал с людьми со свойственной ему добротой, но те, несдержанные по природе, поносили его и в конце концов даже облили масляной краской. Безропотно старец возвратился к отцам и с кротостью и незлобием сказал, что прощает своих врагов.

* * *

Душа приснопамятного игумена монастыря Григориат Афанасия[2] была тихой гаванью. Как нам рассказывал игумен

---

[1] Вероятно, имеется в виду книга архимандрита Иоакима (Специериса) «Воспоминания», включающая в себя жизнеописания многих современных ему подвижников.

[2] Старец Афанасий Григориат (1874—1953) имел дар утешения, превыше всего в монашеской жизни он ставил терпение и миролюбие; был удостоен благодатных явлений Пресвятой Богородицы. Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 57—130.

Виссарион, отец Афанасий походил на аскетов Фиваиды и Египта. Он очень любил дух безгневия и кротости и прилагал особые усилия, чтобы насадить его в своих послушниках. Он даже сочинял стихи о кротости и давал их читать своим ученикам. Некому монаху Григорию из подворья Вултиста он дал такое свое стихотворение:

Это сладость приятнейшая —
Кротость в себе стяжать.
Если меня кто мучит,
К чему мне его ругать?
Разве ярость его утихнет,
Если бранью начну отвечать?
Брат из себя выходит,
Отвечать я ему тороплюсь —
И варваром, ему подобным,
Я и сам тотчас становлюсь.
В минуту вспышки гнева
Мне лучше промолчать
И хладнокровно страсти
Свободы не давать.
Затем спокойно брату можно
И на неправду указать,
Так буду я услышан лучше,
Чем сразу строго обличать.

* * *

Вот что рассказывал мне добрый учитель святой, равноангельной жизни приснопамятный исихаст Катунакской пустыни папа-Ефрем:

«В Иверском монастыре как-то произошел такой случай. Погонщик мулов перевозил дрова. Один священник попросил:

— Господин Николай, привези и мне немного дров.

— Привезу, отец. Сколько тебе надо?

— Десять вьюков.

Тот привез ему.

— Подвези их поближе,— говорит священник.

— Мул там не пройдет, боится обрыва,— возражает погонщик.

— Говорю тебе, вези.

Они поссорились.

— Нет тебе моего прощения,— сказал священник.

— И тебе нет моего прощения,— ответил погонщик, и так они разошлись.

“Что теперь делать? — рассуждает священник.— Могу ли я так приступить к Литургии? Не могу. Что же делать? А, вот что: завтра придет погонщик, и я положу перед ним поклон, чтобы он меня простил. А вдруг он получит сегодня весточку из своей деревни, к примеру: «Иди, навести своего ребенка, потому что он болен», где тогда искать этого погонщика?”.

Тем временем наступил вечер, когда, как известно, монастырские ворота закрывают.

“Как же быть? — думает он.— Теперь-то уже и выйти нельзя, а оставаться тоже не могу. Мы ведь отлучили друг друга!”

Вот здесь и проявляет себя сокровище спасения — молитва. Потому и мы, монахи, когда имеем какую-то проблему, взываем: “Пресвятая Владычице моя Богородице, помоги мне, просвети меня”.

Итак, священник начинает взывать:

— Пресвятая Богородица, вразуми меня, что мне делать?

И вразумление не замедлило прийти. Он зажигает фонарь, выходит через небольшую калиточку из монастыря и поднимается наверх, в гору.

— Милости просим, отче.

— Благословенный,— говорит он погонщику,— ведь мы поссорились из-за каких-то дров. Прости меня.

— Бог тебя простит, отче, и меня прости.

— И тебя Бог да простит.

Так он спустился с горы и утром служил Литургию[1].

Посему, когда поссоришься с кем, не приступай к Причастию, но прежде иди и примирись.

И со мной случилось нечто подобное; с тех пор прошло много лет. Мимо проходил кораблик, и на нем я увидел отца Демоклита, врача из Нового Скита. А поскольку мой старец был болен, я взошел на этот кораблик, чтобы спросить его что-то о своем старце. Но я не сказал капитану: "Подожди, я спрошу и сойду". Тот подумал, что и я поеду до Дафни. Итак, отцы вошли, и кораблик отошел от пристани.

— Костас,— говорю я капитану,— я не поплыву с вами.

— Почему ты мне об этом раньше не сказал?

— Прости,— говорю,— я хотел, прежде чем зайдут отцы, спросить кое-что у врача.

Тогда он вернулся назад, чтобы я мог прыгнуть. Я выпрыгнул.

— Ступай к диаволу,— прокричал он.

Я вернулся к старцу.

— То-то и то-то, отче, произошло с капитаном Костасом. Я не могу служить. В полдень, когда он вернется, спущусь и положу перед ним поклон, иначе не смогу служить.

В полдень я спустился на пристань.

---

[1] Этот случай описан в кн.: Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 195–196, только погонщик мулов назван там Димитрием.

— Костас, как ты?

— Хорошо, отец.

— Благословенный,— говорю я ему,— утром я был виноват и огорчил тебя. Прости меня.

— Бог тебя простит, отче,— говорит он,— прости и ты меня.

Так мы примирились, и я смог служить.

Потому и вы, если у вас промелькнет какое нехорошее слово с другом или товарищем по работе (имеются в виду миряне), не приступайте к Причастию. Даже молитвы не можете творить в таком состоянии. Молитва тогда даже на метр не поднимается. Получи прощение, а потом уже иди молиться и причащаться».

* * *

— Никто не имеет на меня скорби. Все меня любят. Все вокруг хорошие. Я так всем доволен, что непрестанно славлю Бога, и от радости ко мне сами приходят слезы,— говорил мне один кротчайший общежительный старец.

* * *

Приснопамятный духовник и какое-то время игумен Иероним Симонопетрит имел такое незлобие, что хотя знал виновника одного злоупотребления, однако не открыл его имени. Когда его спросили об этом, он ответил:

— Спросите святого Симона, он знает…

* * *

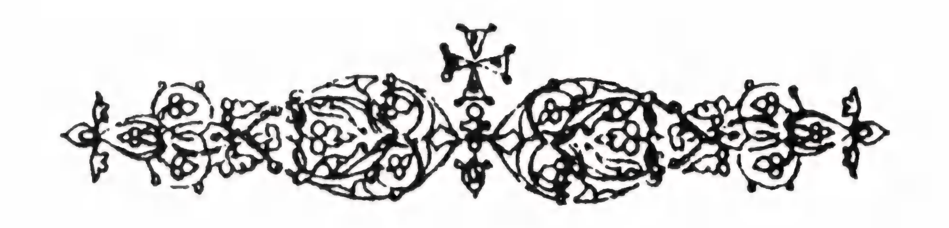
Отец Андрей из Нового Скита рассказывал:

— Кротость моего старца Авраамия удержала меня на Святой Горе. Я был тогда шестнадцатилетним мальчиком, непоседливым и неуравновешенным. Мой отец ругал

монахов, но эта кротость старца была для меня убедительным доказательством, что мой отец лжет и бесстыдно клевещет на них.

Мой старец никогда никого не отягощал. И когда заболел, чтобы не утомлять нас, не просил даже стакана воды. Старался сам себя обслуживать.

СЛОВО ОБ ОБОЖИВАЮЩЕЙ МОЛИТВЕ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЙ В СЕБЕ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Когда преподобный Акакий Кавсокаливит молился, он стоял неподвижно, как некий столп, однако и сидя не ощущал своего тела, находясь в высоком духовном состоянии, исполненный благодати и Божественного света.

* * *

В каливе Преображения скита Святой Анны жил благочестивый иеромонах из Черногории отец Мина. За сутки он совершал от 1000 до 3000 земных поклонов и от 50 до ста четок[1]. От многой молитвы он не имел времени для разговоров. Молитва для него была соединением души с Богом, но также обладала и практическим действием. Она оберегала его от многословия и осуждения.

* * *

В келлии Введения во храм Пресвятой Богородицы того же скита подвизался монах по имени Прокопий. В его сердце возникло сильнейшее желание научиться пению, хотя до

[1] Имеются в виду четки на 300 узлов, на каждом из которых произносится Иисусова молитва.— *Пер.*

этого многие годы он упражнялся в умной молитве. Кроме того, сей благословенный немного фальшивил.

Однажды, когда он сидел грустный и печальный, перед ним предстал незнакомый седой старец и сказал:

— Что с тобой, из-за чего ты расстраиваешься?

— Из-за чего расстраиваюсь? Да вот, хочу научиться петь, но никто не берется меня учить, потому что у меня недостает слуха.

— Я тебя научу. Со мной ты станешь лучшим псалтом. Но я хочу, чтобы ты сделал мне одно одолжение,— сказал незнакомец.

— Какое? Все, чего ни попросишь,— ответил Прокопий.

— Вместо всякой платы хочу, чтобы ты выбросил то, что держишь в руке[1], и перестал произносить молитву.

Тогда Прокопий понял, что неизвестный старец был демоном, и сказал ему с негодованием: *Отойди от меня, сатана*[2]! И в ту же минуту тот стал невидим.

* * *

В 1941 году в возрасте девяноста трех лет почил о Господе простой сердцем, словом и всей своей жизнью старец Артемий, монах монастыря Григориат. Он никогда не судил и не осуждал других, носил самую негодную одежду.

Своим аскетическим ложем блаженный пользовался совсем мало. Обычно он сидел на скамье, одетый в рясу и куколь, и ожидал, творя молитву, удара в симандр[3], чтобы идти

[1] То есть монашеские четки.

[2] Мф. **4**, 10.

[3] Симандр, или клепало,— ручное железное било, представляющее собой изогнутую металлическую пластину, по которой бьют железным молотком. Оно выполняет функцию колокола — служит для созыва молящихся в храм.— *Пер.*

в церковь. Очень часто ходил в церковь Святой Анастасии и коленопреклоненно молился.

Когда церковь открывалась для совершения вечерни или утрени, он входил в нее первым. Целовал все иконы, как это делают многие благоговейные отцы, также и те фрески, которые мог достать, а до которых губами не дотягивался, тем старался передать лобызание рукой... Он никогда не садился в стасидию и на всех службах, бдениях и Литургиях стоял как несгибаемый столп.

* * *

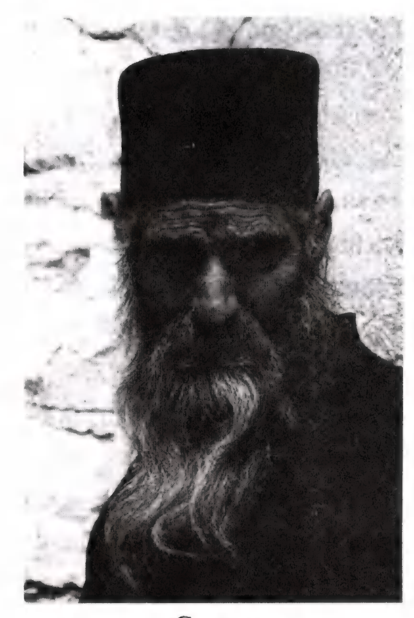
Один монах-критянин из келлии Честнаго Креста, расположенной между Керасьей и Кавсокаливией, после какого-то несчастного случая потерял зрение. С того времени он особенно предался деланию молитвы, и его не занимало больше ничто другое. Причем молился он стоя и вслух, прося у Неба духовного зрения посредством умного делания.

Как-то два паломника-журналиста, проходя мимо келлии слепого монаха, услышали его молитву и остановились, ожидая снаружи ее окончания, чтобы не прерывать службы в церкви. При этом они подумали, что так бывает в каждой келлии Святой Горы, и потому написали: «Бесконечны молитвы монахов на Афоне...».

* * *

Один аскет посылал своего послушника в Карею продавать рукоделие. Там в храме Протата послушник слышал прекраснейшее византийское пение. Однажды он говорит старцу:

— Отче, у меня есть помысл. Мы здесь в пустыне ничего не делаем. Видел бы ты, как там воспевают Бога! Прекрасное пение, хоры, разные песнопения... А у нас только четки, только «Господи Иисусе Христе...».

Старец Паисий Катунакский

В какой-то другой день зовет старец этого послушника и говорит:

— Пойдем, чадо мое, посмотрим, что делают те отцы. Возьмем и мы себе их устав.

И когда они стояли в церкви, старец наклонился к его уху и говорит:

— Действительно, чадо, они прославляют здесь Бога...

И не успел он закончить фразы, как вдруг все ощутили сильное землетрясение. Сотрясалось все здание. Тогда тотчас все псалты оставили свои певческие книги и «терИремы»[1] и стали молиться по четкам: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!».

— Отче,— говорит послушник,— пойдем, вернемся в свою каливу, к нашей работе, к тишине. То, что мы там делаем, выше пения.

Так они удостоверились, что лучшая молитва — это молитва по четкам.

* * *

Два аскета, Агафангел и Анания, проводили ангельскую жизнь в одном из пустынных мест Святой Горы. Им нравилось оставаться безвестными, они ненавидели тщеславие, по-

[1] Протяженное песнопение, в котором распеваются не имеющие смысла слоги «те», «ри» и «рем», что символизирует неизреченное пение Ангелов.— *Пер.*

этому позволяли себе даже немного юродствовать на глазах у других, чтобы их добродетель оставалась сокрытой. В их сердцах уже прочно утвердилось умное молитвенное делание.

— Монашек мой, Христос пришел,— говорил один из них новоначальным монахам.— Спросил ли Он тебя, когда Ему прийти снова, дал ли тебе отчет? Исполняй свое правило, но думай, что не исполняешь его.

* * *

«Многие имеют делание трезвения, но не знают об этом»,— говорил один старый пустынник.

* * *

Известный подвижник Савва Духовник не спал на кровати. У него в келье были особые подвески: с потолка свисали две веревки, которые он продевал под мышками, и так, в полуподвешенном состоянии, всю ночь проводил в молитве.

* * *

Один старый монах говорил:

— Молитва «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» есть фундамент духовной жизни.

* * *

Еще он сказал:

— Одно только «Господи, помилуй» сотрясает небо и землю.

* * *

— Мы для того и стали монахами, чтобы молиться,— часто повторяют отцы-святогорцы.

* * *

Пустынник отец Хризостом рассказывал нам:

— Жил в Кавсокаливии один старый монах по имени Анатолий. У него был ангельский голос. Говорят, что когда

он пел «Достойно есть», то широко разводил руки от великого радования сердца, и что при этом начинали раскачиваться лампады. Один раз я шел в Святую Анну и услышал, как он поет. Я говорил себе: «Что это за голос? Это не Ангел ли поет?».

Еще он рассказывал:

— Сорок лет я был в уединении, все службы совершал по четкам. В Великий пост мы старались свой ум держать у Креста Господня. Но как быстро теряется молитва! Требуется понуждение себя.

* * *

Один монах-подвижник говорил:

— Прежде всего диавол хочет помешать нам в молитве. Как только кто-нибудь начинает молиться, враг старается рассеять ум помыслами и различными фантазиями. Если таким образом он ничего не может добиться, то является сам, чтобы испугать нас и заставить прекратить молитву. Однажды, когда я встал на колени, чтобы помолиться, я увидел сильный свет за моей спиной. Я понял, что это было от диавола, не стал обращать внимания и без страха продолжил свою молитву. Два дьяволенка появились слева от меня на расстоянии нескольких метров и начали играть и плясать, чтобы заставить меня смеяться...

* * *

Наряду с великим аскетизмом, который сочетался с Божественным смирением, русский подвижник папа-Тихон имел дар непрестанной молитвы, не прекращавшейся даже тогда, когда он спал.

— Когда молишься,— говорил он,— молитва должна так соединиться с сердцем, как если бы ты приклеил одну вещь к другой.

Еще он говорил:

— Прежде чем начать какое-нибудь дело, помолись Богу со словами: «Боже мой, дай мне силу и вразуми меня». И в конце: «Слава Тебе, Боже».

* * *

Один старец сказал:

— Истинное знакомство человека с умной молитвой начинается с познания им своей немощи и беспомощности. Бог не оставляет. Человек просит исцеления, познания, научения, начинает искать учителя, боится, смиряется. Страх не дает ему впасть в прелесть. Здесь начинается истинное просвещение. Понуждая себя, он получает помощь, и труд его умножается. Затем приходит созерцание[1], ему открывается смысл Суда, мучений, Царства Небесного.

Когда кто ходит в истине, он не заблуждается. То, что видит, в том и поучается. А заблуждающийся ходит по воздуху.

* * *

Знаменитый игумен монастыря Каракалл иеромонах Кодрат имел в себе непрестанно действующую молитву. Ночью и днем, работал ли он или говорил, в нем не прекращалась молитва.

* * *

В болгарском монастыре Зограф был один духовник по имени папа-Яннис, человек молитвы и умиления, который

[1] Созерцание — постоянное изучение и рассматривание Божественных истин посредством небесных и Божественных помышлений, или зрение Бога.— *Авт.*

обладал еще и даром рассуждения. Даже и на трапезе он никогда не прекращал произносить в себе молитву.

* * *

Почтенный старец Герасим Гимнограф рассказал мне об одном случае, произошедшем в 1935 году, когда он дал очень бедному карульскому подвижнику Филарету двести драхм, поскольку тот оказался в большой нужде.

— Не расстраивайся, авва,— сказал ему отец Герасим, увидев его весьма расстроенным.— Возьми эти деньги. Возвращать их мне не надо. Сотвори молитву ко Всемилостивому Богу, чтобы Он помиловал меня.

Аскет взял деньги, благодаря брата за любовь, и отправился отдать свой долг в скит Святой Анны. В дороге он, по своему обыкновению, творил молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Не успел подвижник дойти до скита, как вдруг видит, что на дороге лежат четыре бумажки, одна рядом с другой. На него они произвели впечатление, потому что не были похожи на простой мусор. Он взял их и со свойственной ему простотой вернулся назад к отцу Герасиму.

— Что это за бумажки, старче? Я нашел их ниже, когда шел в Святую Анну.

Отец Герасим подивился Божественному Промыслу и силе молитвы. Это были четыре купюры по пятьдесят драхм, притом совершенно новые!

— Геро-Филарет,— сказал он ему,— это четыре бумажки по пятьдесят драхм. Их тебе послал Бог. Но скажи мне, прошу тебя, что ты говорил в себе и о чем думал, когда шел в скит?

— Ничего, кроме молитвы «Господи Иисусе Христе...». Однако иногда мой помысл убегал и думал о долге в двести драхм, и я спрашивал себя, как мне отдать долг и тебе как вернуть назад эти деньги. Прошу тебя, возьми их, чтобы мой ум освободился от этого помысла и от долга.

* * *

Один аскет говорил:

— Вижу как-то в молитве моего старца, который ныне на небесах, как он восходит на небо, как некий огненный столп. Понимаете, какое здесь сокрыто великое таинство?

* * *

Другой аскет говорил:

— Монах подобен Моисею, который просил у Бога увидеть Его славу (Исх. 33). Бог ответил ему, что никто не может видеть Его лицо, то есть Его Божественную Сущность. Господь показывает монаху Свое благоволение, повелевая утвердиться в вере и удалиться в свою келью, как пророк в пещеру среди камней. Монах остается там во тьме, перенося с терпением труды, уныние, скорби, отсутствие благодати в молитве, в то время как все это попускается Богом. И в какой-то момент Господь простирает Свою руку, чтобы просветить его светом Своего присутствия, то есть безначальным действием Святаго Духа.

Тот же старец говорил:

— Как мы можем просить у Бога Его увидеть? Лучше предстанем пред ним обнаженными от всякой заботы, от всякой любви к миру, к самим себе, к нашим помышлениям и даже к нашим подвигам и попросим Его бросить на нас Свой взгляд. Этот взгляд Божий будет для нас зрением Бога.

Еще он сказал:

— Монах не изучает догматы, он живет по ним. Когда он читает Священное Писание или отцов, то старается не знания приобрести, а научиться грамматике иного языка с невыразимыми звуками — языка, на котором обращается к нему в молитве Бог.

* * *

Старый монах, делатель умно-сердечной молитвы, сказал:

— Мы не должны оставлять молитву. Мы должны совершать ее, когда только нам дается для этого возможность, дабы ум не вращался в суетном. В молитве он успокаивается, отдыхает и радуется. Вот малые дети бегают целый день, кричат, играют, падают, ушибаются, и только вечер приносит им отдых и успокоение, и они радуются, находясь рядом со своей мамочкой. Так и ум человека. Пусть он не гоняется за суетным, пусть занимается молитвой.

* * *

Старец сказал:

— Слушай, благословенная душа. Слово о молитве никогда не кончается. Потому что и молитва никогда не кончается. Молитва — это собеседование с Богом. Я не могу тебе передать, что ощущает молящийся человек. Единственное, что он должен знать,— это то, что душа христианина хочет молиться постоянно. Она заканчивает славословие и начинает моление. Заканчивает моление и начинает прошение. И опять все по-новому. Молящийся помнит обо всех, помнит о своем прельстившемся брате и ежедневно просит Бога вразумить его, и помиловать, и направить на путь спасения.

* * *

Духовник папа-Мина из Черногории, подвизавшийся в скиту Святой Анны, каждый день ходил в церковку своей каливы и прочитывал все каноны, содержащиеся в Часослове,— от молебного канона ко Пресвятой Богородице до акафиста Честному Кресту и покаянного плача. И так он молился до 6 часов по византийскому времени, то есть до 12 часов ночи по мирскому. Никто никогда не видел его уставшим. Его душа была подобна оленю *при исходищих вод* (ср.: Пс. **1**, 3).

* * *

— Трезвение есть дар Божий,— говорил один великий делатель трезвения Каллиник Исихаст.— И как Бог сначала сотворил человека, а потом вдохнул в него живую душу, так и монах должен сначала очистить себя телесно посредством деятельных добродетелей, а затем получить от Бога дар умной молитвы и трезвения, восходя от деяния к созерцанию.

* * *

Рассказывал отец П.:

«Как-то я попросил у Бога нечто, что, как я полагал, помогло бы мне в моей духовной жизни. Три года подряд я настаивал на этом и наконец получил. Но прошло семь месяцев, и я увидел, что то, что я просил, хотя и казалось хорошим, вредило мне в моей духовной жизни. Тогда я стал просить:

— Боже мой, забери это, забери это обратно.

Прошло еще три года, и Он забрал это у меня. Кто-то спросит: почему же Бог долго не забирал это, если я Его об этом просил? Через некоторое время, не научившись из предыдущего опыта, я забывал и снова просил. Потому и оставил меня

Бог еще немного помучиться, чтобы исполнить мою просьбу позднее».

* * *

Катунакский исихаст Е. говорил:

«Здесь, на Святой Горе, куда вы пришли, вы все возьмете себе четки. Четки приведут тебя туда, куда ты и не предполагаешь, возведут тебя к высочайшим пределам. "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". У тебя какая-то проблема? — "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". У тебя возникло искушение с другим человеком — соседом, другом, начальником? — "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Это даст тебе разрешение твоей проблемы, укажет выход из безвыходного положения.

Сейчас уже год прошел, как со мной случилось одно искушение. "Что мне делать, что делать? — думал я.— Пресвятая Богородице, помоги мне. Я пойду к Твоей иконе «Скоропослушница» и послужу молебен. Пресвятая Богородице, помоги". И ответ не замедлил прийти. На третий день искушение миновало. Оно разрешилось очень просто. Вот как быстро приходит помощь Пресвятой Богородицы. Итак, четки, "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Если сольешься с четками, знай, что обретешь просвещение, поднимешься на более высокий уровень, который ты сейчас понять не можешь. Четки имеют все монахи: и пустынники, и аскеты, и скитские монахи, и общежительные — все с четками в руках...».

* * *

Один аскет говорил:

— Когда молитва творится сама собой, нет большей сладости. Тогда человек забывает о еде и сне и только наслаж-

дается, пока его старец не остановит его, чтобы испытать, смирится ли он. Одна монахиня достигла такой меры. У нее весь день было много трудной работы, а ночью она творила молитву. И так — в течение пяти дней. И когда старица ее остановила, она сказала: в чем-то я погрешила. И каялась в этом, хотя ни в чем не погрешила…

* * *

Рассказывал один из старых отцов:

— Когда я был молодым, я доставлял наше рукоделие благочестивым мирянам за пределы Святой Горы. Где бы я ни находился, на корабле или на улице, вокруг меня собирались неверующие и говорили мне непотребные слова против существования Бога. Я плакал, умоляя Всеблагаго Бога не оставлять наш народ, чтобы он не был порабощен другими народами за безбожие этих людей. Я спросил своего старца, что мне делать, когда они, желая отравить мою душу, окружают меня, как осы. И он ответил мне: «Когда они к тебе приближаются, сядь прямо, скрести на груди руки и молись, и тогда рассеются все их нападки, и ты будешь спокоен». Я так поступал и был спокоен. Как солнце рассеивает облака, так молитва прогоняет тех, которые хотят растлить душу хульными словами и ввергнуть ее в скверные страсти.

* * *

Однажды святой Никодим шел, направляясь на престольный праздник Великой Лавры. На пути он встретил одну келлию, где и переночевал. Около полуночи святой услышал, как старец этой келлии с братией вошли в храм. Он тоже тайно вошел за ними и видит, что старец и его послушники, время

от времени преклоняя колена, призывают сладчайшее имя Иисуса Христа. А когда настало время Божественного Причащения, Никодим увидел, как лица всех собравшихся просияли светом, хотя и не ярче солнечного…

* * *

Весь день отец Иоаким из Святой Анны непрестанно молился. Работая, отдыхая, разговаривая, он научился постояно беседовать с Богом. С особой приятностью он говорил:

— Если отнимешь у монаха молитву, тогда отнимешь у него и право чувствовать себя истинным чадом Божиим.

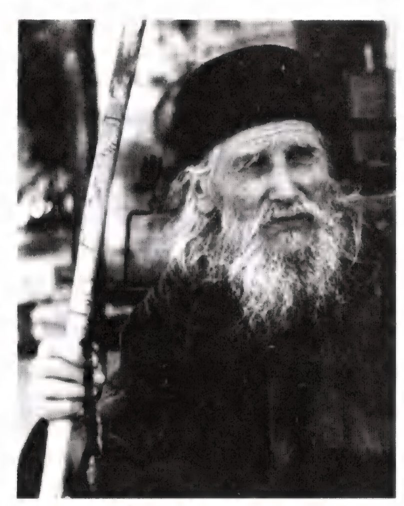
Часто он приходил на наши послушания и спрашивал по-отечески, молимся ли мы «молитвой» или читаем ли акафист Пресвятой Богородице.

Обсуждал отец Иоаким что-либо очень редко, только когда в этом была необходимость. Но всегда можно было увидеть его молящимся. Самым безмолвным местом для него был небольшой лес позади каливы. Там он воздевал руки к небу и часами наслаждался таинственным общением с Иисусом Христом. Когда его спрашивали, где он задержался, отец Иоаким отвечал:

— В Гефсиманском саду, там я был.

Молитва увлекала его настолько, что даже пищу и отдых он считал излишними. Как-то отец Иоаким взял благословение у своего старца и целый год не возвращался на ночь в келью, но оставался в церкви каливы в стасидии. Об этом времени говорят, что тогда Божественное благословение и небесные свойства почили в сердце отца Иоакима. Часто по ночам слышали его рыдания или торжественное псалмопение. Но когда видели его снова на утрени, отец Иоаким был

всегда свежим и радостным, как будто выспался накануне в самых комфортных условиях.

Старец Иоаким из Святой Анны

Душа его желала многого... Однако тело не могло поспеть за горением духа. Он часто болел. В продолжение года его ежедневных бдений от всенощного стояния на ногах образовались язвы, вызванные плохой циркуляцией крови. Старец был вынужден запретить ему проводить ночи в храме.

Тогда этот мужественный подвижник изобрел новое место для духовной брани. В углу своей кельи он поместил некое волосяное седалище и проводил, сидя на нем, всю ночь, закутываясь в теплую одежду. Его голова не знала подушки, только ноги приходилось вытягивать, чтобы успокоить язвы. На этом новом боевом рубеже он мужественно молился, и, если глаза его порой закрывались, губы не переставали непрестанно шептать молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Когда он произносил: «Пресвятая Троица» или: «Троица Святая, Боже, помилуй нас», все существо его сотрясалось. Видно было, что для него нет молитвы, сильнее этой. Его благоговение к Святой Троице не поддавалось описанию. Когда в службе встречался троичный тропарь, он весь становился вниманием. С другой стороны, имя Господа нашего Иисуса Христа было для него сладчайшим словом.

* * *

Подвижник папа-Тихон говорил, что монах должен час трудиться и час молиться. А об акафисте Божией Матери, который старец особо любил, он рассказывал случай, происшедший в Русском монастыре.

«Был один монах, который каждый день двадцать четыре раза читал этот акафист, то есть в начале каждого часа, имея своим ориентиром бой часов. Причем читал он его с таким благоговением, как будто в первый раз. Однажды он услышал глас от иконы Пресвятой Богородицы: "Радуйся, рабе, и тебе глаголю — радуйся"».

Папа-Тихон и сам много раз в день читал этот акафист со слезами. Также каждый день он прочитывал Евангелие от Матфея. Особенно любил зачало о Суде. Он хотел, чтобы его ум всегда находился на Страшном Судилище. Имея память о смерти, он сам выкопал себе могилу, чтобы постоянно видеть ее и плакать, ожидая с радостью дня, когда она примет его в себя.

В воскресенье, как говорил папа-Тихон, мы не должны работать. Во время путешествия в пустыне Бог посылал израильтянам манну каждый день, кроме дня седьмого, поскольку в этот день они были призваны славословить Бога[1].

Сам отец Тихон воскресенье посвящал только Богу. Когда он служил, у него возникало желание, чтобы Литургия никогда не кончалась. Часто бывало, что приходило время вечерни, а он еще служил Литургию. И если у него не было слез на Херувимской, старец не начинал следующих молитв...

---

[1] См.: Исх. **16**, 23–26.

* * *

Старец Даниил из Нового Скита прожил 115 лет. У него было острейшее зрение. Когда он творил молитву по четкам, к нему приходил диавол в виде шакала и тянул за четки. Но тот продолжал свой подвиг.

* * *

Старец сказал:

— Как корабли, терпящие бедствие, постоянно посылают сигнал SOS, так и человек постоянно должен произносить молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

* * *

В Старом Руссике в маленькой каливе жил престарелый монах Израиль, знавший еще преподобного Серафима Саровского.

Высокий, худой, молчаливый — настоящий кипарис духовной жизни.

Как-то преподобный Силуан сказал ему:

— Старче, вы живете здесь один и можете удобно заниматься умной молитвой...

— Не бывает, дитя мое, умной молитвы и без-умной, это мы являемся безумными...

* * *

Старец Дионисий из Святой Анны не вступал в беседу ни с кем, также и лица его никто не видел, потому что он всегда покрывал его, чтобы иметь непрестанную молитву! Он собирал в районе Криа Нера душицу, делал масло с душицей и продавал его. На эти средства он жил со своими учениками, придерживаясь принципа не поедать чужой хлеб.

* * *

Таково было стремление к молитве и благоговение ко Пресвятой Богородице у старца Арсения, почти достигшего столетнего рубежа, что он постоянно носил с собой службу Иверской иконе Божией Матери, чтобы молиться ей на своем послушании. Он был садовником и огородником монастыря Святого Павла.

* * *

Один добродетельный монах говорил нам:

— Когда человек молится в церкви, его ум пребывает в восхищении. В немом удивлении он созерцает природное устроение всего творения и ушами души слышит церковные песнопения. Душа трепещет и радуется, ум услаждается этими созерцаниями, видит все и совсем не хочет спускаться на землю, но желает только слушать поющих: «Иже Херувимы тайно образующе...».

Это первое дарование совершенного послушника. На него смотрят его старец, его сподвижники отцы и братия и удивляются, за что он сподобился восхищения ума. Удостоившийся этого дара желает найти такое уединение, чтобы его не тревожило даже колебание листочка лимонного дерева, растущего за окном его кельи.

Видишь, что делал святитель Григорий Палама? После воскресной Божественной литургии, совершавшейся в Великой Лавре на бдении, он сразу удалялся. С собой он не брал ничего, даже хлеба и воды. Приходил в каливу Пресвятой Богородицы, которая впоследствии была названа «Панагия[1] Святого Григория Паламы», и там безмолвство-

[1] Панагия значит «Всесвятая» — так греки называют Богородицу.— *Пер.*

вал всю неделю. Ум его предавался созерцанию. Ничем другим не услаждался его внутренний человек, кроме красоты Божией. Затем святой возвращался в монастырь, и лицо его сияло.

Монах должен всегда пребывать в высочайшем созерцании, которое называется премирным и рождается от любви к Богу. Когда же ум его достигнет меры любви, он уже не находит себе успокоения в этом мире, но желает общаться с премирными умами, благодаря и славословя Триипостасного Бога, обитающего в его сердце. У одних в этом небесном созерцании ум пребывает целыми днями, а других оно посещает лишь на мгновение ока.

* * *

Однажды два-три паломника отправились на Святую Гору, чтобы посетить авву П. Они попросили его сказать им слово утешения. Тот, удовлетворяя их жажду, сказал им слово о световидных откровениях, напоив их живой водой созерцания и лицезрения Бога.

— Что мне сказать вам? Я расскажу вам об одном человеке, келья которого несколько дней назад исполнилась Божественного света, и он не понимал, находится ли он в теле или нет... Он был восхи́щен духом... И когда пришел в себя, когда ушел тот нетварный небесный свет и он заметил естественный, тварный свет солнца, то подумал, что произошло солнечное затмение — вот какая была разница. И кроме того, когда он пришел в себя, то почувствовал себя настолько тяжелым и неповоротливым, как какое-то животное... И начал горько плакать. И искал сладости и лучезарности того света...

* * *

Старец сказал:

— Прилежный к молитве находит ответы на спорные вопросы.

* * *

Помню, как слепой старец Авксентий Григориат шел из своей кельи в церковь, осязая стены монастырского двора и творя непрестанную молитву или акафист Пресвятой Богородице. Облобызав все любимые иконы, он становился в свою стасидию и стоял как столп, пламенея в молитве.

* * *

Отцы рассказывают, что когда однажды на Святую Гору приехал новоявленный святой Нектарий Пентапольский, он посетил в скиту Святой Анны знаменитого старца-духовника, созерцателя и учителя практического делания умной молитвы, с которым они беседовали и молились в его келье без перерыва в течение трех дней!

* * *

Я слышал, как один старец-монах непрестанно повторял такую молитву: «Иисусе мой, Иисусе мой, Владыко мой, Господь мой и Бог мой, помилуй мя».

* * *

Уважаемый духовник папа-Яннис из Святой Анны рассказал мне, что во время вторжения турок на Кипр в 1974 году он пошел к одному простому аскету и сказал ему:

— Что сидишь, отец, неужели ты не молишься? Ведь турки наступают! Осени, благословенный, четыре стороны света знамением Честнаго Креста, и Бог их остановит!

Действительно, старец перекрестил четыре стороны света, и вскоре пришло известие, что турки остановили свое вторжение на Кипр.

* * *

Один аскет спросил другого, что тот делает, когда на него восстают плотские помыслы. И он ответил:

— Я высоко поднимаю руки и кричу: «Пресвятая Богородице, Христе мой, спаси меня, я погибаю!». И ты так делай.

И действительно, следуя его совету, этот подвижник почувствовал облегчение от суровой брани.

* * *

Свежи в моей памяти воспоминания о двух слепых старцах из богадельни[1] монастыря Каракалл — Хрисанфе и Гедеоне. С каким терпением и стойкостью, подобно праведному Иову, они переносили свою болезнь! С какой простотой повторяли поочередно молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»! Заслышав чьи-то шаги, они говорили между собой:

— Давай прервемся, человек идет.

Когда посетитель уходил, они продолжали свою молитву по четкам.

* * *

Приснопамятный старец Мефодий из келлии Святого Нила, о котором мы уже упоминали, имел суровый характер, но в конце жизни стал подобен ягненку. В старости его упокоили его братья по постригу Ефрем и Досифей, проявив великое самоотвержение и огромное терпение. Они рассказали мне, что

[1] Каждый монастырь располагает помещением для упокоения в старости и лечения престарелых и немощных монахов.— *Авт.*

в последние дни своей жизни он постоянно пел «Достойно есть» и непрестанно повторял: «Пресвятая Богородице, спаси нас».

* * *

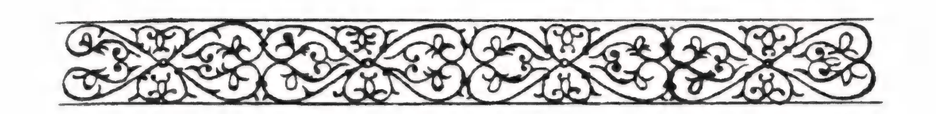
Один восьмидесятилетний старец-монах говорил мне, что непрерывное и всегдашнее поучение в «молитве» приносит «добрую старость»[1]. Это то, о чем мы просим в ектениях: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны...».

* * *

Папа-Ефрем Катунакский очень любил икону Пресвятой Богородицы «Скоропослушница» и возлагал на нее свое упование. Когда он еще не принимал к себе учеников и жил один (а его рукоделием было вырезание деревянных печатей), то по окончании каждой печати шел в маленький храм своей каливы и совершал молебен «Скоропослушнице». Проходило еще четверть часа, он заканчивал следующую печать и снова служил молебен Пречистой Деве. На молебне папа-Ефрем поминал множество имен, которые ему присылали, а также молился за «милующих и питающих нас». Во всех своих испытаниях в «Скоропослушнице» он видел скорую Помощницу и Заступницу и всем велел призывать Ее в своих молитвах.

[1] Здесь игра слов: «монах» по-гречески на народном языке называется еще кало́гер («добрый старец») — обращение в древних монастырях младших братьев к старшим, ставшее затем нарицательным.— *Пер.*

СЛОВО
О БЛАЖЕННОМ ХРИСТА РАДИ ЮРОДСТВЕ, РОЖДАЮЩЕМ КРАЙНЕЕ СМИРЕНИЕ И ПРИВЛЕКАЮЩЕМ НЕБЕСНУЮ БЛАГОДАТЬ СВЯТАГО ДУХА

Христа ради юродивые были мудрыми по Богу и безумными для мира, святыми по своему внутреннему устроению и умалишенными по своему внешнему виду. Своим безгрешным, святым лицедейством и благословенным актерством они попрали и совершенно лишили достоинства отвратительную личину, проклятое человеческое «я», от которого происходит всякое зло. Этим святым методом они боролись с человекоугодием, поражали тщеславие и всякое мирское притворство и похвальбу. Таких было много на Святой Горе, никому неизвестных и ведомых лишь Богу, невидимых для людей и явных для Ангелов.

* * *

Преподобный Максим Кавсокаливит пришел в Пустыню Святой Горы в 1320 году. Тогда Афон был поистине безлюднейшим местом.

Блаженный, не желая, чтобы добродетель его стала явной, по написанному: *помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. **6**, 6), прибегал к благословенной тактике

Преподобный Максим Кавсокаливит

юродства, которая по причине добровольного самоуничижения приводит подвижника в состояние совершенного смирения, бесстрастия и святости.

Творя умную молитву и пребывая в состоянии высоких созерцаний, он сжигал одну свою хижину из ветвей и строил другую, которую затем тоже сжигал. Поэтому его прозвали Кавсокаливитом[1], а местность — Кавсокаливией. Многие, не зная этого человека, говорили, что он прельщен и безумен.

Кроме подвига юродства святой Максим нес также и подвиг нестяжательности. Не имея совсем ничего — ни инструментов, ни запасной одежды, ни даже иголки, он жил, подобно птицам небесным, в полной беспопечительности и беззаветной преданности своему Господу.

* * *

В 1768 году почил Христа ради юродивый монах Фотий, о котором нам сообщает Кесарий Дапонте[2].

---

[1] Букв. «сжигающий каливы». Святой Максим имел большую любовь к уединению и, когда видел, что кто-нибудь собирается поселиться рядом с ним, сжигал свою хижину и уходил в более пустынное место. Память преподобного совершается 13/26 января.— *Пер.*

[2] Кесарий Дапо́нте (1714–1784) — афонский монах и писатель, выдающийся поэт середины XVIII века, автор многочисленных гимнов, назидательных книг, путевых заметок в стихах и т. п.— *Пер.*

Фотий был совершенно нестяжательным, не имел своего жилища, но жил в огромном платане, ходил босым и носил одну-единственную одежду. Он часто совершал разные нелепые поступки: то притворялся, что гневается, то постригал волосы и бороду, то носил венки из травы и цветов, показывая себя безумным. У него был деревянный меч и стамеска.

Впрочем, говорил отец Фотий вполне разумно и обладал прозорливостью. Занимался он изготовлением ложек и продавал их довольно дешево. Если ему давали больше денег, не брал. Часто он жил на подаяния.

В то же время Фотий непрестанно совершал молитву, повторяя «Богородице Дево, радуйся». Как-то его спросили, видел ли он Пресвятую Богородицу, и он с готовностью ответил: «Много раз... я видел Иверскую...». Хотя он ни разу не был в Иверском монастыре.

* * *

Говорят, что преподобный Савва, Христа ради юродивый, и неизвестный святой Евдоким из Ватопедского монастыря[1] — это одно и то же лицо.

Он проводил жизнь, свойственную Ангелам и бесплотным.

В пустынных местах он питался дикой травой, в городах и селениях — тем, что давали в качестве милостыни. У него не было ни каливы, ни постели, ни одежды, ни друзей, ни знакомых... Ходил отец Савва совершенно обнаженным, если не считать тряпицы, покрывавшей самые сокровенные части тела. Он руководствовался словами Священного Писания: *Мы безумны Христа ради... Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая*

[1] См. главу «Слово о благоухании мощей и мироточении», стр. 227–228.

своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне (1 Кор. **4**, 10, 11–13).

Как-то шел отец Савва в один город на Кипре, нагой, «безумный», не имеющий пристанища. Одна женщина сказала: «Какое прекрасное тело у этого человека». Святой, с одной стороны, чтобы пресечь стремление к неге и удовольствию, а с другой — чтобы вразумить женщину не восхищаться суетными и плотскими предметами, пошел и упал в некое вместилище грязи и нечистот. Оттуда он выбрался черным и измазанным, источая зловоние.

Этот случай потряс многих очевидцев, особенно ставшую причиной этому женщину, которая горячо и со слезами каялась.

* * *

Дионисий, Христа ради юродивый (1814–1880) из скита Кавсокаливия, однажды в Великую Пятницу тайно молился в кириаконе в темном углу у дверей. Он думал, что никто его не видит, весь был поглощен молитвой, а ум его пребывал в неком экстатическом состоянии, так что казалось, что он находится в мире ином.

Некоторые отцы узнали его и говорили между собой:

— Видели блаженного?

— Видели. Посмотрите, что с ним творится!

Только имевшие благоговение могли почувствовать ту высоту, на которую поднялось его сердце по лествице сладчайшей умной молитвы.

Но когда блаженный пришел в себя и заметил интерес к себе, начал совершать обычные нелепые поступки и движения, чтобы казаться для всех безумным.

Да, такова была тактика Христа ради юродивого Дионисия — скрывать от всех свою добродетель. Только немногим он открывал свое сердце и обсуждал с ними различные духовные вопросы. Большинство монахов и мирян считали его человеком неуравновешенным и безумным.

* * *

Последователем великого аскета Хаджи-Георгия был духовник папа-Симеон, родом из Спарты, который после роспуска братства Хаджи-Георгия жил в келлии Святой Троицы Иверского монастыря в верхней оконечности Кареи. Одно время он преподавал греческий язык монахам русской келлии Святого Стефана.

Через некоторое время папа-Симеон вернулся к себе на родину и трудился как духовник и приходской священник. Но жажда безмолвия снедала его сердце, и он принял на себя подвиг юродства. Удалившись в одну пещеру в окрестностях селения, он всю зиму питался одной травой, которую собирал и сушил себе летом. Хлеба не ел совсем. Более того, блаженный притворялся немым и ни с кем не разговаривал. Одни знали, что он добродетелен и притворяется, а другие считали его сумасшедшим. Однако сам он знал, что делает.

Умер папа-Симеон в одиночестве и безвестности. Доподлинно же знал его один лишь Отец Небесный, *видящий тайное* (Мф. **6**, 6) и явно воздавший венец славы этому добродетельному подвижнику молчания и юродства.

* * *

Подобным ему юродивым Христа ради был Феофилакт Кавсокаливит. О нем мне рассказывал приснопамятный старец Михаил Кавсокаливит. Он знал его и ходил к нему

в пещеру Святого Нифонта. Только там блаженный снимал с себя покров юродства, и они говорили об умной молитве, об очищении от страстей. Приходя в скит, отец Феофилакт притворялся глухонемым. Он измазывал свое лицо углем и бродил повсюду, ударяя в пустой газовый баллончик, как человек умственно ущербный.

В монахи он был пострижен в 1896 году, а с 1924 года в течение четырех лет подвизался в пещере Святого Нифонта, питаясь одними сухарями с водой. Рукоделием его была резьба по дереву. Он изготавливал деревянные ложки, расчески, кресты и энколпионы[1]. Вырученные от рукоделия деньги отец Феофилакт раздавал нуждающимся, потому что был совершенно нестяжателен. Старцу Михаилу он рассказывал о многих своих духовных видениях, о которых тот и поведал нам с великим умилением и восторгом.

* * *

Всечестная игуменья монастыря Пресвятой Богородицы в Дамасте монахиня Кассиана с сестрами рассказывают о поистине удивительном житии старца Илариона из Святой Анны. Он, прожив в Святой Анне в качестве ученика тридцать лет, стал затем игуменом монастыря Святого Стефана в Метеорах, после ухода на покой исполнял обязанности служащего священника в монастыре Святого Георгия в Малесине и, наконец, почил в монастыре в Дамасте (в 1962 году), прослужив там последние семь лет своей жизни.

Сей блаженный подвижник не допускал никаких отступлений от своего дивного афонского аскетического жительства. Живя в миру, он отличался многими добродетелями,

[1] Иконка, которая носится на груди.— *Пер.*

особенно нестяжанием (все его имущество состояло из торбы, ложки, вилки, ножичка, чашки, ковшичка для кофе и глиняного горшка) и милосердием (он не держал у себя даже драхмы, постоянно и незаметно благотворя нищим). Кроме того, он нес также великий подвиг юродства во Христе.

Притворяясь блаженным, старец носил на спине торбу, наполненную камнями, согласно апостольскому изречению, *усмиряя и порабощая тело свое* (ср.: 1 Кор. **9**, 27).

Все для себя он делал сам, не принимая никакой заботы о себе. Готовил самостоятельно один раз на всю неделю и принимал пищу через два дня.

Однажды одна сестра монахиня из благих побуждений, желая послужить старцу, отстирала и прогладила его одежды. Увидев их чистыми и ухоженными, он бросил их на землю, стал топтать ногами и приговаривал себе с насмешкой: «Иларий, муларий[1], надевай их теперь, накрахмаленные и проглаженные!».

Как-то его посадил к себе в машину некий генерал, встретив его бредущим по дороге. Старец не только не проронил ни слова, но не проявил даже особой к нему приветливости.

Заболев в старости, он не принимал врача. Почил он в мире, непрерывно повторяя молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Было у него и множество духовных видений.

* * *

Один сербский исихаст, отец Иустин, безмолвствующий в келлии Святого Евфимия, которая расположена выше русского монастыря Святого Пантелеимона, рассказал мне о блаженном Иакове[2].

---

[1] Муларий — от слова мул, то есть старец для смирения называл себя ослом.

[2] Автор называет его не Ιάκωβος — Иаков, а Ιακωβάκης, то есть в уменьшительной форме, что-то вроде Яшка.— *Пер.*

«К нам приходил аскет Иаков, когда я жил в келлии Святого Артемия на Святой Анне. Босой, нечесаный, в штопаном-перештопаном подряснике (он ходил в нем все 50 лет своей жизни на Афоне)...

Однажды падал снег, и было очень холодно. Он пришел в мою каливу и позвал меня.

— Где ты был? — спросил я его.

— Я был в Дафни. Разведи огонь, я замерзаю,— сказал он.

Когда огонь был разведен, я сказал ему, что приготовлю постель для ночлега.

— Я останусь здесь под деревом,— ответил он.

Бо́льшую часть своей жизни он ночевал под деревьями, в лесной чаще или в кустах. Я настаивал, и он согласился переночевать в сарае для дров.

Утром Иаков отправился в Святую Анну к приснопамятному папа-Павлу, хорошему духовнику, и его ученику отцу Серафиму. Ночевал он там рядом с печью, однако тяжело заболел и в конце концов умер, упокоенный в последние дни упомянутыми отцами из скита Святой Анны».

* * *

Старца Иакова-юродивого принял как-то у себя отец Савва Духовник из Нового Скита. Он взял его многократно штопанный подрясник, чтобы постирать, и с вечера положил в лохань с водой. Утром юродивый старец Иаков встал до восхода солнца, взял свой мокрый подрясник, надел его и удалился в неизвестном направлении.

СЛОВО О ВОЗВЫШАЮЩЕМ СМИРЕНИИ

Редко встречается среди людей такое смирение и самоотвержение, какое было у отца всех святогорских монахов преподобного Афанасия Афонского.

Когда он пришел на Святую Гору, то, опасаясь, как бы император Никифор Фока и его военачальники не нашли его, изменил свое имя и назывался Варнавой. Он хотел оставаться безвестным и неузнанным.

Преподобный нашел в монастыре Зигу[1] одного простого жизнью и разумом старца и поступил к нему в послушание.

— Кто ты, брат, откуда и ради чего пришел сюда?

— Я был, отче, моряком и, когда оказался в большой опасности, дал обет Богу, что оставлю мир и буду оплакивать свои грехи... По указанию Божию я пришел сюда, к твоей святости, потому что хочу быть твоим послушником.

Простой старец поверил этой благочестивой истории и принял святого. Он посылал его на все работы, пресекая его волю, возложив на него благое иго послушания. Когда святой научился выполнять самую грязную работу, он возжелал достичь вершины смирения, взойти туда, где обретается духовное совершенство. Он хорошо осознавал, что только тот, кто

---

[1] Древнейший монастырь, расположенный вне пределов Афона, в нескольких метрах от его границы. Ныне восстанавливается из руин.— *Пер.*

смирится, как дитя, по слову Господа, станет великим в Царствии Небесном[1].

Прожив достаточное время рядом с простым старцем, преподобный Афанасий однажды подошел к нему и сказал:

— Научи меня, отче, основам грамматики, чтобы я мог читать Псалтирь. Ведь в миру меня ничему не научили, кроме как работать веслами.

Тогда старец — и откуда он, в самом деле, мог знать, кто перед ним? — взял доску и начертил на ней алфавит. Святой принял ее, положил поклон и с тех пор вел себя, как ученик начального класса.

Он притворялся, что не может освоить некоторые буквы и слова, будто бы у него не хватает на это способностей, так что старец терял терпение и в гневе ругал своего бестолкового ученика. Но этот удивительный послушник, представлявший себя неграмотным, в то время как был мудрейшим из мудрейших, утешал своего старца:

— Не отчаивайся, отче. Я бревно неотесанное. Потерпи и помоги мне своими молитвами.

Но старец наотрез отказался с ним заниматься, и святой продолжал прикрываться своей неграмотностью.

Однажды, на одном из собраний, проводившихся трижды в году в Карее, прот[2] поручил святому читать в храме Псалтирь. К тому времени до Афона дошли уже слухи из Константинополя о сокрытом на Святой Горе сокровище. После многих просьб преподобный наконец подчинился. Он

---

[1] См.: Мф. 18, 4.

[2] См. примечание 1 на стр. 57.

встал и начал читать по слогам, подобно малому ребенку, понижая интонацию после каждого слога.

Едва прот услышал такое чтение, он поднялся со своего почетного места и велел ему читать в соответствии со своими способностями. Тогда святой Афанасий, язык которого был долго связан его великим смирением, обнаружил все свое искусство и премудрость.

Когда старцы услышали, с какой выразительностью и легкостью читает Афанасий, они сильно подивились такой неожиданной перемене. Что же говорить о его старце, который потерял дар речи от изумления и волнения! Его глаза наполнились слезами, и он говорил:

— Да прославится имя Твое, Господи, что через этого мудрого брата Ты указал мне путь смирения!

Так святой Афанасий, столь желавший остаться никому неведомым, был узнан. Никифор Фока и управляющий Фессалониками, перевернувшие весь мир, чтобы его найти, теперь могли праздновать победу. Однако снова преподобный Афанасий показал неприятие человеческой славы и обнаружил свое величайшее смирение. Он обратился к проту с такими словами:

— Отче, ничего не говори обо мне тем, кто меня ищет, потому что тогда, боюсь, мне придется уйти отсюда, что весьма меня опечалит.

Тогда прот согласился хранить это в тайне, уразумев, что Святая Гора потерпит величайший ущерб, лишившись такого человека. Он указал святому одну пустынную келлию, где преподобный Афанасий и подвизался тайно, питаясь суровым трудом своих рук.

* * *

Желая удалиться от мира, царский сын святой Павел Ксиропотамский в старой и рваной одежде тайно покинул Константинополь, чтобы отправиться на Афон.

Как-то в храме Протата в Карее его подозвал к себе прот и спросил, откуда он. Святой ответил: «Я бедный монах, как видишь, уединяюсь в развалинах Ксиропотамского монастыря».

Когда на трон взошел император Роман Старший, приходившийся святому родственником, он сделал все, чтобы его разыскать. Найдя наконец Павла на Афоне, он с помощью прота убедил его приехать в Константинополь. Святой подвижник приехал туда в старой рясе и с крестом в руке. Благодатью Честнаго Креста он исцелил своего венценосного родственника, который лежал на одре, сраженный смертоносной болезнью.

* * *

Прежде чем святой Нифонт, патриарх Константинопольский, взошел на трон Вселенского патриарха, он был послушником монастыря Дионисиат. В течение многих лет он пас Церковь Христову, а потом ушел на покой и вернулся на место своего покаяния, то есть в свой монастырь, но не открывал там своего прежнего высокого положения.

Придя в обитель, святой сказал, что его зовут Николаем и что он хочет стать монахом. Игумен известил его, что в их монастыре существует традиция давать новоначальным послушникам послушание скотников. Святой с радостью согласился и поселился вне стен монастыря, в загоне для скота, ухаживая за монастырскими мулами и заботясь о пище и питии для них. Непостижимое смирение и терпение!

Афонские исихасты: Константинопольский патриарх Филофей Коккинос, преподобные Максим Кавсокаливит и Павел Ксиропотамский. Фреска в иконописной мастерской исихастирия «Святитель Григорий Палама»

Каждую ночь монахи из монастыря видели, как от загона выходят и возносятся на небо огненные языки пламени. Об этом сообщили игумену, который молил Бога открыть ему причину столь сверхъестественного явления. И ему было тотчас открыто, что «тот, которого вы поставили сторожем и попечителем скота и который ходит в лес за дровами, есть Вселенский патриарх Нифонт, подвизавшийся ранее в этой обители».

Дивясь крайнему смирению святого, игумен в ту же ночь, когда ему было это открыто, велел всем иеромонахам и

диаконам облачиться в священные одежды, а монахам взять в руки рипиды, свечи и благовония и ожидать святого. Вскоре братия увидели, как тот возвращается из леса, погоняя нагруженных дровами мулов, в старой рясе, нечесаный и покрытый пылью, как настоящий аскет.

Тогда все пали на колени и просили его благословения, говоря:

— Довольно тебе смиряться, владыка наш! Приди в свой монастырь, возьми принадлежащий тебе по праву пастырский жезл и паси нас на пажитях спасения.

* * *

Изречение преподобного отца нашего Нифонта, патриарха Константинопольского:

«Стяжавший смирение строит свой дом на камне, который есть Христос. А имеющий эгоизм и верящий, что он добродетелен, глух ко всякой добродетели, полон мечтаний и все свое строение зиждет на песке гордости. Смирение утвердит все добродетели, и человек, им обладающий, всегда будет научен Богом. А эгоизм денницы изгоняет из души последние следы доброты и приводит к огрубению ума. Эгоист всегда будет пребывать в помраченном состоянии, согласно изречению Священного Писания: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*»[1].

* * *

Подобное случившемуся с патриархом Константинопольским Нифонтом произошло и с епископом Евбейским Феофаном. Мы не располагаем точными хронологическими све-

[1] Иак. **4**, 6; 1 Пет. **5**, 5.

дениями, но смирение этого епископа вызывает у нас восторг и удивление.

Как-то в епархии владыки Феофана произошел удивительный случай (после смерти одного богача его тело нашли неразложившимся), и пораженный чудом епископ отрекся от всего мирского и удалился на Святую Гору. Обойдя многие монастыри, он поселился наконец в Новом Скиту, тщательно скрывая свое достоинство, и выбрал себе в наставники неграмотного и сурового старца Кирилла.

Кто поведает об упорстве и терпении сего епископа, в звании простого послушника исполнявшего все послушания новоначального монаха и все повеления очень строгого старца! Два года провел он в таком послушании. Однажды, на второй год его жизни в скиту, в конце Великой Четыредесятницы, на пристань скита пристала лодка с Евбеи[1] с разными продуктами. Все отцы спустились вниз, чтобы взять себе разговение на Пасху: сыр, яйца и прочее. Спустился с ними и послушник-епископ Феофан купить продуктов для своей каливы. Но капитан торгового судна, внимательно вглядевшись, узнал его и при всех говорит ему:

— Не ты ли наш владыка Феофан, которого мы потеряли вот уже два года тому назад?

Сказав это, капитан упал на землю и поклонился ему.

Но тот стал отрицать это:

— Ты с кем-то меня путаешь, возлюбленный. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Возможно, мы похожи.

Епископ сразу вернулся в скит и в скором времени решил уйти оттуда, поскольку все узнали о происшедшем и стало

[1] Остров к северу от Афин.

очевидно, что его тайна раскрыта. Старец этого мужа удивился такому его смирению и послушанию. Он упал ему в ноги и просил прощения за свое суровое с ним обхождение.

А владыка Феофан удалился в некую пустынь — ныне это калива «Живоносный источник» — и жил там простым монахом.

* * *

Святой Иоанн Кукузель был большим знатоком византийской музыки. Он имел ангельский голос и занимал должность преподавателя и протопсалта[1] при дворе династии византийских императоров Комниных (XII век).

Оставив суетную славу и удовольствия этого мира, он тайно покинул свой город и пришел в Великую Лавру. Желая скрыть свое имя и положение, он говорил всем, что в миру пас овец. Игумен обители возложил на него послушание пасти в лесу монастырских козлов.

Иоанн с радостью исполнял свое послушание, получая великую пользу от смирения и безмолвия, пока однажды ему не захотелось пропеть прекрасные церковные песнопения, которые он исполнял в Византии. Его пение было столь сладким и мелодичным, что бессловесные животные — козлы, которых он пас,— внезапно перестали жевать, подняли передние копыта и замерли, слушая, как разумные твари, эту ангельскую мелодию.

Это было поистине поразительное зрелище. Пустынники из близлежащей келлии стали свидетелями этой сцены и на следующий день рассказали об увиденном игумену.

Так открылась тайна Иоанна Кукузеля. Вскоре он был пострижен в монахи и пел в монастыре как протопсалт.

[1] Главного певца.

Как-то на одном из бдений, когда он пребывал в состоянии легкого сна в своей стасидии, ему явилась Госпожа Богородица в образе Царицы, окруженная славой, и сказала:

— Радуйся, Иоанне, чадо мое, пой Мне, и Я тебя не оставлю,— и вложила в его правую руку дар — золотую монету! Эту монету он посвятил затем Ее святой иконе.

В другой раз Матерь Божия исцелила его больные ноги, сказав: «Отныне будь здрав».

Святой Иоанн построил кафисму в честь Святых Архангелов, в которой пребывал шесть дней в неделю, а по воскресеньям и праздникам ходил в монастырь и пел на бдениях[1].

* * *

Старец сказал:

— Можно иногда подвизаться с ревностью, но не иметь большого преуспеяния из-за недостатка смирения. В то же время иные подвизаются меньше (в отношении аскезы, поста), но преуспевают гораздо больше, потому что имеют много смирения, которое все восполняет.

* * *

Еще он сказал:

— Я видел, как на одной душе почила любовь и милость Божия, потому что она претерпела несправедливость. Для того чтобы воспринять эту милость, у нее было все необходимое — чистота, смирение и любовь. Это главное. Когда кто имеет смирение — имеет Божественный магнит, притягивающий благодать Божию. Видите, благодать дается смиренным[2], так определено это Господом.

---

[1] Память святого Иоанна Кукузеля празднуется 1/14 октября.

[2] Ср.: Иак. **4**, 6; 1 Пет. **5**, 5.

* * *

Три года преподобный Нифонт Кавсокаливит, будучи послушником у старца Феогноста, скрывал свой священный сан. Старец же, видя великую добродетель Нифонта, не желал более иметь его своим подчиненным, но хотел относиться к нему как к равному себе собрату. Преподобный просил его сохранить между ними прежние отношения, потому что, как он говорил, не может монах идти на безмолвие, если не подчинит прежде свою волю. Однако старец Феогност не соглашался, и тогда святой, имевший дар слез, удалился в свою любимую пещеру, где он в течение четырнадцати лет проводил поистине безмолвническую жизнь, вкушая раз в неделю немного сухого хлеба.

* * *

Преподобный Акакий Кавсокаливит, прежде всех других своих добродетелей, имел великое смирение. Он не только не хотел совершать или говорить нечто гордое, но даже и слышать о подобном.

Однажды отцы скита собрались на праздник в кириаконе и просили настоятеля (дикея) назначить какого-нибудь брата в качестве второго настоятеля, чтобы они лишний раз ему не докучали. Тогда дикей передал настоятельский жезл преподобному Акакию. Преподобный, поцеловав руку дикея, принял его, но это был единственный раз в жизни, когда он держал этот жезл. Больше святой ни разу не взял его в свои руки, отгоняя от себя всякий высокоумный помысл.

* * *

Один аскет говорил:

— Человек сначала всецело предает себя Богу, а потом Бог его очищает и отдает людям. Когда человек верит, что он хуже всех, тогда и одно «Господи, помилуй», сказанное им о мире, стоит куда больше тысячи «Господи, помилуй», сотворенных иным без смирения.

* * *

Протопсалта старца Иосифа из Нового Скита за дивный и исключительный голос называли соловьем Пресвятой Богородицы. Он прожил всего пятьдесят семь лет, исполняя послушание певчего в кириаконе скита. Рукоделием его было плотницкое ремесло.

Когда старец пел, казалось, что вместе поют десять певцов. Однако он никогда не гордился своим прекрасным голосом. Это дарование он считал милостью Подателя всех благ Бога, от Которого происходит *всяк дар совершен*[1].

* * *

Исключительные подвиги возвышающего смирения возводят человека на Божественные высоты почета и благодати. Вместилищем благодати за свое смирение стал скрывший свое звание протопсалт Патриархии, уподобившийся святому Иоанну Кукузелю. Он пришел к одному духовнику из Святой Анны, чтобы исповедаться и испросить совета.

— Чем ты занимался в миру? — спросил его духовник.

— Был первым протопсалтом Патриархии, отче святый.

[1] Иак. **1**, 17.

— Если хочешь спастись,— говорит ему духовник,— никому не говори, что ты протопсалт, потому что здесь, на Святой Горе, совершается много праздников, и тебя будут постоянно приглашать в качестве певчего, так что ты никогда не постигнешь монашества. Я дам тебе хорошего старца. Ты будешь только хорошо читать, но никогда не будешь хорошо петь. Ты всегда будешь фальшивить и делать вид, что не можешь поспевать в пении за старцем.

— Буди благословенно, отче святый,— ответил будущий монах и был отведен к уважаемому старцу.

Прошло много времени, и духовник спросил старца:

— Как твой послушник?

— Хорошо,— ответил тот,— послушный, только совсем не может петь. Впрочем, читает очень хорошо.

Прошли годы. Духовник, обладавший даром прозорливости, получил извещение, что бывший протопсалт приблизился к завершению своей жизни. В кириаконе Святой Анны должна была совершаться праздничная служба, а духовник исполнял тогда в скиту обязанности уставщика. Он повелел тайному протопсалту готовиться петь на Божественной литургии Херувимскую песнь. Тот опечалился, потому что не хотел открывать себя. Сколько благодатной силы давала ему безвестность! То самое «живи незаметно», как гласит древняя мудрость[1]. Он отговаривался тем, что за столько времени совсем разучился петь. Однако, слушаясь непреклонного старца-духовника, согласился.

Когда пришло время Херувимской, духовник поставил протопсалта с поющими. Все огорчились, думая, что устав-

---

[1] Λάθε βιώσας — известное выражение Эпикура, ставшее пословицей и означающее «проводи свою жизнь незаметно, не желай выделяться».— *Пер.*

щик совершил ошибку. Но когда они услышали его мелодичный голос и убедились в великом знании своего дела этого неведомого им протопсалта, стали говорить между собой:

— И этот благословенный слушал нас столько времени и ничего не говорил?!

Как только закончилась Божественная литургия, духовник взял скрывавшего свое мастерство и отвел в его каливу. А через два дня тот, заболев, отошел ко Господу! Никто не узнал бы об этом великом тайном подвиге возвышающего смирения, если бы не открыл его духовник.

* * *

Старец сказал:

— Мы должны просить у Бога, чтобы Он дал нам смирение, которое приобретается многими трудами. Полагаю, что логика приобретения смирения очень проста: познай самого себя. Когда познает кто самого себя, тогда смирение будет для него постоянным состоянием. Иначе, когда нет у человека познания самого себя, он может в какой-то момент смириться, но в другое время помысл может говорить ему, что он есть нечто, в то время как он ничтожество, и так он будет бороться до самой смерти. Если смерть застанет его в мысли, что он ничто, Бог прославит его. Если же в час смерти помысл скажет ему, что он есть нечто, и он поверит, пропали все его труды.

Человек должен возвышаться над логикой, говорить, например: «Теперь я монах, а мог бы быть животным. Бог мог сделать меня какой-нибудь лягушкой, скорпионом или черепахой, но Он сделал меня человеком, лично призвал меня в ангельский чин, а что я делаю для Него?». Такие мысли смиряют. Мы должны соответствовать тому, что нам дал Бог.

* * *

Преуспевающий в смиренномудрии умаляется в своем представлении о себе, в то время как у того, кто не имеет смиренномудрия, мнение о себе возрастает. Он не допускает даже сравнения себя с последними из людей и огорчается, если ему не дают «преждевозлежания», говорит преподобный Илия Екдик[1].

Приснопамятный иеромонах Савва-серб имел такое смирение, что ни во что не вменял «преждевозлежания» и первые места мира сего. Потому он с такой легкостью и оставлял их. Когда в его монастырь пришли молодые монахи, он, несмотря на то что в течение многих лет был представителем в Священной Епистасии и протом, тихо удалился в монастырские палаты для престарелых, оставив молодым даже свою келью со всеми личными вещами, кроме одежды, которую носил.

* * *

Старец сказал:

— Смирение — это нижняя ступень лествицы добродетелей, а любовь — верхняя. Почему мы сегодня не становимся святыми? Потому что не имеем смирения.

* * *

Другой старец сказал:

— Освященный человек обладает умом. А диавол борется не с павшими, а с умными, с теми, кто с Богом может творить чудеса. Их он искушает самомнением, логикой, рассуждениями. Поэтому давайте положим свой ум в холодильник, пока Бог не возвратит его нам освященным.

---

[1] Или Илия Пресвитер. Его труд «Цветособрание» входит в третий том Добротолюбия.

* * *

В каливе Трех Святителей скита Святой Анны у одного старца-румына был юный послушник по имени Нектарий, который отличался особой молчаливостью.

Некоторые рассудительные отцы скита условились как-то между собой: «Нужно испытать его, какое вино в его бочке — сладкое, горькое или кислое».

Однажды, когда геро-Феодосий с братией спустились на причал, чтобы плыть в Дафни, спустился с ними и отец Нектарий. Увидев его, отцы сказали:

— Отец Нектарий, ты молодой, возьми свою котомку и рукоделие и иди в Карею пешком. Мы уже стары, и нас много, а лодка мала и не может всех поместить.

Услышав это, прежде молчаливый Нектарий возмутился. Он открыл уста и начал говорить, противореча и приводя многие аргументы в свою пользу. Тогда отцы опустили головы и сказали громко:

— В его бочке очень горькое вино (то есть молчание его не по Богу).

Отец Нектарий понял это, положил перед всеми земной поклон и попросил прощения.

— А мы думали, что ты трудился над собой и потому молчал. Теперь ты сам видишь, что в твоем языке яд, и ты должен сделать его сладким,— сказали они ему.

Отец Нектарий поблагодарил отцов и с того времени понуждал себя, чтобы освободиться от всякой, даже самой малой, страсти. Он усердно изучал книгу «Грешных спасение» и творения Петра Дамаскина. Спал на одной доске, много бодрствовал и после бдений просил Пресвятую Богородицу

призвать его от земных к небесным в праздник Всех Святогорских Отцов. Действительно, так и случилось. В этот день он отошел на небо, украшенный добродетелью молчания, которую соблюл чистой от всякого нарекания.

* * *

Старец сказал:

— Мы похожи на крапиву. Издали ее заросли кажутся зелеными и прохладными, как луг или сад, но когда приблизишься к ним и прикоснешься, тогда увидишь, как они некрасивы, и ощутишь на себе их жала.

* * *

Еще он сказал:

— Не полагайся на свои знания. Для того чтобы воссияло в тебе Божественное знание, знание мира сего должно упраздниться. Стань простым, как ребенок. Не хвались своими знаниями: *знание надмевает*, как говорит апостол[1]. Будь ниже всех. Смири самого себя. Как смирил Себя Господь на Кресте! Какой позор претерпел! Обнаженный, всеми презренный и поносимый, Он вошел потом в славу Свою. Так и ты. Ты должен уничижить себя, чтобы прийти в духовное состояние.

* * *

Мой приснопамятный старец и духовник рассказывал нам о рассудительном наставнике послушников старце Х. из Святой Анны.

Как-то он посетил старца Х. в его исихастирии, когда тот служил Литургию. Босой, в старых, обветшалых облачениях, с крестом собственного изготовления, изъеденным ржавчиной. Лик его был прост, но очень приятен, несмотря

[1] 1 Кор. 8, 1.

на дикий, юродивый вид, который придавала ему его нечесаная, развевающаяся по ветру шевелюра.

В этот день у него было много посетителей, пришедших помолиться в маленький храм его исихастирия, и он возложил обязанности певчего на одного своего послушника в сане священника.

Священник-послушник имел такой приятный голос, что его пение могло бы сравниться с ангельским.

От величия этой Литургии все ощущали большую духовную радость, но еще сильнее поразило всех одно событие. Незадолго до конца Божественной литургии старец Х. появился в Царских вратах и, обратившись к послушнику, неожиданно обрушил на него град сокрушительных обвинений:

— Ах ты, негодяй, недочеловек, да ты что, Бога не боишься и людей не стыдишься? Лицемер, ты думаешь, что ты святой и хочешь, чтобы тебя почитали и хвалили люди! А ну, прочь отсюда! Вон, вон из церкви!..

— Прости, отче, ты прав,— сказал тот невозмутимо, мирно, положил земной поклон и тихо вышел.

Все застыли на месте и оставались без движения, словно статуи, пока после двух минут гробового молчания в Царских вратах снова не появился только что казавшийся разгневанным старец. Плача от волнения и радости, он объяснил гостям:

— Я хотел, братия, сказать вам полезное слово, но, будучи неграмотным и неученым, решил таким наглядным способом научить вас смирению в лице этого моего святого послушника. Знайте, что он — поистине совершенный монах Святой Анны.

* * *

Как-то одного пустынника спросили:

— Как нам относиться к одобрениям и похвалам?

Он ответил:

— Имейте смирение и хорошо знайте самих себя. Я вам приведу один пример. Когда я заканчиваю вырезать на дереве изображение какого-нибудь святого, я думаю, что оно хорошо. Через некоторое время снова смотрю на него и вижу, что оно имеет изъяны. А если возьму лупу, то увижу, что оно и вовсе ничего собой не представляет. Взгляните на свои руки. На вид они чистые. Но если посмотрим на них через увеличительное стекло, увидим грязь и множество микробов. Так будем внимательно смотреть на самих себя и увидим, что мы ничто, а люди пусть говорят что угодно.

* * *

Один старец, папа-Варфоломей, ста шести лет от роду, ходивший в тысячекратно штопанной кофте, сказал:

— К многознанию прилепляется гордость. Когда у нас появляется гордость, Бог уходит, и человек остается один со своей гордостью.

* * *

Другой старец сказал:

— Наша гордость делает Бога глухим к нам.

* * *

Мы спросили одного монаха, что он делает, как живет, и он нам ответил:

— Зря занимаю место!

* * *

Русский подвижник папа-Тихон, после того как обошел в России триста монастырей, пришел на Святую Гору и подвизался там шестьдесят лет. Он говорил:

«Бог утром благословляет мир одной рукой, а смиренного человека — двумя руками. Смиренный выше всего мира».

«Девство — это одно, а смирение — другое. Многие гордые девственники оказались в аду».

Еще он молился: «Господи Иисусе Христе, даруй мне смирение».

* * *

Смиренномудрый и нестяжательный монах Неофит Лавриот, когда собирался причаститься Святых Таин — а причащался он всегда с глубочайшим умилением,— целовал руки даже послушников, прося прощения. Таково было его смирение.

* * *

— Мы не имеем смирения и потому сами мучаемся и других мучаем. Страдаем до тех пор, пока не смиримся,— говорил один старец.

* * *

Однажды мы с одним моим духовным братом посетили старца Зосиму, русского подвижника на Карулях. Он колол дрова, сидя на земле. Получив его благословение и приложившись к иконам в его маленькой церковке, мы попросили старца сказать нам слово утешения.

Он поднял свое светлое и кроткое лицо и сказал нам лишь одно слово по-русски:

— Смирение, смирение…

И, наклонившись, опять продолжал терпеливо раскалывать поленья, которые заготовил на зиму.

* * *

Благодатный сподвижник старца Иосифа Пещерника старец Арсений говорил нам:

— Я хотел иметь старцем и наставником отца Иосифа, хотя и был старше его. Он был человеком созерцательным, просвещенным, а я — практическим. Как-то два человека хотели перейти через реку — один слепой, а другой безногий. Поднял слепой на плечи того, кто не имел ног, но имел глаза, и оба перешли через реку. «Ты, отец Иосиф, — сказал я своему сподвижнику, — созерцатель, то есть имеешь отверстыми очи своего ума, ты молитвенник, а не практик. У тебя нет ног. А я практик, у меня есть ноги, но нет очей ума, нет духовного трезвения. Итак, будем вместе. Я беру тебя на спину, и мы идем, а ты меня направляй». Так мы перешли поток настоящей жизни.

* * *

Новоявленный святой Нектарий Пентапольский, напитавший медом и нектаром своей святости Православную Церковь наших дней, по своему великому смирению искал помощи и наставлений от старца Даниила Катунакского, обращаясь к нему в одном из писем:

«...Вы нас очень обяжете, если соблаговолите написать некое духовное слово к девам для их укрепления. Ваше послание, продиктованное деянием и созерцанием, будет для них, нуждающихся в таком живом учении, истинной духовной пищей и поддержкой».

* * *

Основателем Афонской церковной академии Святой Горы, этой колыбели мудрых учителей греческого народа и известных преподобных и мучеников, был патриарх Константинопольский Кирилл.

Он много претерпел от строптивых архиереев, а также и от турок, дважды удалявших его с патриаршего трона. Оставив славу и величие этого высокого достоинства, он пришел на Святую Гору и остался как простой послушник в братстве келлии Святых Апостолов, что под кириаконом Святой Анны.

Несмотря на преклонный возраст, патриарх с терпением обрабатывал землю этого малого братства, имевшего масличный сад. Его усердие в служении братии, аскетический облик, непревзойденное терпение и великие труды вызывали всеобщее восхищение. Отцы скита, чтобы утешить старца в его подвигах и щадя его старость, дали ему маленького ослика, чтобы он возил на нем орудия труда и все необходимое для жизни. Но однажды летним днем с ним приключилась удивительная история.

Поднимаясь на ослике по тропе и находясь в самом трудном месте подъема от сада к каливе, старец своими глазами увидел, как два сияющих юных монаха отирают с ослика пот. На его недоумение и протест, почему они не утешают и его, Ангелы ответили: «Ты не заслужил того, чтобы тебя утешали и отирали с тебя пот, потому что ты не трудился над перевозкой вещей, а все мучения претерпело это животное».

С того времени патриарх оставил этого несчастного ослика и безропотно поднимал вещи, как и другие отцы, на крутую голгофу скита, от причала до кириакона. Позднее он перестроил от основания свою каливу и, став примером послушания, повиновения и самоотвержения, почил в 1775 году, исполненный дней, причем заранее предузнал и предсказал о своей кончине. Весь день накануне смерти старец видел посещавших его богоносных отцов и Ангелов и сиял от

радости. Его глава темно-бурого цвета — что указывает на святость — хранится в каливе его покаяния.

* * *

Что нам сказать и как описать добродетели духовника папа-Игнатия Катунакского?

Когда заканчивалась Божественная литургия, старец папа-Игнатия часто ругал его, и он никогда не бывал расстроен, но говорил так:

— Послушайте, отцы и братия! Когда нас, молодых, ругают наши старцы и дают пощечины, нам совершенно не следует расстраиваться. Напротив, мы должны радоваться и помогать им в этом, потому что они заботятся о том, как освободить наше сердце от трезубца диавола, то есть гордости, эгоизма и превозношения. И если пройдет день, и мой старец Неофит меня не поругает и не даст мне пощечины, я очень огорчаюсь и говорю себе в душе: «Бедный папа-Игнатий, сегодня тебя не ругали, и ты должен остерегаться трезубца диавола, ибо он глубже укоренится в твоем сердце».

* * *

Один очень простой старец говорил:

— Все эти образованные вот на чем терпят крах — пытаются исследовать Божественное. Если веревки не хватает, что ты порываешься спуститься в пропасть?

* * *

Румынский аскет отец Енох говорил:

— Монах должен быть смиренным, не забираться высоко, но пребывать внизу. Со смирением он легко спасается, в то время как священник... Ох, ох, ох! Двойная тяжесть, тяжело. Немного, очень немного хороших священ-

ников. Зачем ты стремишься к званиям? Ты не хочешь спасти свою душу? Ты пришел на Святую Гору, чтобы спасти душу, и теперь желаешь славы от человеков? Будь простым и смиренным. Я хочу спасти свою душу. Нет в мире большего блага, чем спасти человеку душу свою.

Этот старец, несмотря на свои семьдесят пять лет, не имел желания, чтобы к нему относились с уважением. Сам он считал себя подобным псу. В качестве милостыни отец Енох просил немного хлеба для себя и для других старчиков, еще более дряхлых, больных и немощных. Он клал поклон и просил благословения у всех — монахов, послушников, мирских паломников.

Как-то Енох хотел купить себе торбу, но она оказалась очень дорогой, и у него не хватало денег. Вдруг он увидел в углу магазина обычный мешок и спросил хозяина:

— А это сколько стоит?

— Это? Нисколько, а что ты будешь с ним делать?

— Я буду носить его на спине вместо торбы,— ответил он.

— И не стыдно тебе носить на себе такое? — удивился хозяин.

— А чего мне стыдиться,— ответил Енох просто,— если я хуже этого мешка?

* * *

Талантливый богослов иеромонах папа-Хризостом из Великой Лавры был вызван в Патриархию для хиротонии во епископа. Но он, высоким церковным должностям предпочитая смирение, отказался, говоря: «Я не оставлю монашеской скуфьи!».

* * *

Как-то один очень важный православный иностранец пожелал встретиться с отцом Силуаном. Иеромонах русского монастыря Н., член игуменского совета, сказал ему:

— Я не знаю, почему вы, многоученый богослов, ищете отца Силуана, безграмотного деревенского жителя. Неужели нельзя найти здесь кого-нибудь поумнее?

— Чтобы понять старца Силуана, надо быть многоученым,— ответил гость с болью в душе.

Тот же иеромонах Н., будучи непричастен Божественному опыту святого, говорил другому:

— Не знаю, почему к нему идут. Он, я подозреваю, ничего не читает.

— Он ничего не читает, но все исполняет, в то время как другие много читают и ничего не делают,— ответил тот.

* * *

Как-то я спросил одного простого старца-подвижника:

— Почему, отче, ваши лимонные деревья приносят столько плодов?

— Потому что я пригибаю их ветви, чадо мое,— ответил он.

* * *

Я видел одного молодого послушника, который уста имел, а голоса не имел[1], что подтвердил и его духовный наставник.

* * *

Преподобный Силуан Афонский говорил:

— Моя любимая песня — скоро я умру, и окаянная душа моя снидет во ад, и там буду один я страдать в мрачной тем-

[1] Вероятно, это надо понимать так, что послушник настолько хранил свои уста от празднословия и прекословия, что был все равно как не имеющий голоса.

нице и горько рыдать: скучает душа моя о Господе, и слезно ищу Его. Как мне Его не искать? Он прежде взыскал меня и явил мне, грешному, Себя… Господь Сам научил меня, как надо смиряться: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». И этим побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу.

* * *

Один старый аскет рассказывал нам:

— Многие отцы, наши современники, уразумев, что уничижение и незаслуженные обличения со стороны старцев бывают для очищения нашего сердца от превозношения и тщеславия, вкушали сладость спасения своих душ. И, будучи неграмотными, достигали такой меры, что изъясняли слова святителя Григория Богослова. Другие заканчивали свои послушания и спешили в келью, чтобы заняться чтением и молитвой. И достигали таких глубин смиренномудрия, что считали себя не людьми, а чем-то хуже выброшенного тряпья.

* * *

Когда братия и отцы желали старцу Феофилакту из Нового Скита «доброго рая», он отвечал:

— Рай — не сарай для сена, чтобы принять меня, скотину.

Вот какое самоуничижение имели святые отцы.

* * *

Старец Дионисий-румын говорил мне:

— Я пришел на Святую Гору в 1926 году. До сегодняшнего дня я подобен дереву, которое должно было приносить яблоки и груши, но осталось бесплодным. Одни только листья…

* * *

Старец говорил: «Я хуже самого диавола».

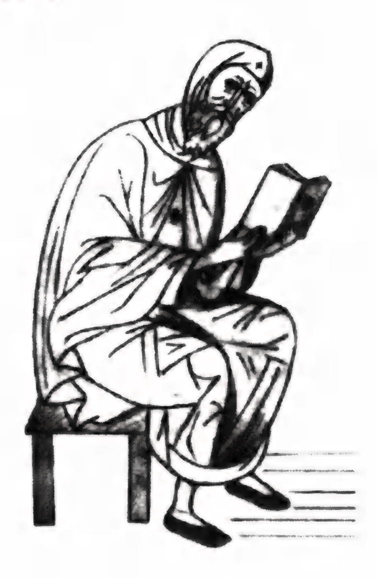
* * *

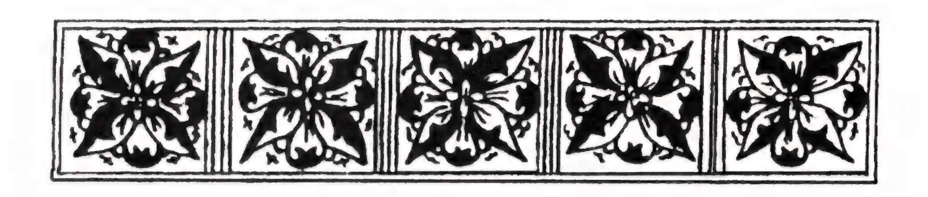
Я встретил как-то человека, который очень часто говорил в молитве: «Господи Иисусе Христе, Спаситель мой, прости меня, потому что я хуже всех людей».

* * *

Монах Аглаий Костамонит достиг предела истинного и сознательного самоукорения.

Он никоим образом не позволял, чтобы ему целовали руку, говоря: «Нет, брат мой, потому что я скверный пес». Сам же он, напротив, когда сердечно приветствовал своих братьев-монахов, и особенно молодых, широко обнимал их и целовал у них руку.

СЛОВО О МЫТАРСТВАХ И ПОСМЕРТНОМ СУДЕ

Монах Герман из Кавсокаливии был послушником известного резчика и добродетельного старца Арсения, подвизавшегося на Святой Горе с 1910 года.

Когда отец Герман занемог и слег в постель, он сказал своему брату по постригу отцу Епифанию:

— Брат, я думаю, что скоро я покину этот мир. Прошу тебя, попроси отцов и братий скита помолиться обо мне, чтобы я обрел милость у Господа.

Накануне смерти у отца Германа началась поразительная борьба. Лукавые духи, как это бывает во время разлучения души с телом, отстаивали свои права, угрожали, производили смятение, смешивая истину с ложью.

Отец Герман, как бы разговаривая с кем-то, отвечал часто «да» или «нет». Иногда он говорил: «Нет, этого я не делал, вы лжете. За то-то я совершил такое-то добро, так-то показал свое покаяние».

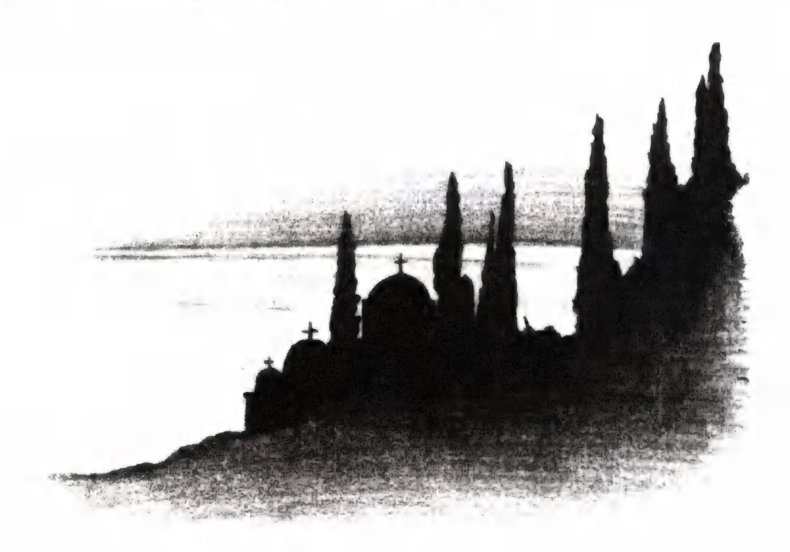
Еще он говорил: «Да, я это сделал, но дал милостыню».

Прошло достаточно времени, прежде чем диавол отступил от него, и он предал свой дух. Присутствовавшие при этом вспомнили подобный случай в «Лествице» преподобного Иоанна Синайского.

* * *

Я был знаком с приснопамятным духовником папа-Гавриилом Левтериотисом, который обладал многими добродетелями, и в том числе даром рассуждения. Жил он в Новом Скиту. Достоин упоминания и полезен связанный с ним случай, раскрывающий пастырское искусство этого замечательного духовника и подтверждающий факт существования мытарств.

Один монах по имени Кирилл находился в состоянии агонии на последних минутах своей земной жизни. Он видел на своем левом плече некую хартию, на которой было что-то написано. Справа от него предстояли два светлых Ангела, а слева — лукавые демоны. Духовник отец Гавриил велел отцу Кириллу спросить Ангелов, что написано на бумаге. Он послушался, и те назвали ему два греха, о которых он уже не помнил. Духовник прочитал над ним разрешительную молитву, и монах с миром предал свою душу.

СЛОВО О ПОСЛУШАНИИ

Преподобный Акакий Кавсокаливит в ночь после своего монашеского пострига видел себя держащим свечу, которая излучала ослепительный свет и освещала им все вокруг. Этот святой особенно много подвизался на поприще смиренномудрия, которое рождается от нерассуждающего послушания. Он всегда с готовностью и усердием подчинялся не только настоятелю монастыря, но и всякому брату, исполняя самые грязные и тяжелые работы.

* * *

Старый подвижник сказал:

— Первая добродетель для монаха — послушание, вторая — послушание, и последняя — послушание и «Господи, помилуй».

Еще он сказал:

— Если ты нашел старца, ты нашел рай. Послушание — это самый короткий и самый разумный путь к Богу. Постарайся найти его и усладиться им. И тогда смело беги и собирай в свою котомку дары Божии.

* * *

Когда врач Спиридон Лавриот принял в послушники врача отца Павла Павлидиса, он сказал ему:

— Возьми лист бумаги и карандаш и напиши: «Монашеская жизнь — это “благослови” и “прости”».

* * *

Старец Дамаскин из скита Святого Василия рассказывал мне о Герасиме Исихасте. Этот блаженный муж подвизался в храме Святого пророка Илии на горе, называемой Кармильской, которая расположена выше скита Святого Василия, рядом с Керасьей. С ним были его сподвижник Каллиник и ученик Исаак.

Исаак вначале был непослушным, рассуждал и противоречил. Однажды старец призвал его и сказал:

— Иди, чадо, найди себе место по душе. Пока я слышу от тебя одни прекословия.

Исаак, раскаявшись, пролил слезы покаяния. Он спрятался в лесу и проплакал весь день. С того времени он изменился коренным образом и стал совершенным послушником. Говорят, что после смерти его тело благоухало.

* * *

«Благословенная киновия, благословенная киновия», — имел обыкновение повторять, особенно незадолго до своей преподобнической кончины, благословенный монах Иаков, светоч обители Святого Дионисия, подвижник молитвы и делатель блаженного послушания, хвала Афона и образец для общежительных монахов.

У него был диплом политехнического университета, но именно здесь, в университете добродетели, он угодил Богу и стяжал благодать.

* * *

Святой личностью был один игумен болгарского монастыря Зограф, родом из Болгарии. Лицо его светилось. Сорок

лет его старец не называл его по имени. Двадцать лет он писал одну книгу и, закончив, показал своему старцу, но тот, чтобы испытать послушника, сказал строго:

— Эта книга хороша для растопки!

Старец забрал ее, но не бросил в огонь, а когда отошел ко Господу, ее нашли спрятанной среди его книг.

* * *

Из записей приснопамятного старца Гавриила Дионисиатского:

«В 1810 году, во время игуменства в нашем монастыре Дионисиат благоговейнейшего иеромонаха Кирилла, один брат по имени Евдоким воспламенился сильным желанием исповедать свою веру перед турками и стать мучеником, и он принуждал своего старца позволить ему отправиться в Константинополь для исполнения задуманного. Но игумен, зная поверхностный характер Евдокима, не давал ему такого благословения.

Однако Евдоким, найдя себе в монастыре единомышленного брата по имени Вонифатий, самовольно уехал в Константинополь, где они дерзновенно исповедали Христа и поносили Магомета как лжепророка. Магометане повлекли их в суд, а затем подвергли и мучениям, как это водится у турок. Но, не будучи в состоянии перенести истязаний и убоявшись, Евдоким и Вонифатий отреклись, увы, от веры во Христа и для спасения своей ничтожной и временной жизни стали отступниками и мусульманами.

Евдоким, придя через несколько лет в чувство, вернулся в монастырь и был принят на покаяние, получив духовную епитимию за свое отступничество. Но через некоторое

время, полагая, что обрел такое душевное мужество, что может своей кровью омыть скверну отречения, он настойчиво стал просить игумена Стефана отпустить его снова в Константинополь, чтобы там, где постыдно отрекся, доблестно и до крови исповедать Христа.

Игумен разубеждал его, призывая к покаянию и слезам, уверяя, что и этого достаточно для умилостивления праведного Бога. Но поскольку Евдоким оставался непреклонным, игумен, призвав одного молодого, но преподобнейшего и весьма разумного брата по имени Иосиф, по роду деятельности иконописца, сказал ему: "Сотвори любовь и сопроводи брата в Константинополь, утверждая его в добром исповедании и мученичестве, которого он так желает". Блаженный же Иосиф, как добрый послушник, сотворив поклон игумену, сказал: "Благослови, отче, благодать Господня вашими молитвами да укрепит меня, недостойного".

Прибыв в Константинополь, Евдоким явился на то же судилище и, рассказав о своем постыдном поступке принятия мусульманства, немало поносил агарянскую веру и проповедовал веру во Христа.

Выслушав это, судья отдал распоряжение и, когда в зал принесли горящие угли, велел Евдокиму взять их в ладони для подтверждения сказанного. Но несчастный, снова проявив малодушие, начал отказываться. Когда же судья стал угрожать ему повешением, если будет настаивать на своих словах, Евдоким опять отрекся от своего исповедания и указал на присутствовавшего на судилище Иосифа как на главного виновника своей дерзости. Судья сказал Иосифу, что если он не отречется от христианской веры и не станет му-

сульманином, то будет казнен, поскольку хотел отвратить мусульманина от его веры.

На это приснопамятный мужественно ответил, что Евдоким по своей воле хотел засвидетельствовать о Христе, а он сопровождал его ради братской любви, но отречься от Христа, истинного Бога, и приступить к неосновательной вере турок он никогда не согласится, даже если за это ему придется претерпеть тысячи смертей.

После этого Евдоким был отпущен и даже одарен, а Иосиф посажен в темницу. Представ через несколько дней на судилище и исповедав свою веру, он услышал решение судьи, что его будут подвергать самым разным мучениям, и если он не образумится, то будет обезглавлен, если же изменит свои взгляды и станет турком, получит честь и богатство.

Услышав это, блаженный Иосиф нисколько не испугался, но твердо засвидетельствовал, что никогда не отречется от Христа. Так самым мужественным образом он претерпевал в тюрьме различные мучения и в конце был усечен мечом, приняв от Господа мученический венец.

Достойный же слез Евдоким, пробыв некоторое время в агарянском заблуждении и не будучи в состоянии переносить обличения совести, как в своем отречении, так и в предательстве по отношению к брату, плача и рыдая, возвратился в монастырь, прося милости ради спасения своей души.

Игумен и братия, узнав о случившемся, не позволили ему войти в обитель, однако, движимые милосердием, наложили на него епитимию в течение всей жизни пребывать в расположенной напротив монастыря каливе с источником, оплакивая свой великий грех, и лишь в конце жизни причаститься

Пречистых Таин. С такой епитимией прожил этот несчастный около тридцати лет, постясь, трудясь и оплакивая свое горькое падение. Старейшие отцы, дожившие до нынешнего века, вспоминали, как он подходил к дороге, ведущей к морю, и получал хлеб и постную пищу. А о его великих трудах свидетельствуют и доныне сохранившиеся уступы сада в той крутой и скалистой расселине — исключительно дело его рук, а также немногие уцелевшие из посаженных им масличных деревьев в месте, называемом “Евдоким” или “У Евдокима”.

К телесным же трудам он присовокуплял столь же великие духовные подвиги и непрестанный плач, о чем свидетельствовали посещавшие его духовники обители.

И Всеблагий Бог, не желающий погибели грешника, видя его обращение к истинному покаянию, принял и простил Свое создание, известив его об этом в видении и повелев во время утрени прийти в монастырь, испросить причаститься Святых Таин и быть готовым к отшествию из этой жизни.

Потому, придя ночью к воротам обители, Евдоким просил позвать игумена Евлогия, рассказал ему о видении и со слезами просил прощения и разрешения принять Божественное Причащение. Получив же просимое, он, несмотря на благословение игумена, не пожелал войти в монастырь, но лег по направлению к востоку, сложив руки на груди, и там же, во вратах монастыря, прежде восхода солнца предал свой дух Богу.

Так он оставил нам пример, как надо убегать проклятого тщеславия и преслушания, которые еще со времен прародителей являются для нашего рода источником падений и самих бесплотных Ангелов низвергли с неба в тартар. В то время

как смирение и послушание, напротив, сподобили блаженного Иосифа ликования на небе со святыми мучениками.

Великий грех — отречение, но достойно удивления и покаяние этого брата. Целых тридцать лет он прожил напротив обители своего покаяния, причем на небольшом от нее расстоянии, так что слышал ее била, а иногда и ночные песнопения, видел сияющую во время утрени и всенощных бдений церковь! И помышлял, что все братия теперь молятся на этих службах, на Божественной литургии и причащаются Божественных Тела и Крови Господа нашего, а он, подобно Адаму, сидя напротив сего духовного рая, в этой крутой и безутешной пропасти имеет пред собой всегда только свой грех.

Пощади нас, Господи, и упокой творение рук Твоих, Тебе единому согрешили, но Ты Отец наш, и в милости щедрот Твоих уповаем мы получить спасение».

* * *

Многоопытный исихаст приснопамятный отец Ефрем Катунакский говорил с нами снова и снова на свою любимую тему, уча нас блаженному послушанию:

— Только диавол знает, что значит старец. Сказал старец: «Иди, поднимись на луну»,— поднимайся и не бойся. Что бы ни делал старец, нас это не беспокоит, для нас важно послушание. Сотворил послушание — пойдешь в рай. Будешь ли ты причащаться десять раз на день, будешь ли творить умную молитву, будешь ли совершать бдение, пост — это еще ничего не значит. Послушание. Сотворил послушание — пойдешь в рай, творил преслушание — отправишься на мучение. Среднего здесь не бывает. Адам показал непослушание — вон из рая. Да, это именно так.

Пророк Илия ходил пред Богом. Он был вместо старца для пророка Елисея и, покидая землю, сделал Елисея своим преемником. Пророк Елисей имел послушником Гиезия. Гиезий не оказал послушания и получил проказу Неемана[1]. Поэтому мы, монахи, не говорим много слов: преслушание — смерть, послушание — жизнь. Ты не имеешь того-то и того-то? Сотворил послушание — ты имеешь все. Мы не говорим, что другое не приносит пользы, но другое уже второстепенно.

Единственным человеком, которого я и любил, и боялся одновременно, был старец Иосиф. Старец скажет тебе слово, и на первый взгляд оно может показаться ошибочным, но ты окажи послушание, совершенное послушание. У старца я отведал плодов совершенного послушания. Я не боялся Бога — даже Бога я не боялся![2] Что говорят уста старца? «Ты прощен».— «Благословите».

По соседству с нами жили два старца, у которых был один ученик-подмастерье, имевший нечистого духа. В миру он был женат, а когда стал бесноваться, жена его оставила. Тогда он пришел на Святую Гору к этим старчикам. Старчики говорят ему:

— Если ты упокоишь нашу старость, получишь и дом, и все, что в нем (там была и небольшая церковь Святых Архангелов).

Он согласился и, действительно, оказывал им послушание. Каждую ночь при луне проходил этот послушник мимо

[1] См.: 4 Цар. **5**.

[2] Согласно святым отцам, послушник получает истинную свободу во Христе (преподобный Иоанн Лествичник), которая дает ему дерзновение «чада Божия».

нашего дома, направляясь вниз, на соляные разработки. Собирал соль, затем разносил ее по домам и получал взамен картошку, лук, фасоль. Имел он и рукоделие. Мы возлагали всю ответственность на старцев и говорили: «Они что, не знают, что он их содержит? А если этот парень заболеет, работая день и ночь, что они будут делать?».

Однако с парнем ничего не случилось, потому что он творил послушание и служил старцам. Впрочем, когда из Америки (не знаю, братья ли, родные) ему прислали 100 долларов, он положил их в карман и... перестал спрашивать старцев. Началось своеволие[1]. Тогда обнаружил себя и демон, снова началось беснование. Знаешь, что такое своеволие? Своеволие — это непослушание. Сколько таких случаев было...

Счастье послушнику, если он любит своего старца так же, как старец любит его. Если бы это было так, мы все были бы святыми. Но что бывает? Бывает, как с тем послушником, которого старец спросил: «Кем ты меня видишь?» — «Ангелом»,— ответил тот.— «Придет время, когда ты будешь видеть меня диаволом».

Не потому, что старец таков, но потому, что приходит искушение и влагает помыслы против старца: старец такой, старец сякой и т. п. Как и со мной однажды случилось, когда я осудил своего старца и потом не мог служить Литургию. Не осуждай никого — ни соседа, ни кого бы то ни было. Знаешь, как уходит благодать, когда осуждаешь другого?..

[1] В греческом тексте здесь употреблено слово ἰδιορυθμία — букв. «своеобразие» или, как монашеский термин, «идиоритмия», «особножительство», когда монахи обеспечивают себя сами, имея в монастыре только оплачиваемые послушания, в противоположность общежительному монастырю.— *Пер.*

* * *

Среди многих историй, рассказанных нам отцом Ахиллесом из Святой Анны, простодушным и благостным монахом, был и такой произошедший лично с ним случай.

Когда его отец достиг старости, отец Ахиллес привез его на Святую Гору, упокоил здесь его старость и перед смертью постриг в монахи, сын — отца. В последние дни, когда тот уже готовился к смерти, отец Ахиллес вошел в комнату и увидел отца в великом смятении.

— Почему ты так испуган? — спрашивает он.

— Вот пришли бесы и пугают меня, что возьмут мою душу.

— Если они еще придут,— говорит он своему отцу,— скажи им: «Что вы хотите от меня? У меня есть старец. Я послушник и имею старца».

Пришли и на следующий день бесы. Тогда он говорит им:

— Что вы пришли ко мне? Я послушник и имею старца.

Тогда бесы тотчас стали невидимы.

* * *

Бывалый аскет, богатый рассудительностью, который сам был чадом послушания и упокоил трех старцев, говорил:

— Послушание дарует тебе все. Послушание побеждает даже Самого Бога!

* * *

«Послушание — жизнь, преслушание — смерть»,— говорят святогорские отцы.

* * *

В одной каливе скита монастыря Ксенофонт, посвященной Введению Пресвятой Богородицы, много лет назад жил

чрезвычайно простой, благостный и благодатный послушник по имени Феофилакт.

Услышав на праздник Крещения Господня слова: «Днесь вод освящается естество...», он спросил своего старца, которого звали Григорий:

— Отче, как такое может быть? Неужели все воды освящаются? И воды моря?

— Конечно, чадо. Невидимая и всесильная благодать Пресвятаго Духа действует в творениях одушевленных и неодушевленных, видимых, материальных, и невидимых. Она все освящает, чтобы освятить людей, и через освящение воды освящает всех верных чад Церкви. Так и воды моря освящаются и преображаются. И если ты хочешь своими глазами увидеть таинственные чудеса Божии, сходи сегодня к морю и убедишься, что вода пресная и можно ее пить.

Так сказал старец своему благоговейному послушнику, и тот с нерассуждающим послушанием спустился с неким сосудом к морю. Попробовал воду — она была чрезвычайно приятна на вкус! Наполнив сосуд, Феофилакт, ликуя и радуясь, отнес его своему старцу.

Этот чудесный случай он вместе со своим старцем хранил в тайне 35 лет. В день Крещения Господня отец Феофилакт спускался к морю и брал как «благословение» пресную питьевую воду. Это продолжалось и три года после смерти его старца, пока, вынуждаемый отцами скита, он не открыл им об этом чуде благодати, простоты и послушания. Те восприняли это с маловерием и сомнением, рационалистически и велели ему принести и им испить такой воды. Отец Феофилакт

с готовностью пошел, принес им в своем сосуде воду, но на этот раз она была уже морской и соленой...

* * *

Однажды паломник спросил одного пустынника:

— Возможно ли оказывать послушание, живя в миру? Монах имеет своего старца, а мирянин?

Пустынник ответил:

— Я вам скажу. Все мы имеем духовника, вот ему и будем оказывать послушание. То есть если ты, например, сотрудник предприятия и имеешь над собой директора, его заместителя и т. д., то ты по необходимости должен им повиноваться, иначе нельзя. Начальника ты по необходимости слушаешься, ты не можешь отказаться. Если ты солдат, то исполняешь то, что тебе скажет сержант, ты не можешь сказать ему: нет, не пойду. Здесь ты вынужден подчиняться, но, так или иначе, это тоже послушание.

Духовнику же нужно оказывать духовное повиновение. Ты, например, спрашиваешь духовника: что мне делать? Он тебе говорит: делай, чадо, то-то и то-то. И ты должен делать. У каждого есть духовник. Здесь отцы имеют старца, игумена. Но вы в миру имеете своих духовников, а это то же самое. Советуйся со своим духовником и будешь творить послушание.

Духовник — это не просто так, обычный человек... То, что сказал духовник, сказал Сам Бог. Если тебя простил духовник, значит, тебя простил Бог.

Вот тебе такой пример: сделал ты что-то, и духовник говорит тебе: «Месяц ты не будешь причащаться». И ты не должен причащаться до окончания этого срока. Другой священник, знающий, что ты связан, не может тебя причастить. И ты

не можешь преступить заповедь своего духовника, ты связан. Духовник имеет силу: *что вы свяжете на земле, то будет связано на небе* (Мф. 18, 18). Сказал духовник: «Бог простит», значит, прощает и Бог. Не простил духовник — и Бог тебя не простил. У Бога есть свои «представители» на земле.

В Малой Анне жил один старец со своим послушником. Был большой богородичный праздник.

— Отче, я пойду, половлю рыбы, потому что праздник Богородицы, что мы будем есть?

— Чадо,— сказал старец,— наши соседи рыбаки. Если бы хотела Пресвятая Богородица, чтобы мы ели рыбу, нам принесли бы ее соседи; а если не принесли, значит, не пожелала того Пресвятая Богородица.

— Нет, отче, будем есть рыбу.

— Нет, не хочу,— ответил старец.

— Я пойду ловить рыбу,— сказал послушник и ушел.

Тогда старец начал переживать, не случилось бы с ним какого-нибудь сильного искушения, как бы не упал он в море, потому что пребывает в непослушании... Он пошел в свою келью и начал тянуть четки за своего послушника.

Послушник спустился к морю, закинул удочку и почувствовал, что что-то есть на крючке. Он сильно дернул, и тогда внезапно из воды выскочил эфиоп, черный-пречерный, с горящими глазами, готовый броситься на него, однако какая-то сила его удерживала (ибо старец творил молитву за свое чадо). Перепуганный послушник побежал прочь, а диавол преследовал его по пятам от моря до Святой Анны, до самой кельи, пока он не открыл дверь и не вбежал внутрь. И тогда диавол прокричал ему: «Негодный чернец, что

с тобой сделаешь, пока твой старец творит за тебя молитву? А иначе я бросил бы тебя в море, я тебя утопил бы!». Вот что делает преслушание!

* * *

Треблаженный старец Х. из Святой Анны оказывал своему старцу великое послушание. Восемнадцать лет по его благословению он был экклесиархом в кириаконе. Тогда христиане имели большое благоговение и совершали три-четыре всенощных бдения на неделе! И приснопамятный со всем тщанием, босой, исполнял свои обязанности. От трудов и постоянного стояния его ноги стали гнить, и он, в веселии и радости покидая этот мир, имел мученическую кончину.

* * *

Папа-Серафим из Димитриады имел поистине не допускающее рассуждений послушание своему старцу Онуфрию из Святой Анны. Он достиг высоты добродетели своего старца, и даже когда ему говорили что-нибудь другие отцы скита, он отвечал «благословите» и проявлял крайнее послушание.

Однажды папа-Мина сказал ему:

— Брат мой, сотвори любовь, сходи на арсану и возьми рыбы, потому что мне очень нужно.

Тотчас папа-Серафим послушно спустился к морю. Но у рыбаков не было рыбы, и вместо нее они незаметно положили в его торбу морскую гальку. Итак, он взял торбу и поднялся в свою каливу. Там позвал папа-Мину и сказал, чтобы тот принес большой сосуд для рыбы, потому что торба была очень тяжелой. Когда он опорожнил туда свою торбу, они с удивлением увидели гальку. Тогда папа-Мина говорит ему:

— Непослушный, видишь, твое непослушание рыбу превратило в камни, и ты принес их сюда.

Тот поверил и начал плакать, прося прощения за свое непослушание.

Папа-Серафим был неграмотным, но с терпением предался занятиям каллиграфией, и доныне сохранилась прекрасная книга со стихирами, дело его рук. Кончина его была преподобнической.

* * *

Но перенесемся теперь в другую каливу святогорского скита Святой Анны, посвященную Честному Предтече. Здесь жил папа-Григорий, никогда не пренебрегавший послушанием. Его старец, чтобы привести его к совершенному бесстрастию, открыто обличал отца Григория, толкал его в церкви и говорил: «Выйди отсюда!». Тот, исполненный радости, падал на пол перед всеми, отцами и мирскими, обнимал ноги своего старца и говорил: «О, эти ноги, они приведут меня в небесные обители!».

Когда его старец ушел из этого суетного мира, тогда и он, имея великую ревность к безмолвию, ушел подвизаться в каливу Успения на Малую Анну.

* * *

Плакал и рыдал геро-Азария, когда видел непослушного монаха. Когда его спрашивали, почему он так расстраивается, тот отвечал:

— Послушного покрывает молитва старца, даже отсутствующего, и охраняет от многих зол, потому что он находится под покровом своего отца. А непослушный подобен лодке, имеющей на себе тяжелый груз: одна волна ее бьет, другая проходит мимо, но конец ее — потопление в волнах.

* * *

Ища безмолвия, папа-Григорий из Святой Анны удалился в малый скит Святой Анны. В каливе Святого Предтечи он оставил своего послушника, папа-Аверкия, который, будучи болгарином по происхождению, как жаждущий олень, приник к греческой культуре и научился превосходно говорить по-гречески.

Папа-Аверкий во всем подражал своему старцу и папа-Мине из Черногории. Необдуманное слово никогда не выходило из его уст. Он продавал лимоны и апельсины своей каливы и покупал на вырученные деньги хлеб.

Ни одного посетителя он не оставлял без своего гостеприимного внимания. Когда прохожий стучал в дверь, папа-Аверкий, видя, что это нездешний, приносил ему на дощечке 5—6 смокв и воду в деревянном стакане. Сотворив перед гостем благоговейный поклон, он уходил, чтобы через разговор не утерять единения с Богом!

Когда в скиту была общая работа, папа-Аверкий первый бежал с веревкой в руке, чтобы не отвергнуть послушания любви. Отцы говорили ему:

— Отче духовник, ты уже немолод возрастом. Каждый день служишь Литургию, каждый день ешь хлеб и воду, что будет потом? Ты должен щадить свою плоть, чтобы она служила тебе, пока ты не дошел до гроба.

Но он серьезно, со слезами на глазах отвечал:

— Отцы мои, сейчас, когда я уже старик, я должен сохранить послушание, чтобы не оказаться непослушным, когда будет исходить моя душа, и не быть осужденным на вечные мучения!

В Карею он ходил очень редко и другим не советовал надолго покидать скит, говоря:

— Монаху Святой Анны непозволительно отлучаться из скита, чтобы не утерять путь деятельной добродетели, который возводит монаха на высоту внутреннего делания и руководит его к бесстрастию.

Многие ходили к папа-Аверкию для исповедания грехов, зная, что он стяжал безукоризненное послушание и никогда не имел своей воли, и по его советам избавлялись от греховных помыслов, влагаемых им демонами.

Папа-Аверкий служил босой зимой и летом, подражая отцу Илариону, подвизавшемуся выше монастыря Святого Дионисия, в месте, называемом «Бедный Предтеча»[1].

* * *

В скиту Святой Анны долгое время не было носилок для покойников, на которых отпевают и переносят для погребения усопших отцов. Как-то один брат-плотник изготовил эти носилки. Закончив работу, он сразу отнес их в кириакон. Об этом узнали все, старые и молодые, и пришли посмотреть. Дикей скита сказал:

— Ну, кого первого они перенесут из церкви на кладбище?

Все испугались. Один молодой монах спросил своего старца:

— Отче, есть благословение мне уйти первым?

Его старец, достигший уже высокой меры совершенства, ответил:

— Да!

Все отцы думали, что спросивший пошутил.

---

[1] Видимо, эта келлия в честь Иоанна Предтечи была очень убогой.— *Пер.*

А тот послушник с ведома своего старца тотчас предался слезам в ожидании смерти. Ровно через сорок дней ударил колокол. Как только братия его услышали, начали спрашивать друг у друга, кто отошел ко Господу, а когда узнали, что это тот самый молодой монах, сказали:

— Каков похититель! Исполняя послушание своего старца, благословившего его уйти первым, он оставил временное и теперь наслаждается небесным! Своим послушанием он восхитил рай!

Тогда все отцы скита вышли с радостью и веселием и следовали за ним до гроба, удивляясь тому, что и в их времена совершенное послушание не боится смерти, но сподобляет имеющих его безболезненного преселения от земных к небесным! И все ублажали послушника и его старца, явивших яркий пример для последующих монахов.

* * *

В 1922 году один брат Святой Анны привез в скит своего отца по имени Иоанн, который позднее в ангельском образе получил имя Иоаким. Его сын, монах Антоний, сказал ему:

— Поскольку ты незнаком с грамотой, будешь касаться одного пальца и говорить: «Господи», потом второго и говорить: «Иисусе», потом третьего — «Христе», четвертого — «Сыне» и пятого — «Божий».

Затем он показал ему кисть руки и сказал:

— Этой рукой мы согрешаем и должны с ее же помощью творить по пальцам эту маленькую молитву, чтобы спастись.

Геро-Иоаким проявил крайнее послушание наставлениям своего сына и постоянно молился, как был научен. Он

достиг меры непрестанного плача и стяжал такое смиренномудрие, что, встречая молодых монахов, целовал им ноги!

Отцы скита захотели испытать, действительно ли слезы его происходят от смиренномудрия и отсечения своей воли. Итак, однажды они сказали ему:

— Геро-Иоаким, когда ты будешь проходить мимо усыпальницы, скажи: «Благословите, отцы».

И действительно, чадо послушания, геро-Иоаким, проходя мимо усыпальницы, встал в дверях и сказал:

— Благословите, отцы.

Тотчас затрещали кости почивших, и он услышал глас от костей:

— Господь благословит, геро-Иоаким!!!

Тогда отцы, шедшие за ним, воскликнули:

— Горе нам, пришедшим сюда еще в детском возрасте и не удостоившимся таких дарований!

* * *

Отец Никанор, духовник сербского монастыря Хиландар, рассказывал, что отец Мирон пятьдесят шесть лет не выходил за ограду монастыря.

Когда он стал монахом, его старец, вручая ему деревянный крест, сказал:

— Отныне и всегда этот крест будет твоим имуществом. Вместе с этим крестом будешь погребен. Смотри, не потеряй его.

По прошествии двадцати лет отец Мирон слег в постель от тяжелой болезни. Больничный брат, который должен был сделать ему растирание, недоумевал, почему больной упорно отказывается обнажить свою грудь. После многих убеждений тот наконец согласился, и больничный брат с изумлением

увидел, что постригальный монашеский крест зашит у него в коже. Со временем он как бы сросся с телом. Врач тотчас побежал к духовнику и, рассказав ему об этом, услышал в ответ:

— Ну-ка посмотрим, не от прелести ли это. Возьми скальпель и начни медленно водить по телу, как бы с намерением извлечь крест.

Больничный брат передал повеление духовника извлечь крест отцу Мирону, и тот сразу послушался, предоставляя свое тело ножу без всякого сомнения. Тогда врач не стал делать операцию, уверенный в том, что добродетельный Мирон подверг себя такому истязанию в духе послушания и истинной любви ко Христу.

* * *

Одного дионисиатского подвижника спросили:

— Когда вы стали монахом? И что побудило вас принять такое решение?

— Я, чадо мое, хотел стать монахом с самых малых лет, но мне не позволяли этого родители. Они меня женили, у меня родилось двое детей, и в 1955 году в возрасте 66 лет я пришел монашествовать в обитель Святого Григория.

— И как ваше сердце позволило вам оставить вашу семью?

— Ах, чадо мое, меня жгло изнутри Божественное желание, любовь ко Христу, к монашеской жизни. Так я оставил жену, детей, имущество, невесток и внуков и пришел, чтобы принести Господу свою старость, раз уж не смог отдать молодость.

— Долго вы прожили в Григориате?

— Я пробыл там восемь месяцев, затем по некоторой причине перешел в Дионисиат. В Григориате был хороший игумен, его звали Виссарион. Он научил меня, как надо со-

вершать свое монашеское правило. Вот так: три сотницы — Христу, одну — Богородице, затем снова то же самое, пока не исполнишь двенадцать сотниц. Потом я стал совершать здесь, в Дионисиате, одну сотню — Иоанну Предтече, одну — святому Нифонту, а потом и другие, сколько хочу. Он дал мне тогда и послушание. Я был строителем, и хорошим строителем. Мне нравилось слушаться. Куда бы меня ни посылали, я говорил «благословите», поскольку, когда я сюда пришел, мне велели говорить только два слова — «простите» и «благословите». Я чувствовал радость и удовлетворение, делая добро для других.

— А как нам, общежительным монахам, преуспевать в добродетели?

— Да уж ладно, разве ты этого еще не знаешь, не научился? Ну, тогда слушай. Послушание и любовь, а также великое дело — милостыня. Послушание дарует тебе мир, радость и сильное влечение ко Христу, оно ведет тебя прямо в рай. Послушание прощает тебе все грехи, их тебе прощает Бог. Понял? Великое зло — гордость. Как же его отвращается Бог! Не будем подобны фарисею, который говорил: я даю то, я делаю это... А награду получил тот, кто бил себя в грудь.

* * *

— Что мне делать, отче, чтобы спастись? — спросил того же подвижника один посетитель-мирянин.

— Послушание твоему старцу[1] и смирение. Все несчастья происходят у человека от ума,— добавил он, имея в виду превозношение.

[1] Под «старцем» здесь, конечно, подразумевается духовник, которому в миру мы должны оказывать послушание.

* * *

Один просвещенный Богом подвижник сказал:

— Нехорошо менять духовных наставников. Представьте себе строящееся здание, у которого постоянно меняются инженеры и строители,— едва ли оно получится хорошим. Духовник должен быть независимым в своем мнении и поступать так, как считает нужным. Он не должен держаться линии, которую ему подсказывают другие.

И еще он сказал:

— Я не даю рецептов заочно. Не бывает врачей, лечащих издалека.

* * *

Старец сказал:

— Хочешь стать совершенным послушником? Твори послушание без рассуждения, и тогда через 10–15 лет придет послушание с рассуждением. Смотри, что говорит преподобный Иоанн Лествичник. Пришел старец к новоначальному и говорит: «Пой». Тот сказал: «Благословите» — и стал петь. Пришел и к другому брату, который уже 10–15 лет был монахом, и тоже говорит: «Пой». Тот отвечает: «Прости, не хочу». Оба поступили хорошо. То, что ответил старцу второй, не считается непослушанием. Но для первого это было бы преслушанием, потому что он был еще послушником. Нужно пройти путь нерассуждающего послушания. «Благословите», и ничего другого. Пройдет 10–15 лет, и появится послушание с рассуждением, являющееся следствием послушания нерассуждающего.

— Не думай, что старец не любит своих духовных детей. Дай Бог, чтобы дети так же любили своего старца, как он любит их.

* * *

— Монах должен умирать по многу раз в течение дня, когда этого требует его послушание,— говорил один духовный и добродетельный подвижник.

* * *

Был один старец, который, чтобы избавить своего послушника от привязанности к вещам, велел растолочь ему в ступе свои золотые часы, которым тот поклонялся как идолу (они были подарком его родного отца).

Послушник после долгой внутренней борьбы победил свое «я» и эту неестественную привязанность к предмету и испытал радость освобождения.

* * *

В одном скиту некий добродетельный монах умолял Пресвятую Богородицу забрать его из этой жизни послушником. Он не хотел становиться старцем, боялся власти. «Я грешник»,— говорил он. При этом он был человеколюбив и милостив как никто, трудолюбив и неутомим в служении, в келейном труде и на общих работах.

* * *

Старец Иосиф Исихаст говорил:

— Если в самом начале монах как следует не научился послушанию и непрестанной молитве, то он достоин плача. Слепым он родился, слепым и помрет. Пропали билеты, которые он купил, чтобы попасть на Святую Гору... Непослушный монах становится сыном диавола. Кто вместе с заповедью старца творит и свою волю, тот прелюбодействует. Потому и случаются с ним скорби, болезни и бесчестия.

* * *

Святой Силуан рассказывал:

«Как-то в 1932 году пришел ко мне из Старого Руссика отец Пантелеимон. Я спросил его, как он поживает, и он с радостным лицом отвечал:

— Очень я радуюсь.

— Почему же ты радуешься? — спрашиваю его.

— Все братия меня любят.

— За что же они тебя любят?

— Я всех слушаюсь, когда меня кто куда пошлет, — говорит он».

* * *

Был один послушник, который имел послушание в монастыре и творил при этом сердечную молитву. И Бог давал ему слезы плакать за весь мир. Игумен сказал ему: «Это тебе дано за послушание».

* * *

Один богопросвещенный аскет говорил:

— Послушание не должно совершаться с ропотом и через силу. Старец или старица — не Диоклетиан[1], мы должны воздавать им благодарностью за то, что они о нас пекутся, а не прекословием и непослушанием.

* * *

Старого подвижника спросили:

— Есть ли у меня надежда исцелиться от многолетней душевной немощи?

---

[1] Римский правитель (245—313), объявивший себя полновластным диктатором. Отличался крайним высокомерием, окружив себя ореолом божества и требуя, чтоб перед ним падали ниц. В истории Церкви известен как жестокий гонитель христиан.

— Есть. Если творишь послушание и начинаешь с бдения, то за одну неделю вернешь себе здравие. «Послушание спасает послушника, а на игумена — удары всех молотов».

* * *

Румынский аскет Енох советовал одному новоначальному монаху:

— Послушание своему старцу и смирение. Все искушения бывают с человеком от ума. (Он имел в виду превозношение, возникающее от чрезмерного доверия своим помыслам и рассуждениям.)

* * *

Один умудренный опытом подвижник духа советовал юным монахам следующее:

— Благодаря послушанию послушник приобретает сначала чистоту сердца через слезы, затем приходит в меру слез радости и веселия, и тогда душа его жаждет крайнего безмолвия. Духовный наставник понимает духом, что его послушник отложил все эти «а зачем», «почему так, а не иначе» и т. п. Он видит его жаждущим, подобно оленю, и умоляет Всеблагаго Бога просветить его ум — силу души — и даровать его уму полезное для него.

* * *

Знаменитый духовник папа-Григорий плакал, когда вспоминал первого из своих послушников-близнецов, папа-Косму.

— Я плачу по своему послушнику, который никогда ничем меня не огорчил,— говорил он.

* * *

Привожу из своего дневника следующую запись:

«10 октября 1968 года: на заре вышел от Карцонеев (одно братство в скиту Святой Анны) в направлении Катунак.

Пустынная местность была приятной, несмотря на свою суровость. Возможно, такой ее делала тишина, мирная атмосфера и царящее молчание. Среди скал и в крутых расселинах растут редкие деревья и кусты, встречаются дикие цветы и разнообразные птицы. Кажется, откуда могли взяться в этом пустынном месте перелетные птицы, эти радующие глаз пустынные враны, подобные небесножителям-монахам?

Прохожу мимо келлии исихаста, очень мною уважаемого иеромонаха папа-Ефрема, с которым мы знакомы уже много лет. Едва завидев меня из окна своей мастерской, он приветствует меня со светлым лицом, с той щедрой любовью, которая подвигает его дружелюбно беседовать с тобой и передавать тебе все сокровища своего многолетнего опыта.

Папа-Ефрем вырезает печати. Рядом с ним горит старый-престарый камин. На нем он кипятит воду для размягчения деревянных заготовок ("топольков"), на которых потом вырезает буквы IΣ-XΣ NI-KA и печати Богородицы и святых[1]. С блаженным послушанием и великим терпением он ухаживает за двумя старчиками, перенося различные странности и капризы старческого возраста, а также глуховатость, недержание, головокружение и прочие болезни старости. Лучшего наставления, чем его деятельный пример, возможно, и не требовалось, но его чадолюбивое сердце не могло не укрепить мою неразвитую и немощную душу добрым словом. Он заговорил со мной на свою излюбленную тему — о послушании:

— Береги старца как зеницу ока, чадо мое. Если охладеешь к своему старцу — одна нога встала на колено, бу-

[1] Греческая просфора имеет бóльшие размеры и несет на себе все печати, так что греки служат на двух или даже на одной просфоре, а не на пяти, как в России. — *Пер.*

дешь хромать. Что бы тебе ни сказали о твоем старце, он для тебя — Сам Христос...

Он привел мне множество примеров, в том числе и случай с его братом по постригу Прокопием, которого прельстил диавол, так что он на целый месяц ушел из своего братства. Я спросил его об опасности дерзновения, нечувствия и привыкания к Божественной литургии, а также о важности благоговения.

— Я пришел на Святую Гору и нашел хороших старцев, простых, настоящих подвижников,— говорил он.— Но я искал учителя, потому что чувствовал, что моя душа желала чего-то большего. Тем не менее превыше всего было для меня послушание, мой старец. Было время, когда я имел обильные слезы. Плакал везде: работая, лежа в кровати, вне кельи, на молитве — везде. Я не мог сдерживать умиления... *Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. **7**, 14),— сказал нам Господь. Бери крест свой, чадо, и иди. Потому что Господь также сказал: *иго Мое благо, и бремя Мое легко*[1].

— Почему, отче, в одном месте Господь говорит о скорби, а в другом о легком бремени?

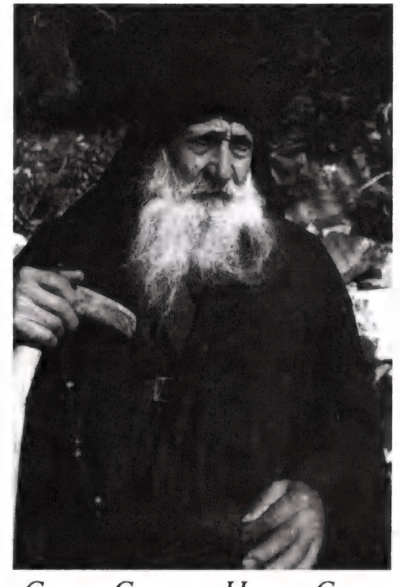
— Потому что в зависимости от нашего произволения иногда крест наш тяжек и невыносим, а иногда приятен и легок.

И продолжил:

— Если у тебя есть старец, то ты вооружен для войны против диавола. Если нет, то ты безоружен. Почитай своего старца святым, каковым он и на самом деле является. Знай, что и он человек, и пусть тебя не смущают его немощи. Твой старец для тебя — Сам Христос».

---

[1] Мф. **11**, 30.

Старец Савва из Нового Скита

* * *

Однажды монах Дорофей из Нового Скита пришел к своему духовнику и сказал, что имеет помысл уйти от своего старца.

— Я больше не могу, хочу уйти из Нового Скита.

— Отец Дорофей, в Новом Скиту ты послушник одного только своего старца. В любом другом месте ты будешь послушником у всех,— сказал ему духовник.

* * *

Старец сказал:

— Послушник получает славу после креста послушания, как был прославлен Господь, бывший *послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. **2**, 8).

* * *

«Мы пришли и подчинились нашим старцам, как ничего не смыслящие»,— говорил один пожилой монах, желая указать на свое прежнее слепое и нерассуждающее послушание. «Мы творили послушание, как мулы»,— сказал другой.

* * *

Послушник лаврского старца Аввакума Босого, уважаемый старец Ефрем, говорил мне:

— Мне не столько пользы принесло знание Священного Писания[1] или то, что я построил храм Святого Фанурия, сколько то, что я творил послушание в монастыре. Много видел, много слышал, но не говорил ни слова, потому что это не было полезно для моей души. Я пришел в идиоритмию, но живу как общежительный монах.

* * *

Старец И. из Нового Скита 55 лет молился, чтобы ему умереть послушником, потому что не хотел становиться старцем. Он знал, какие венцы уготованы послушникам.

* * *

Как-то к старцу Варнаве в скит Святого Василия пришел подвизаться один из начальников общежительного монастыря Святого Павла отец Нафанаил.

— Как о тебе думают в твоем монастыре? — спросил его старец.

— В монастыре обо мне имеют хорошее мнение,— ответил тот.

— Тогда плохи твои дела,— сказал старец, глубоко вздохнув.— Итак, слушай меня хорошо. Ты пойдешь в монастырь и, когда сядешь за трапезу, съешь положенную пищу, выпьешь вино, а затем попросишь вторую и третью порцию, и вина, а потом уйдешь.

Испросив молитв отца Варнавы, отец Нафанаил сделал так, как было велено. Но, не имея навыка к многоядению и многопитию, выйдя из трапезной, он упал на землю

[1] Он досконально изучил и выучил наизусть все Священное Писание, Ветхий и Новый Завет, с поразительной легкостью, по особому дару от Бога.— *Авт.*

от головокружения пред всеми братиями, так что они подумали, что с ним случилось беснование.

Возвратившись к блаженному Варнаве, он рассказал ему обо всем. Тот же, исполнившись великой радости, сказал:

— Теперь у тебя все в порядке.

И, исцелив его душевные раны, поселил в самую дальнюю келлию, где он обрабатывал в безмолвии небольшой сад и выращивал себе немного лука.

* * *

Старец сказал:

— Сорок пять лет, пока я был послушником, я чувствовал себя орлом! Вот уже пятнадцать лет, как я старец[1], и теперь сделался черепахой…

* * *

Иеромонах Порфирий Кавсокаливит[2] говорил:

— Одного только взгляда на старца, на его глаза мне было достаточно, чтобы понять, чего он хочет и что ему было бы приятно.

Один старый пустынник говорил мне:

— Крыша дома — это старец. Меня спрашивают, сколько лет я на Горе, и я им отвечаю. Но ведь и мулы по

[1] Старец в значении руководителя братства.— *Пер.*

[2] Архимандрит Порфирий (Баирактарис) (1906–1991) — один из наиболее почитаемых старцев нашего времени, еще в юном возрасте стяжавший необыкновенные духовные дары. Из-за болезни вынужден был покинуть Святую Гору и подвизался сначала на о. Эвбея, затем как настоятель и духовник — в больничном храме афинской поликлиники. На протяжении многих лет принимал и утешал людей, известны многие случаи исцелений по его молитвам. О старце Порфирии издано несколько книг на русском языке (*Калиацос А.* Идеже хощет Бог. Жизнь и чудеса старца Порфирия. Саратов-М., 2004 и др.), а также его «Слова», исключительность которых в том, что вместо жесткой аскезы блаженный старец предлагает иной путь ко спасению, более легкий и краткий,— путь любви (*Старец Порфирий Кавсокаливит.* Житие и слова. Малоярославец, 2006).

сорок лет живут на Горе... и остаются мулами. Что толку от этих годов, если не подвизаешься?

Когда хороший послушник шел по какому-нибудь поручению, и встречный спрашивал его: «Куда идешь?», он отвечал: «На послушание». Или: «Откуда идешь?» — и опять: «С послушания».

СЛОВО
О ГОРДОСТИ И ТЩЕСЛАВИИ

Один диакон похвалил прекрасные волосы преподобного Симеона Филофейского, который ходил всегда босым и имел только один хитон. Тогда святой отрезал свои волосы и отдал их ему, почему его называют еще и Симеоном Остриженным.

* * *

Прошло примерно полмесяца с того дня, когда преподобному Силуану Афонскому явился Господь. Каждый день он сражался с яростными нападениями лукавых духов. Дни его были исполнены трудов, ночи — мучений.

Однажды ночью святой поднялся со скамьи, чтобы сделать поклоны. В этот самый момент он увидел гигантского демона. Тот стоял перед иконой Господа и ожидал поклонения себе. Вся келья преподобного была полна демонов. Тогда он снова сел на скамью, склонил голову и с сокрушенным сердцем стал молиться:

— Господи, Ты видишь, что я хочу помолиться с чистым умом, но демоны не дают мне. Научи меня, что я должен делать, чтобы они мне не докучали?

Тогда он услышал в своей душе голос Божий:

— Гордые всегда так страдают от демонов.

— Господи,— говорит святой,— научи меня, что я должен делать, чтобы смириться?

— Держи ум твой во аде и не отчаивайся,— был ответ.

* * *

Много лет назад в монастыре Дохиар подвизался один певчий с очень приятным голосом, монах Синесий из Халкидик. Он имел особое благоговение к святой Параскеве, которой молился ежедневно о спасении своей души. При этом он просил ее, если будет для него какое препятствие ко спасению, чтобы она устранила его, как сама знает.

И действительно, в один из праздников святой Параскевы (26 июля) он почувствовал, что его голос становится хриплым. По прошествии времени улучшения не последовало, но состояние здоровья еще более ухудшилось. Все молились о восстановлении голоса у певца, но тщетно. Тогда святая Параскева явилась во сне игумену и сказала: «Зачем вы беспокоите Господа своими ежедневными молитвами о Синесии? Он сам много лет просил меня, чтобы я избавила его от того, что является ему препятствием ко спасению».

После этого игумен призвал певца Синесия и удостоверился в верности слов святой. И в самом деле, когда Синесий пел, от мелодичности своего голоса в нем рождались тщеславные помыслы и превозношение, поскольку он не старался относить это дарование милости Подателя всех благ Бога.

С того времени как охрип его голос, Синесий творил по чёткам молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» и стал верным и достойным делателем умной молитвы в соединении с треблагословенным и блаженным смирением.

* * *

Один пустынник сказал:

— Если ты думаешь, что все занимаются тобой,— это от искушения, пренебреги этим, потому что враг-диавол хочет

развить в тебе неистовство тщеславия. Видишь, как зол диавол и как он рьяно ведет борьбу с новоначальными со всех сторон, чтобы хоть где-то добиться своего? Потому никогда не верь таким помыслам, даже если у тебя есть конкретные основания. Знай, что и их подстроил сам враг, чтобы тебя подловить.

* * *

Мой возлюбленный брат[1] иеромонах Никодим много лет назад посетил на Вигле одного исихаста.

— Благословите, старче.

— Господь благословит.

— Нам бы хотелось услышать от вас слово на пользу души...

— Я бы не стал говорить,— ответил подвижник,— но поскольку вижу, что ты духовник, так и быть, слушай. Я годами мучаюсь со своей страшной супругой, на которой женился, и она никогда не дает мне обрести безмолвие. Тирания, чадо мое, страшная тирания.

— Кто же эта супруга, старче?

— Кто как не гордость? Именно она! И не знаю, как спасусь и как получу развод с ней,— сказал он с воздыханием и продолжил рукоделие в своей аскетической каливе.

* * *

Ученый монах Герасим Менагиас[2], выпускник Цюрихского университета, объявил нещадную войну тщеславию, которое часто порождается мирским знанием и образованием. Поэтому он часто со смирением вопрошал простых и не-

---

[1] Имеется в виду брат по постригу, сопостриженник.

[2] Подробнее о нем см.: *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 2002. С. 561–606.

грамотных старцев пустыни, носил ветхие рясы, подвизался в лачуге для скота и подчинялся старцу Каллинику-исихасту и старцу Иосифу Пещернику, отсекая свою волю на всякое время и во всяком месте.

* * *

Один рассудительный старец рассказывал:

«Однажды я встретил одного монаха (это было на самом деле, говорю как на исповеди), уста которого непрестанно двигались, творя молитву, и это было заметно со стороны. Так вот, этот монах говорит мне:

— Как-то я написал такому-то митрополиту, того-то обличил, тому-то сказал, что, если он оставит свои идеи, я буду на его стороне…

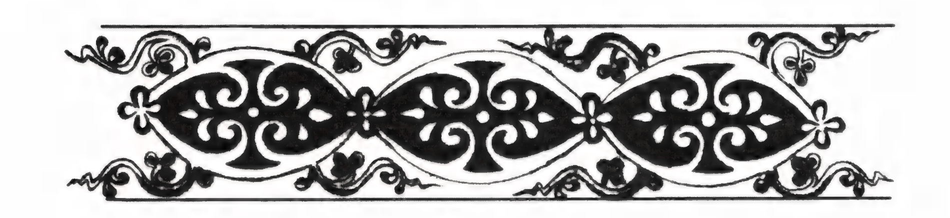
— Но, Боже правый,— говорю я ему,— давай посмотрим на это более трезво. Ты, кажется, еще неграмотнее меня, потому что я над "омикрон" не ставлю облеченного ударения, а ты можешь поставить[1]. Оставь эти свои идеи…

А он мне отвечает:

— Если бы был еще кто-нибудь, подобный мне, Церковь бы исправилась…

Вот теперь смотрите, делайте выводы. Если бы он был сумасшедший и говорил такое, у него было бы оправдание. Но он не сумасшедший. Ранее у него, видимо, была молитва, а затем осталась одна привычка».

[1] В греческом языке есть три типа ударения, и одно из них, облеченное, по правилам может стоять только над долгой гласной (ῶ), а «омикрон» (ο) является краткой.— *Пер.*

СЛОВО
О ТЕРПЕНИИ В ИСПЫТАНИЯХ И ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ

Благоговейнейший иеромонах Симеон Симонопетрский рассказывал нам:

— Я знал старцев, например отца Анфима или отца Дамаскина, которые, когда заболевали, никогда не ходили к врачу.

— Игумен Симонопетра иеромонах Харалампий всегда спал, сидя на стуле. Это был несгибаемый столп монастырского богослужения.

* * *

Один молодой монах пришел к авве Зосиме Карульскому и сказал ему:

— Отче, у меня искушение.

— Чадо мое,— ответил ему тот,— искушения есть везде. В пище искушение, в сне искушение. Вспомни, что говорится в Отечнике: «Отыми искушение, и не будет спасающихся».

И этим монах утешился.

* * *

Один подвижник семнадцать лет пребывал на вершине горы, где его палило солнце и куда часто ударяли молнии.

Другой сорок лет не ложился на кровать. Спал он на скамье или на стуле, и то очень мало. Он больше тратил

керосина для чтения, чем воды для питья. Этот подвижник достиг такого состояния, что сердца людей были для него открытой книгой.

* * *

Подвижник серб Георгий, почивший от отравления каким-то грибом, был выдающимся исихастом и достойным примером для подражания в истории Святой Горы последних лет.

Этот нестяжательный, углубленный в себя подвижник, муж трезвения, утвержденный теоретическим и практическим знанием монашеского жительства, был знаком с моим старцем, и потому мы нередко с ним встречались. Жил он в Старом Руссике, что выше монастыря Святого Пантелеимона. Отличался отец Георгий ни с чем не сравнимой любовью к Богу и даром умной молитвы.

* * *

«Терпение силой берется, а не покупается»,— говорил один подвижник.

* * *

Один старец сказал:

— Человек подвержен изменениям и переменам, один день не похож на другой. И потому духовная жизнь требует терпения, непоколебимого терпения.

* * *

В скиту Святого Василия жил один очень простой и аскетичный пустынник по имени Херувим. Его застал прежний игумен монастыря Святого Павла иеромонах Андрей, который рассказывал нам:

«Как-то я отнес ему полтора ока сухарей — ничего другого он не принимал.

— Сколько шагов сделал, столько Ангелов да помогают тебе. Бог тебя да помилует,— сказал он мне.

Однажды сильный южный ветер сорвал всю крышу с его каливы и отбросил до самого кириакона. А он, терпеливо сидя в углу, сказал мне с детской простотой:

— У меня ветер взял крышу, и не знаю, куда унес.

Наконец он водворил ее на место. Его рукоделием было плотническое ремесло. Отец Херувим имел высокий рост, но ходил всегда склоненный в молитве».

* * *

В пещере преподобного Петра Афонского жили старец Хризостом и монах Сергий.

С Сергием демоны вели жестокую брань, чтобы заставить его бежать из рядов подвижников и оставить духовный подвиг. Однажды он посетил в Карее одного старого аскета, который, имея невероятное терпение и самоотвержение, упокоил четырех старцев.

— Как ты живешь здесь один? — спросил его Сергий.

— И на меня наседает диавол, чтобы я бежал отсюда, но знаешь, что меня удерживает? — ответил героический старец.— Идем, я покажу тебе мои сокровища.

— Какие у тебя могут быть сокровища? Я ничего подобного здесь не вижу...— удивился Сергий.

Тот отвел его в одну комнату, где хранились старая обувь, дырявая и изношенная за многие годы, старые подрясники и скуфьи его старцев и его самого — свидетельства неисчислимых подвигов и жертв...

— Вот мои сокровища. Скажи, как я могу их оставить?

Эти сокровища, как молчаливые учители, вразумили отца Сергия больше, чем могли это сделать многие поучения и наставления.

* * *

Духовный отец и старец великого постника Хаджи-Георгия ответил как-то одному владыке, желавшему взять его к себе в свою митрополию:

— Триста диаволов приложили все усилия, чтобы выгнать меня со Святой Горы, и не смогли. Если сможешь ты — браво!..

* * *

Один старец сказал:

— Сегодня монахи спасаются только искушениями, потому что добродетели уже нет. Те, кто пройдет через все испытания, получат часть вместе с древними отцами, которые много потрудились. Достаточно только выдержать искушения, потому что безропотное терпение равносильно молитве. Диавол искушает нас не сколько сам захочет, но сколько попускает ему Бог. Своими кознями враг старается притупить совесть человека, ввергает его в безнадежность и отчаяние или развивает в нем самохвальство и кичение несуществующей святостью. Его хитростям и обманам несть числа. На тех, кто стремится к спасению, он бросается, как бешеный пес... Я сказал ему: «Диавол, делай со мной, что хочешь, но ты ничего не добьешься. Я имею духовного наставника и причащаюсь Святых Таин. Чего ты добьешься своими уловками?».

О, каких только искушений мне ни посылал враг и каких только сетей ни расставлял! Я подвизался в самых разных местах, но в конечном счете решил терпеть здесь, на этом месте, зная, что искушений не избежишь нигде! Если хочешь,

чтобы с тобой не сражался лукавый,— ешь, пей, спи и делай все, что тебе хочется,— тогда он не будет тебя беспокоить ни искушениями, ни суетными попечениями. Он как пес: если его не дразнишь, сидит спокойно, а если начинаешь дразнить, кидается, чтобы укусить. Нужно иметь опытного духовного наставника, перед которым бы ты благоговел, потому что благоговение заключает в себе и смирение.

* * *

Старец сказал:

— Отправляйся в плавание всегда во всеоружии. И даже если видишь вокруг себя полное спокойствие, будь готов встретить бурю искушений и многие испытания. Испытания очень часто имеют целью привести нас в лучшее состояние. С другой стороны, тайны Божии всегда сокрыты от нас.

* * *

Духовник отец Г. говорил:

— Безропотное терпение, являемое монастырскими (то есть общежительными) отцами, удостаивает их бо́льших духовных дарований, чем те, которыми награждаются уединенные подвижники.

* * *

— Отче, я столько лет на Святой Горе и ни разу не сподобился ни видения, ни духовного извещения,— говорил старцу Иоакиму русский святогорец иеромонах Софроний, основатель монастыря Святого Иоанна Предтечи в Эссексе (Англия) и составитель жития преподобного Силуана Афонского.

Старец Иоаким ему отвечал:

— Кто же дарует тебе терпение, раз ты столько времени пребываешь на Святой Горе, а тем более на страшных Кару-

лях, если не Бог? Разве смог бы ты оставаться там без явной благодати Божией? Большего, чем это чудо, не ищи и дарования более высокого не желай.

* * *

Старец Н. в течение двух лет пролежал в больнице Великой Лавры. На протяжении всего этого времени никто из отцов и братий не услышал от него ни одного «ох» или «ах». Только благодарение и славословие Всещедрому Богу исходило от уст этого всегда радостного и блаженного подвижника.

* * *

Один старый монах сказал:

— Болезнь — это Божественное посещение, это величайший дар Божий. Человек может принести Богу свою боль.

* * *

Отец И. постоянно страдает от различных болезней. Несмотря на это, он претерпевает их с радостью и говорит: «Я страдаю, но не ищу исцеления. Как-то я говорил Господу: "Я прошу не того, чтобы Ты исцелил меня, но чтобы давал мне терпение. И если когда-нибудь я попрошу у Тебя исцеления, значит, мое внутреннее состояние будет далеко от должного"». Духовный человек, даже если окажется на пороге смерти, будет говорить, что можно терпеть. У мирского совсем другая логика.

* * *

Один пустынник говорил:

— Монах — это тот, кто всегда стоит перед невидимым Богом, как если бы Он был видимым.

Еще он говорил:

— Господь придет посетить нас только тогда, когда мы не будем иметь человеческого утешения — либо добровольно, как подвиг, либо невольно, в болезнях и искушениях.

* * *

О геро-Максиме, который ранее жил на Керасье, а потом перешел в Святую Анну, некоторые отцы были не очень высокого мнения, поскольку он часто шутил и подтрунивал над ними. Когда он заболел раком, то мужественно переносил боли и наконец, сподобившись глубочайшего покаяния, почил как преподобномученик.

* * *

«Как терпел столькие годы праведный Иов, который не согрешил столько, сколько согрешил я?» — спрашивал монах Николай из Нового Скита, заболевший неизлечимой болезнью, от которой его живот и вся нижняя часть тела наполнились червями. Он не говорил об этом никому, сам переносил все мучения, желая показать стойкость ради Христа. Когда его спрашивали о здоровье, терпеливый старец отвечал:

— Слава Богу за все, я еще и не того достоин.

Только когда болезнь развилась до предела, стали менять ему одежду и увидели червей. Целых три года он, молясь, претерпевал мучения, а незадолго до окончания этой временной жизни позвал всех отцов и сказал:

— Отцы и братья, простите меня, и Бог да простит вас и да помилует весь мир!

Когда он почил, лицо его просияло…

* * *

Несгибаемый труженик терпения подвижник Артемий Григориатский никогда не садился в стасидию. Даже и в глубокой старости, когда ноги его начали раздуваться и покрылись гноящимися язвами, он не просил лечения, но терпел, поминая апостольские слова: *Терпение нужно вам...* (Евр. **10**, 36).

* * *

Достойно удивления и терпение общежительного монаха папа-Димитрия из монастыря Григориат. В течение двадцати лет он каждый день служил Литургию, перенося долгое стояние на ногах, несмотря на то что имел тяжелую форму грыжи.

* * *

Старец сказал:

— Все мы должны иметь терпение — и молодые, и старые. Будем терпеть, потому что, как я сказал, наши нервы немного натянуты. Эгоизм в большей или меньшей степени есть у каждого из нас. Когда он над нами возобладает, ничтожный повод вызывает большой скандал и производит искушение в семье. Что́ бы вы ни увидели в такую минуту, не делайте замечания, не поможет. Проявите немного терпения, немного помолитесь, и лишь потом, когда другой успокоится, появится возможность договориться. Вот рыбаки, например: если нет на море затишья, они не идут ловить рыбу. Проявляйте терпение и имейте великое доверие к Богу. Мы не осознали еще как следует, что Бог нас видит, что Он нам помогает. Если люди это поймут, они будут иметь великую уверенность и будут предавать свои души и самих себя Богу.

* * *

Великое терпение в скорбях и испытаниях показал сильный духом и твердый в добродетелях папа-Иероним Симонопетрский. Будучи несправедливо изгнан из монастыря, он сделался погонщиком мулов в монастыре Кутлумуш. Перебравшись оттуда на Кавсокаливию, он поселился в маленькой каливе, которая использовалась в качестве сарая для угля! Оттуда его выгнали, и он пришел в келлию Святого Харалампия Солунского (подворье его монастыря). Несмотря на многоразличные скорби, папа-Иероним не прекращал молиться за своих обвинителей и клеветников.

Этот столп терпения мне лично не был известен. Нам рассказывали о нем многие уважаемые отцы на Святой Горе и в Афинах, среди которых и мой приснопамятный брат по постригу архимандрит Игнатий (Пулупатис).

* * *

Один молодой человек просил старца объяснить ему, почему Бог не устраивает так, чтобы супруги идеально подходили друг другу и могли вести вместе духовную жизнь.

— Было бы лучше, чтобы диавола не было. Тогда духовная жизнь была бы легкой. Но диавол существует. Однако любовь Божия, несомненно, управляет всем. Чтобы спасти злого мужа, Бог дает ему добрую жену. И наоборот. Терпение, братья, все пройдет.

* * *

Один священник спросил больного монаха:

— Как ваше здоровье, отец?

— Да ничего, хорошо. Вот добавились теперь и новые страдания. Однако и это нужно. Как я пойду туда, к вышним, с пустыми руками?

* * *

Один монах рассказывал мне о своем старце:

— На щеке его открылась такая рана, какая была у святой Синклитикии. Она не заживала, была полна червей и источала зловоние! Но старец никогда не роптал и ни разу даже не охнул. «Слава Тебе, Боже,— говорил он,— так мне и надо, я скала неотесанная. Нужно, чтобы меня еще пообтесал Господь!».

* * *

В одном монастыре жили три подвижника: духовник папа-Матфей, папа-Леонтий и монах Даниил. Их кельи находились на северной стороне, но они не позволяли вставить в свои окна стекла и испытывали леденящий холод, с терпением пребывая в этом добровольном мученичестве. Папа-Леонтий был слепым. В сутки он делал 3000–3500 земных поклонов. Часто он бил себя рукой по лицу.

Однажды один молодой монах просил папа-Леонтия дать ему совет.

— Ах, дитя мое. Я не достиг глубины смиренномудрия Адама до грехопадения, чтобы сказать тебе слово... Но научись терпеть в своей келье голод, жажду, холод и прочее, что мир считает скорбным и что тебе приносит радость, потому что благодаря этому твой ум возносится...

Как-то тот же брат видел, как эти три подвижника ночью, в сильную непогоду, босые, при свете лампы читали

Священное Писание. «В начале сотворил Бог небо и землю...» Они созерцали тайны творения мира и плакали...

* * *

Старец Х. описывает, что сказал ему брат-привратник в монастыре его покаяния в день прибытия его на Святую Гору:

— Добро пожаловать! Ты пришел, чтобы стать монахом? Тогда слушай. Монастырь — это печь. Но не с огнем, а с людьми. Понимаешь? С людьми, которые душой крепче алмаза. Они входят сюда и очищаются. Как? Отсекая свою волю... Общежительный монастырь принимает разных людей, с разными мнениями. Мнения всех становятся одним мнением посредством отсечения воли. И ты, чадо, если хочешь остаться в монастыре, подражай змее. Как та, проходя через узкое место и испытывая боль, снимает свою шкуру, так и твое мнение должно пройти через горнило огорчений и испытаний.

* * *

— Господи, зачем мне так сильно страдать? — начал роптать однажды в болезни добродетельный старец Артемий Григориат.

Тогда он увидел Владыку Христа, Который показывал ему Свои руки и ребро и говорил:

— Посмотри, как Я терпел. А ты ради любви Моей не терпишь?

* * *

В Великой Лавре жил монах по имени Тарасий, невозмутимый, мирный и благословенный Богом. Мне говорили о нем, что, как бы с ним ни поступали, он всегда оставался мирен и спокоен (не от бесчувствия, а благодаря своему терпению).

И даже когда его «выжимали», как половую тряпку, чтобы испытать золото его терпения, он показывал полное бесстрастие!

* * *

В монастыре Святого Павла был старец Евдоким, который, как громоотвод, принимал на себя молнии гнева и колкостей одного брата. Он говорил:

— Пусть лучше брат разрядится на мне, чем на других.

Как великодушна любовь, бывающая покровом и щитом!

* * *

Один старый монах из скита Святой Анны говорил мне:

— Мы нуждаемся в великом терпении. Вижу, к примеру, что крыша моей каливы в дождь протекает, и начинаются помыслы, как я хорошо жил и сколько всего имел в миру. У меня были большие залы, прекрасные дома, теплые и просторные. Но я говорю себе: терпение, терпение ради любви ко Христу.

Приходит какой-нибудь брат и одним своим словом меня огорчает, но я веду себя так, словно язык проглотил. Вспоминаю, конечно, что в миру все меня уважали, относились ко мне с почтением... Но я говорю себе: терпение, терпение ради любви ко Христу.

У меня кончился хлеб, и нечего есть, и никто не хочет оказать мне милость, но я говорю: терпение, терпение ради любви ко Христу...

* * *

Старец З., ныне один из самых старейших монахов Великой Лавры, на всенощном бдении с самого начала и до конца (до «Молитвами святых отец наших...») стоял прямо, как несгибаемый столп, в своей стасидии и ни разу не выходил во время службы из святого храма!

СЛОВО О НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ ОТЦОВ И О СРЕБРОЛЮБИИ

Будучи свободным от уз сребролюбия и любостяжания, преподобный Акакий Кавсокаливит не мог удержать у себя и трех флориев, данных ему кем-то. Он взял их на минуту в руки, почувствовал смущение и тотчас вернул обратно, говоря:

— Возьми свои деньги, брат мой, потому что боюсь, что потеряю с ними свой рассудок.

* * *

Святой Савва с острова Калимнос был святогорцем, получившим свое духовное рождение в скиту Святой Анны.

Он был совершенно нестяжателен, не желал даже брать деньги в руки.

* * *

Один паломник встретил как-то на Святой Горе монаха Дионисия Кавсокаливита, притворявшегося юродивым. Он был чрезвычайно бедным, носил лохмотья ради Христа, не имея в себе и тени сребролюбия. Паломник посочувствовал бедному старцу и дал ему одну турецкую монету. Но эта монета так подействовала на Дионисия, что он не мог обрести в себе мира. Он нашел милосердного паломника и сказал ему:

— Для чего ты мне ее дал? Одежду я ношу, хлеб имею, что мне делать с деньгами?

Другие отцы велели ему оставить ее у себя на масло для его церкви. На какой-то момент он согласился, но потом засомневался, погрузился в размышления и, наконец, все-таки придумал, как избавиться от этого кошмара. Он бросил монету на землю и изо всех сил пустился наутек.

* * *

Старый подвижник отец А. рассказывал:

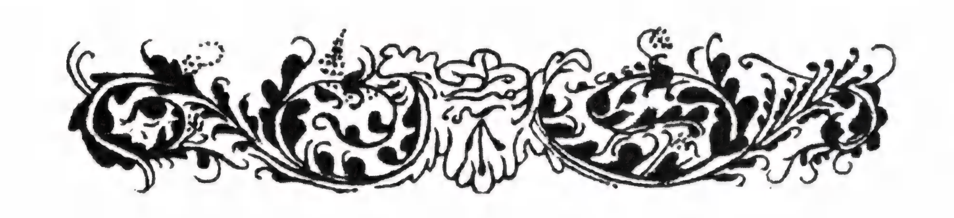
— Однажды в монастырь Дионисиат пришли некие люди, чтобы раздать деньги. Были оповещены все отцы, но денег никто не взял. «Что мы будем делать с ними?» — говорили монахи.

Таким было поведение нищих, несребролюбивых, нестяжательных отцов…

* * *

В Карее был один дедушка, мирской рабочий, ревностный певец, обладавший великим смирением, который жил в одном из конаков, расположенных ниже здания Гражданского управления Святой Горы. Дед Мина — ибо так его звали — достиг возраста ста двух лет. По роду деятельности он был плотником. Живя очень бедно, дед Мина никогда не просил денег. Своих клиентов он посещал со смущением и великой скромностью. Если они ему говорили: «Хочешь, мы дадим тебе денег?», дед Мина отвечал: «Это как вам угодно, я пришел вас повидать, вас поприветствовать».

У него был кот, который во время его работы, требующей большого терпения, часто отдыхал у него на плече!

СЛОВО О СПАСИТЕЛЬНОМ ДЛЯ ДУШИ ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Однажды вместе с иеромонахом Пантелеимоном (Карцонасом), в сообществе нескольких благочестивых паломников, мы посетили на страшных Карулях бедный аскетирий пустынника Филарета. Пустынник принял нас радостно, с исключительной приветливостью и радушием. Он угостил нас дождевой водой из своей цистерны. Было лето, и солнце испускало жар, подобно раскаленной печи.

— Почему ты, отче, не купишь себе кувшин, чтобы пить холодную водичку? — спросили мы его.

— Если бы я хотел пить холодную воду, я пошел бы жить на Святую Анну с ее изобилием воды,— ответил подвижник.

Он настаивал на том, чтобы мы остались у него и воспользовались его гостеприимством.

— Но где нам расположиться? У тебя нет келий, чтобы нам переночевать.

— Есть, есть,— ответил он серьезно.— У меня есть архондарик, пожалуйте посмотреть.

Архондарик на Карулях! Это казалось шуткой. Однако старец говорил на языке своей гостеприимной души. Он

открыл дверь второй кельи, которую называл архондариком, и мы вошли.

— Вот он,— сказал отец Филарет.

Мы бросили взгляд на кровлю: голая жесть с достаточным количеством щелей. Штукатурка на стенах готова была обвалиться. На полу в одном из углов была рассыпана картошка.

— Вы расположитесь здесь. Мы накроем и трапезу, я вас угощу…

— И что мы будем есть, старче?

— А вот, у меня есть прекрасные одуванчики!..

Наконец мы тепло его поблагодарили, испросили его молитв, удивляясь его простоте, благословенному гостеприимству, нищете, христоподражательной любви, детскости сердца — всему тому, что составляло в нем единое целое Божественной философии и блаженного жительства.

— Я не променяю ни на что своей каливы,— сказал он одному паломнику, который посоветовал ему поселиться в скиту.— Моя калива для меня — самые роскошные хоромы.

* * *

Гостеприимство и братолюбие почитаются в Саду Пресвятой Богородицы как одни из самых главных добродетелей, ибо они проистекают от любви. И святогорские монахи — примеры изобильной, евангельской, нелицемерной любви.

Таковым был и киприот Никодим из каливы Вознесения скита Святой Анны. Поистине его гостеприимство было подобно гостеприимству патриарха Авраама. В его каливе каждый путник находил себе кров, каждый алчущий — хлеб,

каждый нищий — милость и благодеяние. Раньше отец Никодим был поваром наместника Кипра. На Афоне он сподобился дара прозорливости.

Почил отец Никодим в возрасте ста лет.

* * *

Когда-то в давние времена один игумен запретил в своем монастыре гостеприимство.

Говорят, что в ту самую ночь муравьи взяли все зерно в монастырских амбарах и перетаскали его в море!

* * *

Старец С. мне рассказывал:

— Как-то я привел двух паломников из Германии в пустынные места скита Святого Василия. Мы пришли к одной бедной каливе. Ее старец поприветствовал нас. Вскоре он принес на деревянном блюде угощение — дождевую воду в консервных банках и три смоквы. После он оставил нас пообедать вместе с ним. Влекомый своим гостеприимным сердцем, старец принес нам все, что у него было, — несколько обычных аскетических сухарей и оливки.

Немцы, приняв пищу пустыни, были поражены этими скалами, этим безлюднейшим местом, находящимся между небом и землей, этой крайней нищетой и нестяжательностью. С немым удивлением они взирали на радостную фигуру старца и слышали от него обнадеживающие слова: «Все устраивает наша Богородица, благословенные...».

* * *

Благостный и наделенный духовными дарованиями старец Аввакум Босой всегда встречал странников с улыбкой. В их лице он принимал Самого Владыку Христа, по еван-

гельскому слову: *был странником, и вы приняли Меня* (Мф. **25**, 35).

За несколько недель до своей смерти он принял в своей каливе двух паломников-мирян.

— Я вас ждал,— сказал он им.— Бог известил меня: завтра, Аввакум, к тебе придут люди, приготовься (то есть чтобы я не говорил необдуманно, но хорошо и свято). Я рад вас видеть. Когда я ожидаю людей Божиих, то всегда радуюсь.

* * *

«Старые монахи были иными людьми,— говорил мне один мирянин, в течение тридцати лет трудившийся на Святой Горе.— Открывая перед тобой дверь, они тепло и всей душой принимали тебя и беседовали с тобой». Он хотел сказать, что у них была простота, гостеприимство, они были открыты, доступны для всех, принимали каждого человека как неповторимую личность, с честью и уважением, лишая себя отдыха и даже молитвы, чтобы услужить ближнему.

СЛОВО О ДАРОВАНИЯХ СВЯТАГО ДУХА

Незадолго до своей смерти палестинский подвижник Савва Освященный[1] сказал своим ученикам:

— Через много лет сюда придет поклониться царский сын из Сербии, который будет носить мое имя — Савва. Ему вы отдадите икону Пресвятой Богородицы «Млекопитательница». Когда он поклонится моему гробу, на него упадет мой жезл, который вы дадите ему как благословение, чтобы он правил народом Божиим.

Когда об этом услышал преподобный Иоанн Дамаскин[2], который подвизался в Лавре Саввы Освященного, то просил, чтобы тому же человеку, святому Савве Сербскому, была передана и икона «Троеручица», исцелившая его усеченную руку.

И действительно, случилось так, как предсказал преподобный. Когда примерно через шесть веков в Святые Места пришел поклониться святой Савва Сербский, он получил две иконы и жезл, которые и перенес в келлию Преображения в Карее, где тогда подвизался. Эта келлия с того времени называется «Патерица»[3] или, по-другому, «Типикарница», по-

---

[1] Савва Освященный (†532) — преподобный, основатель монастыря в Палестине, близ Иордана. Память 5/18 декабря.

[2] Иоанн Дамаскин (†ок. 780) — преподобный, выдающийся гимнограф и христианский богослов, ревностный борец с иконоборческой ересью. Память 4/17 декабря.

[3] Греч. «посох, жезл».— *Пер.*

тому что вместо обычных богослужений в ней ежедневно прочитывается вся Псалтирь и совершается литургия[1].

* * *

Икона Пресвятой Богородицы «Троеручица», монастырь Хиландар

Святой Павел Ксиропотамский, основатель двух монастырей — Ксиропотама[2] и Святого Павла, был, как его называли, «величайшим из философов»[3] в Византии. Достойно восхищения его Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы, а также каноны по гласам на память сорока мучеников и ямбический канон Честному Кресту.

* * *

Преподобный и богоносный отец наш Максим Кавсокаливит буквально утопал в море дарований, которые подает неисчерпаемый Источник благодати и которыми были украшены все святые.

Однако преподобный Максим имел и одно особое дарование, подаваемое лишь немногим. Он перемещался по воздуху! Летал, переносился по воздуху из одного места в другое. Это была птица небесная и в прямом, и в переносном

[1] От греч. слова «типикон», то есть «устав». В этой келлии святой Савва установил особый устав непрестанного богослужения в подражание константинопольской Евергетидской обители, с монахами которой он был лично знаком.— *Пер.*

[2] Точнее, Ксиропотам был восстановлен святым Павлом из развалин. См. сноску на с. 318.

[3] Так назвал его император Роман в царской грамоте, выданной преподобному Павлу на построение монастыря.

Источник Господина Исаии

смысле. Очевидцем и свидетелем такого удивительного полета был сам составитель жития святого, митрополит Феофан Перифеорийский. Вот как он сам описывает этот факт:

«Я не желаю утаивать виденного мною из жизни святого, поскольку мы были знакомы и имели общение друг с другом. Однажды, выйдя из Ватопеда с одним братом, мы отправились в Кавсокаливию. К сожалению, в каливе мы святого не нашли. Я огорчился и в поисках моего возлюбленного друга начал осматривать окрестности. Поднявшись немного выше его каливы, я посмотрел в сторону дороги Господина Исаии[1] и вдруг увидел старца в ложбине Агелария[2], достаточно далеко от меня, на расстоянии до двух миль. В этой местности тропа

[1] Старец Исаия (кир-Исаия) был духовным наставником преподобного Афанасия Афонского.

[2] Древнее, не дошедшее до нас название в районе скита Кавсокаливия.— *Пер.*

весьма труднопроходима, да и кругом одни голые скалы, ровных участков нет нигде. Но вот — о чудо! — вижу, что святой приподнялся над землей и полетел, как легкокрылый орел, над лесом, над скалами, приближаясь ко мне…

В этот момент я испугался и закричал: "Велий еси Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!". От страха я отпрянул назад, и он во мгновение ока оказался передо мной, поющий…

Я упал ему в ноги, положил поклон. Он же все спрашивал меня: "Сколько времени ты уже стоишь на этом месте?". Затем он взял меня по-отечески за руку и проводил в свою каливу. В течение долгого времени преподобный наставлял меня и затем сказал: "Смотри, не говори никому, что ты видел, пока я еще нахожусь в этой жизни. И знай, что однажды ты станешь игуменом, а затем митрополитом Охридским. Тебя ждут многие испытания, но ты пребывай в терпении и будь подражателем Христа, повешенного на древе крестном. Он будет тебе Помощником в искушениях, скорбях и в твоих мученических подвигах".

И действительно, все, что он предсказал, исполнилось в моей жизни в точности, как предначертало его пророческое слово».

* * *

В окрестностях монастыря Есфигмен подвизался преподобный Феолипт[1], который стал впоследствии митрополитом Филадельфийским и вместе с преподобным Никифором[2] был наставником святителя Григория Паламы в умном делании.

---

[1] Память преподобного Феолипта Филадельфийского празднуется 25 июня/8 июля. Его назидательные беседы входят в 5-й том Добротолюбия.

[2] О преподобном Никифоре Афонском см. сноску на с. 55.

* * *

Преподобные Митрофан и Дионисий (XVI век) подвизались в Малой Анне, где есть пещера, превращенная в небольшой храм трудами братства монаха Герасима Гимнографа и иеромонаха Дионисия. Святые не позволили обрести свои честные мощи, но многие ощущали благоухание, источающееся из места их блаженных подвигов.

Божественный Дионисий предавался изучению священной письменности и внешней премудрости, так что приобрел даже прозвище «Ритор». Он переложил на более понятный язык многие слова из святых отцов, сохранившиеся в библиотеках афонских монастырей, составил и собственную книгу под названием «Куварас».

* * *

Преподобный Акакий Кавсокаливит обладал даром рассудительности и прозорливости. Благодаря Божественному просвещению он мог видеть внутреннее состояние каждого человека. И если кто скрывал от него даже помысл, он мягко указывал на это в виде совета.

* * *

Святой Савва Ватопедский, юродивый Христа ради, как-то долгое время подвизался в Иорданской пустыне в пещере, подчиняясь монастырю Святого Иоанна Предтечи. По благодати Божией этот святой приобрел дар общения с дикими зверями, которым был наделен человек до грехопадения. Вот как он сам рассказывал об этом своему ученику:

— Друг мой, часто я, благодатью Божией, получал для себя величайшую пользу от общения с дикими зверями. Нередко случалось, что я встречал в пустыне львов и шел с ними,

как будто они были моими друзьями. Часто я нарочно находился посреди них, когда они ходили по двое или по трое. Я внимательно наблюдал за ними. Я видел расположение их глаз, величину тела, природное высокомерие, величественные повороты головы, их царственный и мужественный прыжок,— ты, наверное, слышал об этом,— их острые когти — словом, все им присущее... И львы беспрепятственно давали мне возможность удобно их рассматривать. Они очень хотели общения со мной и стояли рядом с предельной доступностью и кротостью, как если бы мы были старыми друзьями.

Размышляя об этом, я приобрел некое удивительное видение творения Божия, которого раньше не имел. Слава и любовь Бога, как некое жало, с силой пронзали мое сердце. Потому всякий раз я вспоминал великого Давида, созывавшего зверей и все творение прославлять Бога. Тогда и я воспевал вместе с ним в неизреченной радости и восхищении: *Яко возвеличишася дела Твоя, Господи: вся премудростию сотворил еси*[1].

* * *

Пребывающий умом вне этого мира и непрестанно молящийся исихаст Иларион Иверский обладал даром прозорливости.

Три дня ожидал русский корабль, посланный царем в монастырь Святого Дионисия, чтобы получить ответ от этого раба Божия об исходе Крымской войны (1854 год). Наконец ответ был получен, и позднее пророчество преподобного старца оправдалось. Он сказал: Россия пройдет через испытания, в конце потерпит поражение, но не понесет территориальных потерь, как впоследствии и случилось.

---

[1] Пс. **103**, 24.

Очевидцем и непосредственным свидетелем дара прозорливости духовника Илариона стал и добродетельный дионисиатский монах Иаков. Будучи еще послушником, он посетил старца в его келье, и тот, видя его впервые, еще издалека назвал его по имени:

— Милости просим, чадо мое, Иоанн.

Старец наставил его и между прочим велел ему терпеть и не печалиться, что его брат Георгий ушел из Дионисиата (ибо в тот самый день он перешел в монастырь Ксенофонт). Затем он привел послушника в маленький храм Святого Иакова, положил свою руку на его голову и сказал:

— Люби и почитай сего соименного тебе апостола. Он будет лучшим твоим покровителем.

— Но меня зовут не Иаков, а Иоанн, отче,— сказал послушник.

— Я это знаю, чадо. Будешь и Иаковом,— ответил старец.— Но пока не станешь монахом, кроме тебя никто не должен знать о том, что ты слышал сегодня от неразумного старца.

Предузнав о своей смерти, святой подвижник отдал по этому поводу свои последние распоряжения и пожелания.

* * *

В 1880 году из монастыря на острове Наксос на Святую Гору пришел старец Аверкий, имевший великую любовь к аскетической жизни. Для обитания он выбрал себе пещеру, расположенную в Новом Скиту. Неумолимо сражаясь со своими душевными и телесными страстями и врагом рода человеческого диаволом, подвизаясь в посте, бдениях и многочасовых молениях, он достиг высоких степеней добродетели и приобрел дар проницательности и прозорливости.

Как-то, во время одного из бдений, старец без приглашения вошел в святой алтарь и приблизился к святому престолу, где созерцал Самого Господа, Который призвал его, чтобы показать ему его имя в книге жизни и сказать, что ему следует усугубить свои аскетические труды.

Отец Аверкий предвидел пожар в монастыре Святого Павла за двадцать дней до этого, а также воцарение нового императора Александра в эпоху Елевферия Венизелоса.

Часто старец прозревал и сердечные глубины приступающих к таинству Божественной Евхаристии и, в зависимости от духовного состояния каждого человека, радовался или огорчался.

* * *

Пустынник Дамаскин из скита Святого Василия рассказывал нам:

«Однажды я так тяжело заболел, что был почти при смерти. Через какое-то время, когда болезнь миновала, я встретил добродетельного монаха Софрония из братства "Яннакопула" недалеко от Великой Лавры, который некоторое время был виноградарем Лавры.

— Что с тобой случилось в такой-то вечер,— спросил он меня,— что ты просил меня о помощи, и мне пришлось встать на молитву о тебе? Я тогда подумал: что-то с ним случилось.

Я пришел в изумление, поскольку совершенно не ожидал от бывшего рабочего проявления такой добродетели и таких дарований».

Это говорил нам старец Дамаскин, чтобы показать, что есть еще отцы, обладающие духовным трезвением и имеющие различные дарования, но их не так легко бывает

увидеть. Часто они сами не знают, что обладают каким-то даром, и такое смирение предохраняет их от падения и гибели.

* * *

— Когда я ночью выхожу из кельи, чтобы исполнить свое монашеское правило, я вижу и слышу небесные вещи...— говорил старец-подвижник Петр Симонопетрский.

* * *

— Не думай, что я здесь один, нет. У меня есть вот эта животинка,— говорил одному паломнику отец П. и показывал ему лягушонка.— Я выливаю под корень помидорного куста, посаженного вот под этим деревом, достаточное количество воды, и лягушонок живет здесь в полном довольстве. Он тоже будет монахом!.. Видишь, брат, в пустыне все умиротворяется. Даже дикие животные подчиняются человеку Божию. Когда-то у меня в этой каливе было много мышей. Как только я брал в руки пилу, чтобы спилить какое-нибудь дерево, вокруг меня собиралось полтора десятка мышей, чтобы играть со щепками. Так было в течение долгого времени. Они, бедные, хотели есть, но у меня не было ничего, что бы им дать. Потому однажды они ушли и больше не появлялись...

* * *

В скиту Иверского монастыря жил блаженный монах Христофор, родом из Арты. Родился он в 1730 году и был учеником Евгения Булгариса. Отец Христофор известен как один из самых выдающихся ученых монахов Святой Горы XVIII века, написавший несколько заметных трудов и богослужебных последований. Он отличался не только мудростью, но и многими добродетелями и любовью к очищающему душу безмолвию, так что причисляется к лику преподобных отцов-колливадов.

* * *

Приснопамятный старец дедушка Гавриил рассказывал нам, что лет примерно сто назад в монастыре Святого Дионисия жил архимандрит Хризостом Хаджиданиил, выпускник Халкинской академии[1] и Гейдельбергского университета, профессор, награжденный французским правительством. Несмотря на свою высокую образованность, он был такой смиренный и простой, что спрашивал обо всем, даже о самых пустяковых вещах, ни от кого не требуя к себе уважения.

В конце своей жизни, когда отец Хризостом исполнял послушание монастырского привратника, дикие голуби с удивительной доверчивостью садились ему на руки и клевали предлагаемые им хлебные крошки. Настолько спокойно они себя чувствовали с ним, что даже когда он шлепал кого-то из них и прогонял, чтобы в свою очередь насытился другой, первый не унимался и забирался ему на плечо. А к другим отцам птицы даже не приближались.

* * *

В районе монастыря Ставроникита жил один русский подвижник, который привечал птичек и кормил их со своей ладони.

Также я видел другого аскета, окруженного самыми разными птичками, которые сидели у него на голове, на руках, на плечах и радостно щебетали.

* * *

О даре учительства, слова и мудрости в Духе Святом новоявленного святого Никодима Святогорца, «убогом враче» наших душ, пишет его современник и биограф иеромонах Евфимий:

[1] Известная богословская школа на о. Халки, ныне не действует.— *Пер.*

«Ах, и как написать мне, отцы мои, без слез эту печальную весть[1]! Как начал радоваться бедный народ наш и славить Бога, Который в злополучное время сие, когда распространилось нечестие и безбожие почти во всех концах земли, даровал ему такое неблуждающее светило и такого вождя заблудших и утешителя скорбящих! Да, я утверждаю, что он таков, и не только по его книгам, которые просветили и впредь будут просвещать Церковь Христову, но говорю это, судя по тому, что я видел каждый день. А именно: как почти все, уязвленные грехами своими, оставляли архиереев и духовников и все шли к убогому Никодиму, чтобы обрести исцеление и утешение в своих скорбях. Не только из монастырей, и скитов, и келлий, но многие христиане приходили издалека, чтобы увидеть его и чтобы он утешил их в их несчастьях. Так что много раз он даже как бы сетовал на это, но не потому, что тяготился братиями. Да и как это могло быть, если он все время своей жизни употребил на сочинение и изъяснение того, что было бы полезно его братьям-христианам! Не поэтому, говорю, он сетовал, а потому, что это мешало его священному занятию, а также по причине сильного желания день и ночь пребывать в Божественной умной молитве. Ибо и в ней он упражнялся всегда, посвящая все дневные и ночные часы этим двум занятиям — или изъяснять какую-либо мысль Священного Писания, или склонять голову на левую сторону груди и опускать ум свой в сердце и взывать умом: "Господи Иисусе, помилуй мя". И потому много раз говорил он нам: "Давайте уйдем, отцы мои, на какой-нибудь пустынный остров, чтобы спастись нам от мира"».

[1] Весть о том, что состояние здоровья преподобного Никодима резко ухудшилось.

* * *

Был один милосердный и добросердечный русский монах по имени Августин, который во дворе своей келлии собрал больных мулов со всей округи и ухаживал за ними подобно больничному брату. Такая вот пламенная забота милостивого сердца о всей твари, о всех Божиих созданиях!

Его келлия принадлежала монастырю Филофей.

Когда Августин был еще послушником в своем отечестве, монастырь послал его на одно подворье, где он подвергся великому плотскому искушению со стороны дочери работника этого подворья. Чтобы победить искушение, он бросился в реку. После этого Августин испросил у игумена благословение отправиться на Святую Гору, не открывая об ошибке этой девушки.

* * *

Жил один аскет по имени Пахомий, неграмотный, знавший только «Христос воскресе из мертвых...». Он занимался рукоделием в своей келье, и время от времени ему приносили туда еду. В келье его часто окружали змеи, мешая ему работать, и потому он был вынужден брать их и выпроваживать за дверь. Однажды, когда одна большая змея была уж очень назойлива, Пахомий обернул ее вокруг поясницы, как пояс, завязал узлом и продолжил свою работу. В этот момент в келью вошел монах, приносивший ему еду. Увидев на нем змею, он очень испугался и стал требовать, чтобы старец выбросил ее, иначе она причинит ему зло. Подвижник ответил ему словами Христа: *Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам* (Лк. **10**, 19), а также: *именем Моим... будут брать змей* (Мк. **16**, 17–18).

* * *

Румын отец Иринарх из скита Святого Предтечи родился в селении Милест в окрестностях румынского города Долж. Это был многоученый муж, знающий несколько языков, молчаливый, смиренный и терпеливый. Делом его жизни, вдохновенным и исключительным в своем роде творением стал его труд, состоящий из двадцати томов и десяти тысяч страниц, под названием «История Святой Горы».

* * *

Румынский монах Исаия из скита Святого Предтечи родился в селении Аниноаса в Румынии.

Несмотря на свою малограмотность, он стал мудрым учителем и духовным наставником в практических добродетелях. Души многих людей, монахов и мирян, обрели рядом с ним покаяние и внутреннее перерождение. Он проводил подвижническую жизнь и обладал даром слова, что позволяло ему приводить ко Христу Его заблудшие создания.

* * *

Подвижник Хаджи-Георгий обнаруживал различные дарования в раннем возрасте, еще будучи послушником.

Однажды, когда все в каливе молились, исполняя свое монашеское правило (а дело было на рассвете во время зимы), он вдруг услышал голос их старца: «Монахи мои, спасите меня!». Он побежал и сообщил об этом старшему из братьев по постригу, но тот начал ругать его:

— Ну-ка иди, прельщенный, твори свое правило и не придавай этому значения...

Тогдашний послушник Гавриил (а позже Хаджи-Георгий) сотворил послушание. Но вот он во второй раз слышит

душераздирающий крик старца: «Монахи мои, спасите меня! Я нахожусь у Креста, что в Зигосе[1], не доходя до Керасьи, и подвергаюсь опасности, помогите мне!».

Послушник снова пошел к брату и сказал:

— Наш старец в опасности и находится высоко, у Креста.

Но тот опять, еще сильнее, начал бранить его:

— Каков прельщенный! Он слышит голос старца от Креста, до которого два часа ходу!

Тогда Гавриил стал умолять его:

— Сотвори, отец мой, малые четки со вниманием и поклонами и увидишь.

И действительно, как только брат начал творить Иисусову молитву и совершил два-три поклона с крестным знамением, он сразу услышал полный отчаяния голос их старца.

Тотчас они прикрепили веревками к ногам ветви, чтобы не проваливаться в снег, и отправились. Чтобы добраться из Кавсокаливии до Креста, им понадобилось примерно полчаса. Глубина снега во многих местах превышала метр.

Их старец папа-Неофит, шедший из Святой Анны в Керасью, был изможден усталостью, провалился в снег и не мог даже пошевельнуться. Когда подоспели его монахи, он был уже почти полностью засыпан снегом и дышал с трудом. Старца перенесли сначала в Керасью, где ему была оказана первая помощь, а потом в Кавсокаливию. Совершенно очевидно, что папа-Неофита спасла молитва послушника Гавриила.

Великий в подвиге и добродетели Хаджи-Георгий обладал также и даром общения со зверями.

---

[1] Место в южной оконечности Афона.— *Пер.*

Как-то, когда он был еще послушником Гавриилом в каливе Святого Георгия в Кавсокаливии, один дикий кабан начал часто наведываться к ним в сад и наносил большой ущерб. Тогда папа-Неофит повелел Гавриилу связать его своим поясом и привести к нему, что и было исполнено. Затем старец велел запереть его в стойле и сделать для него кормушку и наконец сказал вепрю:

— Когда захочешь есть, приходи сюда, и тебя покормят монахи, а сады отцов не порть.

Так дикий кабан стал ручным. Когда ему было голодно, он приходил к кормушке и ел.

* * *

Но расскажем и еще подобный случай.

Как-то один кабан стал приходить в сад Хаджи-Георгия в Керасье и поедать овощи. Хаджи-Георгий сказал послушникам, чтобы они, как только увидят кабана, сразу же его известили. Однажды ночью зверь, сломав ограду, вошел в сад. Увидев его, старец перекрестил его и велел оставаться без движения. Затем взял кабана за ухо, как ягненка, и привел в стойло. Продержав зверя там в качестве епитимьи голодным три часа, старец освободил его и сказал:

— Благословенное животное, неужели тебе не хватает целого Афона, что приходишь сюда и губишь те немногие овощи, которыми питается столько душ? Теперь иди с Богом и в другой раз не приходи, а иначе я дам тебе двойную епитимью.

И действительно, после этого разговора кабан больше не появлялся.

* * *

Многие греки и русские ходили советоваться с этим просвещенным от Бога человеком, Хаджи-Георгием. Однажды

он написал письмо самому царю, чтобы тот не проезжал в своем экипаже по такому-то мосту в такой-то день. Царь не придал этому значения. Но когда с ним произошел несчастный случай, в точности через шесть месяцев, как предсказывал об этом Хаджи-Георгий, тогда царь вспомнил его и стал относиться к нему с великим благоговением.

* * *

Когда Хаджи-Георгий был сослан в Константинополь, его благодатное присутствие доставило великое утешение тамошним христианам и даже туркам. Благодать Божия, действующая в этом очищенном подвижничеством сосуде, совершала многие чудеса. Даже его пояс творил чудеса. Больные надевали его на себя и исцелялись. Женщины, подвергавшиеся во время родов опасности, обретали уверенность и благополучный исход, бесноватые освобождались от лукавых духов.

Множество турок было облагодетельствовано этим общим заступником и врачом. Многие из них исцелились от различных недугов. Все они чтили Хаджи-Георгия и даже называли его «бизим баба», что означает «отец наш».

* * *

Старец Феофилакт был поистине святой личностью в лике небожителей скита Святого Василия. О нем рассказывают, что однажды к его каливе пришла раненая косуля со сломанной ногой и легла у входа. Старец вышел и с великим состраданием обратился к ней, как к человеку:

— Подожди, я перевяжу твою сломанную ножку, чтобы ты стала здоровой.

Косуля проявила послушание и сидела тихо. Старец, имевший в своем милостивом сердце любовь ко всему творению,

взял две палочки и бинт и, как хороший ортопед, перевязал этому несчастному созданию ногу. После этого он с состраданием приласкал косулю и сказал ей:

— Сейчас, родная, иди с Пресвятой Богородицей, а через 30—40 дней придешь, я тебе ее развяжу.

Действительно, по истечении назначенного срока косуля пришла к его каливе! Старец развязал ортопедическую повязку: рана совершенно зажила.

Кончина этого святого человека была преподобнической. Лицо его в последние минуты жизни сияло, как ангельское, подобно светлой луне.

* * *

Однажды знаменитого, наделенного многими дарованиями духовника папа-Игнатия Катунакского посетил монах Хрисанф, смущенный сильнейшей бранью со стороны демонов. Шел тогда 1922 год.

— Благословите, отче, помолитесь обо мне.

И духовник, как если бы кто рассказал ему все подробности этой борьбы, говорит ему сразу с отеческой нежностью:

— Хрисанфушка мой — так по своей великой любви он имел обыкновение того называть,— не страшись, не убойся *убивающих тело, души же не могущих убить*[1].

Слепой духовник — он еще задолго до этого потерял зрение — ясно видел своими духовными очами! Антенны его души воспринимали многое. Дух Святый извещал его обо всем.

* * *

Старец Аввакум Босой имел феноменальную память и при этом был живым вместилищем даров Святаго Духа.

---

[1] Мф. **10**, 28.

Будучи неграмотным, а под конец жизни и слепым, он прекрасно знал Ветхий и Новый Завет, воспроизводил по памяти целые главы Священного Писания и истолковывал их. Глаза радовались, глядя на этого старца, который стоял с четками или со своим маленьким светильником в руке и возвещал Слово Божие, исполняясь при этом благодати и радости от действия в нем Святаго Духа.

* * *

Старец Геронтий, которого за послушание послали на подворье в Каламиционе, был истинным стражем и заступником животных. Каждый вечер он отводил их утолить жажду в Каламицион, где был источник питьевой воды. Едва услышав голос отца Геронтия: «Эла, эла»[1], животные подходили к нему, терлись мордами о его грудь и отходили.

Когда терялось какое-нибудь животное, отец Геронтий молился святому Модесту, а потом шел и находил его. Также, когда животное заболевало, он молился тому же святому, и оно тотчас исцелялось.

Отец Геронтий был очень кротким и боялся как-нибудь нарушить послушание своему старцу, за что им восхищалась вся монастырская братия. Однажды братия спросили его, как он приобрел такую кротость, и он ответил им так:

— Когда я был в миру, виноватыми у меня были все — козы, овцы, волы. Я нервничал, кричал и несправедливо бил их. Однако, когда я пришел сюда, я услышал рассказ о Варламе, который бил свое животное, но Бог отверз уста ослицы, и она сказала: «Что я тебе сделала, что ты бьешь меня?». Тогда во мне произошла серьезная перемена, и с того времени

[1] Греч. «сюда, сюда».— *Пер.*

я стал с радостью ухаживать за животными, и теперь они с готовностью меня слушаются и подходят ко мне по первому зову. От этого внутреннего изменения в мою душу пришли мир и веселье.

* * *

Отцы монастыря Святого Дионисия рассказывали о старце Исааке: его смирению и простоте покорялись даже звери. В монастыре он был пекарем, и в пекарне у него жила змея длиной в полтора метра, так называемая элафиатис[1]. Он готовил ей кашицу из муки, она ела и спала на ложе старца, но и сама несла свою службу — нещадно гоняла мышей. Пока старец Исаак подвизался в пекарне, жила там и змея, но как только это послушание передали другому брату, она исчезла.

* * *

Однажды старец Феофилакт из Нового Скита видел, как лукавые духи натирают обувь одного монаха. Вскоре этот монах отрекся монашеского образа и возвратился в мир.

В другой раз тот же старец говорил, что видел, как демоны насмехаются над монахами, потому что те оставили свои духовные обязанности и устремили свое внимание на материальные блага.

* * *

Старица Тимофея, игуменья монастыря Макрималли на острове Евбея, рассказывала нам о старце-подвижнике Авимелехе:

---

[1] Это название можно примерно перевести как «пугающая змея». Это неядовитая змея крупных размеров, передвигающаяся быстро и очень резкими движениями, к тому же плохо видящая, и ее внезапное появление вызывает у людей испуг и отвращение.— *Пер.*

— Мне он сказал: «Имей в виду, что в будущем один священник предложит тебе стать игуменьей в монастыре. Не соглашайся, это неполезно». И действительно, его предсказание сбылось. В другой раз он меня предупредил: «Такая-то монахиня имеет помыслы уйти из монастыря. Будь к ней внимательна, чтобы она не ушла и не погибла». И впоследствии эта сестра сама открыла мне о своих помыслах покинуть монастырь.

* * *

Особножительный преподобнейший иеромонах Афанасий Иверский жил в монастыре своего покаяния как простой аскет, всегда бедно одетый, скромный и воздержный в еде (он питался простой пищей, предлагаемой в архондарике). Две его комнаты изобиловали пауками, а закопченные стены были исписаны разными цитатами из Священного Писания и изречениями греческих философов. Он обладал поистине философским и возвышенным умом, имел светское образование и знал разные языки. Это был не только мудрый муж, имеющий дар устного и письменного слова, но прежде всего глубокий человек, опытный подвижник, содержащий правую веру и имеющий духовный опыт умиления и таинственной жизни во Христе. Став монахом в шестнадцать лет, он служил Церкви в России, Константинополе (там он был священником и учителем), Фессалониках. Какое-то время служил приходским священником в итальянском городе Неаполе и в Триполи[1] от Александрийского Патриархата, где его даже прочили в епископы. В 1938 году отец Афанасий отправился на поклонение святым местам,

[1] Город на Пелопоннесе.

а в следующем году он прибыл на Афон, в Иверский монастырь. Там он отказался от исполнения священнических обязанностей и жил простым монахом, как в прошлом поступали многие, кто приходил подвизаться на Святую Гору. Он имел глубокое смирение и постоянное, непрекращающееся покаяние. Себе он говорил: «Никто другой, никто, как ты (так не нагрешил), и нет для тебя никакой надежды, кроме пронзенного Ребра...».

Тысячи душ обретали рядом с ним разрешение недоумений, получали совет, утешение и помощь посредством его благодатного, живого, умилительного слова, которое, помню, изливалось из него, как из неиссякаемого источника, в архондарике Иверского монастыря.

Приснопамятный старец особо настаивал на том, что только аскетическая жизнь, деятельный подвиг делает христиан настоящими, зрелыми духовными личностями. Всегда он указывал и на опасности, подстерегающие иеромонахов, живущих и трудящихся в миру.

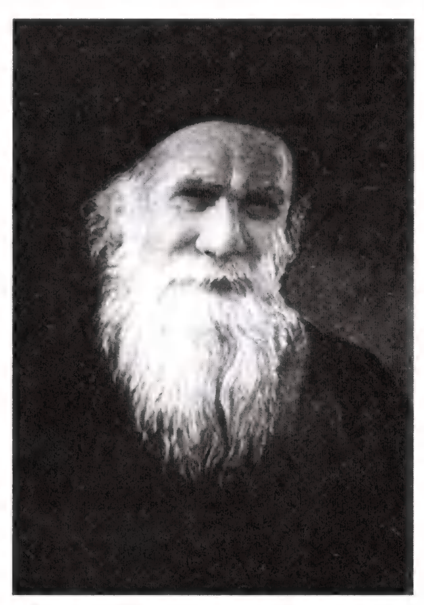
* * *

Отец П. часто повторял: «Слава Тебе, Боже». С болью в голосе, с чувством, часто с радостью, потому что Бог давал ему еще и еще раз возможность помочь какому-нибудь брату...

Отец П. имел дар утешения. Всякий страдающий, огорченный, отчаявшийся, обуреваемый помыслами посетитель, монах или мирянин, поговорив с ним, уходил укрепленным, утешенным, окрыленным надеждой и с легкостью на душе. Поистине велико это дарование утешения, способное отогнать дух смятения и малодушия.

* * *

Другим таким утешителем страждущих, который получал силу свыше, от Всеблагаго и Всесвятаго Утешителя, Духа Истины, был всем известный приснопамятный иеромонах Порфирий Кавсокаливит. Бесчисленные души обрели рядом с ним духовное вразумление, свет, терпение, исцеление. Некоторое время он подвизался в Кавсокаливии в непрестанной молитве и в строгом послушании старцам келлии Святого Георгия, но потом заболел и жил в миру как настоящий «старец»[1] нашего святого Православия. «Я не думаю, что говорю что-то особенное,— объяснял он мне,— просто то, что мне внушает Бог». Однако он имел и дары мудрости, знания, проницательности, прозорливости, о чем свидетельствуют многие наши современники, монахи и миряне.

Старец Порфирий Кавсокаливит, имевший величайшие духовные дарования

* * *

Мы знали и сербского исихаста отца Георгия — сначала как библиотекаря монастыря Святого Пантелеимона, а затем как отшельника в Старом Руссике. Он имел образование и

[1] Здесь автор употребляет не обычное греческое слово «γέροντας», имеющее разные значения, а заимствованное русское слово «στάρετς», чтобы подчеркнуть, что отец Порфирий был истинным духовным светильником, прозорливцем, принимающим народ.— *Пер.*

знал несколько языков. Мой старец уважал его чрезвычайно. Это был человек книжный, делатель умной молитвы и трезвения. Вспоминается, как он ходил со своим посохом аскета и четками, со взором, устремленным вниз, молчаливо творя молитву. Как он сам нам со старцем рассказывал, наша встреча с ним состоялась вследствие Божественного извещения, так как он не знал о ней заранее. Но Бог, зная наше пламенное желание видеть его, известил его о нашем посещении.

Кроме прочих добродетелей, отец Георгий имел дар словесной премудрости. Он говорил нам:

«Духовная жизнь — это непрерывное пребывание в Боге: *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин. **15**, 4). Никто не может считаться богословом, если он не знаком с апофатическим богословием[1]. Догматы нашей Церкви и догматические истины должны быть пережиты на опыте, стать нашим достоянием. Чтобы достичь этого, мы должны совершить свою собственную пасху — свой "переход"[2]. Nulla cupido ignoti — чего не знаем, того и не можем желать. Если мы не познаем Бога, то мы Его и не обретем. Видение Бога и есть Его познание. Предстоящий перед Богом видит и Его Божественные свойства...

[1] Предметом апофатического богословия являются апофатические (онтологические) свойства Божественной природы, получаемые путем отрицания за Божественным существом ограничений и недостатков, свойственных конечному, тварному бытию (такие, как вечность, вездесущие, неизменяемость) (см.: *Давыденков О.* Догматическое богословие).

[2] Имеется в виду ветхозаветное значение слова «пасха», которое в переводе с древнееврейского означает «переход». Этот праздник был установлен в память чудесного избавления евреев от египетского рабства и в таинственном смысле прообразует освобождение от плена греха и страстей и обретение свободы во Христе.

Мы не можем быть причастны существу Божию, но можем приобщаться Его энергиям. Нам доступна слава — излучение, исходящее от сущности Бога. Просвещаемые отражением этой славы, мы видим людей, понимаем трудные места Священного Писания, получаем извещения, знаем все...

Мирские идеи, вообще все, связанное с миром, рассеивает внутреннюю сосредоточенность, делает нас внешними, ветхими людьми...

Кто может описать радость от Божественного Причастия? Неизреченное веселие, "Христос Воскресе" для всего нашего существа...

Лучшая молитва — это "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя"».

* * *

Часто святогорцы, желая указать на успешность и быстрое продвижение монаха на пути ко спасению и совершенству, говорят:

— Этот человек «увидел зайца»[1]...

* * *

Память благого и достойного мужа и благодатной личности оставил по себе у всех старец Гавриил, игумен монастыря Дионисиат. Это был человек, сочетавший в себе духовные и административные таланты. Мы часто имели возможность убедиться в рассудительности и отеческой любви этого духовника. В общественных отношениях с внешним

[1] Вероятно, это надо понимать так: преуспевающий монах подобен гончей собаке, напавшей на след зайца: как она мчится по следу, не отрываясь от него и не отвлекаясь ни на что постороннее, и все ее существо подчинено одной лишь охотничьей цели, так и подвижник, горящий любовью к Богу, весь увлечен стремлением к Божественному, используя все богоугодные средства, чтобы достичь своей спасительной цели.

миром он был безупречен, превыше всего ставя святогорские традиции. На службах и бдениях это был несгибаемый столп. В стасидии он всегда стоял. Первым входил и последним выходил из церкви. Кто может описать его умиленный, радостно-печальный, неподражаемый вид, с которым он читал Шестопсалмие и Предначинательный псалом? Это чтение было самым живым выражением радостотворного плача нашей Православной Церкви, до мозга костей слившегося с нашим богопочитанием. Я чувствую, как его голос и сейчас звучит во мне, потрясая мое существо до самых оснований.

Как-то он взял меня за руку и показал мне в трапезной монастыря, где были удивительные фрески, изображение преподобного Иоанна Лествичника. И сказал:

— Подражай ему, чадо, и следуй его святому примеру!

* * *

Упомянем и о знаменитом учителе византийского пения, новом Кукузеле, соловье Святой Горы — румынском монахе Нектарии, который пел, как Ангел во плоти.

Его ученики говорили о его преподобнической жизни:

— Мы никогда не видели, чтобы он смеялся или шутил. Взгляд его всегда был устремлен долу. Много раз за день он плакал и глубоко вздыхал. Он творил непрестанную умную молитву.

Это был человек не только с ангельским голосом, но и с ангельскими добродетелями. Все греческие церковные мелодии он переложил на румынский язык.

* * *

Один мой знакомый спросил как-то русского подвижника Тихона:

— Почему, отче, хотя Святый Дух один и тот же, христиане получают не одну и ту же Его благодать?

— Чадо мое, в церкви, куда ты идешь, чтобы поставить свечку, если дашь десять драхм, возьмешь маленькую свечку, если двадцать — то побольше. Если дашь сто, то возьмешь толстую свечу. Так бывает и с благодатью Святаго Духа. Чем больше даешь, тем больше получаешь.

* * *

Я был знаком с кротчайшим и незлобивым, благословенным духовником иеромонахом Никодимом, милостивым и потому получившим богатую милость от Источника Божественной милости, Всемилостивого Господа.

Отец Никодим никогда не оставлял своего правила. Часто он молился всю ночь под открытым небом, рядом со своей бедной каливой. Однажды один посетитель видел, как отец Никодим молился под оливковым деревом с воздетыми к небу руками, сияя от Божественной благодати.

Это был чрезвычайно смиренный человек. Он ушел из скита монастыря Кутлумуш, чтобы успокоился его сосед, искушаемый духом любопрения. Его взор и весь облик излучали мир и благодать. Очень многие монахи, клирики и миряне приходили исповедать свои грехи под его епитрахилью.

Он любил животных. У него было два кота. Однажды отец Никодим сказал одному из них: «Рыбы у меня для тебя нет, иди поймай себе какую-нибудь птичку». Тот, послушавшись, ушел и действительно через какое-то время возвратился, держа в когтях жертву своего послушания...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Предисловие автора к русскому изданию 5
Введение 7
Слово о христоподражательной любви 14
Слово о целомудрии и чистоте помышлений и сердца 32
О неизвестных святых и пустынниках 38
О бдении 47
О сохранивших чистоту веры 53
Слово о нестяжании и добровольной нищете 62
Слово о воспитании детей 77
Слово об отчаянии 80
Слово о простоте 82
Слово об отречении от мира и странничестве 90
Слово о подвижничестве 100
Слово о свойстве женской души 138
Слово о добродетели различения помыслов и духовных состояний 140
Слово о преклоняющем Бога на милость и христоподражательном милосердии 175
Слово о разных добродетельных монахах 181
Слово о действии Божественной благодати 187
Слово о действии лукавых духов 192
Слово о благоговении, порядке и точности соблюдения устава, а также о почтении к старшим 210
Слово о евхаристической жизни и участии в Таинствах 217
Слово о благоухании мощей и мироточении 225
Слово о священном безмолвии, очищающем ум и сердце 236

Слово о дивных вмешательствах Промысла Божия и всесильной Десницы Вышняго ... 244
Слово о неосуждении и о проклятом осуждении ... 273
Слово о слезах и умилении ... 278
Слово об изучении Божественных словес ... 289
Слово о спасительном покаянии ... 291
Слово о памяти смертной ... 299
Слово об уме и помыслах ... 302
Слово о Божественных видениях ... 308
Слово о преподобнической кончине ... 318
Слово о преслушании и горьких его плодах ... 331
О духовном наставничестве и о том, что истинный послушник находится в великой безопасности ... 334
Слово о вере ... 345
Слово о прелести и неразумной ревности ... 350
Слово о христоподражательных кротости и незлобии ... 362
Слово об обоживающей молитве, заключающей в себе все остальные добродетели ... 373
Слово о блаженном Христа ради юродстве, рождающем крайнее смирение и привлекающем небесную благодать Святаго Духа ... 395
Слово о возвышающем смирении ... 403
Слово о мытарствах и посмертном суде ... 429
Слово о послушании ... 431
Слово о гордости и тщеславии ... 462
Слово о терпении в испытаниях и подвижничестве ... 466
Слово о нестяжательности отцов и о сребролюбии ... 478
Слово о спасительном для души гостеприимстве ... 480
Слово о дарованиях Святаго Духа ... 484

Архимандрит
Иоанникий (Коцонис)

АФОНСКИЙ ОТЕЧНИК

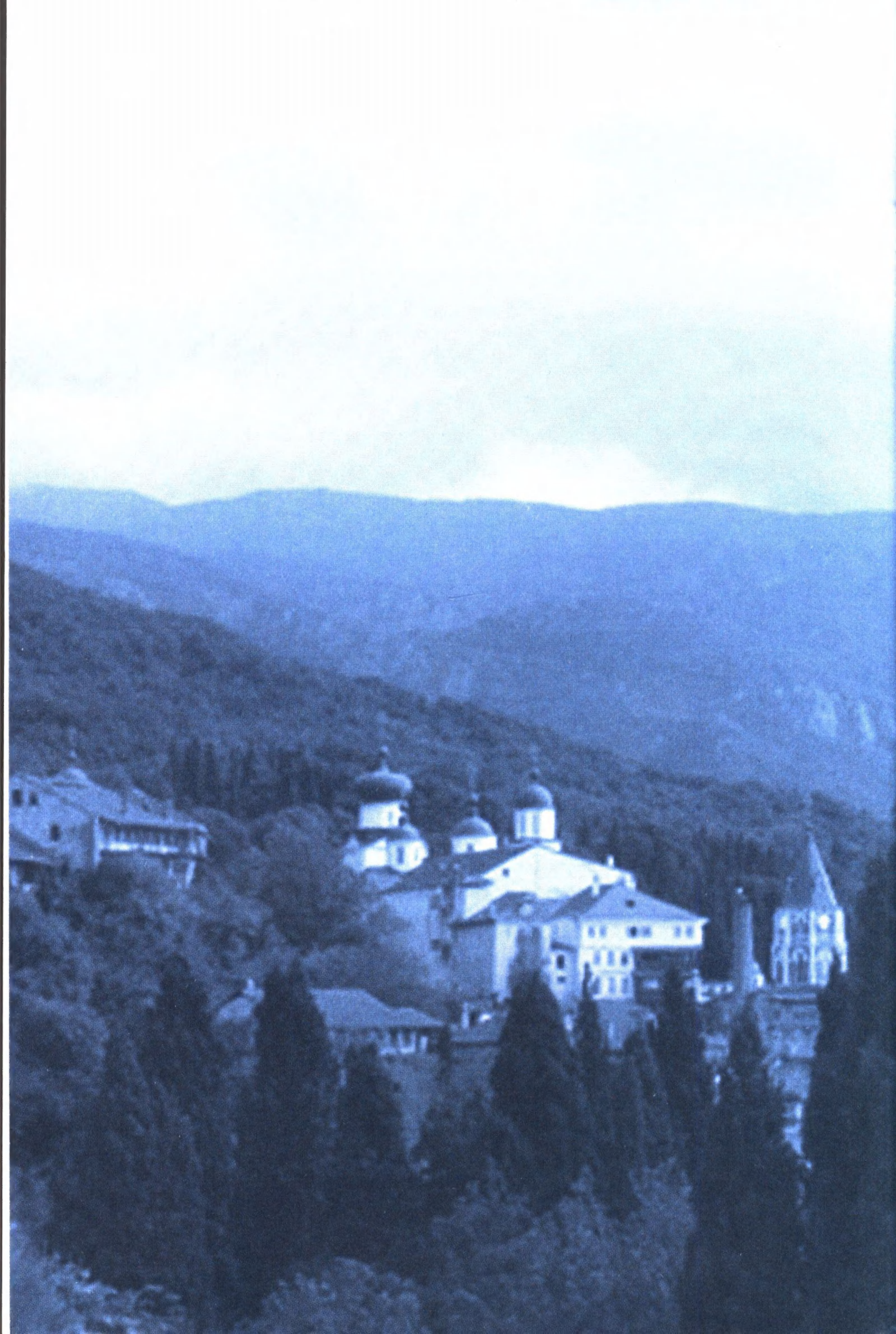
Перевод с греческого
игумена Леонтия (Козлова)

Редактор *Надежда Порхун*
Оформление обложки *Таисии Абуелоакер*
Корректор *Марина Новакова*
Компьютерная верстка *Михаила Ежова*

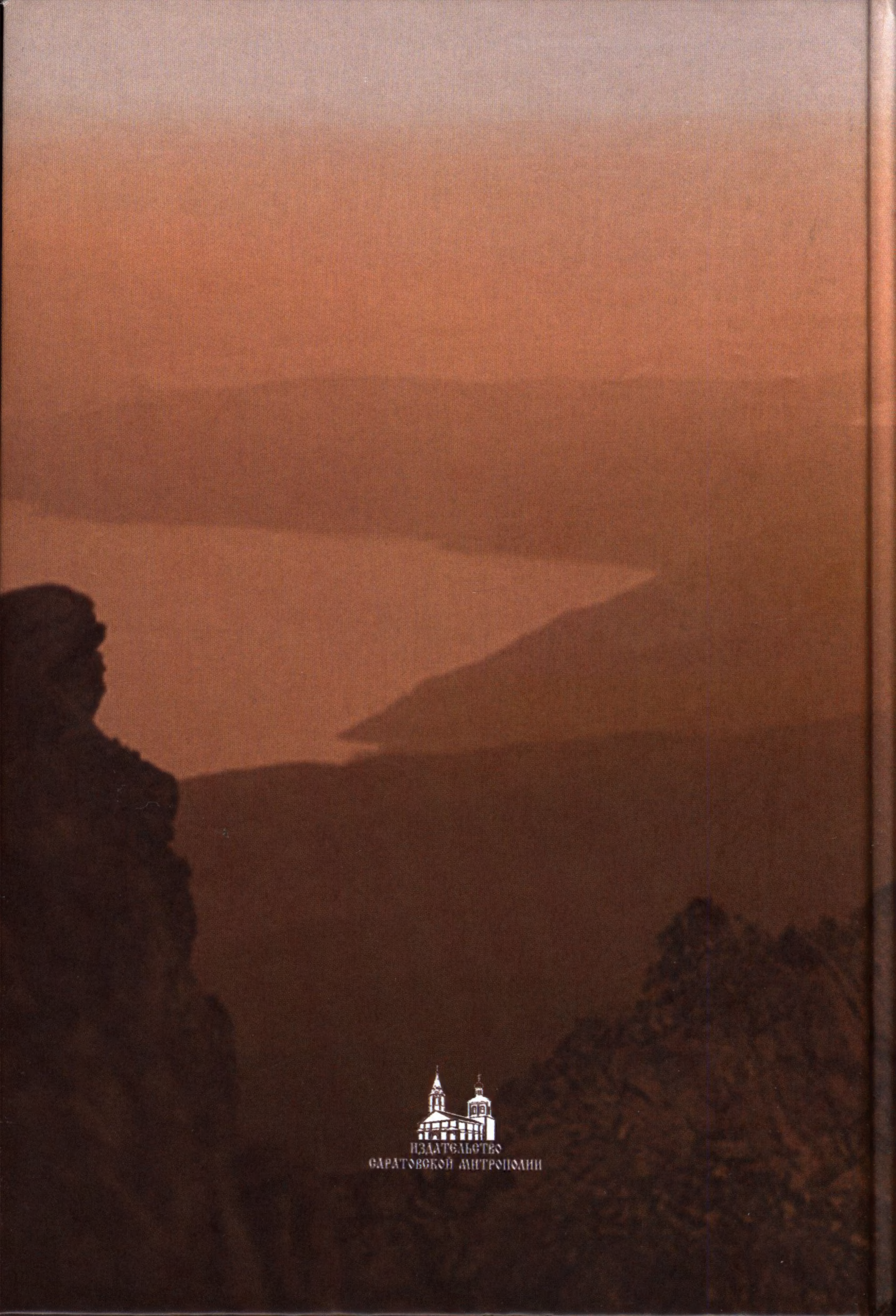
Подписано в печать 17.12.14. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «AcademyC». Печать офсетная.
Объем 32 печ. л. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 36534.

Издательство Саратовской митрополии
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 55

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

2000

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Архимандрит Иоанникий (Коцонис)

Афонский отечник